

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра конституционного права

Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях
цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь

Материалы Республиканской научно-практической конференции
Минск, 18–19 ноября 2022 г.

Минск
2022

УДК 342(476)(06)
А 437

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
19 декабря 2022 г., протокол № 4

Редакционная коллегия:

Г. А. Василевич (отв. ред.), Т. М. Киселёва,
В. Е. Петухова, А. М. Сеницына, В. А. Шаршун

Рецензенты:

Чудаков М.Ф., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета;

Шалаева Т.З., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы Республиканской науч.-практ. конференции, Минск, 18–19 ноября 2022 г. / БГУ, Юридический фак. Каф. конституционного права ; [редкол. Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – 431 с. – Библиогр. в тексте.

В данное издание вошли материалы Республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь», организованной Белорусским государственным университетом. Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических учреждений высшего образования.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Авдеев Вадим Авдеевич, Авдеева Ольга Анатольевна

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса, Юридический институт, Югорский государственный университет, доктор юридических наук, профессор, vadim.avdeevich@mail.ru

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, доктор юридических наук, доцент, Avdeeva_O_A@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена раскрытию стратегических приоритетов современной уголовно-правовой политики с учетом появления в условиях глобализации новых угроз и вызовов для обеспечения прогрессивного устойчивого развития общества. Особая роль в современной уголовно-правовой политике отводится предупреждению преступности. Совершенствование форм и средств уголовно-правового воздействия основывается на Концепции устойчивого развития общества на период до 2030 г. и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 г. В процессе совершенствования особого внимания заслуживают достижения юридической доктрины и материалов официальной статистики, базирующихся на использовании совокупности общенаучных, частно-научных и специальных методов, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, кибернетический и иные методы юридического познания.

Ключевые слова: национальная безопасность, уголовно-правовая политика, правовое воздействие, предупреждение преступности.

Стратегические приоритеты современной уголовно-правовой политики строятся с учетом меняющихся вызовов и угроз, препятствующих обеспечению прогрессивного устойчивого развития общества. В современный период развития Российской Федерации и оптимизации уголовно-правовой политики наметились новые подходы к оценке содержания предупредительного воздействия права в контексте предупреждения преступности [1]. Образованные в условиях глобализации качественно новые угрозы и риски, препятствующие устойчивому развитию современного общества и правовой государственности, предопределили поиск учеными и практическими работниками обновленных методов и средств противодействия

правонарушающему поведению, детерминирующему развитие преступности [2].

Состояние преступности в Российской Федерации диктует необходимость совершенствования реализуемых мер профилактики, предупреждения и противодействия данному социально-правовому явлению. Намеченный в России в 2019-2020 гг. незначительный рост абсолютных показателей преступности соответственно на 1,6% и 1,0% сменился в 2021-январе-сентябре 2022 гг. минимальным их снижением на 1,9% и 1,5% соответственно. Несмотря на это, одновременно наметилось повышение абсолютных показателей отдельных видов преступлений, посягающих на социально значимые объекты уголовно-правовой охраны. Так, в течение девяти месяцев 2022 года на 31,7% увеличилось число преступлений: экстремистской направленности, 723,8% - связанных с заведомо ложным сообщением об акте терроризма, 2,4% - террористического характера, 0,6% - коррупционной направленности, 0,2% - убийств и покушений на их совершение, 1,3% - неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, 5,2% - кражи грузов на железнодорожном, воздушном, водном транспорте, 0,3% - мошенничества, на 24,0% - вымогательства, 12,1% - организации незаконной миграции, 10,8% - фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в РФ, на 9,0% - преступлений, связанных со взяточничеством, 3,6% - сопряженных с коммерческим подкупом и т.д.

Отмечается рост на 8,9% и 0,6% соответственно выявленных субъектами учета особо тяжких и преступлений средней тяжести. Тенденцией увеличения соответственно на 0,6%, 2,4% и 31,7% характеризуются выявленные субъектами учета преступления коррупционной направленности, террористического характера и экстремистской направленности. Имеет место рост на 0,4% расследованных субъектами учета преступлений. Увеличению на 7,1% подлежат расследованные субъектами учета тяжкие и особо тяжкие преступления. Одновременно отмечается рост на 17,1% - расследованных преступлений экономической направленности. Из них на 15,2% - налоговых преступлений, 14,6% - коррупционной направленности, 3,3% - преступлений террористического характера, 30,2% - деяний экстремистской направленности, 2,1% - экологических преступлений.

Заслуживает внимания увеличение абсолютных показателей ряда преступлений, предварительное следствие по которым является обязательным. Так, на 25,0% возросло число случаев совершения убийства по найму, 5,6% - кражи, сопряженной с причинением значительного ущерба гражданину, на 1,3% - деяний, связанных с мошенничеством, предусмотренном ч. 2-7 ст. 159 УК РФ. Вызывает озабоченность увеличение на 144,8% показателей зарегистрированных террористических актов, 125,0% - случаев захвата заложника, 5,4% - хулиганства, 40,8% - преступлений в сфере компьютерной информации, 24,5% - подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков.

Имеет место возрастание абсолютных показателей отдельных преступлений, предварительное следствие по которым является необязательным. Увеличением на 13,8% отличаются преступления коррупционной направленности, 20,2% - нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию, 8,1% - против собственности, 34,0% - незаконное предпринимательство, 31,6% - экономической направленности.

В течение девяти месяцев 2022 года наметился рост на 1,6% тяжких и особо тяжких преступлений данного вида, в том числе на 5,6% - деяний, совершенных в особо крупном размере. Заслуживает пристального внимания увеличение показателей сбыта, производства, пересылки наркотических средств или психотропных веществ соответственно на 5,7%, 38,9%, 30,5%. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ возросло на 12,8%.

В январе-сентябре 2022 г. в общественных местах регистрации подлежало на 2,2% больше преступлений, нежели за указанный период предыдущего года. В скверах, парках, на улицах и площадях было совершено на 3,0% больше тяжких и особо тяжких преступлений. Особо стоит отметить рост в общественных местах на 3,3% случаев убийства и покушения на его совершение и на 1,7% - умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Отмечено увеличение на 180,0% преступлений, совершенных на транспорте с использованием огнестрельного, газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [4].

Сложная криминогенная обстановка, связанная с ростом отдельных видов преступлений, диктует необходимость установления причин и условий преступного поведения. Реализуемые социологические исследования преимущественно направлены на повышение эффективности правоохранительной деятельности, что заслуживает пристального внимания на законодательном и правоприменительном уровнях [3].

Стоит заметить, что данная тенденция роста характерна для показателей международной преступности. Проблема противодействия правонарушающему поведению стала предметом обсуждения в сентябре 2015 года на состоявшейся в Нью-Йорке 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, результатом которой стало принятие Концепции устойчивого развития общества на период до 2030 г., обозначившей 17 целей и 169 задач.

По Концепции устойчивого развития общества принципиальное значение имеет повышение эффективности на внутригосударственном уровне правового воздействия на все сферы общественных отношений. Приоритетное значение отводится действию на основе принципов и норм международного права национальных правовых систем. Создание «общества знаний» положено в основу обеспечения прогрессивного развития и благополучия общества. Решению подлежат задачи, направленные на повышение качества жизни населения и сокращение уровня бедности, оптимизации правового воздействия в области социальной защиты и здравоохранения. Практическое значение имеет

повышении роли социальных ценностей и социальной ответственности в механизме правового воздействия.

Для решения поставленных задач и достижения обозначенных целей необходимо расширение взаимосвязи и взаимодействия между субъектами реализации общесоциальных и юридических функций права. Такой подход, содействуя объединению административных, юридических и иных ресурсов обеспечит проведение целенаправленных, системных, согласованных организационно-практических мер по повышению уровня правовой культуры, развитию правового просвещения, преодолению правового нигилизма.

Учитывая динамику развития социально-экономических и политических процессов, на уровне национальных государственно-правовых систем в целях опережающего правового регулирования требуется активизация проведения исследований, позволяющих своевременно: определять препятствующие устойчивому развитию общества детерминирующие факторы выявляемых негативных тенденций; устанавливать условия формирования указанных негативных явлений в обществе; применять подлежащие законодательной регламентации на уровне международных, межгосударственных и внутригосударственных отношений меры правового воздействия; обозначать перспективы реализации правовых мер противодействия негативным социальным явлениям; устанавливать роль государства по обеспечению безопасности человека, общества и государства, мира и человечества; раскрывать роль призванных содействовать прогрессивному поступательному развитию личности и институтов гражданского общества.

Обозначенные проблемы реализации правоохранительной деятельности в РФ нашли отражение в Стратегии национальной безопасности 2021 г., ориентирующей ученых и практиков на консолидацию ресурсов по разработке эффективных мер, направленных на обеспечение личной, общественной и государственной безопасности, на охрану незыблемых правовых ценностей, в том числе права на жизнь, личную свободу и личную неприкосновенность [5].

Резюмируя вышеизложенное, стоит заключить, что стратегические приоритеты современной уголовно-правовой политики выстроены с учетом норм международного права на основе Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Для достижения на национальном уровне целей и задач, обозначенных мировым сообществом в Концепции устойчивого развития общества в контексте совершенствования мер правового воздействия, требуется консолидация административных и иных ресурсов субъектов реализации как юридических, так и общесоциальных функций права, способствующая проведению системных, последовательных и согласованных законотворческих и организационно-практических мер, направленных на повышение эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности путем внедрения «опережающего метода» в механизм правового регулирования в сфере экономического, социального и политико-правового развития человека, общества и государства.

Список использованных источников

1. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Аксиоматические принципы правового регулирования делинквентности // Юридический мир. - 2018. - № 3. - С. 47-51.
2. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации Концепции устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. - 2022. - № 1 (100). - С. 9-19.
3. Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов // Law Enforcement Review. - 2020. - Vol. 4. - Pp. 124–140.
4. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2022 года. М., 2022. - 67 с.
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 02.07.2021 г. № 400-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (Ч. II). Ст. 5351.

Бекета Вячеслав Мечиславович

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

заместитель директора Национального центра правовой информации
Республики Беларусь

Аннотация. В статье отражена значимость вопросов по формированию цифровой среды взаимодействия нормотворческих органов, интеграции национальной правовой системы в глобальное информационное пространство, правового просвещения граждан, повышения юридической грамотности и культуры населения. Обоснован вывод о перспективах развития государственной системы правовой информации Республики Беларусь на основе цифровых технологий, включая искусственный интеллект, применение интеллектуальной алгоритмизации и машиночитаемого права.

Ключевые слова: цифровизация, государственная система правовой информации, Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, искусственный интеллект, государственные информационно-правовые ресурсы

Феномен цифровизации является одним из самых значительных факторов, которые стали определять основные черты развития многих стран мира. Цифровизация наложила отпечаток на систему государственно-правовых отношений [1, с. 8]. Стремительное развитие ИТ-сектора привело к новому технологическому укладу на основе цифровых технологий, последовательно формирующих новую социальную, экономическую и правовую реальность [2, с. 37].

В Республике Беларусь проводится масштабная работа по внедрению информационно-коммуникационных технологий в различные области права, уделяется большое внимание информатизации нормотворческой деятельности, правосудия и исполнения судебных решений, адвокатской и нотариальной деятельности. Информационно-коммуникационные технологии применяются в юридическом образовании. Благодаря поддержке Главы государства активно совершенствуется информационное законодательство, в том числе реализуются проекты в сфере электронного правительства. Информационные технологии способствуют высокой глубине проработки управленческих процессов [3, с. 5]. Республика Беларусь становится страной развитого информационного общества, основанного на инновациях и знаниях, эффективном и прозрачном государственном управлении.

Большую роль в процессы внедрения технологий в право оказали основные тенденции информатизации последних лет, среди которых:

активное формирование в государстве цифровой экономики и развитие соответствующего законодательства, тон которому был задан положениями Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики»;

выстраивание системы защиты информации, включая персональные данные, в соответствии с положениями Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» и иными принятыми актами законодательства в этой сфере;

переход к приоритетному формированию цифровых платформ, в рамках которых государственные органы и организации в пределах компетенции участвуют в решении конкретных государственных задач;

значительное расширение и активное внедрение цифровых инструментов в правоприменительную и нормотворческую деятельности.

Важной составляющей государственной системы правовой информации (далее – ГСПИ) является Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь как **единая универсальная система учета, регистрации, обработки и официального опубликования правовых актов**. Сквозная технология формирования Национального реестра и последующего электронного официального опубликования правовых актов предоставляет гражданам возможность ознакомиться со всеми актами в одном месте – на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь (далее – Портал).

Еще один элемент ГСПИ – эталонный банк данных правовой информации, содержащий весь массив правовых актов в контрольном состоянии и насчитывающий сегодня более 260 000 документов. Для удовлетворения информационных потребностей граждан и организаций с учетом специфики их деятельности и интересов сформированы 20 тематических банков данных правовой информации, среди которых «Административные процедуры», «Закупки», «Образование», «Труд и профсоюзное движение», «Здравоохранение», «Нормотворчество», «Электронная библиотека научных работ в области права» и другие.

Современные технологии ведения Национального реестра правовых актов и обработки актов законодательства сегодня используются Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) при формировании банков данных локальных правовых актов государственных органов и организаций. Единые принципы и стандарты технологической обработки законодательства и локальных документов обеспечивают весь контур правотворчества: от законов до корпоративных правил организаций.

Дальнейшее развитие правовой информатизации в данном сегменте будет направлено на создание единой цифровой системы – цифровой среды работы с правовой информацией, которая охватит цикл жизни каждого акта законодательства: от процесса его написания конкретным специалистом государственного органа до признания утратившим силу. И в этом жизненном цикле акта будет учтена вся документация, связанная с его принятием и применением: результаты согласований и публичных обсуждений, мониторингов практики его применения, вносимых изменений и дополнений и т.п.

Значительные усилия направлены сегодня на автоматизацию процессов взаимодействия между субъектами в рамках нормотворческой и иных видов юридической деятельности, апробацию самых передовых технологических, программных и организационных решений [4, с. 7].

С 1 января 2016 г. внедрена в промышленную эксплуатацию автоматизированная информационная система, обеспечивающая формирование Национального реестра правовых актов (далее – АИС НРПА). Благодаря данной системе НЦПИ выстроен цифровой маршрут от проведения обязательной юридической экспертизы проектов правовых актов до их официального опубликования. Тем самым обеспечено оперативное взаимодействие участников нормотворческого процесса, а также строгое соблюдение установленных законодательством сроков прохождения документов.

АИС НРПА является основным и единственным средством для работы с нормативными правовыми актами республиканских и местных органов, техническими нормативными правовыми актами, а также проектами актов Главы государства, законов, постановлений Правительства. Сегодня посредством АИС НРПА обрабатывается более 80 % от общего количества всех правовых актов, принятых в стране.

Данная система находится в постоянном развитии. В рамках полномочий по координации вопросов цифровизации нормотворческой деятельности, возложенных на НЦПИ Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности», осуществляется дальнейшая автоматизация подготовки и принятия правовых актов, а именно трансформация системы, обеспечивающей ведение Национального реестра, в общегосударственную систему подготовки и принятия нормативных правовых актов –

АИС «Нормотворчество» для комплексного охвата нормотворческой деятельности на всех ее стадиях (планирование, подготовка проектов, согласование, проведение экспертиз и т.д.) в отношении всех видов нормативных правовых актов.

Использование указанной системы даст возможность обеспечить полный цикл подготовки акта законодательства, позволит кардинально сократить переписку между государственными органами, упростить, цифровизировать и, как следствие, ускорить нормотворческий процесс.

Доступность правовой информации обеспечивается НЦПИ преимущественно с использованием информационно-поисковых систем «ЭТАЛОН» и «ЭТАЛОН-ONLINE». Последняя, «ЭТАЛОН-ONLINE», обеспечивает работу как в сети Интернет, так и посредством облачных сервисов на основе единой республиканской сети передачи данных. В составе данной системы сформированы и развиваются комплексы тематических и иных банков данных правовой информации. Для удобства работы с ИПС используются мобильные приложения для операционных систем iOS и Android, что значительно упрощает доступ и повышает комфортность работы с правовой информацией.

Важный элемент ГСПИ – это комплексная система ее распространения.

НЦПИ осуществляет ведение и продвижение ряда государственных информационно-правовых ресурсов в сети Интернет, на которых осуществляется официальное опубликование правовых актов, сбор предложений по совершенствованию национального законодательства, общественное обсуждение проектов правовых актов, проведение правового мониторинга, а также правовое информирование и просвещение граждан.

Позитивные результаты для государственного сектора, бизнеса и населения достигаются за счет функционирования Портала. Помимо онлайн-публикации Национального реестра правовых актов, официального опубликования нормативных правовых актов, размещения проектов законов и судебных решений, на Портале представлены материалы о событиях в общественно-политической и правовой сферах страны, разъяснения о принятых правовых актах, аналитическая и иная правовая информация в аутентичной и адаптированной для восприятия формах. Высокий авторитет Портала подтверждается количеством просмотров его страниц, которое составляет более 20 миллионов в год.

Реализация в нашей стране государственной политики по формированию компактного и стабильного законодательства с каждым годом повышает роль и значение судебной практики. По поручению Главы государства НЦПИ во взаимодействии с Верховным Судом Республики Беларусь разработан и с 2021 года введен в эксплуатацию общедоступный электронный банк данных судебных решений, доступ к которому обеспечен на Портале. Банк данных наполняется актами национальной судебной системы, решениями суда Евразийского экономического союза, третейских судов, действующих в

Республике Беларусь, и других инстанций, уполномоченных рассматривать споры.

Для определенных категорий населения созданы и развиваются специализированные ресурсы правовой информации. Ярким примером является Детский правовой сайт – ресурс по правовому просвещению детей и подростков, родителей и педагогов. Правовая информация, в том числе информация о личной безопасности и безопасности в Интернете, рекомендации по оказанию первой медицинской помощи, советы психологов, рекомендации сотрудников правоохранительных органов и другая информация, подается в увлекательной и адаптированной понятной для восприятия детей и подростков форме.

Сегодня цифровые технологии применяются также для вовлечения широких слоев граждан и общественных организаций в процессы совершенствования законодательства. Интернет-сервисы стали базовыми технологиями, обеспечивающими эффективный диалог общества и государства в лице профессиональных разработчиков законодательства.

В 2013 году в качестве интерактивной площадки создан сайт «Правовой форум Беларуси», который с принятием Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» стал основной платформой в сети Интернет для реализации электронной коммуникации между обществом и государством при общественном и профессиональном обсуждении проектов нормативных правовых актов. Это позволило перенести процедуру консультаций с общественностью по вопросам разработки правовых норм с многочисленных интернет-сайтов министерств и ведомств на единую площадку, сделав удобными для граждан поиск, доступ и работу с проектами законов и иных нормативных правовых актов.

Развивая это направление, НЦПИ с 2020 года стал использовать данную интернет-площадку и для целей правового мониторинга. Проводится постоянная работа по сбору и обобщению предложений граждан по вопросам совершенствования законодательства, устранения коллизий и правовой неопределенности. Поступившие предложения анализируются и направляются для непосредственного рассмотрения в государственные органы (организации) в соответствии с их компетенцией. По результатам рассмотрения на форуме размещаются соответствующие ответы пользователям.

Прогрессивный опыт организации публичных обсуждений послужил решающим фактором для того, чтобы НЦПИ была доверена работа по сбору предложений граждан в рамках всенародного обсуждения проекта изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь [5, с. 28]. Центр собрал и обработал более 8900 мнений и предложений по содержанию проекта, которые стали ценным материалом для модернизации Основного Закона нашего государства.

Как известно, нормы права являются важнейшим и универсальным регулятором поведения человека в бытовой, профессиональной и иных сферах жизни. Знание, понимание и следование правовым предписаниям способствуют

повышению эффективности профессиональной деятельности, выступают залогом формирования высокой правовой культуры человека. В этой связи важно формировать всесторонние навыки эффективного использования специалистами в своей профессиональной деятельности государственных информационно-правовых ресурсов, информационных технологий и систем.

Активную работу в данном направлении с 2019 года проводит НЦПИ во взаимодействии с Министерством образования Республики Беларусь, учреждениями высшего образования, организациями, реализующими программы переподготовки и повышения квалификации. Осуществляется планомерная корректировка учебных программ, проводятся научно-методические и учебные мероприятия с обучающимися и профессорско-преподавательским составом. В помощь учреждениям образования НЦПИ разработаны учебные и методические материалы по вопросам организации и проведения занятий по формированию навыков использования государственных информационно-правовых ресурсов в профессиональной деятельности [6].

Получила дальнейшее развитие деятельность по созданию центров доступа к правовой информации, реализующая в том числе функцию повышения правовой культуры граждан. Сегодня функционирует более 750 центров, из которых 714 – в Республике Беларусь, 38 – в 17 зарубежных странах. Внутри страны центры доступа созданы на базе публичных библиотек, учреждений образования, культуры, учреждений уголовно-исполнительной системы и др. В обозримой перспективе такие центры станут еще более активно вовлекаться в реализацию проектов информационной политики государства, а именно из точек доступа к законодательству они станут офлайн-площадками для коммуникации между обществом и государством при реализации общественно значимых задач как на местном уровне, так и в масштабах республики.

За прошедшие пять лет НЦПИ усилил свои позиции как субъект, обеспечивающий нормотворческую деятельность и активно участвующий в ее осуществлении.

В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» на НЦПИ возложено проведение обязательной юридической экспертизы технических нормативных правовых актов, являющихся обязательными для соблюдения субъектами хозяйствования. Внедрение этой инновации сделало Республику Беларусь первым государством на постсоветском пространстве, урегулировавшим на законодательном уровне вопросы, связанные с определением технических нормативных правовых актов, а также проведением их экспертизы.

Еще одно достижение цифровизации в развитии ГСПИ республики – формирование информационно-аналитического ресурса «Юридический словарь». Словарь содержит более 37 000 юридических терминов на белорусском, русском и английском языках, соединенных тематическими

(ассоциативными) связями, и нормативные определения терминов из актов законодательства. Ресурс обеспечивает комплексное представление терминологии белорусского законодательства, является основой для обеспечения единообразия терминологии и последующего внедрения элементов искусственного интеллекта в деятельность по подготовке правовых актов.

В современных условиях особую важность приобретает вопрос внедрения в нормотворческий процесс искусственного интеллекта, поддержки принятия решений, робототехники. Уже сегодня искусственному интеллекту по силам выявлять определенные дефекты нормативных предписаний, а также обеспечивать унификацию легальной юридической терминологии.

Безусловно, переход к высокоавтоматизированным системам, расширению масштабов их применения связан с большими рисками. Предстоит определить допустимые основания использования искусственного интеллекта в контексте адаптации нормотворческого процесса к цифровым реалиям, необходимое для этой технологии программное и аппаратное обеспечение [7, с. 48]. Использование искусственного интеллекта не должно негативно влиять на устойчивость государственной системы правовой информации. Необходим взвешенный подход к использованию прорывных технологий в нормотворческом процессе, которые могут привести к изменению его основных элементов, стадий, субъектного состава [8, с. 445].

Таким образом, ресурсы ГСПИ ориентированы на разные целевые и возрастные группы. Сама система постоянно совершенствуется, что происходит как с учетом использования внутренних резервов, так и под влиянием внешних факторов. Созданные Центром ресурсы используются для вовлечения в процессы совершенствования законодательства широких слоев граждан. Как показал опыт, система доступа к эталонной правовой информации является неотъемлемой составляющей национальной правовой системы государства.

Все выше сказанное свидетельствует о необходимости продолжения работы по внедрению цифровых технологий в обеспечение ГСПИ, расширению государственных информационно-правовых ресурсов, совершенствованию электронных сервисов, поисковых средств и систем, повышению тем самым эффективности, результативности и качества профессиональной юридической деятельности.

Список использованных источников

1. Ягофарова, И. Д. Цифровые технологии правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект / И. Д. Ягофарова // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 2. – С. 4–13.
2. Карцхия, А. А. Цифровизация в праве и правоприменении / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 1. – С. 36–40.
3. Чуприс, О. И. Приветственное слово / О. И. Чуприс // Информационные технологии и право: правовая информация – 2021 : сб. материалов VII Междунар. науч.-

практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.) / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. – Минск : НЦПИ, 2021. – С. 3–6.

4. Коваленко, Е. И. Планово, оперативно, качественно – новое в законодательстве о нормотворческой деятельности / Е. И. Коваленко // Право.by. – 2021. – № 1. – С. 5–8.

5. Мательский, А. Ф. Всенародное обсуждение как эффективный инструмент народовластия: исторический опыт и современность / А. Ф. Мательский // Право.by. – 2022. – № 2. – С. 24–32.

6. Подготовка специалистов в области правовой информатизации [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/podgotovka-spetsialistov-v-oblasti-pravovoy-informatizatsii/>. – Дата доступа: 30.09.2022.

7. Камышанский, В. П. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта / В. П. Камышанский, А. В. Корецкий // Власть закона. – 2019. – № 1. – С. 42–50.

8. Малышкин, А. В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы / А. В. Малышкин // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Право. – 2019. – № 3. – С. 444–460.

Василевич Григорий Алексеевич

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета
Белорусского государственного университета, доктор юридических наук,
профессор, член-корреспондент НАН Беларуси, г. Минск,
gregory_111@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена углублению основ демократического развития Республики Беларусь благодаря внесенным изменениям и дополнениям Конституции в результате республиканского референдума от 27 февраля 2022 года. Обосновывается идея признания существования представительной власти, которая органично аккумулирует деятельность избираемых народом органов – Президента, Всебелорусского народного собрания, Парламента, местных Советов депутатов. Вносятся предложения по совершенствованию белорусского законодательства и практики.

Ключевые слова: представительная ветвь власти; представительные органы; представительная демократия.

Внесение изменений и дополнений в Конституцию в результате проведенного 27 февраля 2022 года республиканского референдума существенно изменило сложившуюся ранее парадигму властных отношений. Это произошло благодаря инициативе Главы государства, который выносил проект изменений и дополнений в Основной Закон на народное голосование, по перераспределению полномочий в пользу коллегиальных представительных

органов государственной власти, а именно: Парламента и создаваемого Всебелорусского народного собрания.

Конституция содержит нормы, которые могут придать новые импульсы работе представительных органов, то есть тех институтов власти, которые наиболее близки к народу. Представительная демократия способна исключить консервацию системы отношений, дать гражданам больше возможностей для самовыражения. Представительная демократия реализуется посредством избрания гражданами своих представителей в органы публичной власти, а также органы общественного территориального самоуправления.

Обычно в конституциях, включая и белорусскую, выделяют три ветви власти – законодательную, исполнительную, судебную. Каждую из этих ветвей олицетворяют соответствующие органы (система органов). Однако в этой триаде сложно расположить местные Советы депутатов. В Беларуси, как известно, их три уровня [1, с.5–14]. Они не относятся к законодательной ветви власти, тем более – к исполнительной ветви.

Иногда можно слышать вопрос, а предусмотрена ли в Конституции представительная ветвь власти. Ведь в ст. 6 Основного Закона указано, что государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Это, действительно, так, если не рассматривать все нормы Конституции во взаимосвязи. Вывод о наличии представительной власти можно сделать, обратившись к ряду иных статей. Наиболее важный довод содержится в статье 3 Конституции: народ осуществляет свою власть не только непосредственно, но и через представительные и иные органы в формах и пределах, предусмотренных Конституцией. Согласно ст. 90 Конституции Парламент как был, так и остался не только законодательным, но и представительным органом. В соответствии со ст. 79 Президент олицетворяет единство народа, то есть также с учетом этих и иных характеристик его полномочий можно его относить к представительным органам (едино начальным).

К коллегиальным представительным органам также следует относить местные Советы депутатов (их более 1300), которые являются центральным звеном местного самоуправления. Помимо них в Беларуси сформирована система органов территориального общественного самоуправления. То, что местное самоуправление является одной из основ развития демократии в Беларуси, подтверждается многочисленными упоминаниями местного самоуправления в актах текущего законодательства: в том или ином контексте оно упоминается почти в 1600 актах законодательства республиканского уровня, а всего – в почти 24 тысячах актов. Конституцией и названным законом предусмотрено, что местное самоуправление осуществляется через 6

- 1) систему местных Советов (от областного до сельского),
- 2) систему коллегиальных и единоличных органов территориального общественного самоуправления,
- 3) местные собрания, местные референдумы, инициативы граждан по принятию решений Советов,

4) участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах [2]. Понятие «местное самоуправление» в широком его понимании охватывает два вида органов: местный представительный орган, избираемый населением соответствующей административно-территориальной единицы и принимающий, как правило, для решения наиболее важных местных вопросов; и исполнительный орган, призванный в первую очередь выполнять решения представительного органа и осуществлять оперативное управление.

Какое количество звеньев представительной власти – зависит от политической воли законодателя, так как нет общего образца относительно их количества. Важно правильно распределить полномочия между различными уровнями публичной власти, обеспечить их экономическую автономию, справедливо разрешать возникающие споры между различными уровнями. То есть необходимо с учетом объективных факторов обеспечить сочетание централизации и децентрализации в области управления, обеспечивая при этом равномерное региональное развитие.

Важным звеном местной демократии являются органы территориального общественного самоуправления. На середину 2018 года их в республике 32 тысячи 227, в их составе 57 тысяч 192 человека. При этом коллегиальных ОТОС 8 тысяч 532, а единоличных ОТОС (обычно – это старосты) – 23 тысячи 695. (К сожалению, пока не сложился ежегодный сбор статистических данных о развитии ОТОСов, поэтому оперируем не самыми последними сведениями, однако и они свидетельствуют о позитивном характере в этой области).

Таким образом, можно утверждать, что система представительных органов является весьма «разветвленной». Между ними существует определенная субординация. Например, согласно ст. 98 Конституции Совет Республики Национального собрания анализирует деятельность местных Советов депутатов, принимает меры по развитию местного самоуправления; отменяет решения местных Советов депутатов, не соответствующие законодательству; принимает решение о роспуске местного Совета депутатов в случае систематического или грубого нарушения им требований законодательства и в иных случаях, предусмотренных законом. Президент на основе ст. 84 Основного Закона непосредственно или через создаваемые им органы осуществляет контроль за соблюдением законодательства местными органами управления и самоуправления; имеет право приостанавливать решения местных Советов депутатов и отменять решения местных исполнительных и распорядительных органов в случае несоответствия их законодательству. Если в ст. 84 идет речь о возможности приостановления Президентом решений местных Советов депутатов, то согласно ст. 122 решения местных Советов депутатов, не соответствующие законодательству, отменяются вышестоящими представительными органами. В таком сочетании полномочий, на наш взгляд, следует вести речь о праве вышестоящих именно коллегиальных представительных органов принимать решения об отмене актов

нижестоящих представительных органов, так как для Президента сделаны изъятия: он вправе лишь приостановить действие акта.

Согласно ст. 89-1 Всебелорусское народное собрание является высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь. На наш взгляд, точнее было бы указать, что Всебелорусское народное собрание является высшим представительным органом не **народовластия**, то есть высшим представительным органом не **власти народа**, а высшим представительным органом **народа**; на это нами обращалось внимание в процессе работы над проектом изменений Конституции. Всебелорусское народное собрание определяет стратегические направления развития общества и государства, обеспечивает незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Тем самым, в случае необходимости Всебелорусское народное собрание вправе также воспользоваться правом, закрепленным в ст. 122 Конституции, и отменить акт местного Совета депутатов. Более того, полагаем, что на основе ст. 89-5 Конституции решения Всебелорусского народного собрания могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов. То есть не обязательно чтобы акт был противоречащим законодательству: достаточно его расхождения с интересами национальной безопасности. В актах Всебелорусского народного собрания будет воплощаться суверенная воля народа. На наш взгляд, тем самым укрепляется народный суверенитет, углубляются отношения между народом и государством, на важность которых справедливо обращено внимание Б. С. Эбзеевым [3, с. 196–201].

Следовало бы усилить влияние местных Советов депутатов на процесс занятия и освобождения от должности руководителей местных исполнительных органов. Порядок назначения на должности и освобождения от должностей председателей областных, Минского городского исполнительных комитетов, городских (городов областного подчинения), районных исполнительных комитетов, городского (города районного подчинения), поселковых, сельских исполнительных комитетов, глав местных администраций районов в городах, а также других членов указанных исполнительных комитетов и местных администраций определен Указом Президента Республики Беларусь от 22 февраля 2011 г. № 66 (ред. от 27 мая 2013 г.) «О некоторых вопросах местного управления и самоуправления» (с изм. и доп., вступившими в силу с 01 июля 2013 г.) (вместе с «Положением о порядке назначения на должности и освобождения от должностей руководителей и других членов местных исполнительных и распорядительных органов»). При назначении председателей исполнительных комитетов областного и базового уровней требуется утверждение в должности соответствующим Советом депутатов. Полагаем, что, в случае ненадлежащего исполнения решений местного Совета депутатов, он должен быть наделен правом отзыва своего согласия на пребывание в должности такого руководителя. Такой отзыв мог бы

оформляться решением, принимаемым простым или квалифицированным большинством. Соответствующие изменения следует внести в Закон о местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь и в Указ №66.

Наше предложение обусловлено необходимостью реализации системы сдержек и противовесов, пусть и в более мягком варианте, на местном уровне. Хотя надо признать, что позиции ученых на этот счет разнятся. Одни выступают за внедрение этой системы, другие не видят для этого причин [4, с.137–139].

Важно, чтобы органы представительной власти олицетворяли его волю, а в их составе были активные и наиболее авторитетные представители граждан. В свое время нами предлагалось, чтобы депутаты, которые шли на выборы со своими программами после избрания в состав местного представительного органа, по возможности, утверждали общую (консолидированную) программу деятельности местного Совета [1, с. 381]. Это не означает, что кто-то из депутатов не может руководствоваться собственной программой действий в период своих полномочий, с которой он шел на выборы. Такого рода программы деятельности могли бы быть и в палатах Парламента.

Полагаем, что воля народа (избирателей) должна быть основой для действий представительных органов. Депутаты должны быть подконтрольны своим гражданам не только в период избирательной кампании, но и в процессе осуществления своих полномочий. Поэтому нам импонирует императивный мандат. В настоящее время он предусмотрен в ст. 72 Конституции. Автор категорически возражал против исключения из Конституции статьи 72. К тому же в ней установлены основательные гарантии для выборных лиц, затрудняющие их отзыв, и в то же время надо видеть, что сиюминутные проблемы не должны закрывать общую перспективу. Выборные лица должны служить народу, «стандарты» о свободном мандате неуместны, исходя из наших традиций. Надо взаимодействовать с людьми, разъясняя им проводимую политику, а не защищаться «свободным» мандатом. Императивный мандат является хорошим стимулом и для выборных лиц, которые будут более активно взаимодействовать с гражданами.

Конечно, важны регулярные отчеты депутатов перед избирателями, встречи с ними, приемы граждан. Это широко практикуется. Но полагаем, что способствовало бы еще большему укреплению доверия между избирателями и депутатами, особенно теми, кто пожелает переизбираться на новый срок, размещение в установленном законом порядке информации о проделанной за период всего срока своих полномочий работе. Такую информацию следует размещать с момента регистрации в качестве кандидата в депутаты для ознакомления избирателей соответствующего избирательного округа, а для членов Совета Республики в областных изданиях (города Минска).

Наше законодательство в последние десятилетия развивается динамично. Это заставляет действовать без радикальных шагов, но поступательно в русле современных тенденций, включая и развитие местного самоуправления. Здесь

весьма важен и чужой опыт, использование которого может быть полезным для нашего государства и общества.

Процесс формирования эффективного государства является успешным, когда экономика и социальная политика находятся в гармонии с конституционными принципами и правовыми ценностями. То есть управление государственными и общественными делами успешно, когда право учитывает закономерности общественного развития. Как нам представляется, важны обратные импульсы – от граждан в сторону власти. Эффективность права в обеспечении развития личности зависит от многих факторов, в том числе от ожиданий граждан определенных решений со стороны государства. То есть можно вести речь о результативности правового регулирования социально-экономических отношений. Ведь чем точнее совпадают решения институтов государственной власти с этими ожиданиями, тем успешнее их реализация.

В современных условиях патерналистский тип отношений между государством и человеком, между государством и обществом неэффективен, следует выстраивать новый характер отношений между этими субъектами. Рост правовой культуры, правового сознания граждан меняет сложившуюся ранее парадигму отношений: растет число людей, которые осознают себя полноправными субъектами процесса управления делами государства. Важнейшим средством этого является местное самоуправление, оптимальное сочетание представительной и непосредственной демократии, расширение возможностей использования информационно-коммуникационных технологий. По сути, можно вести речь о развитии электронной демократии. В Республике Беларусь выстраивается представительная ветвь власти, которая наиболее близка к народу, именно он формирует ее непосредственно.

Список использованных источников

1. См.: Местное самоуправление в Беларуси и зарубежных странах / Г.А. Василевич [и др.]; под общ. Ред. Г.А. Василевича и Г.Г. Куневича; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2022. – 400 с.

2. Василевич, Г.А. Особенности местного самоуправления в Республике Беларусь и некоторые направления его развития / Г.А. Василевич // Модернизация правовой системы в контексте стратегии развития страны: Казахская модель обеспечения интересов личности, общества и государства: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70летию доктора юридических наук, профессора Толеубековой Бахытжан Хасеновны – Алматы: КазНПУ имени Абая, издательство «Ұлағат», 2020 – 272 с. – С. 103 – 108.

3. Эбзеев Б.С. Народный суверенитет. В кн. : Конституция Российской Федерации : от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография / Л. В. Андриченко, С.А. Боголюбов, В.И. Васильев и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2013. – 592 с.

4. Зинченко, Ю. Представительные органы местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений. – В кн.: Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 20 апреля 2018 г. / под ред. проф. Л.Т. Чихладзе. – Москва: РУДН, 2018. – 380 с.

Вегера Ирина Владимировна

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

декан юридического факультета УО «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой», кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена трансформации конституционных обязанностей государства, происходящей в условиях развития информационного общества. Анализируется влияние цифровизации, информационных технологий, новых форматов общественных отношений и коммуникации на содержание конституционных обязанностей. Рассматриваются новые формы и инструменты реализации конституционных обязанностей государства. Определяются магистральные направления трансформации обязанностей государства с указанием новых задач, возникающих у государства и обусловленных информатизацией всех сфер общественной жизни.

Ключевые слова: конституционные обязанности государства; информационное общество; функции государства; права человека; защита прав.

Стремительное развитие информационных технологий оказывает все большее влияние на все сферы общественных отношений. Цифровая реальность стала неотъемлемой и почти равнозначной стороной жизни современного человека и в будущем будет набирать еще больший вес. Этот факт надо не только признать и принять, но и действовать таким образом, чтобы государство и общество были способны быстро адаптироваться к новым условиям, и более того – прогнозировать их изменения и делать их управляемыми и подконтрольными.

Цифровизация и информационное общество несомненно содержат в себе большие преимущества с точки зрения появления широких возможностей, быстрых, удобных и эффективных инструментов реализации различных задач, но и точно такие же большие риски и угрозы, а также серьезные вызовы, которые приходится постоянно преодолевать.

По мере развития общества соответствующим образом меняются подходы к пониманию и наполнению конкретным содержанием института прав и обязанностей. Нет ничего удивительного в том, что формирование информационного общества, соответственно, происходит с переоценкой как прав, так и обязанностей [1, с. 117].

Информационные технологии предоставляют новые возможности при реализации базовых прав человека, обеспечивают большую эффективность при их использовании. То же можно сказать и о реализации обязанностей.

Многие права человека в той или иной степени могут быть реализованы в том числе через информационные технологии, благодаря которым появились новые инструменты – социальные сети, интернет-сообщества, электронные платформы и приложения и т.д., – посредством которых реализация многих прав вышла на новый уровень.

Такие же тенденции относимы и к обязанностям. К примеру, реализация ст. 55 Конституции Республики Беларусь, устанавливающей в качестве обязанности бережное отношение к природным ресурсам, может быть обеспечена в том числе и путем использования информационных технологий (например, использование технологий «умного дома» (умные лампы, умные розетки, датчики, солнечные батареи, геотермальные установки), что позволяет экономить воду, тепло- и электроэнергию, производить альтернативную электроэнергию.

С реализацией прав человека неразрывно связана система государственных конституционных обязанностей. Вопрос о том, насколько полноценен институт конституционных обязанностей государства, напрямую зависит от степени развития, правовой регламентации и реализации важнейших институтов – прав человека и конституционно-правовой ответственности.

Система государственных конституционных обязанностей основывается на прямо прописанных в Конституции Беларуси. При этом главная обязанность государства – создавать необходимые условия для реализации прав человека, соблюдать и защищать их. Эта предопределяет и объединяет всю систему конституционных обязанностей государства, неразрывно связанных с правами человека. Коррелятивность конституционных обязанностей государства с конституционными правами и свободами человека предусматривает их взаимное развитие. Любые трансформации прав человека непременно должны найти отражение в обязанностях государства.

В то же время конституционные обязанности государства не ограничены лишь «системой координат», связанной с правами человека. Широта их спектра обусловлена и международными обязательствами страны, и необходимостью выполнения государством внутренних и внешних функций, жизненно важных для существования и развития самого государства.

В информационную эпоху такая трансформация предполагает наполнение обязанностей государства более широким содержанием, формами и инструментами реализации.

Каковы же магистральные направления трансформации конституционных обязанностей государства, происходящей в ответ на изменения, обусловленные информатизацией всех сфер общественной жизни?

Можно выделить несколько таких направлений:

- реализация активной роли государства в развитии и внедрении информационных технологий на благо развития общества;
- реализация государственных функций посредством широкого внедрения информационных технологий;

- равная защита государством прав человека, реализуемых в цифровом пространстве либо в офлайн среде;
- обеспечение большей доступности прав человека и равенства граждан посредством использования информационных технологий, цифровой инклюзивности сообществ;
- содействие в реализации новых граней содержания отдельных прав человека;
- защита государством прав и интересов человека от угроз, обусловленных развитием цифровизации;
- установление границ и оснований государственного вмешательства, контроля и ограничения прав человека в цифровом пространстве.

Реализация активной роли государства в развитии и внедрении информационных технологий на благо развития общества

В рамках данного направления можно отметить ряд ключевых обязанностей государства: реализация инновационной политики государства, прогнозирование развития общества и государства в цифровом пространстве, правовое регулирование отношений, связанных с использованием информационных технологий, формирование информационной культуры и т.д.

Реализация государственных функций посредством широкого внедрения информационных технологий

Информационные технологии позволяют более быстро и эффективно решать вопрос в рамках важнейших направлений государственной политики: здравоохранение и безопасность человека, экономика, правоохранительная деятельность.

Повышение эффективности реализации государственных функций должно основываться на развитии технологий электронного правительства посредством создания комплексной цифровой инфраструктуры и цифровой демократии.

Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы в рамках цифрового развития государственного управления предусматривает, к примеру:

- перевод административных процедур и государственных услуг в электронную форму;
- оказание электронных услуг не только по заявительному принципу, а в большинстве случаев по факту наступления жизненной ситуации. То есть, когда у гражданина ожидаемо возникает потребность в получении обязательных документов (справок, разрешений и других документов), сервисы электронного правительства должны предлагать ему их получение по факту наступления соответствующей ситуации, при этом максимально исключив его личное участие в процессе, переводя большинство операций в электронную форму;
- развитие инструментов автоматического предоставления электронных услуг, и соответственно, минимизация операций, выполняемых государственными служащими и работниками государственных организаций;

- формирование государственной цифровой информационной экосистемы, построенной на базе государственных цифровых платформ, взаимодействующих между собой в автоматизированном режиме.

Равная защита государством прав человека, реализуемых в цифровом пространстве либо в офлайн среде

Отправным принципом в рамках указанного направления видится положение Резолюции Совета по правам человека 2016 г.: те же права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны также защищаться и в онлайн-среде. Таким образом, реализация прав человека в онлайн-пространстве должна получить такую же защиту и гарантии со стороны государства.

Обеспечение большей доступности прав человека и равенства граждан посредством использования информационных технологий, цифровой инклюзивности сообществ

Можно выделить несколько направлений в реализации обязанностей государства по обеспечению доступности прав, инклюзивности и равенства граждан:

- обеспечение цифрового равенства граждан посредством предоставления беспрепятственного доступа к информационно-коммуникационным технологиям, цифровой инклюзивности различных сообществ;
- информирование и стимулирование человека в применении информационных технологий при реализации своих прав;
- создание условий для использования новых форм и инструментов реализации прав (материальных, организационных, правовых).

Содействие в реализации новых граней содержания отдельных прав человека

С развитием информационного общества понимание прав человека изменяется, а их содержание дополняется новыми возможностями. Рассмотрим данное направление на примере реализации отдельных групп прав человека.

Политические права. Ключевым элементом информационного общества является коммуникация. Соответственно политические права получают дальнейшее развитие через модернизацию политической коммуникации. Актуальным стал поиск новых подходов к работе с информацией в рамках политической коммуникации. Одним из направлений является развитие концепции «цифровой демократии», в которой информационные технологии используются для выполнения важнейших функций демократического процесса, таких как распространение информации и коммуникация, объединение граждан и принятие решений [2]. Политическая коммуникация уже не ограничивается рамками избирательных кампаний, этот процесс должен быть непрерывным.

Информационные технологии дают возможность реализовать концепцию массового участия, учесть потребности различных социальных групп, включить их в обсуждение и тем самым находить компромиссные решения. Стандартные формы передачи информации должны массово заменяться новыми средствами коммуникации и обратной связи с населением.

Информационные технологии расширяют возможности для реализации политических прав граждан, в частности права участия граждан в управлении делами государства – это участие в политической дискуссии, сбор идей от гражданского общества и привлечение граждан для общественного обсуждения новых проектов местного и общегосударственного значения, проектов нормативных правовых актов.

Стоит отметить, что не всегда возможности применения информационных технологий используются гражданами в полной мере, и здесь важна роль и активная позиция государства по повышению информационной культуры граждан и популяризации новых форм и инструментов взаимодействия, а также по преодолению цифрового разрыва.

Так, при обсуждении законопроектов целесообразно использование на первом этапе инструментов юридического дизайна для выражения сложных юридических идей в простой форме для привлечения более широкого круга участников обсуждения.

За счет развития технологий расширяется объем *права на доступ к информации*. В данной сфере государству необходимо развивать следующие ключевые направления:

открытый доступ к информации о реализации различных функций государства, ее своевременное обновление и представление в наглядной и понятной форме;

разработка и создание качественных и доступных государственных информационных систем, которые должны обладать признаками гибкости, приспособляемости, взаимодополнения;

обеспечение непрерывной и быстрой взаимной коммуникации между обществом и государством.

Параллельно с этим, в последнее время особое внимание уделяется *защите персональных данных*. Ст. 28 Конституции дополнена новой обязанностью: государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. На реализацию данной обязанности направлен целый комплекс правовых норм, предусмотренных в различных отраслях белорусского права.

Защита государством прав и интересов человека от угроз, обусловленных развитием цифровизации

Цифровизация и информационное общество несомненно содержат в себе большие преимущества с точки зрения появления широких возможностей, быстрых, удобных и эффективных инструментов реализации различных задач. В то же время цифровая реальность во многом не урегулирована и содержит в себе большое количество рисков и угроз. Задача государства – предвидеть эти риски, предотвратить либо минимизировать их, обеспечить защиту в случае нарушения прав человека.

Необратимые тенденции, связанные с цифровизацией и автоматизацией многих процессов, проявляются во многих сферах и будут нарастать в дальнейшем. К примеру, информационное общество меняет природу трудовых

отношений, высвобождает много рабочих мест, функции которых становятся автоматизированными. Последние исследования показывают: половина работы, которую выполняют люди, может быть потенциально автоматизирована – отсюда предсказуем рост безработицы и необходимость перераспределения трудовых ресурсов. В этом ключе очевидна трансформация обязанности государства, предусмотренной в ст. 41 Конституции: государство создает условия для полной занятости населения.

Все более актуальной становится борьба государства с правонарушениями, совершенными с использованием информационных технологий, с киберпреступностью, с дезинформацией, дискриминацией, враждой и насилием в цифровой среде.

Особые меры в сфере информационных технологий должны предприниматься государством для *защиты прав уязвимых групп* (дети, престарелые, лица с ограниченными возможностями здоровья). Это может касаться обеспечения доступа к цифровой среде, создания доступного и качественного контента и цифровых сервисов, развития цифровой грамотности, мер защиты и безопасности в цифровом мире.

Установление границ и оснований государственного вмешательства, контроля и ограничения прав человека в цифровом пространстве

Государство как основной регулятор устанавливает основания и границы государственного вмешательства и контроля, меры и пропорциональность ограничений прав человека в цифровом пространстве. Учитывая данный факт, институтам гражданского общества должны быть предоставлены возможности контроля, защиты от злоупотребления в процессе установления государством таких ограничений.

Следует обратить внимание на возникновение новых граней права человека на частную жизнь: право быть забытым в интернете, право на анонимность. В этой связи дискуссионным является вопрос, связанный со все большей деанонимизацией человека в интернет-пространстве и ее соотношением с защитой частной жизни. Важно установить те рамки, которые разграничат ситуации необходимой персонализации, а также оставят сферы, в которых человеку будет предоставлено право выбора при решении вопроса о конфиденциальности: оставаться ли ему в анонимном статусе либо персонифицироваться.

Прозрачные и четкие основания должно получить использование как государством, так и иными субъектами специальных программ контроля, которые позволяют: получать информацию о содержании поисковых запросов и электронных писем, переписки в соцсетях, отслеживать деятельность по ключевым словам, задаваемым в поисковике, о посещаемых сайтах, об информации в буфере обмена, о набираемом тексте и т.д.

На наш взгляд, отправной в этих вопросах должна быть позиция, сформулированная в резолюции Совета по правам человека ООН 2021 г.

«Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»: при принятии правительствами мер против дезинформации, дискриминации, вражды и насилия в цифровой среде не следует упускать из внимания международные обязательства по правам человека.

Развитие информационного общества позволяет упростить доступ и расширить объем многих прав граждан. Однако, эти потенциальные возможности и преимущества информационных технологий не станут реальностью сами по себе. Их реализация во многом зависит от адекватной и своевременной трансформации конституционных обязанностей государства по обозначенным выше направлениям.

Список использованных источников

1. Мур, Н. Права и обязанности в информационном обществе: Пер. с англ. / Н. Мур // Научные и технические библиотеки. – 1999. – №1. – С. 117.

2. Голубева, Л.А. Тенденции развития механизма государства в условиях информационного общества / Л.А. Голубева, С.С. Рудометов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-mehanizma-gosudarstva-v-usloviyah-informatsionnogo-obschestva>. – Дата доступа: 17.11.2022.

Дашкевіч Аляксандр Леанідавіч

АСОБНЫЯ АСПЕКТЫ РЕАЛІЗАЦЫ НАВЭЛАЎ КАНСТЫТУЦЫІ І РАЗВІЦЦЁ КАНЦЭПЦЫІ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ БЯСПЕКІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

дацэнт кафедры міжнароднага права, юрыдычны факультэт, установа адукацыі Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі “Міжнародны ўніверсітэт “МІТСО”, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, aldminsk75@mail.ru

Анацыя. Разглядаюцца пытанні рэалізацыі канстытуцыйных норм абноўленай Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь у межах абмеркавання развіцця Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь. Уносяцца прапановы па ўдасканаленню Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі, накіраваныя на выкарыстанне патэнцыялу асобных навэлаў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь у дачыненні ўзаемадзеяння асобы, грамадства і дзяржавы.

Ключавыя словы: канцэпцыя нацыянальнай бяспекі; канстытуцыя; сацыяльная дзяржава; грамадскія фарміраванні; навука.

Ва ўмовах канстытуцыйнага рэфармавання, з пункту гледжання алгарытму ўвасаблення канстытуцыйных навэлаў у заканадаўстве, асаблівае значэнне набывае нарматворчая дзейнасць, накіраваная на абнаўленне канцэптualaльных дакументаў, якія, у сваю чаргу, вызначаюць прыярытэты ў

адпаведных сферах і галінах. У гэтым сэнсе Канцэпцыя нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь, якая зацьверджана Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 9 лістапада 2010 г. (далей – Канцэпцыя нацыянальнай бяспекі), патрабуе свайго абнаўлення, як зыходзячы з неабходнасці ўліку змен і дапаўненняў, унесенных у Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь, так і паводле сучаснага стану і перспектывы развіцця нацыянальнай бяспекі, ва ўсёй комплекснасці і шматстайнасці яе элементаў, з захаваннем пераемнасці, што актуалізуецца і на дзяржаўным узроўні [1].

Сутнасць змяненняў Канстытуцыі, як лічыць старшыня Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь П.П. Міклашэвіч, складаецца ў наступным: захаванне прэзідэнцкай формы праўлення (адначасова выказваецца меркаванне аб захаванні рэспублікі змешанага тыпу з узмацненай прэзідэнцкай уладай [2, с. 3]) з пераразмеркаваннем паўнамоцтваў Прэзідэнта, Парламента і Урада, грунтуючыся на іх канстытуцыйных функцыях; устанаўленне канстытуцыйнага статусу Усебеларускага народнага сходу як вышэйшага прадстаўнічага органа народаўладдзя, які вызначае стратэгічныя напрамкі развіцця грамадства і дзяржавы, што забяспечвае непахіснасць канстытуцыйнага ладу, пераемнасць пакаленняў і грамадзянскую згоду; удасканаленне канстытуцыйных асноў выбарчай сістэмы, вызначэнне канстытуцыйнага статусу Цэнтральнай выбарчай камісіі; развіццё і змястоўнае напаўненне, канстытуцыйных палажэнняў аб сацыяльным характары беларускай дзяржавы ў выглядзе ўзмацнення гарантый сацыяльных правоў; пашыраны гарантыі судовай абароны правоў грамадзян праз устанаўленне паўнамоцтва Канстытуцыйнага Суда па разглядзе канстытуцыйных скаргаў грамадзян на парушэнне іх правоў і свабод [3, с. 68-69].

Развіваючы прыведзенае меркаванне, звернем увагу на асобныя канстытуцыйныя палажэнні аб сацыяльным характары беларускай дзяржавы. Патэнцыял навэлаў, у дадзеным выпадку, разлічаны не толькі на пераемнасць, але і на адпаведную трансфармацыю, як зместу, так і сістэмы канстытуцыйных прынцыпаў, на якіх заснавана ўзаемадзеянне асобы, грамадства і дзяржавы.

Сацыяльны характар беларускай дзяржавы выступае ў якасці кампанента канстытуцыйнага ладу Рэспублікі Беларусь, роля якога, у сістэме ўсіх элементаў, значна павышаецца. Грунтуючыся на зменах і дапаўненнях, якія ўнесены ў Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь, спалучаючы асновавытворныя палажэнні канстытуцыйнага ладу і прававога статуса асобы, з нормамі аб адпаведных правах і свабодах, абавязках асобы (ч. 1 арт. 4, ч. 1 арт. 5, ч. 3 артыкулы 21 і інш.), забеспячэнне сацыяльнага партнёрства і сацыяльнай адказнасці, сацыяльнай справядлівасці і салідарнасці, выступае ў якасці вызначальных індыкатараў грамадскага дабрабыту.

З улікам ацэнкі знешніх і ўнутраных пагроз нацыянальнай бяспекі, у аснове ўказаных прынцыпаў знаходзіцца сацыяльная эфектыўнасць. Дадзены прынцып актыўна выкарыстоўваецца пры правядзенні сацыяльнай палітыкі і адносна іншых сфер жыццядзейнасці, рэалізуецца ва ўсіх важнейшых кампанентах сацыяльна-працоўнай сферы, уключаючы забеспячэнне дастойнага

ўзроўню жыцця, рэалізацыю права на працу і дастойны ўзровень яго аплаты, сацыяльную абарону, сацыяльную арыентаванасць рынкавай эканомікі і шэрагу іншых.

Базавы характар гэтага палажэння актуальны для ўсіх суб'ектаў, якія ўдзельнічаюць у грамадскіх адносінах, вызначаючы параметры і суадносіны адпаведнай дзейнасці з канстытуцыйнымі каштоўнасцямі, як дзяржаўных органаў, так і прафесійных саюзаў, грамадскіх аб'яднанняў, іншых грамадскіх фарміраванняў, як устаноў сацыяльнага абслугоўвання насельніцтва, навукі, адукацыі, культуры і іншых некамерцыйных арганізацый, так і суб'ектаў гаспадарання, незалежна ад формы ўласнасці.

Палажэнне аб сацыяльнай адказнасці прадстаўлена ў Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі, у тым ліку, у рамках прынцыпу захавання балансу інтарэсаў асобы, грамадства і дзяржавы, іх узаемнай адказнасці. Прынцыпы салідарнасці і сацыяльнай эфектыўнасці не атрымалі неабходнага замацавання, што, па нашаму меркаванню, патрабуе ўключэння іх у пералік прынцыпаў забеспячэння нацыянальнай бяспекі, выкладзеных у ч. 1 п. 48 дзеючай Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі.

Тым больш, што ў бягучым заканадаўстве, у прыватнасці, палажэнне аб сацыяльнай эфектыўнасці, актыўна выкарыстоўваецца. У прыклад можна прывесці Палажэнне аб парадку функцыянавання адзінай сістэмы дзяржаўнай навуковай і дзяржаўнай навукова – тэхнічнай эспертызы, зацверджанай пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 22 мая 2015 г., дзе сацыяльная эфектыўнасць выступае ў якасці аднаго з крытэрыяў пры правядзенні дзяржаўнай навуковай і дзяржаўнай навукова-тэхнічнай эспертызы.

У сацыяльна - працоўнай сферы ключавая роля належыць прафесійным саюзам, якія павінны ажыццяўляць абарону і рэалізацыю працоўных, сацыяльна-эканамічных правоў і інтарэсаў, што ставіць пытанне аб замацаванні іх удзелу ў прававых механізмах па рэалізацыі прынцыпу сацыяльнай эфектыўнасці на канцэптуальным узроўні з далейшай дэталізацыяй, пры неабходнасці, у бягучым заканадаўстве.

Згодна з ч. 1 арт. 5, ч. 3 арт. 21 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, прадугледжана, што, з аднаго боку, палітычныя партыі і іншыя грамадскія аб'яднанні, у тым ліку, прафесійныя саюзы, садзейнічаюць рэалізацыі і абароне правоў, свабод і інтарэсаў чалавека і грамадзяніна, з другога, кожны павінен праяўляць сацыяльную адказнасць, уносіць пасільны ўклад у развіццё грамадства і дзяржавы. Прафесар Р.А. Васілевіч адносна дапаўнення арт. 21 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь адзначае, што ў межах абмеркавання ў Канстытуцыйнай камісіі выказвалася прапанова аб замацаванні нормы аб тым, што кожны павінен працаваць [4, с. 17], якая, як бачна, не трапіла ў тэкст зменаў і дапаўненняў.

Неабходна стымуляваць удзел як асобы, так і грамадскіх фарміраванняў, у тым ліку, улічваючы асаблівую ролю прафесійных саюзаў, у дзейнасці накіраванай на вырашэнне сацыяльна значных задач у галіне стварэння

неабходных умоў, садзейнічання падрыхтоўцы навуковых кадраў у кантэксце забеспячэння працоўных, сацыяльна-эканамічных правоў і інтарэсаў работнікаў і навучэнцаў, у тым ліку, у частцы, удзелу ў рэалізацыі канстытуцыйнага палажэння аб стварэнні неабходных умоў для рэалізацыі патэнцыялу моладзі ў інтарэсах усяго грамадства (ч. 1 арт. 32-1 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь).

Адпаведна, дзяржава не выступае і не павінна выступаць у якасці адзінага суб'екта рэалізацыі прынцыпаў сацыяльнай адказнасці, салідарнасці і сацыяльнай эфектыўнасці. Зыходзячы з выкладзенага, прапануецца дапоўніць пералік асноўных нацыянальных інтарэсаў у сацыяльнай сферы палажэннем аб удзеле прафесійных саюзаў і іншых грамадскіх фарміраванняў, якія з'яўляюцца ўдзельнікамі грамадзянскай супольнасці, у рэалізацыі сацыяльна значных задач, улічыўшы гэта ў п. 12 Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі.

Ва ўмовах існуючых знешніх і ўнутраных пагроз, перспектывы не толькі захавання, але і трансфармацыі традыцыйных каштоўнасных арыентацый і сацыяльных форм функцыянавання беларускага грамадства, роля і сацыяльнае значэнне навукі, несумненна ўзрастае, ва ўсёй разнастайнасці яе складнікаў, у тым ліку, не толькі галін навукова-тэхналагічнага характару, але і іншых, найперш навук гуманітарнага цыклу.

У гэтым кантэксце трэба адзначыць, што ў дзеючай Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі, замест выкарыстоўваемага ў ранейшай рэдакцыі паняцця бяспекі ў гуманітарнай сферы замацавана паняцце сацыяльнай бяспекі, якое, у параўнанні з ранейшым, больш шырокае па сваім аб'ёме [5, с. 259]. Адначасова, паняцце гуманітарнай бяспекі актыўна прысутнічае ў навуковых даследаваннях. У прыватнасці, аб гэтым сведчыць уключэнне ў пералік дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021 - 2025 гады ДПНД "Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы" (п. 12), які зацверджаны пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 27 ліпеня 2020 г., тым самым падкрэсліваецца роля гуманітарных навук у дачыненні адпаведных аспектаў нацыянальнай бяспекі.

Разам з гэтым, у Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі выкарыстоўваецца паняцце навукова-тэхналагічнай бяспекі, якая, згодна з п. 4, уяўляе сабой стан айчыннага навукова-тэхналагічнага і адукацыйнага патэнцыялу, які забяспечвае магчымасць рэалізацыі нацыянальных інтарэсаў Рэспублікі Беларусь у навукова-тэхналагічнай сферы. Такі падыход, як бачна, на практыцы трактуецца значна больш шырока. Акрамя таго, на нашу думку, гэта не ў поўнай меры адпавядае і нормам абноўленай Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, якія істотна павышаюць (наўпрост ці ўскосна) значнасць грамадскіх навук, у тым ліку, у сферы забеспячэння нацыянальнай бяспекі.

Сярод такіх канстытуцыйных норм можна адзначыць наступныя палажэнні, рэалізацыя якіх, павінна ажыццяўляцца з улікам выкарыстання набыткаў гуманітарных навук: аб ідэалогіі беларускай дзяржавы як аснове ажыццяўлення дэмакратыі (ч. 1 арт. 4 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь); захаванні гістарычнай праўды і памяці аб гераічным подзвігу беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны (ч. 2 арт. 15 Канстытуцыі Рэспублікі

Беларусь); садзейнічанне развіццю навуковых і тэхнічных даследаванняў, укараненню інавацый на карысць агульных інтарэсаў (ч. 4 арт. 51 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь); захаванні гістарычнай памяці аб гераічным мінулым беларускага народа, патрыятызме як абавязку кожнага грамадзяніна Рэспублікі Беларусь (ч. 2 арт. 54 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь). Адназначна, прысутнічае неабходнасць выкарыстання замест паняцця навукова-тэхналагічнай бяспекі паняцця навуковай бяспекі, з яго легальным дэфенаваннем.

Падсумоўваючы адзначым, што ва ўмовах рэалізацыі ў заканадаўстве навэлаў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь асаблівую увагу трэба надаваць канцэптואльным дакументам. У гэтым кантэксце пры распрацоўцы праекту новай Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі неабходна ўлічваць патэнцыял агульнага рэгулюючага ўздзеяння канстытуцыйных норм, якія замацоўваюць каштоўнасця арыенціры развіцця грамадства і дзяржавы ў найбольш абагульненым выглядзе, роль навукі, якая, несумненна, з'яўляецца неабходным кампанентам забеспячэння нацыянальнай бяспекі ва ўсёй разнастайнасці яе складнікаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Вольфович: в новой Концепции национальной безопасности сохраняется преемственность [Электронный ресурс] // belta.by. – Режим доступа: https://www.belta.by/society/view/volfovich-v-novoj-kontseptsii-natsbezopasnosti-sohranjaetsja-preemstvennost-524636-2022/?utm_source=belta&utm_medium=news&utm_campaign=accent – Дата доступа: 01.11.2022.

2. Чуприс, О.И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности / О.И. Чуприс // Право.by. – 2022. - №2(76). – С. 5-13.

3. Миклашевич, П.П. Обновленная Конституция Республики Беларусь: сущностное содержание поправок / П.П. Миклашевич // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2022. – №2. – С. 5 – 34.

4. Василевич, Г.А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства / Г.А. Василевич // Право.by. – 2022. - №2(76). – С. 14-23.

5. Малыгина, Г.И. Гуманитарная безопасность в структуре национальной безопасности Республики Беларусь / Г.И. Малыгина, В.И. Чуешов // Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь : материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 дек. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 258-261. Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь : материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 дек. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 258-261.

Демичев Дмитрий Михайлович
**ВСЕБЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ**

сопредседатель Научно-консультативного совета при Конституционном Суде
Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье исследуется содержание внесенных в Конституцию Республики Беларусь на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. изменений и дополнений, закрепивших конституционный статус Всебелорусского народного собрания (ВНС) – демократического форума, сочетающего в себе исторический опыт славянского всенародного вече и современных принципов народовластия, позволяющего гражданам страны на практике реализовывать свое право участия в делах государства. Подчеркивается, что ВНС – это демократический институт, аккумулирующий общественное мнение и одна из важнейших и особых форм народовластия в Республике Беларусь.

Ключевые слова. Конституция; Всебелорусское народное собрание (ВНС); народовластие; республиканский референдум; политическая система; социально-экономическое развитие; стратегические направления развития общества и государства.

На прошедшем 27 февраля 2022 г. конституционном республиканском референдуме в Основной Закон страны были внесены изменения и дополнения, в соответствии с которыми в стране появляется новый конституционный орган – Всебелорусское народное собрание (ВНС).

В качестве института общественно-политической жизни, ВНС фактически стало функционировать в Республике Беларусь со второй половины 1990-х годов. Как показала организационно-правовая практика, ВНС – это оптимальное сочетание практического опыта и современных принципов народовластия, ибо любые перемены в политической системе Республики Беларусь как демократического государства производятся только по воле народа. Истоки этой формы идут из глубины веков, со времен славянского народного вече, когда гласно и открыто обсуждались и решались важнейшие государственные задачи. Термин «вече» происходит от корня «ве», откуда «вещать» и соответствующее ему – *colloquium, parlamentum*, дословно «совет». Вече – это народное собрание в древней и средневековой Руси и у всех народов славянского происхождения до образования государственной власти раннефеодалного общества для обсуждения и решения важных общих дел. Еще в VI в. византийский историк Прокопий Кессарийский (490-565 гг.) отмечал в своих трудах о существовании у славян такой формы управления как общие собрания. Первые упоминания о реальном вече относятся: в Новгороде – к 1016 г., в Киеве – к 1068 г., в Полоцке – к 1151 г. На

территории Беларуси вече существовало в Витебске, Друцке, Полоцке, Турове. Последние сведения о вече на территории Беларуси датируются XV в.

Всебелорусское народное собрание – это ставший уже традиционным демократический институт активизации общественного мнения и одна из важнейших и особых форм народовластия в Республике Беларусь на современном этапе. ВНС позволяет гражданам страны на практике реализовывать свое право участия в делах государства. Такая уникальная форма народовластия органично вписывается в политическую систему Белорусского государства, так как главное предназначение собраний – обсуждение важнейших вопросов государственной и общественной жизни, выработка планов социально-экономического развития страны на перспективу.

После обретения Республикой Беларусь реального суверенитета и принятия в 1994 г. Конституции проведено шесть всебелорусских народных собраний, правовой основой которых явились установления статьи 3 Конституции Республики Беларусь (во всех редакциях), которая гласит: «Единственным источником государственной власти в Республике Беларусь является народ» (Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 14.10.2021. – 2/2844; 04.03.2022. – 1/ 20213).

Ранее всебелорусские народные собрания созывалось указами Президента и проводилось один раз в пять лет. Согласно статье 7 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2000 г. «О республиканских и местных собраниях» (в ред. Закона от 19 нояб. 2013 г.) республиканское собрание может созываться по мере необходимости Президентом для обсуждения важных вопросов государственной и общественной жизни и проектов соответствующих решений. Нормы представительства и порядок избрания уполномоченных участвовать в республиканском собрании, а также состав организационного комитета по его подготовке и проведению устанавливаются Президентом Республики Беларусь (Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 67. – 2/186; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 19.11.2013. – 2/2068).

На всебелорусских народных собраниях подводились итоги социально-экономического развития страны за прошедшие пять лет и рассматривались основные положения новых программ на предстоящие пятилетия.

Во всенародных форумах принимали участие выдвигаемые и избираемые трудовыми коллективами, гражданами на собраниях по месту жительства, учебы или службы, высшими органами политических партий, профессиональных союзов, религиозных организаций, других общественных объединений, представляющими все административно-территориальные единицы Республики Беларусь. Это – авторитетные представители всех ветвей власти, всех сфер производства и бизнеса, науки и образования, здравоохранения и культуры, студенческая молодежь и ветераны, специалисты в профессии, лидеры, готовые высказывать свои позиции по наиболее острым вопросам государственной и общественной жизни и вносить предложения по совершенствованию социально-экономических и политических отношений.

Кроме того, для участия в работе ВНС приглашались сотрудники дипломатических представительств и консульских учреждений, аккредитованных в Республике Беларусь, представители белорусских диаспор в других государствах, представители международных организаций в стране.

Самое *первое Всебелорусское народное собрание* состоялось 19-20 октября 1996 г. во Дворце спорта в г. Минске. Цель его проведения – на самом высоком уровне посоветоваться с народом по важнейшим проблемам государственного строительства, определиться со стратегией и тактикой развития белорусского общества на предстоящие годы. В тот период перед страной, только начавшей выходить из кризиса начала 90-х годов XX столетия, первоочередными стояли задачи – остановить инфляцию и сократить дефицит государственного бюджета. Кроме того, к осени 1996 г. обострились противоречия между Президентом и Верховным Советом Республики Беларусь, страна вступила в полосу политического кризиса. В целях обеспечения наиболее полного участия широких слоев населения в обсуждении принимаемых Президентом Республики Беларусь, Кабинетом Министров, местными исполнительными и распорядительными органами мер по преодолению экономического кризиса, стабилизации социальной обстановки в обществе Указом Президента Республики Беларусь от 29 августа 1996 г. № 341 было принято решение о проведении 19 октября 1996 г. первого общенародного форума, на обсуждение которого были вынесены основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996-2000 гг., проект новой редакции Конституции Республики Беларусь и вопросы, предложенные Президентом Республики Беларусь на республиканский референдум (Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Респ. Беларусь. – 1996. – № 25. – Ст. 639). Установлен состав участников Всебелорусского народного собрания в количестве 5000 человек, в том числе от г. Минска – 800 человек, от каждой области – по 650 человек. В соответствии с данным Указом были созданы республиканские и местные организационные комитеты по подготовке и проведению ВНС. В работе Собрания приняло участие самое большое количество делегатов за все годы его проведения – 4740. С докладом «Только народ вправе решать свою судьбу» на первом ВНС выступил Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, в котором он проанализировал развитие страны за первые годы независимости и своего нахождения на посту Главы государства и предложил дальнейшую стратегию с акцентом на социально ориентированную рыночную экономику. Главной темой повестки дня явилось рассмотрение и принятие первой в истории суверенной Беларуси Программы социально-экономического развития на 1996-2000 гг., в которой были определены три приоритета в развитии страны – наращивание экспорта, строительство жилья и развитие сельского хозяйства. На Собрании была одобрена инициатива проведения республиканского референдума по внесению изменений и дополнений в Конституцию, который состоялся 24 ноября 1996 г. Следует подчеркнуть, что Собрание отвало

республику от противостояния различных политических сил и определило новый курс развития государства.

Второе Всебелорусское народное собрание, состоявшееся 18-19 мая 2001 г., проходило под лозунгом «За сильную и процветающую Беларусь!». К этой дате в стране была создана эффективная система государственного управления, практически остановлена галопирующая инфляция, сокращен дефицит госбюджета. Валовой внутренний продукт за прошедшую пятилетку увеличился на 36%, продукция промышленности – на 65%, а инвестиции в основной капитал – на 26%. К 2000 г. был превышен уровень самого эффективного в плане экономических показателей советской эпохи докризисного 1990 г. Объем производства промышленности, потребительских товаров, реальные денежные доходы населения и другие показатели были лучшими среди стран СНГ и значительно превышали прогнозные рубежи, намеченные на первом Всебелорусском собрании. В работе второго Собрания приняли участие 2500 делегатов. На форуме были подведены итоги развития страны за предыдущее пятилетие, одобрена Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001-2005 гг. На Собрании были обозначены приоритетные направления: продовольствие, жилье, экспорт, инвестиции и инновации.

В центре внимания *третьего Всебелорусского народного собрания*, состоявшегося 2-3 марта 2006 г., помимо подведения итогов реализации Программы социально-экономического развития в 2001-2005 гг., были вопросы всестороннего развития человека, рост реальных доходов населения, инновационное развитие экономики, энерго- и ресурсосбережение, рост экспорта и повышение конкурентоспособности белорусской продукции, развитие АПК и возрождение села, строительство жилья и развитие малых городов. Основным принципом государственного строительства в очередной пятилетке стало требование кардинально повысить качество жизни людей. Прозвучавший на Собрании тезис «Государство для народа» определен как новая ступень развития социального государства.

В 2006-2010 гг. Беларусь взяла курс на программное обновление экономики, модернизируя не отдельные предприятия, а целые отрасли. За эту пятилетку было модернизировано более 320 промышленных предприятий, внедрено свыше 500 новых технологий. Беларусь заняла первое место в строительстве жилья на одного жителя среди стран СНГ, опередив и многие другие страны мира.

Четвертое Всебелорусское народное собрание состоялось 6-7 декабря 2010 г. В его работе приняли участие 2500 делегатов, которые рассмотрели итоги предыдущего пятилетия и утвердили Программу социально-экономического развития страны на 2011-2015 гг. Среди них: 607 руководителей предприятий и организаций, 505 работников социально-культурной сферы, 273 рабочих, 250 работников сельского хозяйства, 209 инженерно-технических работников, а также студенты, учащиеся средних специальных учебных заведений, предприниматели, военнослужащие,

пенсионеры. Среди делегатов IV Всебелорусского собрания 480 человек имели государственные награды, в том числе: 13 Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, полных кавалеров ордена Славы, Трудовой Славы; 4 – Герои Беларуси; почётные звания имели 95 человек. Ключевой акцент, сделанный на Собрании – сохранение в 2011-2015 гг. национальной модели социально ориентированной экономики, улучшение инвестиционного и бизнес-климата, развитие высокотехнологичных производств, рост экспорта, которые были призваны обеспечить рост благосостояния граждан и улучшение условий жизни населения. В принятой на форуме резолюции подчеркивалось: «Потенциал человека – это потенциал государства, чем богаче человек – тем богаче страна».

На пятом *Всебелорусском народном собрании*, состоявшемся 22-23 июня 2016 г., были подведены ключевые итоги развития страны за предыдущее пятилетие, определены стратегические задачи на будущее, утверждены основные положения Программы социально-экономического развития страны на 2016-2020 гг., обозначены приоритеты развития страны во внутренней и внешней политике, а также точки роста экономики и социальные ориентиры.

Подготовку шестого *Всебелорусского народного собрания*, проходившего 11-12 февраля 2021 г., впервые в истории форумов предваряла работа диалоговых площадок. Они дали возможность провести срез мнений людей по различным вопросам общественно-политической и социально-экономической жизни буквально в каждом регионе. Таким образом по всей стране удалось собрать около 10 тыс. инициатив – от принципиальных вопросов реформ до практических предложений по социальной защите граждан. Собрание утвердило основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 гг., предусматривающей стабильность в обществе, рост благосостояния населения за счет модернизации экономики, наращивания социального капитала, создания комфортных условий для жизни человека. Была определена главная цель на текущую пятилетку – повышение качества жизни людей на основе роста конкурентоспособности экономики и инновационного развития. Для ее достижения развитие страны будет основываться на таких приоритетах, как инвестиции, занятость, экспорт, информатизация, всестороннее развитие молодежи. Кроме того, на Собрании было анонсировано проведение республиканского референдума по внесению изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, который состоялся 27 февраля 2022 г. В работе шестого Собрания приняли участие 2700 делегатов. Делегатами форума стали парламентарии, депутаты местных Советов, представители политических партий, общественных объединений, руководящий состав органов государственного управления, предприятий и организаций, На Всебелорусское народное собрание были приглашены около 150 гостей, в том числе почти 100 – из-за рубежа. Собрание прошло под лозунгом «Вместе – за сильную и процветающую Беларусь!».

На данном Собрании была высказана идея о придании Всебелорусскому народному собранию статуса конституционного органа.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 20 января 2022 г. № 14 на 27 февраля 2022 г. был назначен республиканский референдум, на который был вынесен следующий вопрос: «Принимаете ли Вы изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь?» (Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 21.01. 2022. – 1/20125).

В результате проведенного референдума за принятие решения о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь проголосовало 65, 16 % избирателей, внесенных в списки для голосования.

В тексте Конституции Республики Беларусь в редакции республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. появилась новая глава 31 «Всебелорусское народное собрание», которая устанавливает компетенцию данного органа. В статье 89¹ указанной главы Основного Закона сформулировано определение ВНС: «Всебелорусское народное собрание – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие» (Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 14.10.2021. – 2/2844; 04.03.2022. – 1/ 20213).

В статье 89² обновленной Конституции устанавливается порядок формирования Всебелорусского народного собрания. Так, делегатами ВНС являются: действующий Президент Республики Беларусь; Президент Республики Беларусь, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки; представители законодательной, исполнительной и судебной власти; представители местных Советов депутатов; представители гражданского общества. Представители местных Советов депутатов и гражданского общества на ВНС избираются от каждой области и г. Минска в порядке, определяемом законом. Предельная численность делегатов Всебелорусского народного собрания составляет 1200 человек.

Срок полномочий Всебелорусского народного собрания составляет пять лет. ВНС созывается на первое заседание Центральной избирательной комиссией в срок не позднее 60 дней после выборов депутатов. Делегат Всебелорусского народного собрания принимает участие в его работе без отрыва от трудовой (служебной) деятельности. Коллективным органом, обеспечивающим в порядке, установленном законом, оперативное решение вопросов, входящих в компетенцию ВНС, является Президиум. Председатель Всебелорусского народного собрания, его заместители и иные члены Президиума избираются собранием тайным голосованием.

Довольно обширные полномочия предоставлены Конституцией ВНС во внутренней и внешней политике. Так, в соответствии со статьей 89³ Всебелорусское народное собрание: утверждает основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности; утверждает программы социально-экономического развития

Республики Беларусь; предлагает изменения и дополнения в Конституцию; вправе рассматривать вопрос о легитимности выборов; о награждении Президента государственными наградами, а также предлагает лиц для награждения государственными наградами. Кроме того, ВНС вправе ввести на территории Республики Беларусь чрезвычайное или военное положение при наличии оснований, предусмотренных Конституцией, и в случае бездействия Президента по этим вопросам. Введение чрезвычайного или военного положения рассматривается Всебелорусским народным собранием по инициативе Президиума ВНС или Совета Республики.

В статье 89⁴ Конституции Республики Беларусь регламентируется порядок функционирования ВНС. Так, заседания данного органа проводятся не реже одного раза в год. Всебелорусское народное собрание может созываться на внеочередные заседания по инициативе Президента, Президиума ВНС, обеих палат Национального собрания (совместным решением), а также по инициативе не менее 150 тыс. граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом.

Помимо полномочий по формированию некоторых государственных органов (Конституционный Суд, Верховный Суд, Центральная избирательная комиссия) ВНС вправе рассматривать вопрос о смещении с должности Президента Республики Беларусь. Так, в соответствии с дополнениями, внесенными в статью 88 Основного Закона, Президент может быть смещен с должности Всебелорусским народным собранием в случае систематического или грубого нарушения Конституции либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления (ранее таким правом обладали палаты Парламента). Предложение о выдвигании обвинения Президенту и смещении его с должности вносится ВНС по инициативе не менее одной трети от полного состава Палаты представителей или не менее 150 тыс. граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом. Расследование обвинения организуется Всебелорусским народным собранием.

Ранее расследование обвинения мог организовывать только Совет Республики.

Решение Всебелорусского народного собрания о смещении Президента с должности принимается после получения заключения Конституционного Суда о наличии фактов систематического или грубого нарушения Главой государства Конституции в случае, если Президент обвиняется в таком нарушении. Решение Всебелорусского народного собрания о смещении Президента с должности считается принятым, если за него проголосовало большинство от полного состава ВНС.

По ранее действовавшей норме Конституции Президент мог считаться смещенным с должности, если за это решение проголосовало не менее двух третей от полного состава Совета Республики, а также не менее двух третей от полного состава Палаты представителей.

Непринятие Всебелорусским народным собранием решения о смещении Президента с должности в течение двух месяцев со дня внесения предложения

о выдвижении обвинения означает отклонение обвинения. Предложение о выдвижении обвинения Президенту и смещении его с должности не может инициироваться в период рассмотрения в соответствии с Конституцией вопроса о досрочном прекращении полномочий Парламента. В случае смещения Президента в связи с совершением преступления дело по существу обвинения рассматривается Верховным Судом.

Таким образом, Всебелорусское народное собрание – это важнейший институт в структуре белорусской модели демократии и стержневой механизм народовластия. Установление в обновленной Конституции Республики Беларусь статуса Всебелорусского народного собрания, как конституционной и самобытной модели народовластия, направлено на укрепление устойчивости системы представительной демократии страны и будет способствовать укреплению белорусской государственности.

Крылатова Ирина Юрьевна

РОЛЬ ИНСТИТУТА ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Доцент кафедры конституционного права, директор Центра биоэтики и права,
Уральский государственный юридический университет
им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, кандидат юридических наук, доцент,
krylatova_iy@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам достоинства личности в цифровой сфере. Автором раскрываются ключевые моменты трансформации человеческого достоинства в области активного применения цифровых технологий. Анализируются перспективы и сопутствующие угрозы по отношению к человеку, его правам и достоинству в рамках подобной цифровизации.

Ключевые слова: достоинство личности; цифровые технологии; биоэтика; права человека; соматические права.

Цифровые технологии, появление элементов цифровой реальности и цифровых продуктов в жизни современного человека, несмотря на мозаичный и частично хаотичный характер, выступают катализатором, а отдельных случаях вектором, адаптации традиционных подходов к устоявшимся правовым категориям и институтам.

Одним из ярких примеров воздействия современных технологий является трансформация сущностных элементов правового феномена достоинства человеческой личности в современной цифровой реальности.

Традиционно российские ученые-конституционалисты придерживаются понимания категории достоинства личности, сформулированное профессором

В.В. Невинским, согласно которому «достоинство личности может быть определено как совокупность качеств биологического, нравственно-религиозного, национально-культурного и социального характера, который человек ценит в себе, ориентируясь на определенный стандарт жизни в обществе, которые также индивидуализируют человека как личность и выделяют его из живой природы» [1, с. 21].

Заданная модель понимания смысла достоинства человеческой личности в эпоху стремительной цифровизации приобретает различные черты, в результате чего достоинство личности как концепция, институт, модель в силу своей этико-правовой природы приобретает «зонтичный» характер, поэтапно охватывая все виды правоотношений. Концепт неотъемлемого человеческого достоинства сопровождает человека на всех его биологических, жизненных, социальных этапах развития.

Предельная этико-правовая концентрированность норм (включая конституционное прочтение) о человеческом достоинстве поддерживается актуальной дискуссией о его природе как о конституционном принципе [2, с. 15-20], конституционной ценности [3, с. 11-15], конституционной категории [4, с. 1-31], конституционном идеале [5, с. 20] и ином явлении конституционной реальности [6, с. 5].

Данная особенность не умаляет особой критической значимости человеческого достоинства в сфере конституционно-правового регулирования, наоборот, задает ценностную онтологическую и аксиологическую основу далее в области отраслевых правоотношений.

В определенной степени можно утверждать, что несмотря на относительно незначительное количество конституционных норм о достоинстве личности в текстах современных конституций, происходит процесс поэтапного формирования современного института достоинства личности, одновременно выступающего в качестве нравственного императива и основы иных прав и свобод человека. «Стрессовыми зонами» данного института выступают сферы цифровых технологий в их пересечении с соматическими и биоэтическими правами личности в области современных биотехнологий и медицины.

В связи с чем на сегодняшний день становится критически важно проследить сферы преломления и адаптации указанного института или феномена в наиболее «чувствительных зонах» использования и внедрения цифровых технологий в жизни личности и общества.

Основные цифровые технологии включают в себя следующие виды:

- *интернет вещей* (Internet of Things IoT), представляющий собой подключение объектов физического мира не только к электросетям, но к интернету, включая удаленное управление объектами;
- *дополненная реальность* (Augmented Reality, AR), позволяющая дополнить в реальный мир объекты виртуального мира, содержащие в том числе информацию о людях;

- *виртуальная реальность* (Virtual Reality, VR) – основанные на 3D моделировании объекты реального мира и запрограммированные на ответную реакцию человеческих действий объекты виртуального мира;

- *искусственный интеллект* (Artificial Intelligence, AI) - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, представляющий собой усовершенствованную модель технологии машинного обучения [7, с. 1-8].

Примерами *интернета вещей* в области соматики и медицины являются технологии использования телемедицины (от стадии консультирования до этапа проведения высокотехнологичных операций). В отношении сферы применения объектов, подключённых к интернету, широкому обсуждению подвергаются эксперименты и научные разработки в области вживления специальных имплантов в тело человека, позволяющих посредством мыслительного процесса «оживлять» собственное парализованное тело или отдельные его части (см. технологии Neuralink) [8, с. 1]. Подобные технологии в проблематике комплексной концепции права на достоинство личности отражают такой важнейший личный и социальный запрос, как запрос на поддержание достойной жизни вне зависимости от текущего или перенесенного заболевания, травмы или дефектов рождения.

Позитивными примерами *дополненной реальности* в медицинской сфере выступают анатомические атласы, «раскладывающие» организм человека. Их активное использование снимает проблему посмертного достоинства в отношении неопознанных трупов, используемых для патологоанатомической практики студентов, так как в отличие от анатомического дара, условием которого является заявленная позиция дарителя, в отношении неопознанных трупов данная этическая проблема не снимается. Вместе с тем, исходя из конституционного принципа равенства, каждый человек, независимо от его социального происхождения и иных характеристик, обладает равными правами требования охраны его достоинства на различных прижизненных и посмертных стадиях.

В плоскости *виртуальной реальности* в сфере практической и экспериментальной медицины, достойного обращения к пациенту, возможно, было бы уже не преждевременно говорить об активном внедрении виртуальных операционных, которые могли бы снизить риск врачебной ошибки и, как следствие, уменьшили бы ситуации нарушения соматической целостности пациента.

Кроме того, виртуальность формирует полноценный цифровой образ человека (с трансляцией его когнитивных способностей), например через технологические разработки по созданию цифровых голограмм (см. эксперимент по голографической телепортации или голопортации [9, с. 1], услуги цифровой голограммы – «цифрового клона» умершего [10, с. 1], отдельные цифровые элементы, копирующие голос (см. тестирование имитатора голоса на основе нейросетей Lyrebird [11, с.]) или имитация мимики человека в 3D модели [12, с. 1] и др.).

Подобное увлечение виртуальностью обнажает недостатки идентификации человека. Происходит размытие его биологической составляющей, которая является первоосновой понятия человек и базой по формированию человеческого и биологического достоинства личности.

И, наконец, проблемы включенности в повседневную жизнь и стремительное развитие технологий *искусственного интеллекта*, его самообучаемости могут, несомненно, стать отдельной самостоятельной темой исследования. Искусственный интеллект или «умный робот» - информационная система, способная создавать когнитивные и семантические имитационные модели цифровой информации, наделенная как физико-математическими, так и биологическими признаками, сегодня незаменима для обработки огромных массивов информации [13, С. 75]. При этом возникает проблема коммуникации человека и искусственного интеллекта. Данные технологии актуализируют полемику вокруг самостоятельности и человеческой самобытности как уникальных человеческих качеств, включая как когнитивные, так и телесные способности. В данном случае возможно ли приравнивание когнитивного достоинства к достоинству личности или необходима разработка концепции альтернативного человеческого достоинства? Представляется, что в случае генерации контента устройством не делает его равнозначным человеческому интеллекту, хотя и помогает в ряде случаев восстановлению его работы или облегчению выполнения оперативных процессов.

Таким образом, активная цифровизация, с одной стороны, открывает новые возможности для человека, обогащает содержание устоявшихся правовых институтов и этико-правовых феноменов, с другой, обнажает серьезные угрозы биологической и идентификационной ценности целостности человека, его достоинства при «дефектах» применения.

Список использованных источников

1. Невинский В.В. Обеспечение достоинства человека: от философской идеи к конституционному принципу современного государства// *Достоинство человека: от философской идеи к конституционному принципу современного государства: Материалы межрегионального научно-практического семинара/ под ред. В.В. Невинского. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та. 1999. С. 21.*

2. Умнова И.А., Стальнова А.С. Конституционный принцип уважения достоинства человека: общие подходы в правопонимании и российская конституционная практика // *Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 15 - 20.*

3. Власова О.В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование: дис...д-ра юрид. наук. Ханты-Мансийск, 2011. С. 11-15.

4. Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика// *Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19-31.*

5. Кравец И. А. Достоинство личности в теории и практике судебного конституционализма // *Журнал конституционного правосудия. 2019. № 1. С. 11–20.*

6. Хашем Т.А. Защита человеческого достоинства в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2010. С. 5.

7. Коптелов А.К. Цифровые технологии изменяющие мир// Цифровые технологии. Тренды, кейсы, прогнозы. URL: https://koptelov.info/publikatsii/digital_technology (дата обращения: 10.12.2022г.)
8. Neuralink still on track for first human trials by end of 2022// URL: <https://www.teslarati.com/neuralink-first-human-trials-date-elon-musk> (дата обращения: 10.12.2022г.)
9. Говорун В. Голограмму человека впервые телепортировали в другую страну// URL: <https://naked-science.ru/community/487251> (дата обращения: 10.12.2022г.)
10. Герасюкова М. Американская разработка позволит «общаться» с умершими родственниками//URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2022/08/16/18338282.shtml> (дата обращения: 10.12.2022г.)
11. Стартап Lyrebird открыл тестирование имитатора голоса на основе нейросетей //URL: <https://incrussia.ru/news/startap-lyrebird-otkryl-testirovanie-imitatora-golosa-na-osnove-nejrosetej> (дата обращения: 10.12.2022г.)
12. Garrido P., Zollhofer M. Reconstruction of Personalized 3D Face Rigs from Monocular Video// URL: <https://vcai.mpi-inf.mpg.de/files/TOG2016/PersonalizedFaceRig.pdf> (дата обращения: 10.12.2022г.)
13. Кузнецов П.У. Феномены и юридические фикции цифровой среды// Российское образование, практика и наука. 2019. № 6. С. 75. DOI: 10.34076/2410-2709-6-72-81.

Ладутько Виолетта Константиновна

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЛИКТНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

докторант юридического факультета Белорусского государственного
университета, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В данной статье исследованы проблемы управления административной деликтностью в Республике Беларусь. Сделан вывод о необходимости координации работы государственных органов в борьбе с административными правонарушениями, в том числе посредством разработки единой республиканской программы борьбы с административными правонарушениями и преступлениями.

Ключевые слова: управление административной деликтностью, борьба с административными правонарушениями

Административные правонарушения в Республике Беларусь являются самыми распространенными противоправными деяниями. Ежегодно в Беларуси совершается около 4 млн. правонарушений. В этой связи система знаний о динамике и структуре административных правонарушений должна опираться на фундаментальные и прикладные основы нового научного направления – административной деликтологии, главной целью которого, по мнению ученых, является достижение устойчивого снижения количества административных

правонарушений [1, с. 5]. В большей степени можно было бы согласиться с данным тезисом, однако не всегда уменьшение количества административных правонарушений свидетельствует об эффективности и результативности административно-деликтного нормотворчества и правоприменения.

В прошлом году вступил в силу КоАП, который предусмотрел новые подходы к дифференциации административных правонарушений, установил меры профилактического воздействия, направленные на усиление профилактической функции административной ответственности, в том числе при освобождении от административной ответственности. В частности, новая ст. 8.3 КоАП предусматривает основания освобождения от административной ответственности с вынесением предупреждения в отношении лица, совершившего административный проступок, при одновременном соблюдении следующих условий: оно признало факт совершения им правонарушения и в течение одного года до совершения административного проступка на лицо не налагалось административное взыскание и лицо не освобождалось от административной ответственности за такое же нарушение. На основании данной статьи в прошлом году были освобождены от административной ответственности за совершение административного проступка с вынесением предупреждения около 1,2 млн. субъектов. Однако, данные субъекты также совершили административные проступки, но при соблюдении условий были освобождены от административной ответственности, и в этой связи эти лица по статистическим данным не попали в количество правонарушений, по которым вынесены постановления о наложении административного взыскания.

Тем самым, по своей сути, данное новшество в КоАП позволит в краткосрочной перспективе снизить статистику административных правонарушений, но в то же время мы не можем с уверенностью сказать, что это повлияет на число противоправных деяний и снизит их количество в дальнейшем. В этом аспекте следует все усилия правоприменительных органов направить на профилактику и предупреждение правонарушений, устранение причин и условий их совершения.

Проблемы административной деликтности и пути их решения не находят в полной мере отражения ни в науке административно-деликтного права, ни в криминологии, ни в иных областях юридических знаний. Тем самым, важные вопросы оказались за пределами правовой науки. В то же время значительное количество административных правонарушений требует пристального внимания ученых-административистов для проведения исследований тенденций и закономерностей функционирования административной деликтности как социально-правового явления, знания о причинах, условиях и факторах, способствующих совершению административных правонарушений.

Становление и развитие нового научного направления – административной деликтологии – поддерживается российскими учеными, достижения которых уже представлены в виде диссертационных исследований и научных публикаций [2–4]. Данные научные работы содержат теоретико-методологические подходы к определению понятия административной деликтологии, ее предмета,

методологии, разработке методик выявления причин и условий совершения административных правонарушений и других аспектов. Этим проблемам посвящены труды многих российских ученых-административистов. Белорусскими учеными в научных публикациях также поднимаются проблемы административной деликтологии. Основные усилия исследователей были ориентированы в большей степени на совершенствование законодательства об административных правонарушениях, что в принципе было оправдано в преддверии кодификации законодательства. Это показывает стремление создать научную основу для проводимой реформы административно-деликтного законодательства. Анализ двух кодификаций законодательства в данной сфере (2003 г. и 2021 г.) свидетельствует в пользу необходимости разработки проблем административной деликтологии, поскольку обозначился самостоятельный предмет такого изучения.

Правоприменительная практика также ждет серьезных теоретических исследований административной деликтности, разработки эффективного механизма предупреждения и профилактики административных правонарушений, выявления причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений, изучения личности правонарушителей.

Для исчерпывающего исследования административной деликтологии, безусловно, необходимо осмысление ее цели и задач. Однако цели административной деликтологии следует определять многовекторно, не ограничиваясь лишь таким показателем, как снижение количества административных правонарушений. Многовекторность предполагает количественные и качественные цели административной деликтологии. Снижение количества административно наказуемых деяний, безусловно, отражает эффективность и результативность проводимой административно-деликтной политики, но не является единственным индикатором. Не менее важной целью административной деликтологии является повышение качества работы правоприменительных органов.

Взаимозависимость и взаимообусловленность количественных и качественных целей административной деликтологии позволяет говорить о единой ее цели – достижение такого состояния административной деликтности, которое свидетельствует об эффективности и результативности административно-правового механизма защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административно наказуемых деяний.

Исходя из обозначенных целей, задачи административной деликтологии можно классифицировать на теоретико-методологические, социальные и юридические.

Теоретико-методологические задачи связаны с:

- определением научных подходов к проведению административно-деликтологических исследований;
- разработкой и применением методологического инструментария, специального терминологического аппарата, методологии прогноза, анализа и

оценки информации о совершенных правонарушениях,

- созданием научных школ по данному направлению.

Социальные задачи административной деликтологии заключаются в:

- определении тенденций и закономерностей административной деликтности;

- исследовании личности правонарушителя;

- выявлении причин административной деликтности как явления в целом, так и составляющих его частей, а также условий и факторов, способствующих совершению конкретных административных правонарушений;

- повышении правовой культуры граждан и усилении просветительской работы, в том числе путем внедрения в образовательный процесс программ, изучающих правовые основы административной ответственности с учетом специфики сферы деятельности будущего специалиста.

Юридические задачи предполагают:

- изучение динамики и структуры административной деликтности, ее влияние на совершенствование государственной стратегии борьбы с административными правонарушениями;

- создание правовых условий для повышения качества, эффективности и результативности правоприменительной деятельности органов, ведущих административный процесс, их должностных лиц;

- использование результатов административно-деликтного прогнозирования при поиске новых оптимальных направлений реагирования на деликтность;

- совершенствование системы мер профилактики и предупреждения административной деликтности в целом и отдельных ее видов с учетом меняющихся вызовов и угроз.

В административно-деликтологических исследованиях особое значение приобретает статистическая информация. Умение владеть статистическими методами сбора, группировки и анализа фактических данных является обязательным элементом в специальных административно-деликтологических исследованиях. Очевидна тесная связь административной деликтологии и статистики, поскольку последняя позволяет анализировать количественные и качественные показатели деликтности, ее структуру и динамику. Особо следует отметить важность административно-деликтологической информации для разработки гипотез и теорий о причинах правонарушений, влиянии социально-экономических и иных факторов на их совершение, что позволяет разрабатывать научные рекомендации для совершенствования деликтного нормотворчества и правоприменения, и в целом делает административно-деликтную политику доказательственной.

В научной литературе предложено новое научное направление – правовая статистика, которая включает: уголовно-правовую, гражданско-правовую и административно-правовую статистику [5, с. 91]. При этом отмечается недостаточное развитие административно-деликтной статистики. При наличии достоверной статистической информации можно прогнозировать тенденции

административной деликтности в целом, отдельных ее видов, территории распространения. Административная деликтология призвана также дать прогноз эффективности использования соответствующих форм и методов профилактики. Помимо правовой статистики, важную роль при анализе показателей деликтности играет социально-экономическая, демографическая и др. разновидности статистики, поскольку для деликтной статистики необходимы сведения о половом, возрастном, социальном статусе, образовании, уровне материального благосостояния, занятости, жилищно-бытовых условиях субъектов и др. информация.

В нашей стране в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 909 «О функционировании единой государственной системы регистрации и учета правонарушений» создана и функционирует единая государственная система регистрации и учета административных правонарушений и преступлений. Однако, срок хранения сведений об административных правонарушениях в едином государственном банке данных о правонарушениях составляет:

- 3 года после даты окончания исполнения основного и дополнительного административных взысканий или освобождения лица от административной ответственности с вынесением предупреждения;

- не свыше 10 лет после даты вступления в законную силу постановления о наложении административного взыскания, которое не исполнено.

По истечении сроков хранения сведения о правонарушениях удаляются. Более того, сведения о правонарушениях, сроки хранения которых в единой базе истекли, уничтожаются путем автоматического удаления с магнитных (электронных) носителей информации способом, препятствующим их последующему восстановлению.

Таким образом, действующее законодательство не позволяет провести анализ и оценку статистической информации об административных правонарушениях в динамике в разрезе видов правонарушений, типологии деликвентов, что усложняет проведение административно-деликтологических исследований. А если говорить о применении новых инструментов административно-деликтологического прогнозирования, в частности, об оценке фактического воздействия административно-деликтных норм и правоприменительной практики, то такая возможность отсутствует. Эффективность частнопредупредительного воздействия административных взысканий невозможно установить. По нашему мнению, в научных целях доступ к статистической информации должен быть обеспечен на непрерывной и постоянной основе, поскольку особое значение имеет анализ и оценка результатов правоприменительной деятельности по делам об административных правонарушениях в различные исторические периоды, влияние на такие результаты проводимых административных реформ и происходящих событий.

Для того, чтобы процесс учета и хранения в государственном банке данных о правонарушениях не превращался в техническое действие, возможно

создание структурных подразделений в правоприменительных органах для анализа количественных и качественных показателей административной деликтности. На сегодняшний день учет правонарушений осуществляют учетные подразделения, однако сотрудники данных структур должны обладать также знаниями и умениями по анализу и оценке деликтологической информации, что потребует их обучению соответствующим методикам. Это позволит анализировать динамику и структуру административных правонарушений, а также разрабатывать меры профилактического и предупредительного воздействия для отдельных видов административных правонарушений или в отношении конкретного типа правонарушителей.

Ввиду высокого уровня административной деликтности следует остановиться на таком важном аспекте, как – управление административной деликтностью, т.е. целенаправленной деятельности государственных органов по реализации функций предупреждения административных правонарушений, законотворчества и правоприменения в данной сфере.

Действительно, для проведения согласованной правоохранительной политики существенное значение приобретает управленческий подход к координации органов, осуществляющих борьбу с административными правонарушениями и профилактику их совершения. Этому также должна способствовать планомерная работа, основанная на документах стратегического характера и программно-целевого планирования. При этом основополагающим моментом в этой деятельности должно стать обеспечение баланса государственной идеологии и частных интересов участников деликтных отношений.

Главным вопросом при организации управления административной деликтностью является наделение конкретного органа государственной власти полномочиями по координации субъектов правоприменительной деятельности. Высказываются предложения о том, что поскольку административная деликтность и преступность тесно связаны между собой, и координация деятельности по противодействию преступности возложена на прокуратуру, то целесообразнее координацию деятельности по противодействию деликтности в целом осуществлять единому органу, надзирающему за законностью, а именно – Генеральной прокуратуре. Полагаем, что данное предложение имеет вполне логичное обоснование и может быть воспринято отечественной практикой.

С точки зрения воздействия административных правонарушений на формирование в дальнейшем уголовно наказуемого поведения лиц, ранее привлекаемых к административной ответственности, необходимо отметить наличие негативных факторов по увеличению количества административных правонарушений для формирования преступной среды, недооценка влияния административных правонарушений на состояние защищенности жизненно важных интересов общества и государства и недопонимание необходимости разработки комплексного стратегического плана борьбы не только с преступлениями, но и с административными правонарушениями. Наибольшие усилия сосредоточены именно на борьбу и предупреждение преступлений, в

связи с чем на государственном уровне принимаются соответствующие программы.

Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» координация деятельности по профилактике правонарушений в пределах компетенции осуществляется Генеральным прокурором Республики Беларусь и нижестоящими прокурорами территориальных и транспортных прокуратур, в том числе посредством организации работы координационных совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией. Однако, деятельность органов прокуратуры сконцентрирована в большей степени на борьбу с преступностью и коррупцией. Иными словами, борьба с административными правонарушениями, в сравнении с преступлениями, не носит такого системного и полномасштабного характера в деятельности органов, наделенных полномочиями контроля (надзора) и привлечения к административной ответственности. Каждый орган занимается сферой, в которой он наделен определенным объемом полномочий, отсутствует единая методическая работа по предупреждению и профилактике административных правонарушений, в том числе в разрезе видов правонарушений.

Обратим внимание на Программу по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020-2022 годы. Одной из основных задач Программы является обеспечение эффективного функционирования и дальнейшего совершенствования системы профилактики правонарушений посредством скоординированной деятельности и расширения взаимодействия государственных и общественных структур. В качестве мероприятия Программы закреплён анализ практики работы субъектов профилактики правонарушений в сфере предупреждения правонарушений против общественного порядка; привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство. Как мы видим, с одной стороны, на уровне Программы признана роль административных правонарушений против общественного порядка в формировании в дальнейшем уголовно-наказуемого поведения лиц, совершивших данные правонарушения. Однако, с другой стороны, Программа ограничивается только анализом работы субъектов профилактики данной категории правонарушений. Остальные виды административных правонарушений и профилактическая работа по ним не нашли отражения в республиканских программных документах подобного плана.

В этой связи представляется целесообразным в дальнейшем разработка единой программы не только по борьбе с преступностью и коррупцией, но и с административными правонарушениями, которую следует наполнить мероприятиями, направленными на предупреждение и профилактику административных правонарушений, в том числе повторное совершение которых влечет уголовную ответственность.

В заключение отметим, что эффективность функционирования системы управления административной деликтностью зависит от множества факторов, анализ которых должен иметь теоретико-методологическую основу. Все это будет способствовать совершенствованию правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях, установлению единых подходов

к анализу и оценке количественных и качественных показателей административной деликтности.

Список использованных источников:

1. Дерюга, А.Н. Задачи административной деликтологии на современном этапе / А.Н.Дерюга // Государство и право. – 2010. – № 2. – С. 5–12.
2. Мышляев, Н.П. Теоретические и прикладные основы административной деликтологии: автореф. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Н.П.Мышляев. – М., 2004. – 46 с.
3. Никулин, М.И. Проблемы науки административной деликтологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / М.И.Никулин. – М., 2005. – 50 с.
4. Гензюк, Э.Е. Административная деликтология: автореф. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Э.Е.Гензюк. – М., 2001.
5. Дерюга, А.Н. Соотношение административной деликтологии и статистики / А.Н.Дерюга // Вестн. Московского ун-та МВД России. – 2010. – № 1. – С. 90–92.

Лосев Владимир Владимирович

**НЕЗАКОННЫЕ СБЫТ И ПРИОБРЕТЕНИЕ БАЗ ПЕРСОНАЛЬНЫХ
ДАнных: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
ПРЕДПРИЯТИЙ**

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, факультет права,
Белорусский государственный экономический университет, кандидат
юридических наук, доцент, Losev.Lv@yandex.ru

Аннотация. В статье проведено комплексное исследование ответственности должностных лиц за незаконные сбыт и приобретение баз персональных данных – уголовной, административной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности. Охарактеризованы действия, образующие незаконную обработку персональных данных. Выделены проблемные вопросы их квалификации. Сформулированы предложения о правилах юридической оценки нарушений должностными лицами законодательства о защите персональных данных и прав субъектов персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, базы данных, сбыт, приобретение, ответственность, должностные лица, квалификация.

В 2021 г. был принят Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», а также внесены изменения и дополнения в части установления ответственности за незаконные действия с персональными данными в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) и в Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК), а также в Декрет

Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций».

В хозяйственной деятельности давно уже получила широкое распространение практика незаконного сбора баз персональных данных для целей рекламной рассылки, привлечения покупателей и клиентов. Утечки баз персональных данных и, как следствие, спам-рассылка, звонки с незнакомых номеров, неправомерный доступ к банковским счетам граждан, «телефонное мошенничество» стали уже повседневностью.

Наиболее громкими примерами служат подобные инциденты, выявленные в этом году Национальным центром защиты персональных данных: в июле 2022 г. – утечка персональных данных 635 тыс. участников программы лояльности торговой сети «Соседи»; в октябре 2022 г. – утечка персональных данных 148 тыс. клиентов ЧТУП «ЗападХимТорг» (бренд «Остров чистоты и вкуса»), а также утечка данных пользователей сервиса доставки еды «Just-eat» (ООО «ФУД КЛАБ»).

В связи с этим приобрели особую актуальность вопросы юридической оценки нарушений законодательства о защите персональных данных, прежде всего незаконных сбыта и приобретения персональных данных, совершенных должностными лицами с использованием своих служебных полномочий.

Проблематика ответственности за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных стала исследоваться в Беларуси сравнительно недавно. В последние годы ей уделили внимание, в частности, В.В. Вабищевич [1; 2], Д.Г. Полещук [3; 4; 5; 6; 7], который в 2020 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Уголовно-правовая охрана информационной безопасности (на примере отдельных аспектов охраны кибербезопасности и защиты информации ограниченного распространения)» [7], А.А. Пухов [8], Н.А. Саванович [9]. Ученые исследовали планируемые и состоявшиеся изменения в законодательстве, формулировали предложения по совершенствованию норм УК, рассматривали отдельные вопросы ответственности.

Сейчас требуется комплексный подход к определению правил юридической оценки незаконных действий должностных лиц с персональными данными.

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных) вступил в силу 15 ноября 2021 г. Его действие распространяется на все государственные органы, юридические лица (всех форм собственности), иные организации (далее – организации), на всех физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, которые самостоятельно или совместно с иными названными лицами организуют и (или) осуществляют любые действия с персональными данными, то есть их обработку, и тем самым являются «операторами».

Обработку персональных данных образуют любое действие или совокупность действий, совершаемые с персональными данными, включая

сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных (ст. 1 Закона о защите персональных данных).

Обязаны соблюдать требования Закона о защите персональных данных и «уполномоченные лица» – это государственные органы, юридические лица Республики Беларусь, иные организации, физические лица, которые в соответствии с актом законодательства, решением государственного органа, являющегося оператором, либо на основании договора с оператором осуществляют обработку персональных данных от имени оператора или в его интересах (далее, говоря об операторах, подразумеваем и уполномоченных лиц, которые тоже осуществляют обработку персональных данных).

В соответствии с п. 1 ст. 16 Закона о защите персональных данных оператор наряду с иным обязан обеспечивать защиту персональных данных в процессе их обработки. Пункт 1 ст. 17 этого Закона обязывает оператора принимать правовые, организационные и технические меры по обеспечению защиты персональных данных от несанкционированного или случайного доступа к ним, изменения, блокирования, копирования, распространения, предоставления, удаления персональных данных, а также от иных неправомерных действий в отношении персональных данных.

Обработку персональных данных и их защиту организуют и осуществляют должностные лица операторов, а именно руководители организаций, структурных подразделений, лица, назначенные ответственными за осуществление внутреннего контроля за обработкой персональных данных, а также другие работники, непосредственно осуществляющие такую обработку в процессе трудовой (служебной) деятельности.

Защиту персональных данных наряду с иными правовыми, организационными и техническими мерами обеспечивает установление ответственности:

уголовная ответственность за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных (ст. 203-1 УК) и несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных (ст. 203-2 УК);

административная ответственность за нарушение законодательства о защите персональных данных (ст. 23.7 КоАП);

дисциплинарная ответственность: нарушение работником порядка сбора, систематизации, хранения, изменения, использования, обезличивания, блокирования, распространения, предоставления, удаления персональных данных является основанием прекращения трудового договора, признаваемым дискредитирующим обстоятельством увольнения (п. 10 ст. 47 ТК, пп. 6.14-1 п. 6 Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций»);

гражданско-правовая ответственность: подлежит возмещению моральный вред, причиненный субъекту персональных данных, независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных субъектом убытков (п. 2 ст. 19 Закона о защите персональных данных).

Незаконными признаются действия с персональными данными, совершенные в нарушение требований Закона о защите персональных данных, т.е. без согласия субъекта персональных данных и при отсутствии иных правовых оснований обработки персональных данных, предусмотренных названным Законом (ст. 6 и 8, когда обработка совершается без согласия субъекта) и иными законодательными актами.

Под незаконным сбытом понимаются незаконные предоставление или распространение персональных данных:

предоставление – действия, направленные на ознакомление с персональными данными определенных лица или круга лиц;

распространение – действия, направленные на ознакомление с персональными данными неопределенного круга лиц.

Очевидно, что незаконное распространение персональных данных – это более опасное деяние, чем их предоставление.

Незаконное приобретение персональных данных охватывается понятием «сбор», т.е. получение персональных данных любым незаконным способом.

В ст. 203-1 УК предусмотрена уголовная ответственность за умышленные незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных без согласия лица, если это повлекло причинение существенного вреда его правам, свободам и законным интересам: в ч. 1 – за сбор или предоставление такой информации; в ч. 2 – за ее распространение; в ч. 3 – за сбор, предоставление или распространение такой информации лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Совершение должностным лицом незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных посягает не только на конституционные права и свободы человека и гражданина, но и на интересы службы. В связи с этим возникает вопрос: охватываются ли совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий незаконные сбыт (предоставление, распространение), а равно приобретение (сбор) персональных данных только ст. 203-1 УК либо же требуется дополнительная квалификация как преступления против интересов службы?

Отметим, что ни в одной части ст. 203-1 УК не называется такой специальный субъект преступления, как «должностное лицо». И даже не подразумевается, поскольку не упоминается и признак «использование служебных полномочий».

В ч. 1 примечаний к гл. 35 «Преступления против интересов службы» УК сказано: «должностное лицо, которое использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в настоящей главе, несет ответственность по совокупности преступлений. При этом совершение такого преступления признается существенным вредом, предусмотренным статьями настоящей главы. Правило о совокупности преступлений не применяется, если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления».

В связи с этим содеянное в названном случае, по нашему мнению, следует квалифицировать по совокупности преступлений, поскольку должностное лицо, используя свои служебные полномочия, совершает преступление, предусмотренное в гл. 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» УК, при этом ст. 203-1 УК не указывает (ни прямо, ни косвенно) должностное лицо в качестве специального субъекта незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных. В таком случае налицо идеальная совокупность преступлений, а не конкуренция норм.

Поэтому деяние должностного лица наряду с соответствующей частью ст. 203-1 УК следует дополнительно квалифицировать как превышение служебных полномочий, повлекшее причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан, по соответствующей части ст. 426 УК.

В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 сентября 2021 г. № 7, далее – постановление № 12) сказано, что существенный вред может выражаться в том числе в нарушении конституционных прав и свобод граждан. Право гражданина на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь в соответствии со ст. 28 Конституции Республики Беларусь является конституционным правом, при этом государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании.

Содеянное необходимо квалифицировать именно как превышение служебных полномочий, а не злоупотребление ими (ст. 424 УК), поскольку совершение должностным лицом иного умышленного преступления с использованием своих служебных полномочий, в том числе незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных, очевидно является «действием, которое никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать», о чем как о признаке превышения власти или служебных полномочий прямо говорится в п. 14 постановления № 12.

Следует обратить внимание на то, что в соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 33 УК незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных, предусмотренные ч. 1 ст. 203-1 УК, а именно незаконные сбор и предоставление такой информации, влекут уголовную ответственность лишь при наличии выраженного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке требования лица, пострадавшего от преступления, любого из его совершеннолетних близких родственников или членов семьи в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, или его законного представителя либо представителя юридического лица привлечь виновного к уголовной ответственности. Ответственность же за преступления, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 203-1 УК, наступает независимо от требования пострадавшего.

Тем самым при отсутствии подобного требования пострадавшего совершенные должностным лицом при явном выходе за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, умышленные незаконные сбор или предоставление информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, повлекшие причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина, должны влечь ответственность только по соответствующей части ст. 426 УК (превышение власти или служебных полномочий).

При отсутствии существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина умышленные незаконные сбыт и приобретение персональных данных образуют административное правонарушение, предусмотренное ст. 23.7 КоАП. Согласно ч. 2 этой статьи размер штрафа увеличивается до 100 базовых величин, если сбыт (предоставление) или приобретение (сбор) были совершены лицом, которому персональные данные известны в связи с его профессиональной или служебной деятельностью (т.е. в том числе должностным лицом), и до 200 базовых величин, если лицом было совершено умышленное незаконное распространение персональных данных. Ответственность за административное правонарушение, предусмотренное ст. 23.7 КоАП, наступает независимо от требования потерпевшего или его законного представителя.

Увольнение должностного лица за такие незаконные действия с персональными данными по п. 10 ст. 47 ТК, пп. 6.14-1 п. 6 Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» не препятствует его привлечению к административной или уголовной ответственности.

Сформулированное автором мнение о квалификации подобных действий должностных лиц направлено на привлечение внимания к данной проблематике и активизацию дискуссии в этом направлении.

Список использованных источников

1. Вабищевич, В. Посягательства на персональные данные: направления криминализации / В. Вабищевич // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 12. – С. 68–73.
2. Вабищевич, В. Уголовно-правовая охрана персональных данных в контексте обеспечения информационной безопасности / В. Вабищевич // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 4. – С. 74–77.
3. Полещук, Д. Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны информационной безопасности на примере защиты информации о частной жизни и персональных данных / Д. Полещук // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 1. – С. 25–30.
4. Полещук, Д. Ответственность за незаконные действия с персональными данными: текущее состояние и перспективы / Д. Полещук // Законность и правопорядок. – 2020. – № 4. – С. 44–49.
5. Полещук, Д.Г. Уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными: новое в законодательстве и правоприменении [Электронный ресурс] : / Д. Г. Полещук // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. Полещук, Д.Г. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: актуальные проблемы теории и практики / Д. Г. Полещук; под науч. ред. Д. В. Шаблинской ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск : Колорград, 2022. – 239 с.

7. Полещук, Д.Г. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности (на примере отдельных аспектов охраны кибербезопасности и защиты информации ограниченного распространения) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Г. Полещук. – Минск, 2020. – 32 с.

8. Пухов, А. Уголовно-правовая защита неприкосновенности частной жизни и персональных данных в свете изменений уголовного закона / А. Пухов // Право.by. – 2021. – № 4. – С. 85–92.

9. Саванович, Н.А. Уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными [Электронный ресурс] : / Н. А. Саванович. Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obyavleniya/2021/june/65306/>. – Дата доступа: 12.10.2022.

Минько Наталья Сергеевна

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПОНИМАНИЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (СТРОИТЕЛЬСТВА) БЕЛАРУСИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

руководитель Центра государственного строительства и права ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», кандидат юридических наук, доцент,
natallia.minko@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются основные этапы интеграционного развития (строительства) на территории белорусского государства, анализируются принятые акты конституционного значения. Вносятся ряд предложений, связанных с современными тенденциями развития Беларуси в составе интеграционных образований.

Ключевые слова: интеграционный конституционализм, интеграционное развитие (строительство), конституционные акты, акты конституционного значения, конституционные преобразования.

Интеграционные преобразования обусловлены рядом факторов, среди которых, как правило, называют следующие: исторический путь развития государственности, форма государства, традиции, политические и социально-экономические предпосылки, конституционная идентичность, идеология и правовая культура, национальные особенности, менталитет и специфика правовой коммуникации и иных коммуникационных процессов.

«В процессе становления и развития белорусского этноса его государственность нашла воплощение в виде исторических и национальных форм. Исторические формы государственности принадлежат не только белорусскому народу, но и другим народам (Полоцкая земля, Великое

княжество Литовское (ВКЛ), Речь Посполитая, Российская империя – исторические формы государственности, развившиеся на наших землях). В дальнейшем белорусская государственность нашла воплощение в национальных формах: БНР, ССРБ, БССР и Республике Беларусь» [1, с. 13].

В целях конституционного понимания интеграционных тенденций на территории Беларуси требует осмысления вопрос о сущностных особенностях актов конституционного значения, в том числе конституционных актов и конституций, принятых в тот или иной исторический период. Представляется очевидным, что указанными актами традиционно регулировались отношения в области государственного строительства, функционирования политической системы, отношения, опосредующие деятельность государственных органов. Выявление интеграционного потенциала, заложенного в текстах актов конституционного значения, видится ключевой задачей в настоящий момент. Будущее белорусской государственности и интеграционного строительства и на евразийском пространстве должно определяться с точки зрения так называемых «конституционных параметров и критериев».

Ученые Института истории НАН Беларуси отмечают, что «в истории белорусской государственности можно выделить три периода: догосударственный (100 тыс. лет до н. э. – первая половина IX в.); исторических форм государственности (вторая половина IX – начало XX в.); национальных форм государственности (начало XX – начало XXI в.)» [1, с. 6]. Конституционная история, эволюция белорусской государственности в целом формировалась, трансформировалась на протяжении многих столетий. «Ее истоки берут свое начало в древнем государственном устройстве и в обычном праве. Вместе с тем в 12–13 веках начинается развитие писаного права в виде международных договоров, соглашений народа и князей, отдельных грамот-привилеев» [2, с. 8].

Одним из первых знаковых исторических памятников конституционного значения и актом писаного белорусского права был Договор 1229 года Смоленского, Витебского и Полоцкого княжеств с Ригой и Готландом (Балтийским побережьем) – Смоленская торговая правда. Договор 1229 года закрепил правовые нормы, которые обеспечивали мирные, добрососедские отношения в торгово-экономических и государственно-политических связях на основе принципов взаимности и равноправия сторон.

По мнению М.Ф. Чудакова, «история белорусского конституционализма имеет два основных этапа: «этап неписаной конституции (этап «протоконституции», «квазиконституции» (XVI в. – 1919 г.) и этап писаных конституций (1919 г. – наши дни)). На первом этапе важнейшими актами конституционного значения были следующие: Привилей 1387 г., Привилей 1413 г. (главной идеей которого являлось укрепление союзных отношений между ВКЛ и Польшей), Привилей Казимира 1447 г. (принятый в целях укрепления суверенитета и обособленности ВКЛ), Привилей Александра Казимировича 1492 г. (принятый в дополнение и развитие положений Привилея 1447 г.), Городецкий Привилей Жигимонта от 7 декабря 1506 г. (закрепляющий

дополнительные положения о правах и свободах), а также Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. (которые являлись протоконституциями)» [3, с. 130].

Важнейшие проблемы государственного уровня также решались в ВКЛ в форме нормативных договоров о союзных отношениях с Польшей (например, акты Виленско-Радомской унии 1401 г. и Городельской унии 1413 г.) [3, с. 91].

Таким образом, мы видим, что на территории Беларуси зарождение и развитие основ интеграционного конституционализма проходило под влиянием внутренних и внешних факторов (экономических, социальных, политических и др.), о чем свидетельствуют дошедшие до нашего времени исторические сведения и источники права. Одно из крупнейших европейских государств начала второго тысячелетия новой эры – Полоцкое княжество успешно обеспечивало свой суверенитет, активно взаимодействуя с другими государствами: в международных договорах XII–XIII ст. ст. находятся нормы конституционного характера интеграционной направленности: о стремлении сохранить государственный суверенитет и мирно взаимодействовать с другими государствами и др.

В.Г. Тихиня в этой связи отмечает следующее: «История белорусского права свидетельствует о том, что правовая система Беларуси прошла в свое время несколько этапов интеграции. В составе Древнерусского государства на территории Беларуси действовали нормы Русской правды и церковного права. Когда белорусские земли вошли в состав Великого княжества Литовского, свое развитие получило «писаное право» в виде специальных грамот (например, Судебник 1468 года). В первой четверти XVI века была осуществлена систематизация местного права, которая успешно завершилась в 1529 году изданием первого в Европе свода законов – Статута Великого княжества Литовского» [4, с. 57].

Таким образом, новым, особым этапом интеграционного развития (строительства) стало вхождение белорусских княжеств в состав Великого княжества Литовского. В более полном объеме содержались конституционные нормы (включая положения интеграционной направленности) в Статутах 1529, 1566, 1588 годов. С принятием в 1929 г. первого Статута начался новый этап в развитии законодательства ВКЛ – статутный, который пришел на смену привилейному этапу.

Видится убедительным сложившийся научный подход о том, что историю ВКЛ можно рассматривать как историю федерализма или конфедерализма, то есть союзного строительства ВКЛ и Польши. При этом суверенитет ВКЛ в составе Речи Посполитой был определенным образом ограничен (был неполным), сохраняясь на условиях добровольности объединения, права на нормотворчество, наличие института гражданства (его элементов).

Конституция Речи Посполитой от 3 мая 1791 г., будучи оригинальным образцом конституционного нормотворчества, подтвердила существование Речи Посполитой как федерации (конфедерации). При этом, по мнению М.Ф. Чудакова, «был очевиден польский характер данной Конституции, для ВКЛ она

была октроированной; Конституция 1791 г. фактически не стала таковой, оставшись «декларацией» о намерениях, «квазиконституцией» [3, с. 163].

В результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1794, 1795 гг.) и присоединения земель ВКЛ к Российской империи начала утверждаться политическая концепция о том, что «это древнерусские земли с русским населением. Екатерина II писала, что, присоединив Беларусь к России, она не захватила ни одного вершка польской земли. По ее убеждению, Россия вернула то, что сами поляки называют Красной Русью. Что касается Литвы, так она ни тогда не была Польшей. <...> После разделов Речи Посполитой российские власти до 1830-х годов достаточно либерально относились к решению многих вопросов внутривнутриполитической жизни белорусско-литовских земель» [5, с. 260].

Важнейшим этапом («возрождением конституционного процесса на белорусских землях, входивших в состав Российской империи» [3, с. 163]) отечественного конституционализма и российского конституционализма выступают принятие Манифестов 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», а также Февральская и Октябрьская революции 1917 г.

С принятием 3 февраля 1919 года Конституции ССРБ (БССР) была закреплена белорусская государственность этого периода и начался этап писанных белорусских конституций. 30 декабря 1922 г. с провозглашением СССР, как отмечает М.Ф. Чудаков, «став субъектом федерации, Беларусь в значительной степени восстановила свою территорию и стала активнее развивать свою государственность» [3, с. 214].

«Поскольку все важнейшие законодательные акты республики контролировались соответствующими партийными структурами в Москве, то проект Конституции БССР 1927 года предварительно был обсужден в комиссии фракции ВКП(б) Президиума ЦИК СССР. Окончательно проект Конституции БССР был утвержден VIII Всебелорусским Съездом Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов 11 апреля 1927 года. Конституция состояла из 13 глав и 76 статей. Конституция оговаривала вопрос о статусе БССР в связи с образованием СССР. В статье 4 записано, что БССР «как союзная республика передает Союзу полномочия, определенные статьей 1 Конституции Союза Советских Социалистических Республик» и сохраняет «право свободного выхода из Союза» согласно статье 4 Конституции СССР» [6, с. 17].

«Третья по счету Конституция Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) – Конституция крепнущего социализма была принята 19 февраля 1937 года Чрезвычайным XII Съездом Советов Белорусской Советской Социалистической Республики. Она была разработана на основе Конституции СССР 1936 года. <...> Важным нововведением Конституции БССР 1937 года стало включение в нее главы, определяющей государственное устройство республики и разграничение прав между высшими органами власти и органами государственного управления БССР и СССР, в состав которой республика вошла добровольно» [6, с. 23].

В целях комплексного осмысления проблем интеграционности нужно обратить внимание на различные аспекты заключения Рижского мирного договора (Рижского мира 1921 г.) в судьбе белорусского народа и развития белорусской государственности. Так, по мнению ряда исследователей-историографов «этот договор заложил глубинные антагонистические межгосударственные противоречия и породил неустойчивость в межнациональной безопасности народов Восточной Европы. <...> Он являлся антибелорусским по сути, так как не отвечал национально-государственным интересам белорусского народа» [6, с. 6].

Нужно отметить, что «29 октября 1939 года Белорусское Народное Собрание единогласно утвердило «Декларацию Белорусского Народного Собрания по вопросу о вхождении Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики». Для выполнения данной задачи и передачи своих решений Верховному Совету СССР и Верховному Совету БССР Народное собрание избрало Полномочную комиссию из 66 делегатов. В единогласно принятой в тот же день Декларации о государственной власти подчеркивалось, что «Белорусское Народное Собрание, выражая непоколебимую волю и желание народов Западной Белоруссии, провозглашает на всей территории Западной Белоруссии установление советской власти» [6, с. 63].

«Народное собрание объявило 17 сентября днем освобождения трудящихся Западной Белоруссии от гнета буржуазии и помещиков. День 17 сентября имеет все необходимые исторические и правовые предпосылки считаться Днем народного единства в Беларуси. <...> Процесс правового закрепления факта вхождения Западной Белоруссии в состав Советского Союза был завершён решениями V внеочередной сессии Верховного Совета СССР 2 ноября и III внеочередной сессии Верховного Совета БССР первого созыва 14 ноября 1939 года. 12 ноября 1939 года III внеочередная сессия Верховного Совета БССР первого созыва постановила: «Принять Западную Белоруссию в состав Белорусской Советской Социалистической Республики и воссоединить тем самым белорусский народ в едином Белорусском государстве». В тот же день был принят Закон БССР «О принятии Западной Белоруссии в состав БССР» [6, с. 66].

С точки зрения нормотворческой техники каждая последующая белорусская Конституция (1927, 1937 и 1978 гг.) была совершеннее, детальнее и последовательнее предыдущей, поскольку способствовала реальному формированию государственного механизма. Конституция 1994 года являла собой первый писанный Основной Закон суверенного белорусского государства, созданный представителями белорусского народа, который заложил основы дальнейшего формирования сильного государственно-правового механизма и интеграционного развития. С принятием Конституции 1994 года начался новый этап интеграционного развития суверенного белорусского государства.

8 декабря 1991 г. руководители Республики Беларусь, РСФСР и Украины как представители государств-учредителей СССР заключили соглашение,

которое предусматривало, что СССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование. Одновременно предусматривалось создание Содружества Независимых Государств (СНГ). 10 декабря 1991 г. Верховный Совет Республики Беларусь ратифицировал данное соглашение и денонсировал Договор 1922 г. об образовании СССР. 21 декабря 1991 г., была принята Алма-Атинская декларация, которая обусловила присоединение к СНГ других государств, входивших ранее в СССР. Обретение независимости бывшими союзными республиками, образование СНГ, процессы реформирования и кризисные явления, которые охватили практически все основные сферы жизнедеятельности стран Содружества, создавали новые условия для взаимодействия и сотрудничества новых суверенных государств.

Став независимой, Беларусь подтвердила свою приверженность положениям Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека, общепризнанным принципам международного права. В качестве основных ориентиров проведения внешней политики были избраны страны постсоветского пространства, в первую очередь Российская Федерация. История очередного знакового этапа белорусско-российского сотрудничества в это время начинает свой отсчет с установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Российской Федерацией 26 июня 1992 г. Динамика кооперационных связей союзного интеграционного строительства раскрыла новые возможности межгосударственного сотрудничества. С момента распада СССР Беларусью постоянно поддерживаются дипломатические отношения в рамках таких объединений как: СНГ, Организация договора о коллективной безопасности, Союзное государство, ЕАЭС.

Видится необходимой разработка в контексте доктрины интеграционного конституционализма положений и постулатов интеграционного права Союзного государства. На основе изучения содержания и анализа направленности программ и проектов Союзного государства могли бы получить свое наполнение и развитие такие отрасли, подотрасли и институты, как парламентское право Союзного государства; информационное право Союзного государства; право науки, инновационное, инвестиционное право Союзного государства; трудовое и социальное право Союзного государства (включая образовательное право, медицинское право); экологическое, энергетическое (атомное) и аграрное право Союзного государства; таможенное и транспортное право Союзного государства; финансовое, налоговое и банковское право Союзного государства; космическое право Союзного государства; военное право Союзного государства и др. [7, с. 128].

О.С. Игнатов, анализируя конституционные основы интеграционных процессов Российской Федерации и стран-членов СНГ, приходит к мнению о том, что «от того, насколько конституция способна объединить множество политических, социальных сил, заинтересованных в определенных сценариях развития общества, во многом зависит исход общественных преобразований» [8, с. 214], при этом «потенциал интеграционных ресурсов сохраняется, разноскоростное развитие государств не является непреодолимым

препятствием для более тесного взаимодействия, поле интеграционных процессов очень широко, и имеются большие возможности для преодоления препятствий и усиления интеграции» [8, с. 215]. «Достижение поставленных целей в интеграционных процессах напрямую связано с решением конституционно-правовых вопросов. Конституционное право способно эффективно и адекватно отрегулировать систему правовых взаимоотношений в рамках СНГ» [8, с. 216–217].

В связи с указанным концептуальное значение будет иметь научное осмысление такого феномена, понятия, как «интеграционная безопасность», выработка его определения, раскрытие сущности и свойств (признаков). Интеграционная безопасность в рамках Союзного государства Беларуси и России (как комплексная категория) может рассматриваться как состояние защищенности союзных интересов от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить на долгосрочной основе его надежную обороноспособность, всестороннюю технологическую, экономическую, продовольственную, энергетическую, экологическую, информационную безопасность в процессе интеграционного (союзного) строительства, развития. Обеспечение интеграционной безопасности возможно в том числе путем совершенствования системы конституционной безопасности. Причем конституционная безопасность одновременно охватывает как частные, так и публичные отношения, определяя направления конституционализации правопорядка.

Россия и Беларусь – активные участники ЕАЭС. Механизмы решения существующих проблем с использованием модельных законопроектов проектов могли бы разрабатываться в рамках Союзного государства.

ЕАЭС – институциональная система отношений, которая позволила стабилизировать и сохранять на высоком уровне отношения между странами-членами. Заключение в Астане 29 мая 2014 года Договора о Евразийском экономическом союзе с участием Беларуси и его последующее вступление в силу 1 января 2015 года ознаменовало качественно новый этап в процессах евразийской интеграции.

В настоящее время интеграционные процессы регионального уровня приобретают форму мега-блоков нового поколения с большим количеством стран-участниц, фиксировать договоренности, развивать их институциональное оформление. «На евразийском пространстве в перспективе таким мега-блоком может стать проект создания глобальной сети гибких партнерств – Большое евразийское партнерство (БЕП) «Большая Евразия»: связанное общими интересами в устойчивом развитии и процветании, производственно-технической кооперацией, пониманием солидарной ответственности за будущее человечества, историческими узами многовекового сотрудничества в Евразии сообщество стран, стремящихся к созданию общего пространства гармоничного социально-экономического и культурного развития, созидательного сотрудничества и дружбы своих народов» [9, с. 306].

27 февраля 2022 года в историю Республики Беларусь вписана новая страница – состоялся республиканский референдум, на котором абсолютное большинство граждан поддержало предложенные конституционные поправки, вступившие в законную силу. Конституция Республики Беларусь отражает ценностный выбор белорусского народа и закладывает основы внесения последующих изменений и дополнений в иные нормативные правовые акты. Конституционные нововведения, а также появление новых вызовов и угроз национальной безопасности Республики Беларусь обусловили необходимость пересмотра и уточнения отдельной терминологии и положений, используемых в Концепции национальной безопасности. В частности, подлежат уточнению такие понятия, как «национальные интересы» и «стратегические национальные интересы».

Кроме того, видится необходимым включение в текст Концепции национальной безопасности и ряд иных нормативных правовых актов таких понятий, как «правовая устойчивость», «правовое доверие», «правовая эффективность». Правовая эффективность предполагает достижение поставленных целей и конкретных результатов с минимально возможными негативными для правовой системы последствиями (издержками) при поддержании ее устойчивого развития. Важно уделить внимание разработке аспектов *мемориальной политики* (с подготовкой ее Концепции). Мемориальная политика является важным элементом государственной идеологии. Требуют отдельного осмысления аспекты размывания национальной идентичности, конституционной идентичности и конституционного патриотизма.

Список использованных источников

1. Республика Беларусь – 25 лет созиданий и свершений. Т. 1 Государствообразующие процессы. Государственное строительство (этапы становления). Институты власти и управления. Национальная правовая система. Конституционные права и свободы граждан. Гарантии их обеспечения. Население. Государственные языки. Административно-территориальное устройство / А. Г. Боброва [и др.] ; редсовет: В. П. Андрейченко [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 631 с.
2. Довнар, Т. И. Статут Великого княжества Литовского 1566 года / Т. И. Довнар, В. Н. Сатолин, И.Я. Юхо; редколлегия Т. И. Довнар и др. – Минск : Тесей, 2003. – 352 с.
3. Чудаков, М. Ф. Конституционный процесс в Беларуси (от Привилея Казимира до Конституции Республики Беларусь): моногр. / М. Ф. Чудаков. – 2-е изд. испр. и доп. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 290 с.
4. Тихиня, В. Г. Тенденции и пути развития в условиях интеграции правовой системы современной Беларуси / В. Г. Тихиня // Право и экономика. – 2021. – Выпуск 11. – С. 57–66.
5. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 2. Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) / Н. В. Смехович [и др.] ; отв. ред. тома: Н. В. Смехович, А. В. Унучек, Е. Н. Филатова ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 413 с.
6. Они были первыми. Депутаты Верховного Совета БССР первого созыва = Яны былі першымі. Дэпутаты Вярхоўнага Савета БССР першага склікання = They were the first. Deputies of the Supreme Council of the BSSR of the first convocation. – Минск : Беларуская Энциклопедия им. Петруся Бровки, 2021. – 208 с.

7. Минько, Н. С. Правоотношения в Союзном государстве Беларуси и России (в контексте обеспечения национальной экономической безопасности) / Н. С. Минько, О. В. Слижевская // Актуальные проблемы гражданского права: научный журнал / Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО». – 2022. – № 1 (19). – С. 114–130.

8. Игнатов, О.С. Конституционные основы интеграционных процессов Российской Федерации и стран-членов СНГ / О. С. Игнатов // Вопросы российского и международного права. – 2019. – № 9 (3А). – С. 212–218.

9. Коледа, О. А. Перспективы формирования интеграционного проекта «Большая Евразия» / О. А. Коледа // // Белорусская социально-экономическая модель: теория и практика / под науч. ред. В. Г. Гусакова ; Нац. акад. наук Беларуси, Институт экономики. – Минск : Белорусская наука, 2022. – 666 с. – (Белорусская экономическая школа).

Станкевич Оксана Генриховна

О ПРИНЦИПЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

начальник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент ok.stankevich@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена новому конституционному принципу социальной ответственности. Рассмотрены отдельные аспекты понимания социальной ответственности в науке, в правовых актах. Сделан вывод о том, что узкое восприятие социальной ответственности через ее юридическое содержание не способствует должной эффективности использования соответствующего конституционного принципа в механизме преобразования социальной политики государства. Предложено обратить внимание на неюридическую компоненту социальной ответственности индивида.

Ключевые слова: социальная ответственность; социальное государство, конституционные принципы.

Социальная ответственность относится к числу тех проблем, актуальность которых не снижается в любых условиях. Так, никогда не снимались с повестки дня вопросы об ответственном отношении индивида к семейно-бытовым обязанностям, к своему труду, социальным и другим обязанностям. Очевидно (и на это указывается исследователями разного профиля), «проблема социальной ответственности, преломляясь в человеческом поведении в стимулы и мотивы, ожидания и опасения, хозяйственную практику и морально-нравственные принципы, сопровождает индивида на протяжении всей его жизни» [1, 415].

Особая актуальность рассмотрения социальной ответственности в современных условиях состоит в акцентировании как в доктрине, так и на

практике внимания на необходимости создания социально ответственных общественных отношений, позволяющих трансформировать (преобразовать) сложившуюся модель социального государства, сделать ее более эффективной. Эта трансформация и требует постепенного перераспределения социальной ответственности за всеобщее благосостояние между государством, хозяйствующими субъектами, гражданами и общественными объединениями. Актуализация данной проблемы обусловлена и новым этапом в конституционном развитии нашего государства. Решением республиканского референдума, который состоялся 27 февраля 2022 г., ст. 21 Конституции Республики Беларусь дополнена положением о социальной ответственности граждан: «Каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства».

Конституционное закрепление социальной ответственности индивида – это самый высокий уровень акцентирования внимания общества и государства на проблемах формирования социально ответственного отношения личности к уровню и качеству собственной жизни, а также к достижению целей социально-экономического развития страны. Это важнейший шаг на пути к совершенствованию конституционной модели социального государства. Сегодня социальная ответственность – это значимый конституционный принцип, реализация которого требует активной работы по продвижению соответствующей идеи на всех уровнях государственного управления и гражданского общества.

Необходимо обратить внимание на проблему понимания социальной ответственности. Ни доктрина, ни правовые акты, ни практика не демонстрируют единство и определенность относительно понятия и содержания социальной ответственности. И на это есть объективные причины – многоплановый характер социальной ответственности предопределяет разнообразие взглядов и позиций. С другой стороны, благодаря неухающей научной дискуссии к настоящему времени сформировалась достаточно обширная научная база по данной проблематике, уходящая корнями в античную философию.

В последнее десятилетие в науке наиболее активно обсуждаются и разрабатываются различные аспекты социальной ответственности бизнес-субъектов. Им посвящаются диссертации, социологические исследования, разработаны международные стандарты. Данная проблематика уже прочно вошла в образовательный процесс: в учреждениях высшего образования, которые готовят специалистов экономического профиля, на разных ступенях читаются соответствующие учебные курсы. Имеется и достаточная эмпирическая база формирования условий для социально ответственной деятельности субъектов хозяйствования.

В Республике Беларусь конституционализация социальной ответственности бизнес-субъектов основывается на положениях статьи 13 Конституции о том, что государство обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях.

По вопросам социальной ответственности хозяйствующих субъектов сформулирован ряд позиций Конституционного Суда Республики Беларусь. Так, к примеру, в Решении Конституционного Суда от 11 марта 2020 г. №Р-1211/2020 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019 году» сформулировано следующее концептуальное положение: «В современных условиях сущность понятия социального государства трансформируется: социальное государство выступает не только как основной фактор благополучия общества, обеспечения социальной справедливости и социальной солидарности, но и как государство, обеспечивающее социальное партнерство, социальную ответственность всех хозяйствующих субъектов независимо от форм собственности». Конституционный Суд обратил внимание на то, что «для повышения устойчивости социальных отношений необходимо сочетать государственное регулирование и развитие институтов корпоративного регулирования и самоуправления, а в реализации социальной политики, наряду с государственными органами, должны принимать активное участие производственные и общественно-профессиональные организации. В этих целях требуется развитие правового регулирования в сфере социального предпринимательства, разработка соответствующих стимулирующих регуляторных механизмов». Сформулированная в данном Послании правовая позиция Конституционного Суда подтверждается в дальнейшем в решениях, принимаемых по результатам обязательного предварительного конституционного контроля соответствующих законов.

Следует отметить, что в отдельных решениях Конституционного Суда затрагиваются и вопросы социальной ответственности граждан, гражданского общества. Так, в Решении от 1 декабря 2020 г. №Р-1230/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь "Об изменении законов по вопросам здравоохранения и оказания психологической помощи"», Конституционный Суд говорит о том, что «устанавливаемое правовое регулирование создает условия для конструктивного участия граждан на принципах сотрудничества в процессах оказания медицинской помощи, проявления социальной ответственности гражданского общества, развития системы социального партнерства в системе здравоохранения...». Вместе с тем развернутая позиция по вопросу социальной ответственности граждан пока не сформулирована.

В науке социальная ответственность индивида (личности) рассматривается главным образом в рамках социологических, философских, психолого-педагогических исследований. В юридической науке внимание данной теме уделяется чаще всего в контексте исследования проблем юридической ответственности. Многие аспекты понимания сущности социальной ответственности позволяют уяснить теоретико-правовые разработки проблем соотношения права и нравственности, а также различные учения о позитивной юридической ответственности.

Один из последних примеров обращения к данной проблематике в отечественной юридической науке – монография белорусского ученого

Н.А. Бабия «Учение об уголовной ответственности», в первой главе которой специально уделяется внимание вопросам понимания социальной ответственности в научной литературе. Автор последовательно и обстоятельно показывает многообразие подходов к определению понятия социальной ответственности, ее соотношению с юридической ответственностью [2].

Наиболее известным представителем белорусской юридической науки, который в своих трудах специально затрагивает проблему социальной ответственности граждан в контексте возможной трансформации социальной политики государства, является, на наш взгляд, С.М. Сивец. Данный автор в своих работах неоднократно отмечал необходимость солидарного распределения социальной ответственности за построение общества всеобщего благосостояния между различными субъектами социальной политики (государство, бизнес, общественные объединения и граждане), а также необходимость пересмотра в этой связи ряда конституционных положений, регламентирующих взаимоотношения государства и личности, распространения принципа конституционного социального партнерства не только на социально-трудовую сферу, но и на всю социальную сферу в целом [3, с.337].

В качестве правовой основы уяснения сущности социальной ответственности индивида можно рассмотреть Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств N 28-6 «О Концепции формирования правовых основ и механизмов реализации социального государства в странах Содружества» от 31.05.2007 (далее – Концепция). В данной Концепции отдельное внимание уделено социальной ответственности гражданина (наряду с социальной ответственностью государства и бизнеса). Так, в качестве одного из принципов, на основе которых должна осуществляться дальнейшая разработка нормативной базы социального развития, указан принцип индивидуальной социальной ответственности и обязанности граждан прилагать максимум усилий для самообеспечения и самопомощи. Кроме того, реализация социальной ответственности органов всех уровней власти и управления, общества, каждого гражданина рассматривается в Концепции как необходимое условие эффективного функционирования социального государства.

В Концепции раскрыто содержание каждого вида социальной ответственности – социальной ответственности государства, бизнеса и гражданина. Социальная ответственность последнего включает в себя, с одной стороны, ответственность гражданина перед обществом, с другой – перед своими близкими. При этом социальная ответственность перед обществом выражается прежде всего в соблюдении законов и других правовых норм, а также в передаче гражданином части собственности (в виде налогов) на общественные и социальные нужды, на разные уровни государственного управления и в органы самоуправления. Таким образом, в Концепции сделан акцент на юридической составляющей социальной ответственности. Полагаем, такое узкое восприятие социальной ответственности не способствует должной

эффективности ее использования в механизме преобразования социальной политики государства. Вопрос о содержании неюридической компоненты социальной ответственности индивида остается открытым.

Обратимся к научным подходам, представленным в социальной философии, в рамках которых акцентируется внимание на так называемой перспективной социальной ответственности индивида, проявляющейся в осознанном, добровольном, самостоятельном, без каких-либо принуждений извне, увеличении меры свободы и возложении на себя личностью большего круга обязанностей при сохранении или ограничении объема предоставляемых ей социумом прав в процессе жизнедеятельности [4, с.9-10]. Данная сторона социальной ответственности базируется на внутренней регуляции поведения индивида, на относительно устойчивых правилах человеческого общежития, на моральных принципах [5, с.17-18]. Указанные подходы позволяют уяснить важные признаки социальной ответственности как внутреннего отношения к социальным вопросам и ответственного состояния индивида. «Социальная ответственность – это объективно необходимое, глубоко осознанное отношение социальных субъектов к общественным требованиям, сочетающее личные и общественные интересы и выражающееся в добросовестной, творческой и ориентированной на результат деятельности» [6]. Именно такая деятельность является необходимым элементом функционирования социально ответственных отношений. Такое смещение акцентов в понимании социальной ответственности является чрезвычайно важным в контексте реализации обновленных положений Конституции и, соответственно, обновления модели социального государства.

Формирование социальной ответственности граждан – это длительный и постепенный процесс преобразований, направленный на выработку осознанного добровольного ответственного отношения каждого к решению как частных, так и общих социальных задач. Это формирование нового типа взаимоотношений между индивидом, обществом и государством, в основе которых должна лежать единая практикоориентированная концепция социальной ответственности каждого субъекта.

Список использованных источников

1. Фролова, Е.А. Гражданское общество как форма реализации социальной ответственности индивида / Е.А. Фролова // Вестник науки Сибири. - 2011. - № 1 (1). – С.414-420.
2. Бабий, Н.А. Учение об уголовной ответственности: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 680 с.
3. Сивец, С.М. Конституция Республики Беларусь в контексте основных тенденций развития социальной системы государства / С.М. Сивец // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск : Академия МВД, 2019. – С.330-339.

4. Пазина, О.Е. Социальная ответственность личности в современном обществе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. – Н.Новгород, 2007. – 34 с.

5. Сперанский, В.И. Социальная ответственность в системе общественных отношений: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук: 09.00.02. – М., 1990. - 39 с.

6. Мишурова, О.И. Социальная ответственность как явление [Электронный ресурс] / О. И. Мишурова // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история. – 2021. – № 10. – Режим доступа: <https://www.internauka.org/conf/social/li>. – Дата доступа: 06.12.2022.

Скобелев Владимир Петрович

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НА ГРАЖДАНСКОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

заместитель декана по заочному обучению юридического факультета
Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук,
доцент, s_v_p@tut.by

Аннотация. В статье анализируется влияние некоторые конституционных положений на развитие гражданского и хозяйственного судопроизводства. Предметом анализа выступает правило о прямом действии Конституции Республики Беларусь, а также правило о том, что правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Основного Закона страны, не имеют юридической силы. На этой основе проведенного исследования сделаны предложения нормотворческого и правоприменительного характера.

Ключевые слова: конституция; гражданское судопроизводство; хозяйственное судопроизводство; прямое действие конституции; противоречие правового акта конституции.

По итогам республиканского референдума, состоявшегося 27 февраля 2022 г., приняты масштабные изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь. Преобразования затронули правовые основы самых различных сфер государственной и общественной жизни страны, и, как отмечается авторитетными отечественными юристами, были призваны осовременить конституционный текст [1, с. 5], модернизировать Конституцию [2, с. 14]. В этой связи большую актуальность приобретают вопросы о том, какое влияние произошедшее конституционное развитие способно оказать на гражданское и хозяйственное судопроизводство.

Отметим, что решение указанного республиканского референдума имеет двойное значение. С одной стороны, это решение вводит в ткань

конституционно-правового регулирования множество совершенно новых положений. С другой стороны, оставляя без изменений немалое число «старых» норм Основного Закона страны, данное решение фактически выносит им вотум доверия, демонстрирует, что эти нормы успешно прошли апробацию временем и могут продолжать служить фундаментом для поддержания и дальнейшего эффективного развития институтов государства и общества.

Прежде всего стоит обратить внимание на положения ч.2 ст. 7 Конституции Республики Беларусь: «Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь. Иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией». Норма о высшей юридической силе Основного Закона страны и о необходимости издания на основе и в соответствии с ним любых правовых актов присутствовала в нем и прежде, разница только в том, что раньше она содержалась в ч.1 ст. 137 Конституции, решением же референдума норма была перенесена в ч.2 ст. 7 Основного Закона. Принципиально новым здесь является другое правовое положение – о прямом действии Конституции на всей территории Республики Беларусь.

Думается, можно полностью согласиться с Г.А. Василевичем в том, что «указание на прямой характер действия Конституции вносит ясность в вопрос о приоритете норм, когда в текущем законодательстве обнаруживаются противоречащие Основному Закону положения, в том числе выявляются пробелы или иные дефекты. Вместе с тем возникает проблема относительно того, всегда ли можно делать такой вывод (о предпочтении в пользу конституционной нормы и тем самым ее прямом действии), кто вправе так поступить и какие последствия могут наступить в результате ошибочной оценки о необходимости прямого применения норм Основного Закона» [3, с. 26]. По поводу данной проблематики хотелось бы высказать такие соображения.

На наш взгляд, нет никаких сомнений в том, что суды общей юрисдикции являются теми субъектами, которые не только вправе, но и обязаны делать выводы о прямом действии конституционных норм, воплощая эти выводы в выносимых по конкретным делам постановлениях. Особенно актуальна такая потребность в тех случаях, когда отраслевое законодательство (гражданское, семейное, трудовое, жилищное, земельное и т.д.) страдает пробельностью, неопределенностью или недостаточной ясностью.

Но гораздо бóльшую сложность в этом отношении представляют собой те ситуации, когда нормы отраслевого законодательства в той или иной мере не соответствуют Конституции. Сложность обусловлена тем, что модернизированное (в результате республиканского референдума 27 февраля 2022 г.) правило ч.2 ст. 112 Основного Закона Беларуси теперь гласит: «Если при рассмотрении конкретного дела у суда возникнут сомнения в конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению, суд до вынесения судебного постановления ставит в установленном законом порядке перед Конституционным Судом вопрос о проверке конституционности

данного нормативного правового акта». Для сравнения, раньше норма ч.2 ст. 112 Основного Закона предписывала суду самостоятельно делать вывод о несоответствии нормативного правового акта Конституции, принимать на этой основе решение по делу и только потом ставить вопрос о признании данного нормативного правового акта неконституционным.

Таким образом, при рассмотрении конкретного дела суд может оказаться перед дилеммой: руководствоваться ч.2 ст.7 Конституции (т.е. сразу же выносить постановление по делу (вопросу) на основе имеющих прямое действие и обладающих высшей юридической силой конституционных предписаний) или же ч.2 ст. 112 Основного Закона страны (т.е. сперва ставить перед Конституционным Судом вопрос о проверке нормативного правового акта, сомнения в конституционности которого у суда возникли, и лишь затем, по завершении рассмотрения Конституционным Судом данного вопроса, выносить постановление по существу собственного дела или вопроса).

Системный анализ ч.2 ст. 7 и ч.2 ст. 112 Конституции позволяет сделать следующее предположение относительно путей решения обозначенной проблемы. Так, если у суда нет никаких сомнений в том, что нормативный правовой акт (его отдельные положения) неконституционен, то он, по видимому, должен исходить из предписаний ч.2 ст. 7 Конституции. В пользу такого вывода, на наш взгляд, свидетельствует и закрепленное в ч.5 ст. 116-1 Основного Закона условие подачи гражданами в Конституционный Суд жалоб на нарушения их конституционных прав и свобод в результате применения судом определенного закона в конкретном деле – если исчерпаны все другие средства судебной защиты. Думается, что под другими средствами судебной защиты здесь понимается в том числе возможность использования судом ч.2 ст. 7 Конституции, т.е. разрешения дела на основе не отраслевой, а конституционной нормы. Если же вопрос о несоответствии нормативного правового акта Основному Закону Республики Беларусь для суда не столь очевиден, т.е. у суда есть только сомнения относительно конституционности нормативного правового акта, то руководством к действию должна служить норма ч.2 ст. 112 Конституции.

В каких же случаях сомнения в неконституционности нормативного правового акта у суда могут отсутствовать? Вероятно, тогда, когда отраслевой акт законодательства (его отдельные положения) противоречит не только Конституции, но и другому нормативному правовому акту той же отрасли законодательства, принятому на основании Основного Закона Республики Беларусь. Сюда же нужно относить ситуации, когда определенное благо (ценность), гарантированное Конституцией, ограничивается (ущемляется) на уровне отраслевого законодательства в отсутствие на то каких-либо разумных оснований. В частности, нередко в нормативных правовых актах отраслевой направленности происходит безосновательное ограничение такого гарантированного ч.1 ст. 60 Конституции блага, как право каждого на судебную защиту.

Например, п.1 ч.1 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) относит к подведомственности судов в порядке гражданского судопроизводства споры из различных видов материальных правоотношений, «за исключением случаев, когда актами законодательства разрешение таких споров отнесено ... к ведению иных государственных органов, а также иных организаций». Как видно, в нарушение ч.1 ст. 60 Конституции п.1 ч.1 ст. 37 ГПК позволяет изымать из подведомственности судов определенные категории споров и относить их к исключительной компетенции несудебных органов и организаций. Аналогичного рода нарушение присутствует и в ч.1 ст. 353 ГПК: гражданин вправе обратиться в суд с жалобой в порядке §6 главы 29 ГПК, «кроме случаев, когда для разрешения отдельных жалоб законодательством установлен иной, несудебный, порядок обжалования».

Что же касается последствий ситуации, когда суд приходит к ошибочному выводу об однозначной неконституционности нормативного правового акта и использует ч.2 ст. 7 Конституции вместо применения ч.2 ст. 112 Основного Закона, то они могут состоять в отмене судебного постановления в апелляционном порядке (если оно еще не вступило в законную силу) или в порядке надзора (после приобретения судебным постановлением законной силы). Основание для отмены – незаконность судебного постановления как с материально-правовой точки зрения (суд не применил подлежащий применению отраслевой материальный закон и применил не подлежащую применению материальную норму Конституции), так и с точки зрения процессуальной (суд не выполнил важный элемент процедуры – не поставил перед Конституционным Судом вопрос о проверке конституционности соответствующего материального закона).

В любом случае, нужно констатировать, что проблема пределов и критериев использования судами общей юрисдикции положений ч.2 ст. 7, ч.2 ст. 112 Основного Закона Республики Беларусь является очень сложной и, по-видимому, требует принятия со стороны Пленума Верховного Суда Республики Беларусь специального постановления (быть может, даже совместного с Конституционным Судом Республики Беларусь), подобного тем постановлениям, которые в свое время принимались Пленумом Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, – постановлению от 26 апреля 2005 г. №15 «О порядке обращения хозяйственных судов Республики Беларусь в Конституционный Суд Республики Беларусь с предложениями о проверке конституционности нормативных актов», одноименному ему постановлению от 28 ноября 2001 г. №8 и постановлению от 29 октября 1997 г. №37 «О порядке подготовки вопросов по обращениям в Конституционный Суд Республики Беларусь с предложениями о проверке конституционности нормативных актов».

Следующее конституционное правоположение, на которое хотелось бы обратить внимание, закреплено в ч.4 ст. 7 Конституции: «Правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке

противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы». Норма по результатам референдума сохранилась без каких-либо изменений, а это значит, что она прошла успешную апробацию временем и получила вотум доверия. Присутствие в Основном Законе указанного правового положения применительно к гражданскому процессу означает то, что в нем должна существовать возможность пересмотра судебного постановления, принятого на основании нормативного правового акта, который впоследствии был признан неконституционным. На необходимость такого пересмотра прямо указывает ч.6 ст. 85 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. №124-З «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон о КС).

Вместе с тем отраслевое процессуальное законодательство, на что мы уже обращали внимание [4, с. 36], не в полной мере обеспечивает эту возможность. Так, в хозяйственном процессе факт признания нормативного правового акта неконституционным определен в качестве основания для пересмотра судебного постановления, базирующегося на таком акте, по вновь открывшимся обстоятельствам. Соответствующее основание закреплено в абз.7 ч.2 ст. 319 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) – «признание Конституционным Судом Республики Беларусь законодательных актов, примененных судом, рассматривающим экономические дела, в деле, не соответствующими в целом или их части Конституции Республики Беларусь либо не соответствующими в целом или их части нормативным правовым актам большей юридической силы».

В то же время абз.7 ч.2 ст. 319 ХПК не в полной мере отвечает предписаниям ч.4 ст. 7 Конституции, ч.6 ст. 85 Закона о КС. Так, основанием для пересмотра судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам абз.7 ч.2 ст. 319 ХПК называет неконституционность примененных судом лишь законодательных актов. Между тем согласно ч.6 ст. 85 Закона о КС пересмотр судебного постановления должна влечь неконституционность абсолютного любого примененного судом нормативного правового акта, а не только того, который относится к числу законодательных актов. Более того, из смысла ч.4 ст. 7 Основного Закона вытекает (и подтверждается содержанием главы 17 Закона о КС), что противоречащим Конституции может быть признан и международный договор Республики Беларусь. Следовательно, если положения такого международного договора были применены судом при рассмотрении конкретного дела, то вынесенное по делу судебное постановление тоже должно подлежать пересмотру по вновь открывшимся обстоятельствам, чего не учитывает абз.7 ч.2 ст. 319 ХПК.

Еще один недостаток абз.7 ч.2 ст. 319 ХПК состоит в том, что речь в нем идет о несоответствии примененного судом законодательного акта только Конституции Республики Беларусь и нормативным правовым актам большей юридической силы. О другом, названном в ч.6 ст. 85 Закона о КС, проявлении неконституционности нормативного правового акта, – признании Конституционным Судом Республики Беларусь нормативного правового акта

не соответствующим международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, норма абз.7 ч.2 ст. 319 ХПК не упоминает.

Если обратиться к ГПК, то его глава 34 «Производство по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствами» не содержит правила, аналогичного абз.7 ч.2 ст. 319 ХПК, что порождает вопрос о порядке пересмотра судебного постановления, принятого на основании нормативного правового акта (или международного договора), впоследствии признанного неконституционным. По-видимому, для пересмотра должно использоваться надзорное производство – глава 33 ГПК. Однако надзорное производство, как известно, является процессуальным средством выявления в судебном постановлении тех ошибок, которые явились следствием виновных действий суда. Соответственно допустимо ли суду в вину ставить тот факт, что при вынесении постановления им был применен нормативный правовой акт, который затем через какое-то время был признан неконституционным?

В научной литературе достаточно распространено мнение о том, что указанный факт судьям ставить в вину можно, поскольку они обладают необходимой квалификацией для того, чтобы самостоятельно выявлять неконституционность подлежащих применению нормативных правовых актов, поэтому судебное постановление, вынесенное на основании неконституционного (как потом выяснилось) нормативного правового акта, следует пересматривать не по вновь открывшимся обстоятельствам, а в порядке надзора [5, с. 438-439; 6, с. 60; 7, с. 95, 279-282].

Думается, однако, что на поставленный вопрос (особенно в контексте обозначенной выше проблемы соотношения предписаний ч.2 ст. 7 и ч.2 ст. 112 Основного Закона Республики Беларусь) может быть дан и отрицательный ответ. По крайней мере, есть весомая причина для того, чтобы пересмотр судебного постановления в описанной ситуации отличался от надзорного производства, равно как, быть может, и не был полностью тождествен пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам. Причина связана с временным фактором – появлением заключения Конституционного Суда о неконституционности нормативного правового акта или международного договора уже после того, как судебное постановление по конкретному делу состоялось. Это дает повод задуматься о введении в цивилистическое судопроизводство новой проверочной формы – пересмотра судебных постановлений по новым, т.е. возникшим уже после их вынесения, обстоятельствам.

Обращение к проекту Кодекса гражданского судопроизводства (далее – КГС) [8], который, как предполагается, призван в будущем заменить собой ГПК и ХПК, показывает, что в нем воспринят (с незначительными корректировками) подход, реализованный в ХПК. Так, согласно п.6 ч.2 ст. 630 КГС основанием для пересмотра судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам является в том числе «признание Конституционным Судом Республики Беларусь акта законодательства, примененного судом в конкретном деле, не соответствующим полностью или в части Конституции Республики

Беларусь либо не соответствующим полностью или в части нормативным правовым актам большей юридической силы». Как видно, по своей сути норма, в сравнении с абз.7 ч.2 ст. 319 ХПК, почти не изменилась, за исключением замены термина «законодательные акты» на значительно более широкий по смыслу «акт законодательства».

Список использованных источников

1. Чуприс, О.Н. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности / О.Н. Чуприс // Право.by. – 2022. – №2. – С. 5-13.
2. Василевич, Г.А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства / Г.А. Василевич // Право.by. – 2022. – №2. – С. 14-23.
3. Василевич, Г.А. Конституционные изменения как основа для формирования новой иерархии нормативных правовых актов / / Г.А. Василевич // Юстиция Беларуси. – 2022. – №3. – С. 26-29.
4. Скобелев, В.П. Некоторые аспекты конституционного судопроизводства на современном этапе / В.П. Скобелев // Право.by. – 2016. – №1. – С. 30-38.
5. Гражданское процессуальное право: учеб. / С.А. Алехина [и др.]; под ред. М.С. Шакарян. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 584 с.
6. Борисова, Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам / Е. А. Борисова. – М.: «Изд. дом “Городец”», 2006. – 304 с.
7. Терехова, Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты / Л. А. Терехова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 320 с.
8. Проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа: <https://forumpravo.by/publichnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/forum15/16857-proekt-kodeksa-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 10.05.2022.

Телятицкая Татьяна Валерьевна

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИНХРОНИЗАЦИИ «ЦИФРОВОГО» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ЕАЭС

Заведующая кафедрой международного экономического права, факультет права, Белорусский государственный экономический университет, кандидат юридических наук, доцент, *tvt@tut.by*

Аннотация. Рассматривается состояние правового регулирования цифровизации в рамках ЕАЭС и отдельных государств-членов. Проводится анализ современных тенденций развития цифровизации. Выявлены проблемные аспекты и определены основные направления развития интеграционного законодательства о цифровизации в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая экономика; правовое регулирование; Евразийский экономический союз

Стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий в условиях глобальной цифровизации государственной и общественной жизни привело к кардинальным изменениям ранее существовавших взаимосвязей.

Возросшая степень проникновения цифровых инноваций в повседневную жизнь человека (например, интернет-торговля, блокчейн-технологии, большие данные и т.д.) не только улучшила ее качество, но и привело к появлению новых вызовов: киберпреступность, подрыв биологической, информационной, экологической и финансовой безопасности страны, негативные последствия от тотальной биотехнологизации повседневности (генетические модификации продуктов питания, биохакинг, биопиратство и т.д.) [1, с. 10].

Можно с уверенностью утверждать, что влияние новых технологий и форм массовой коммуникации будет только усиливаться. Поэтому важно скоординировать усилия различных государств по развитию позитивных тенденций цифровизации и совместному преодолению ее негативных последствий.

Поскольку в настоящее время ЕАЭС является наиболее действенной структурой межгосударственного сотрудничества, то, как представляется, основные усилия законодателей должны быть сосредоточены на поиске общих подходов правового регулирования цифровизации именно на уровне государств-членов данной организации. При этом, как отмечают исследователи, в контексте реализации цифровой повестки ЕАЭС возможно использовать опыт Европейского союза по отмене неоправданных ограничений на трансграничное перемещение цифрового контента, созданию европейского облачного ресурса, включению в общеевропейский каталог национальных перечней информационно-коммуникационных стандартов [2].

Однако, на наш взгляд, ЕАЭС все-таки обладает весьма существенными отличиями от ЕС в особенностях принятия и реализации его актов, сопряжения актов ЕАЭС с национальным законодательством государств-членов. Поэтому важной задачей современного этапа становится изучение опыта правового регулирования цифровизации отдельных государств, входящих в ЕАЭС с целью выработки «точек соприкосновения» и унификации хотя бы ключевых положений.

Задача осложняется тем, что в настоящее время большой массив вопросов в сфере цифровизации не входит в компетенцию ЕАЭС и регулируется исключительно национальным законодательством государств-членов.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., ЕАЭС является организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, и, соответственно, его компетенция в сфере разработки и принятия актов, в том числе в сфере цифровизации, ограничена теми областями сотрудничества, которые закреплены в данном Договоре.

Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки

Евразийского экономического союза до 2025 года» закреплено, что цифровая повестка реализуется в сферах экономического сотрудничества, определенных Договором о Евразийском экономическом союзе. Основными направлениями деятельности ЕАЭС в данной сфере, провозглашены: цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевая трансформация, цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, цифровая трансформация процессов управления интеграционными процессами, развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов.

Для реализации поставленных задач принято решение Евразийского межправительственного совета от 1 февраля 2019 г. № 1 «О механизмах реализации проектов в рамках цифровой повестки Евразийского экономического союза», разделившее полномочия по принятию решений следующим образом:

Совет Евразийской экономической комиссии утверждает план мероприятий на уровне ЕАЭС, состав координационной группы и ее руководителя, определяет участников, объемы, сроки и источники финансирования, регулирует вопросы прав собственности.

Коллегия Евразийской экономической комиссии утверждает техническое задание проекта и другие документы, необходимые для его реализации.

Государства-члены определяют уполномоченные органы и (или) организации, ответственные за реализацию проекта и (или) выполнение мероприятий в рамках проектной деятельности на национальном уровне.

Однако основное бремя по правовому регулированию цифровизации лежит на отдельных странах, входящих в ЕАЭС, которые с большой степенью самостоятельности разрабатывают, формируют и реализуют национальные мероприятия в данном направлении, что не всегда синхронизируется в рамках ЕАЭС и в итоге отрицательно сказывается как на развитии национальных законодательств, так и на интеграционном строительстве.

Как представляется, наибольших успехов в сфере цифровизации добился Казахстан, уже в 2017 году создавший Государственную программу «Цифровой Казахстан» (утв. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827), основными направлениями которой были провозглашены: цифровизация отраслей экономики, переход на цифровое государство, реализация цифрового Шелкового пути, развитие человеческого капитала и создание инновационной экосистемы.

В целях реализации поставленных задач произошло существенное обновление законодательства, причем не только непосредственно связанного с цифровизацией, но и отраслевого, что уже принесло значимые результаты.

Что касается Российской Федерации, то там, в соответствии Основными направлениями деятельности Правительства на период до 2024 года, утвержденными Правительством РФ 29 сентября 2018 г., поставлена задача обеспечить создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе к конкретной сфере экономики и изменениям в ней. Кроме того, сформированное правовое регулирование должно будет

гарантировать защиту информации, в том числе посредством установления требований по хранению данных на территории России, что не совсем отвечает интеграционным устремлениям государств-участников ЕАЭС.

В Кыргызской Республике решением Совета безопасности от 14 декабря 2018 г. № 2 одобрена Концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023», предусматривающая внедрение реформ, направленных на защиту интеллектуальной собственности, создание гибких механизмов пилотирования инноваций, защиту и стимулирование инвестиций в инновации, поддержку малого и среднего бизнеса, привлечение зарубежных высококвалифицированных специалистов в данную сферу.

В Армении разработана рамочная «Повестка цифровой трансформации Армении до 2030 года», определяющая основные направления цифровой трансформации страны.

Тем не менее, многие из программных документов отдельных стран ЕАЭС в сфере цифровизации носят в большей степени декларативный характер и до настоящего времени еще не обеспечены конкретным законодательством.

В этой связи хотелось бы отметить значительный вклад Республики Беларусь в правовое регулирование цифровизации экономики и связанных с ней правоотношений. Несмотря на стремительное развитие цифровых технологий, нормативные правовые акты Республики Беларусь в достаточной мере содержат базу для регулирования правоотношений в этой сфере [3, с. 157]. При этом, как отмечает В.С. Каменков, государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях [4].

Основополагающим актом в сфере цифровизации в Республике Беларусь является Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2018 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», который установил краткосрочные и долгосрочные перспективы в стратегическом направлении правового регулирования цифровой экономики.

На основе названного Декрета принят целый ряд иных нормативных правовых актов: Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы», Указ Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2019 г. № 148 «О цифровых банковских технологиях», постановление Совета министров Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 758 «Об утверждении Программы деятельности Правительства до 2025 года» и др.

Таким образом, в Республике Беларусь, как и в других странах ЕАЭС, преобладает способ принятия концептуальных документов в сфере цифровизации, который, тем не менее, успешно реализуется в отраслевом законодательстве. При этом у Республики Беларусь в наличии все предпосылки, необходимые для успешной реализации ее цифрового потенциала. Сейчас одной из главных задач является ускорение темпов

цифровой трансформации экономики и общества, которое позволит реализовать: развитие принципиально новых видов бизнеса, включенных в международные производственные цепочки; новую модель привлечения инвестиций в экономику; принципиально более эффективную модель управления в сфере здравоохранения, социальной и образовательной сферах; повысить эффективность государственного управления, создать новые формы социализации и коммуникации людей [5, с. 394].

Представляется, что гармоничное и сбалансированное правовое регулирование цифровизации может быть обеспечено только посредством объединения усилий государств-членов в данном направлении. Должна быть разработана единая нормативно-правовая база государств-членов (или хотя бы обозначены ее контуры), подготовлены предложения относительно охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, реализовано государственно-частное партнерство, налажено широкое информирование о лучших проектах в сфере цифровизации.

С учетом развития интеграционных процессов под эгидой ЕАЭС, особое значение приобретает сопряжение концепций на национальном уровне с актами союза. Особенно это важно для процесса совершенствования внутригосударственного правового регулирования, которое должно корреспондировать установкам союза, носящим обязательный характер на территории всего ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике: моногр. / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2020. – 280 с.
2. Ревенко, Л. Международная практика реализации программ развития цифровой экономики / Л. Ревенко, Н. Ревенко // Международные процессы. – 2017. – Т. 15. - № 4. – С. 20–39.
3. Солонец, Д.О. Современные тенденции правового регулирования цифровой экономики в Республике Беларусь / Д.О. Солонец, О.М. Куницкая // Финансовое право в условиях цифровизации экономики: материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 13 нояб. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.С. Каменков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – С. 154–158.
4. Каменков, В.С. Профессионально об актуальном: О системе правового регулирования цифровой экономики Республики Беларусь / В.С. Каменков [Электр. ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/january/44419/>. – Дата доступа: 16.09.2022.
5. Головенчик, Г.Г. Цифровая экономика / Г.Г. Головенчик, М.М. Ковалев. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 395 с.

Толочко Ольга Николаевна

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

профессор кафедры государственного управления юридического факультета
Белорусского государственного университета, доктор юридических наук,
доцент, o.tolochko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным правовым проблемам использования технологий машинного обучения в юриспруденции. В настоящее время в мире разработаны и используются десятки таких технологий, однако многие аспекты их работы остаются не урегулированными. Автор обращает внимание на необходимость научно-правовых исследований в указанной области, в том числе контроля за качеством обучающих баз данных, присутствия человека на всех стадиях разработки алгоритмов, профилактики дискриминационных и иных нежелательных решений, принимаемых посредством систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: машинное обучение; право; предиктивный анализ; юриспруденция; искусственный интеллект.

Термин «машинное обучение» (machine learning) был введен в 1959 году американским исследователем искусственного интеллекта, сотрудником IBM и профессором Стэнфордского университета Артуром Сэмюэлом, который, помимо этого, разработал первую в мире самообучающуюся компьютерную программу игры в шашки.

Машинное обучение следует отличать от простого программирования. Машинное обучение представляет собой одну из ветвей искусственного интеллекта, базирующуюся на тренировке (обучении) алгоритмов на массивах определенных данных. Анализируя решения большого числа похожих задач, информационные системы начинают самостоятельно выявлять закономерности и предлагать собственные варианты их решений. Таким образом, машинное обучение построено на концепции, что компьютеры могут самообучаться и делать то, на что они не были запрограммированы изначально.

В настоящее время создано и применяется огромное количество продуктов, основанных на технологиях машинного обучения. Наиболее широко такие технологии используются в IT, торговле, транспорте, финансах, здравоохранении, образовании, сельском хозяйстве и промышленности. В последние годы стремительно развиваются также ML legal tech – технологии машинного обучения для юриспруденции.

Число таких технологий быстро растёт. Одним из первых считается американский проект eDiscovery, созданный для анализа и приоритизации юридических документов. Например, одна сторона судебного дела присылает другой стороне документы для ознакомления, – в американском судебном процессе таких документов может быть до миллиона. Машина анализирует их

и предлагает к внимательному прочтению лишь часть из них, которые представляются ей наиболее важными. На базе eDiscovery созданы и работают также технологии анализа и менеджмента контрактов, финансовых расследований и др. В нашей стране они не получили широкого распространения по ряду причин, одной из которых является отсутствие необходимости анализировать огромные массивы документов в судебном процессе – решения могут строиться на небольшом количестве доказательств, представленных истцом (в гражданском процессе) или обвинением (в уголовном).

В последние годы в США повсеместно применяются системы, оценивающие вероятность того, что обвиняемый или подсудимый вновь совершит правонарушение.

Разработанная IBM для нужд полиции ML-модель «Blue CRUSH» предсказывает места совершения будущих преступлений и показывает их на карте города. Эта технология, предназначенная для профилактики правонарушений, на основе статистики предоставляет полиции прогноз совершения потенциальных преступлений определенного вида в определенной местности и в определенный интервал времени. По имеющимся данным, применение её в Мемфисе (штат Теннесси) с 2006 по 2010 гг. позволило сократить количество серьезных преступлений более чем на 30% [1].

Несколько лет назад была разработана система Ross, обучающаяся на истории дел о банкротстве. Ross способна давать советы клиенту, обратившемуся за консультацией, причем диалог происходит в реальном времени, на естественном языке и без участия юриста. В основе системы лежат технологии IBM Watson. Похожего робота, консультирующего клиентов по закону о защите прав потребителей, недавно представила в России компания «Правовед».

Еще одним примером российской разработки на базе технологий IBM является проект Право.ру «Caselook», представляющий собой систему для поиска и анализа судебной практики с элементами машинного обучения. Эта система позволяет решать следующие задачи:

- разбивка споров на категории (аренда, заём, купля-продажа недвижимости и т.п.);
- поиск судебных споров по конкретному участнику;
- поиск в резолютивной части решения;
- поиск по результату рассмотрения (удовлетворено, частично удовлетворено, отказано в удовлетворении);
- определение вероятности исхода дела по конкретной категории споров в конкретном суде конкретным судьёй и др.

Наиболее далеко в применении ML legal tech продвинулся, по всей вероятности, Китай, где внедрена и используется разработанная Академией наук технология машинного обучения System of Systems (SoS), которая сканирует судебные дела, рекомендует судье законодательные акты, составляет процессуальные документы и даже исправляет то, что она считает ошибками в

приговоре. В соответствии с предписанием Верховного Народного Суда КНР каждый судья по каждому делу обязан консультироваться с системой. Если судья не согласен с рекомендациями, то он должен представить ей письменное объяснение для учёта и проверки. Система обучалась на 17 тысячах дел, рассмотренных в судах Шанхая с 2015 по 2020 годы. С 2022 г. она самостоятельно выносит обвинения, основываясь на тысяче характерных черт, которые сама выявляет в судебных документах по конкретным уголовным делам. По сообщениям из китайских источников, внедрение SoS в судебную систему позволило сократить среднюю нагрузку на судью более чем на 33% и сэкономить 1,7 млрд рабочих часов в течение 2 лет. Кроме того сообщается, что за 2019–2021 годы было сэкономлено более 45 млрд долларов, что эквивалентно половине всех гонораров адвокатов в Китае за 2021 год. Система может выдвигать обвинения по восьми наиболее распространённым в КНР преступлениям: хищение, мошенничество, мошенничество с кредитными картами, организация азартных игр, нарушение правил дорожного движения, нанесение телесных повреждений и создание препятствий представителям властей. Разработчики заявляют, что в скором времени искусственный интеллект сможет выносить обвинения и по более сложным с правовой точки зрения делам [2].

Вместе с тем, широкое использование ML legal tech сопряжено с рядом правовых и этических проблем. Разумеется, это большое подспорье в работе, экономия человеческих и материальных ресурсов, снижение коррупционных рисков и т.д. Вместе с тем, применение технологий машинного обучения в юриспруденции должно тщательнейшим образом регулироваться в силу целого ряда обстоятельств.

Прежде всего, важным требованием к качеству самой технологии является полнота, ценность и достоверность данных, на основе которых обучается система. Чем больше данных загружено в алгоритм, тем результативнее будет обучение. Однако многие данные, которые собираются различными органами и организациями, ограничены к доступу: персональные данные; медицинские данные; геолокация и информация, содержащая тайну связи; сведения, которые могут использоваться для идентификации субъектов и объектов, и др. В связи с этим закономерен вопрос: должен ли доступ к необходимым для обучения данным для решения задач в социально важных сферах, предоставляться на особых, упрощённых основаниях?

Проблема соблюдения баланса между требованиями о защите персональных данных и необходимостью их использования для обучения систем искусственного интеллекта является в настоящее время одной из основных концептуальных проблем мировой юридической науки. Решается она в разных странах по-разному. Например, в России принятая в 2019 г. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [3] предусматривает обеспечение благоприятных правовых условий для доступа к данным, преимущественно обезличенным, включая данные,

собираемые государственными органами и медицинскими организациями (п. 49).

Однако обезличивание данных не всегда гарантирует их защиту. Известно довольно большое число случаев, когда сопоставление обезличенных данных между собой позволяло раскрыть субъектов этих данных, в т.ч. медицинских [4]. Если использовать данные под условием согласия, то проблемой является то, что не всегда можно точно определить субъект, которому принадлежат права на данные, – лицо? торговое предприятие / клиника / юридическая фирма...? государственный орган? При этом крупные корпорации имеют гораздо больше возможностей по обработке данных. Они имеют доступ к большому объёму собираемых данных и поэтому находятся в более выигрышном положении, что может приводить к доминирующему положению небольшого количества крупных компаний, которые собирают информацию о своих пользователях и в своих действиях часто руководствуются только собственными интересами и внутренней политикой.

Второй ключевой проблемой является невозможность однозначно оценить, каким образом система пришла к тому или иному решению. Это связано с включением в процесс обучения новых данных и использованием машиной собственного опыта. Далеко не всегда лица, использующие технологию, понимают, каким образом она работает и на основании чего принимает то или иное решение. Иными словами, действия системы не являются достаточно прозрачными для человека (проблема «чёрного ящика») и, таким образом, теряется возможность четко определить причинно-следственную связь, важную для установления фактов и квалификации действий.

При этом, чем сложнее технология, тем меньше у пользователей понимания принципов и методов её работы. В качестве примера в литературе приводится случай, связанный с использованием алгоритма Northpointe, который предназначен для прогноза рецидивов преступлений при назначении наказания [5]. В своей работе Northpointe использовал различные факторы, в т.ч. возраст, пол, образ жизни семьи, употребление наркотиков, наличие арестов. При этом такой критерий как раса в качестве одного из факторов в алгоритм заложен не был. Тем не менее, когда выводы Northpointe были проанализированы журналистами, выяснилось, что в случаях, когда подсудимым являлся афроамериканец, алгоритм удваивал вероятность повторного совершения преступления, хотя такой критерий изначально не был заложен в его механизм.

Таким образом, искусственный интеллект, анализируя конкретные юридические дела, может устанавливать ложные корреляции и опираться на них при формулировании своих выводов. В качестве путей решения этой ситуации Европейская Комиссия в своём документе, посвящённом развитию технологий искусственного интеллекта («Белой книге»), предлагает сохранять информацию о базах данных, использованных для обучения и тестирования системы, а также фиксировать в соответствующей документации все процессы,

связанные с программированием, тестированием и обучением искусственного интеллекта. Для особых случаев предлагается, в том числе, установить обязанность сквозной архивации данных, на которых происходило обучение [6, с. 19–20]. При всех плюсах подобного подхода, тем не менее, это увеличивает ресурсоемкость и стоимость машинного обучения, что, в свою очередь, может снизить интерес бизнеса к развитию технологии.

Проблема ресурсоемкости прослеживается и в других сферах использования технологий машинного обучения. Например, в целях противодействия терроризму операторов связи и сервисов интернет-коммуникаций обязали хранить не только метаданные (сведения о коммуникациях – длительность, геолокация, инициатор, получатель и др.), но и содержание самих коммуникаций (текст, звук, фото, видео). Однако хранить все эти данные очень дорого. Не решен также вопрос о том, кто будет обрабатывать эти данные и принимать решения по ним – оператор связи? Орган расследования? Некий специально назначенный субъект? Остается и целый ряд других правовых и технических проблем: сжатие данных, анализ метаданных и др.

Третьей проблемой является феномен, обозначенный как «предвзятость искусственного интеллекта» (AI bias). Хрестоматийным примером считается обучение бота Microsoft на сообщениях пользователей Твиттера, в результате чего он начал генерировать антисемитские и сексистские сообщения. Иными словами, данные, предоставляемые алгоритмам, могут в силу сложившихся практик содержать элементы дискриминации, которые при этом будет крайне трудно обнаружить. Так, программа PredPol, разработанная для прогнозирования наиболее вероятных мест совершения преступлений полицией Окленда, была обучена на данных о том, в каких местах города полиция арестовывала нарушителей ранее. По результатам анализа вероятность нарушений в районах, где проживают афроамериканцы, оценивалась в 2 раза выше, чем в иных районах. При этом по данным национальной статистики места нарушений были гораздо равномернее распределены по городу. Т.е. сам факт, что данное подразделение полиции ранее уделяло большее внимание конкретному району, совершенно не означает потенциально большей криминогенности этого района.

Следовательно, для решения проблемы необходимо обеспечить предоставление для обучения максимально объективных данных. Машина не должна обучаться на любой доступной информации. Европейская Комиссия предлагает разработать некий стандарт для данных, на которых будут обучаться системы искусственного интеллекта. Кроме того, в процесс максимально должен быть вовлечен человек. Однако эти задачи легче ставить, нежели решать.

В целом следует с сожалением констатировать, что подходы к построению принципов машинного обучения, а также общая концепция использования технологий машинного обучения в юриспруденции пока что остается вне поля зрения отечественной правовой науки. Специальное правовое

регулирование использования технологий распознавания лиц, прогнозной аналитики и других технологий искусственного интеллекта также почти отсутствует, что, в свою очередь, тормозит развитие отечественных разработок. Такая ситуация может привести к использованию алгоритмов, созданных за рубежом, – например, китайских. Польза от этого неочевидна; хотелось бы всё-таки развития отечественного сектора ML legal tech с максимальным учётом потребностей страны и ее граждан.

Таким образом, технологии машинного обучения как достижение научно-технического прогресса могут не только приносить пользу, но и создавать угрозы нарушения ключевых прав человека: права на справедливое судебное разбирательство, свободу слова, доступность информации, тайну личной жизни, безопасность, равенство и недискриминацию. Риски могут быть снижены активным вовлечением в процесс их разработки и использования учёных-правоведов и, в конечном счете, качественным правовым регулированием.

Список использованных источников:

1. Журавлев, М. Право в эпоху развития цифровых технологий / М. Журавлев // Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/216482270>. – Дата доступа: 20.10.2022.
2. China's AI-Enabled 'Smart Courts' To Recommend Laws & Draft Legal Docs; Judges To Take Consult AI Before Verdict // The Eurasian Times [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eurasianimes.com/chinas-ai-enabled-smart-court-to-recommend-laws-judges/>. – Date of access: 20.0.2022.
3. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72838946/>. – Дата доступа: 20.10.2022.
4. Наумов, В.Б. Правовые проблемы машинного обучения / В.Б. Наумов, Е.В. Тютюк // Образование и право. – 2020. – № 6. – С. 219–232.
5. A computer program used for bail and sentencing decisions was labeled biased against blacks. It's actually not that clear // The Washington Post [Electronic resource]. – Mode of access: <https://washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/10/17/can-an-algorithm-be-racist-our-analysis-is-more-cautious-than-propublicas>. – Date of access: 20.0.2022.
6. Белая книга «Об искусственном интеллекте - Европейский подход по совершенствованию и повышению доверия» (On Artificial Intelligence - A European approach to excellence and trust): документ Европейской Комиссии от 19 февраля 2020 г. // European Commission [Electronic resource]. – Mode of access: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf. – Date of access: 20.0.2022.

Чешко Владимир Юрьевич

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Доцент кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,
доцент, vladimir_cheshko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровизации административного процесса как основного направления развития электронного правосудия в Республике Беларусь. Рассмотрены основные проблемные вопросы в данной сфере и сформулирован ряд предложений по дальнейшему развитию электронного правосудия в административном процессе.

Ключевые слова: административный процесс; информационные технологии; электронное правосудие.

Развитие электронного правосудия в Республике Беларусь является одним из основных в сфере цифровизации общества. Безусловно, что внедрение технологий в сферу правосудия целесообразно осуществлять с учетом особенностей каждого вида процесса: уголовного, административного, гражданского, хозяйственного. В данной статье будет исследовано современное состояние правового регулирования цифровизации административного процесса. При этом считаем необходимым отметить, что такое исследование целесообразно проводить в сравнении с отдельными нормами уголовного процесса, поскольку внимание ученых и правоприменителей в большей степени уделялось цифровизации именно уголовного процесса.

Об актуальности цифровых технологий неоднократно заявляли представители Верховного Суда Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь и других государственных органов.

Первый заместитель председателя Верховного Суда Республики Беларусь В. Л. Калинкович в интервью заявил, что «так складывается, что современные информационные технологии проникли во все сферы нашей жизни, и мы последовательно развиваем возможности электронного судопроизводства» [1].

Представители Следственного комитета Республики Беларусь отмечают, что «В направлении информатизации уголовного процесса СК движется несколько лет. Оптимизировать и упростить работу здесь пытаются именно за счет внедрения различного рода информационных технологий. Конечной целью должно стать создание электронного уголовного дела» [2].

Анализ возможностей цифровизации административного процесса проведен по трем направлениям:

- использование электронных доказательств;
- цифровизация порядка ведения процесса;
- электронное уголовное дело (дел об административном правонарушении).

Использование электронных доказательств. Данное направление является одним из основных по цифровизации административного процесса, поскольку, прежде всего, правовая наука сталкивается с новым явлением и необходимостью его оценки для обеспечения справедливости при осуществлении правосудия и привлечении виновных лиц к ответственности.

Дискуссия в сфере применения цифровых доказательств в отечественном процессе уже приобрела определенные очертания, в связи с чем можем привести основные проблемные вопросы, на которые обращают внимание эксперты:

отсутствие понятия электронного доказательства в процессуальных кодексах, несмотря на его использование на практике и в научной литературе;

отсутствие единого подхода оценки доказательств;

отсутствие подходов по сбору и фиксации электронных доказательств;

идентификация лица, которое направило или получило электронное доказательство;

обеспечение баланса соблюдения права субъекта на пользование личными данными и методов получения доказательств.

Указанные проблемы имеют очерченные границы своего разрешения, о чем также упоминают представители Верховного Суда Республики Беларусь [4]. В частности, имеется подход к определению электронных доказательств в уголовном процессе, под которыми понимаются все средства, при помощи которых в ходе судебного разбирательства устанавливаются факты, касающиеся виновности или невиновности лица, существующие в электронной или цифровой форме. К ним следует отнести электронные записи, электронную почту, файлы обработки информации, файлы с изображениями, записи, хранящиеся сетевыми или интернет-провайдерами.

В целом, можно утверждать, что судами и правоохранительными органами выработан целостный подход к электронным доказательствам. Основные проблемы в данной сфере находятся в плоскости сбора, фиксации, формы обращения и оценки доказательств. При построении системы оценки доказательств следует исходить из того, каким субъектом было получено данное доказательство, способ получения должен быть надлежащим, а также источник получения доказательства должен соответствовать нормативным процессуальным критериям.

ПКИоАП содержит нормы, по которым можно осуществлять надлежащую электронных (цифровых доказательств). Так, согласно ст. 6.3 ПКИоАП доказательствами являются любые фактические данные, полученные в порядке, определенном ПКИоАП и иными законодательными актами, на основе которых суд, орган, ведущий административный процесс, устанавливают наличие или отсутствие административного правонарушения, предусмотренного КоАП, оснований и условий административной ответственности юридического лица, виновность или невиновность физического лица, привлекаемых к административной ответственности, и иные

обстоятельства, имеющие значение для принятия решения по делу об административном правонарушении [5].

К источникам доказательств ПИКоАП относит объяснения лица, в отношении которого ведется административный процесс, потерпевшего, свидетеля, в том числе полученные путем использования систем видеоконференцсвязи, заключение эксперта, вещественное доказательство, протокол об административном правонарушении, протокол процессуального действия, иной документ и другой носитель информации, полученные в порядке, определенном ПИКоАП и иными законодательными актами.

Подход, закрепленный в ПИКоАП, позволяет даже использовать электронные (цифровые) доказательства, полученные по порядку, определенном не только ПИКоАП, но и иными законодательными актами. В УПК такой порядок не предусмотрен.

Основными требованиями к электронным (цифровым) являются соответствие критериям относимости, допустимости и достоверности.

Цифровизация административного процесса. Переходя к исследованию цифровизации административного процесса следует отметить, что определенная работа в данной сфере уже проведена. Ряд норм процессуально-исполнительного законодательства уже был модернизирован. В связи с этим нами будут проанализированы мнения ученых о направлениях цифровизации данных процессов, внесенные изменения, регулирующие применение цифровых технологий, и на основе данного анализа будут выработаны предложения по совершенствованию цифровизации административного процесса.

В настоящее время можно определить следующие направления цифрового развития административного процесса:

цифровизация процессуальных действий. В данном направлении следует выделить два элемента: фиксация в электронном виде процессуальных действий (например, осмотр места происшествия с использованием технических средств фиксации следов правонарушения), в том числе судебного заседания; дистанционная форма проведения судебных заседаний, процессуальных действий, а также подачи заявлений и ходатайств (опрос, подача заявления);

использование электронной цифровой подписи. Данное нововведение позволит ввести систему контроля за изменениями различных процессуальных документов, сроком их реализации, что особенно важно при надзоре за законностью применения мер обеспечения административного процесса;

внедрение электронного помощника судьи (должностного лица). Реализация этого направления может существенно снизить время на составление процессуальных документов (использование автоматического заполнения формы процессуального документа), перевода слов должностного лица или судьи в текстовую информацию. Также в данном аспекте может быть реализован искусственный интеллект, который может самостоятельно обучиться и проводить первоначальный анализ материалов дела;

электронное дело. Данное направление будет рассмотрено ниже.

Переходя к анализу норм ПИКоАП отметим, что по сравнению с УПК использование цифровых технологий не получило такого же развития в данном кодексе.

Так, при ускоренном порядке ведения административного процесса копия постановления может быть отправлена лицу, в отношении которого оно вынесено, по его ходатайству посредством электронной или другой связи, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет [5, ст. 10.3, 10.5].

Использование электронной или другой связи, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет предусмотрено также как один из возможных способов вызова лиц, участвующих в административном процессе [5, ст. 11.6].

По аналогии с уголовным процессом использование цифровых технологий возможно при фиксации хода судебного заседания. На основании ст. 12.9 ПИКоАП ход судебного заседания фиксируется с использованием средств звуко- или видеозаписи и составлением краткого протокола судебного заседания с соблюдением требований ПИКоАП. При отсутствии технической возможности вести звуко- или видеозапись ход судебного заседания фиксируется составлением протокола судебного заседания. Фиксирование хода судебного заседания необязательно в случае неявки в судебное заседание всех лиц, участвующих в рассмотрении дела об административном правонарушении. Лицо, в отношении которого ведется административный процесс, другие участники административного процесса вправе в течение десяти суток со дня вынесения постановления по делу об административном правонарушении ходатайствовать об ознакомлении с кратким протоколом, протоколом судебного заседания, со звуко- или видеозаписью хода закрытого судебного заседания, о получении копии звуко- или видеозаписи хода открытого судебного заседания на предоставленном ими электронном носителе информации [5].

Кроме того, после объявления постановления копия по делу об административном правонарушении в случае отсутствия лица, в отношении которого вынесено постановление, при рассмотрении дела об административном правонарушении либо по его ходатайству направлена посредством электронной или другой связи, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, а также органу, направившему дело об административном правонарушении на рассмотрение.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в административном процессе использование цифровых не получило необходимого закрепления. Особенно это видно при анализе норм, закрепляющих порядок проведения процессуальных действий. Использование звуко- и видеозаписи предусмотрено только при проведении осмотра транспортного средства [5, ч. 6 ст. 11.10]. Стоит отметить, что в целом применение цифровых технологий в административном процессе возможно с учетом положений, ст. 6.3 ПИКоАП (Доказательства), однако закрепление

порядка использования цифровых технологий в иных нормах ПИКoАП будет способствовать более широкому их использованию и повышению эффективности.

Дополнительно отметим, что подача заявлений и ходатайств схожа с УПК. В соответствии со 9.2 ПИКoАП Заявление физического лица об административном правонарушении может быть устным или письменным. Устное заявление заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим заявление. Протокол устного заявления должен содержать сведения о заявителе. Если заявитель не может представить документ, удостоверяющий его личность, должны быть приняты меры для проверки сведений о его личности. Заявитель предупреждается об ответственности, установленной КоАП, за заведомо ложное заявление, о чем расписывается в протоколе. Письменное заявление должно быть подписано заявителем.

В связи с этим остается не ясным каким образом относится к электронному документу, подписанному ЭЦП. Представляется, что это может ограничить в некоторых случаях права заявителей. Кроме того, также, как и в УПК, вопрос использования электронного помощника судьи (должностного лица) остался не раскрытым.

Отдельно остановимся на том, что ПИКoАП предусматривает возможность фиксации хода судебного заседания с использованием технических средств. При этом такая возможность отсутствует в отношении иных должностных лиц государственных органов или коллегиальных органов (например, комиссия по делам несовершеннолетних).

Электронное дело об административном правонарушении.

Начиная рассматривать концепцию электронного дела об административном правонарушении (далее – электронное дело), стоит определить, что является делом об административном правонарушении.

В соответствии со ст. 1.4 ПИКoАП делом об административном правонарушении является обособленное производство, которое включает в себя заявление, сообщение об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении, постановление по делу об административном правонарушении и иные материалы, относящиеся к административному правонарушению.

Исходя из приведенных процессуальных норм можно сделать вывод что данные дела представляют собой обособленное производство, которое ведется уполномоченным органом в соответствии нормами процессуального права (ПИКoАП) за совершение субъектом деяния, предусмотренного нормой материального права (КоАП), которое включает определенные процессуальные документы. Переходя к рассмотрению возможности цифровизации данных производств следует отметить, что для признания их электронными они должны существовать в цифровой среде.

А. Ф. Абдулвалиев полагает, что электронное уголовное дело представляет собой «электронный носитель, предназначенный для хранения цифровой информации – материалов уголовного дела, полностью заменяющий

собой бумажный вариант уголовного дела, позволяющий использовать его вместе с портативным компьютером для собирания доказательств в рамках расследования и рассмотрения уголовного дела» [6, с. 59].

Рассматривая положительные стороны внедрения электронного дела отечественные авторы, как правило, не раскрывают весь спектр проблем, с которыми придется столкнуться при внедрении данной технологии в белорусский административный процесс.

Так, С. В. Зуев в своей работе рассматривает основные проблемы и риски, с которыми уже сталкиваются правоприменители в других странах, а также оцениваются возможные проблемы электронного дела [7]. К основным таким проблемам он относит сложность в обеспечении информационной безопасности, возможность фальсификации следователем или должностным лицом информации, сложность в предоставлении участникам процесса для ознакомления в силу легкости внесения изменений и дополнений в цифровую информацию, необоснованный отказ в приобщении к материалам дела электронных носителей информации, что в дальнейшем приводит к направлению официальных запросов этой информации из учреждений, организаций и предприятий. Это в определенной степени может усложнить процедуру получения нужной информации по делу.

Обратим внимание, что, говоря об электронном деле, авторы в основном рассматривают только электронное уголовное дело, административный процесс и электронное дело об административном правонарушении является мало разработанной темой.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

1. Развитие электронного правосудия в административном процессе безусловно является актуальным и может поспособствовать таким положительным аспектам, как уменьшение стоимости проведения административного процесса, повышение эффективности надзорной деятельности за ведением административного процесса, обеспечение прозрачности проведения процессуальных действий (действий должностных лиц), повышение правовой защиты участников процесса.

2. Основными проблемами, которые в настоящее время требуют разрешения и от которых зависит дальнейшее развитие направления цифровизации административного процесса:

отсутствие разработанных определений понятий «электронное доказательство», «электронное уголовное дело», «электронное дело об административном правонарушении»;

обеспечение защиты информации и организации защищенного доступа к нему;

невозможность одномоментной интеграции цифровых технологий в административный процесс.

3. Практическими рекомендациями по дальнейшей цифровизации административного процесса, по нашему мнению, являются следующие предложения:

внесение изменений в ст. 9.2 ПИК оАП (Заявление физического лица) нормы, по которой поводом для начала процесса может являться электронное заявление, удостоверенное ЭЦП;

дополнение ПИК оАП нормой о возможности проводить рассмотрение дела об административном правонарушении должностным лицом органа, ведущего административный процесс (коллегиальным органом), с использованием технических средств фиксации хода рассмотрения дела, порядком внесения в него изменений, рассмотрения заявлений и ходатайств и возможности ознакомления.

закрепление в ПИК оАП понятий «электронное доказательство», «электронное дело об административном правонарушении».

Список использованных источников

1. Калинкович: в Беларуси развивается электронное судопроизводство [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/kalinkovich-v-belarusi-razvivaetsja-elektronnoe-sudoproizvodstvo-466802-2021/?fbclid=IwAR1Qic6srowy2r1scYathGEkeOS8mzBA86w-awncTTqJvU4dLj35pw-bpFw/>. – Дата доступа: 20.02.2022.

2. При внедрении элементов электронного уголовного дела учитывается зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/pri-vnedrenii-elementov-elektronnogo-ugolovnogo-dela-uchityvaetsja-zarubezhnyj-opyt-noskevich-298383-2018/>. – Дата доступа: 20.02.2022.

3. Зуев, С. В. Слабые стороны информационного подхода в свете цифровизации уголовного судопроизводства / С. В. Зуев, А. С. Титова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 1 (20). – С. 49-54.

4. Вопросы использования электронных доказательств обсудили в Верховном Суде [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/874b1f48adc54a25.html/. – Дата доступа: 20.03.2022.

5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., N 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. Абдулвалиев, А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов / А. Ф. Абдулвалиев // Право и политика. – 2013. – № 1. – С. 58-65.

7. Зуев, С. В. Электронное уголовное дело: за и против / С. В. Зуев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4 (19). – С. 6-12.

Шаршун Виктор Александрович
**ЦИФРОВОЙ НОРМОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ЭЛЕМЕНТ
ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА**

Доцент кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, sharshun@bsu.by

Аннотация. Рассматриваются понятие, содержание и форма реализации цифрового нормотворческого процесса в системе электронного государства. Цифровой нормотворческий процесс является процедурой осуществления нормотворческой деятельности в цифровом формате на основе широкого использования информационных технологий и систем, обеспечивающей в полном объеме подготовку и принятие нормативных правовых актов в цифровом виде на всех стадиях данного процесса. Формой реализации цифрового нормотворческого процесса является создание и внедрение в практику единой автоматизированной информационной системы, обеспечивающей с участием всех субъектов нормотворческой деятельности подготовку и принятие нормативных правовых актов.

Ключевые слова нормотворчество; цифровизация; цифровой нормотворческий процесс; электронное государство; автоматизированная информационная система

Одним из важнейших элементов информационного общества как современной тенденции развития общественных отношений является электронное государство. Оно призвано выступать своеобразным посредником в урегулировании разнообразных общественных отношений, складывающихся в процессе взаимодействия человека, государства и общества. Специфика электронного государства заключается в комплексном использовании применительно ко всем ветвям власти современных информационных технологий, выступающих в качестве его технологической основы, и формировании соответствующей информационно-коммуникационной инфраструктуры (совокупность технических и программных средств, коммуникаций, персонала, технологий, стандартов и протоколов, обеспечивающих создание, передачу, обработку, использование, хранение и защиту информации) для широкого их применения в экономике, образовании, здравоохранении, правоохранительной деятельности и других сферах.

Существование электронного государства, как и традиционного, невозможно без права и законодательства. В этой связи важным элементом электронного государства и его правовой системы является нормотворческий процесс, обеспечивающий оптимальное создание норм права в условиях широкого применения информационных технологий и всеобщей цифровизации. При этом сам нормотворческий процесс как процедура осуществления нормотворческой деятельности, обладающая четкой

стадийностью, также подвергается воздействию цифровизации, изменяется его форма, этот процесс постепенно становится цифровым. В то же время в его рамках должна быть обеспечена реализация как принципов нормотворческой деятельности, так и принципов права в целом. Все это обуславливает актуальность исследования различных аспектов адаптации нормотворческого процесса к процессам цифровизации и новым условиям формирующегося электронного государства.

Цифровой нормотворческий процесс представляет собой, по нашему мнению, процедуру осуществления нормотворческой деятельности в цифровом формате на основе широкого использования информационных технологий и систем и обеспечивающий в полном объеме подготовку и принятие нормативных правовых актов в цифровом виде на всех стадиях данного процесса. При этом правовые акты в цифровом виде представляют собой как акты в цифровом формате, изложенные на естественном языке и воспринимаемые человеком, так и, в перспективе, акты в машиночитаемом формате, предназначенные для автоматизированного правоприменения [1, с. 90]. Такой нормотворческий процесс в идеале должен осуществляться в рамках единой информационной системы, охватывающей собой все стадии данного процесса и предоставляющий все возможности для осуществления сопутствующей нормотворчеству деятельности (получение и анализ необходимой для подготовки проектов информации, осуществление правового мониторинга и т.д.) в цифровом виде. По существу, речь идет о создании единой информационной среды взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке и принятии нормативных правовых актов.

Особое значение цифровой нормотворческий процесс приобретает в условиях формирования и развития цифровой экономики, которая требует оперативного изменения правового регулирования, принятия и введение в действие нормативных правовых актов в кратчайшие сроки, гибкого подхода к конкретным сферам экономики и изменениям в ней, участия широкого круга субъектов при подготовке проектов нормативных правовых актов. Поэтому цифровой нормотворческий процесс является неотъемлемым элементом электронного государства и цифровой экономики.

В зарубежных странах созданы автоматизированные системы, реализующий в определенной степени цифровой нормотворческий процесс, например, в Литовской Республике, Эстонии [2, с. 50]. Большая работа в этом направлении проводится в Российской Федерации. Так, в 2019 в деятельность Правительства г. Москвы внедрена и успешно эксплуатируется автоматизированная информационная система «Согласование документов». Данная система предназначена для автоматизации деятельности органов исполнительной власти города Москвы, Аппарата Мэра и Правительства Москвы и подведомственных им организаций по подготовке проектов правовых актов города Москвы и хранения правовых актов города Москвы [3]. Также в настоящее время разрабатывается государственная информационная

система «Нормотворчество», предназначенная для обеспечения цифрового характера существующих процессов разработки, согласования и утверждения нормативных правовых актов, разрабатываемых органами государственной власти Российской Федерации, осуществляющими функции по выработке государственной политики и нормативному правовому регулированию в установленной сфере деятельности [4].

Формирование цифрового нормотворческого процесса может осуществляться путем перевода в цифровой формат отдельных его стадий. Так, в Республике Беларусь внедрение информационных технологий в нормотворческий процесс неразрывно связано с возникновением и развитием государственной системы правовой информации. Цифровизация нормотворчества в нашей стране началась с завершающей стадии нормотворческого процесса – официального опубликования правовых актов. На первом этапе исходя из постоянного увеличения количества пользователей сети Интернет, расширения ее доступности, осуществлялся постепенный переход к электронному официальному опубликованию нормативных правовых актов. Он был завершён 1 июля 2012 г. со вступлением в силу Декрета Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь».

Дальнейшее расширение применения информационных технологий в государственном управлении обусловило переход к электронному документообороту в рамках нормотворческого процесса. С 1 января 2016 г. была внедрена разработанная Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) автоматизированная информационная система, обеспечивающая формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (далее – АИС НРПА). В рамках этой системы осуществлялось электронное взаимодействие на таких стадиях нормотворческого процесса, как проведение обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов областных и районных советов депутатов и исполнительных комитетов, ведомственных нормативных правовых актов, включение их в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (далее – НРПА) и официальное опубликование. С 16 апреля 2018 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2018 г. № 135 «Об обязательной юридической экспертизе технических нормативных правовых актов» все правовые акты, включая законопроекты и акты Главы государства, представляются для включения в НРПА только в электронном виде. В настоящее время нормативно определены два способа представления правовых актов для включения в НРПА – посредством системы межведомственного электронного документооборота, а также АИС НРПА.

В рамках цифрового нормотворческого процесса важным средством обеспечения участия граждан в управлении делами государства является создание эффективных механизмов публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Как справедливо отмечает Г.А. Василевич, граждане, профессиональные, общественные объединения должны иметь

возможность заранее «тестировать» все государственные документы [5, с. 24]. Наиболее эффективными в настоящее время для проведения таких обсуждений являются специализированные интернет-ресурсы, который широко используются в этих целях в различных странах [6, с. 142-143].

С 2019 г. в соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» основной интернет-площадки для публичного обсуждения проектов правовых актов был определен сайт «Правовой форум Беларуси». Данный ресурс представляет собой очень важный канал обратной связи между государством и гражданами, который дает возможность услышать их мнение и создать более совершенные нормативные правовые акты, отвечающие запросам общества. С момента создания в 2013 г. на сайте «Правовой форум Беларуси» было проведено публичное обсуждение свыше 690 проектов нормативных правовых актов, в том числе в 2021 г. – 175. Однако анализ статистики публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов показывает весьма их незначительное количество относительно общего количества принимаемых в стране актов. Так, в 2020 г. на публичное обсуждение на Правовом форуме Беларуси было вынесено 30 проектов указов Президента Республики Беларусь, 16 законопроектов (в том числе 2 проекта кодексов), 143 проекта постановления Совета Министров Республики Беларусь. По всем проектам на форуме гражданами в прошлом году было высказано 7421 замечание и предложение. В то же время в 2020 г. в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь было включено 10 127 правовых актов. Таким образом, публичное обсуждение в 2020 г. проводилось только в отношении 1,9 % от количества всех нормативных правовых актов, принятых в стране. В 2021 г. на публичное обсуждение на Правовом форуме Беларуси было вынесено 179 проектов нормативных правовых актов, что составляет лишь 1,66% от общего количества актов, зарегистрированных в указанном реестре в 2021 г. В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, требует корректировки существующая редакция статьи 7 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» и расширение круга нормативных правовых актов, которые в обязательном порядке должны выноситься на публичное обсуждение.

Очередные этапы цифровизации нормотворчества были определены Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности». Они обусловлены необходимостью перехода к работе с проектами нормативных правовых актов на различных стадиях нормотворческого процесса в рамках единой цифровой платформы. С 1 апреля 2021 г. проекты правовых актов Главы государства, законов и постановлений Правительства направляются на согласование в государственные органы, для проведения обязательной юридической и иных экспертиз, а также вносятся в Совет Министров для их визирования или подписания посредством АИС НРПА. Порядок функционирования системы определен постановлением Правительства Республики Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 770.

В настоящее время АИС НРПА обеспечивает электронное взаимодействие более 6000 пользователей из 360 государственных органов и организаций, включая районные и областные исполнительные комитеты и Советы депутатов, республиканские органы государственного управления, Научно-практический центр Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Аппарат Совета Министров Республики Беларусь. До недавнего времени система охватывала такие стадии нормотворческого процесса, как проведение обязательной юридической экспертизы ведомственных нормативных актов, нормативных актов местных органов власти, и технических нормативных правовых актов, включение их в НРПА и официальное опубликование. В прошлом году была проведена доработка системы, которая дала возможность обеспечить работу и с проектами законодательных актов и постановлений Правительства, в том числе их согласование с заинтересованными государственными органами, проведение криминологической и юридической экспертиз, внесение в Правительство, работу с проектами в его Аппарате.

АИС НРПА по существу является цифровой инфраструктурой, с помощью которой осуществляются названные стадии нормотворческого процесса. Следует отметить, что в прошлом году из 9971 нормативного правового акта, зарегистрированного в НРПА, 7763 (78%) прошли через АИС НРПА. Всего с 2016 г. с помощью АИС НРПА было включено в НРПА свыше 35 тыс. правовых актов. С использованием системы в настоящее время прошли все стадии нормотворческого процесса от согласования до подписания Премьер-министром Республики Беларусь свыше 200 постановлений Правительства.

В соответствии с подпунктом 4.2 пункта 4 Указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 с 1 июля 2022 г. нормотворческая деятельность государственных органов (организаций) в полном объеме должна была осуществляться посредством использования автоматизированной информационной системы по обеспечению нормотворческого процесса. При этом координация вопросов цифровизации нормотворческой деятельности поручена НЦПИ. В этой связи проводилась работа по созданию на базе АИС НРПА общегосударственной системы подготовки и принятия нормативных правовых актов – АИС «Нормотворчество». К реализации этого проекта НЦПИ приступил в 2018 году, проводилась соответствующая НИОКР. Однако в силу ряда причин данная система так и не была создана, требования названного Указа до настоящего времени не реализованы. В то же время 17 октября 2022 г. Правительством было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь № 697, которым были внесены изменения в Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы. В соответствии с подпунктом 29.1 пункта 29 комплекса мероприятий данной Государственной программы в редакции названного постановления в 2022-2024 годах предполагается создание автоматизированной информационной системы по обеспечению нормотворческого процесса (АИС «Нормотворчество») как

основы цифровой платформы нормотворческой деятельности. Таким образом, работы по созданию АИС «Нормотворчество» будут продолжены.

В конечном итоге, это позволит на основе единой цифровой платформы объединить все нормотворческие органы и все стадии нормотворческого процесса, включая подготовку текста проекта, его согласование, проведение экспертиз, публичное обсуждение, подписание акта и его официальное опубликование. В перспективе целесообразно обеспечить, что бы система автоматически формировала и поддерживала актуальные редакции правовых актов. Система в значительной степени должна обеспечивать единообразное соблюдение требований и правил нормотворческой техники в автоматическом режиме, а исполнители, отвечающие за подготовку проектов правовых актов, смогут уделять больше внимания содержательной части проектов.

Использование данной системы даст возможность обеспечить полный и прозрачный цикл подготовки акта законодательства, позволит кардинально сократить переписку между государственными органами, обеспечить прослеживаемость, работу с версиями и совместное редактирование различными государственными органами проектов, упростить, цифровизировать и, как следствие, ускорить нормотворческий процесс, а также приступить к внедрению в рамках системы элементов искусственного интеллекта. Создаваемая автоматизированная система должна обеспечивать, в перспективе, и возможность принятия актов машиночитаемого законодательства, предполагающих их применение искусственным интеллектом.

В то же время, по нашему мнению, при выполнении указанных работ следует максимально задействовать научный потенциал нашей страны, они не должны осуществляться «келейно», только с участием НЦПИ и государственных органов. Должно быть широкое участие научной общественности в решении важной государственной задачи по цифровизации нормотворческого процесса.

Таким образом, цифровой нормотворческий процесс имеет важнейшее значение в правовой системе электронного государства, поскольку именно он должен обеспечивать оптимальное и оперативное создание норм права в условиях функционирования цифровой экономики, широкого применения информационных технологий.

Цифровой нормотворческий процесс представляет собой процедуру осуществления нормотворческой деятельности в цифровом формате на основе широкого использования информационных технологий и систем и обеспечивающий в полном объеме подготовку и принятие нормативных правовых актов в цифровом виде (как на естественном языке, так и в машиночитаемом виде) на всех стадиях данного процесса. Формой практической реализации цифрового нормотворческого процесса является общая информационная среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке и принятии нормативных правовых актов в виде единой автоматизированной информационной системы. В

Республике Беларусь цифровой нормотворческий процесс может быть реализован посредством создания и внедрения в практическую деятельность АИС «Нормотворчество», что станет очередным значимым шагом в направлении формирования электронного государства.

Список использованных источников

1. Шаршун, В.А. Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития // Право.by. – 2022. – № 1. – С. 88 – 94.
2. Шаршун, В. А. О некоторых вопросах применения информационных технологий в нормотворческом процессе: новации Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года «О нормативных правовых актах» // Право.by. – 2018. – № 6. – С. 46 – 52.
3. Об автоматизированной информационной системе «Согласование документов»: постановление Правительства Москвы, 25 сентября 2019 г., № 1239-ПП // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561311473>. – Дата доступа: 30 октября 2022 г.
4. Работы по созданию национальной единой среды взаимодействия всех участников нормотворческого процесса (ГИС «Нормотворчество») // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. – Режим доступа: https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/common-info.html?regNumber=0173100008622000017&utm_source=pocket_mylist. – Дата доступа: 30 октября 2022 г.
5. Василевич, Г.А. Развитие электронной демократии как средство обеспечения устойчивого развития общества // Информационные технологии как средство обеспечения конституционных прав и свобод граждан, надлежащего выполнения ими своих обязанностей в современных условиях : материалы круглого стола, Минск, 30 марта 2021 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; [под ред. А. В. Шавцовой]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 20-26.
6. Шаршун В.А. Публичное обсуждение проектов правовых актов как форма участия граждан в нормотворческом процессе // Право.by. – 2021. – № 5. – С. 141-148.

Шахновская Ирина Викторовна

КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Зав.кафедрой конституционного права и государственного управления
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой,

к.ю.н.

i.shakhnovskaya@psu.by

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена расширением круга правовых отношений, субъектом которых становится цифровая личность. Вместе с тем, в рамках конституционно-правовой науки концепция цифровой личности не нашла своего содержания в проводимых научных исследованиях. Теоретическая ценность исследования определяется предложением авторского

видения имеющихся концепций в правовой науке относительно определения понятия «цифровая личность».

Ключевые слова: личность, цифровая личность, цифровизация человека, персональные данные, цифровые отпечатки.

Цифровая личность становится в современный период предметом исследования ряда наук: интернет-лингвистика, лингвистика, социология, психология, право и др.

Так, в основе исследований интернет-лингвистов лежит гипотеза о том, что феномен цифровой личности обусловлен лишь моментом интернет-общения [4, с. 28]. Если в общем, то цифровая личность выступает субъектом коммуникации в интернет-пространстве, на основании чего обладает рядом характерных признаков: мгновенный характер реагирования, свобода входа и выхода из интернет-коммуникации, неограниченное количество целевых адресатов (например, в случае оставления комментария и т.д.). При этом ограничения для цифровой личности как субъекта коммуникации в интернет-пространстве продиктованы техническими возможностями Интернета.

В области психологии проводится ряд исследований, формирующие новый категориальный аппарат. В частности, Г.В. Солдатова указывает на формирование новой демографической группы - «цифровое поколение», которая до настоящего момента остается мало изученной [12]. Автор отмечает также, что появляется новый аспект социализации личности – «цифровая социализация», представляющая собой процесс усвоения норм и правил социальной реальности, формируемых на основе имеющихся он-лайн-контекстов. При этом полученные знания и навыки в последующем используются в он-лайн и оф-лайн пространстве. Исходя из данного подхода цифровая личность выступает как элемент реальной (физической) личности [12].

Говоря о концепте цифровой личности в праве следует вести речь о «цифровизации человека».

Согласно первой концепции цифровая личность представляет собой «цифрового двойника» реальной (физической) личности, осуществляющая деятельность и являющаяся участником правоотношений в социальных сетях. К примеру, при таком подходе цифровая личность проявляет себя через создание профиля в социальных сетях. Так, Е.А. Либова отмечает, что цифровая личность представляет собой установленные возможности для физического человека использовать информационно-коммуникативные технологии для реализации своих прав и свобод в виртуальной среде [3, с. 110]. По мнению автора, цифровая личность полностью подконтрольна «физической» личности и может реализовать свои права и свободы после он-

лайн идентификации. Занимая такую позицию, необходимо придерживаться понимания относительно того, что вопрос обеспечения защиты прав цифровой личности будет основан на фундаментальных правах человека в виртуальной среде. Здесь не требуется разработки отдельной концепции прав цифровой личности, а следует лишь пересмотреть имеющиеся формы защиты прав человека.

Данная концепция имеет правовое регулирование как на международном уровне, так и на уровне ряда национальных государств. В частности, в Резолюции Совета ООН по правам человека от 16 июля 2012 г. A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» установлен принцип равной защиты прав человека в оф-лайн и он-лайн среде [11].

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» устанавливает особенности обеспечения и защиты неприкосновенности личной жизни в цифровую эпоху [9].

Законодательство Республики Беларусь в области реализации и защиты прав цифровой личности как цифрового двойника физического лица содержит в большей степени нормы охранительного права, обеспечивающие защиту прав человека в сети Интернет. Об этом свидетельствуют положения Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовного кодекса Республики Беларусь. В то же время отсутствие норм регулятивного характера данной группы правоотношений может привести к возможному нивелированию отдельных прав и свобод в цифровой среде, может служить препятствием для складывания должной правоприменительной практики.

В связи с этим заслуженный юрист Российской Федерации С.М.Шахрай справедливо отмечает, что перед формированием феномена цифровой личности в конституционном праве первичным должно стать создание «цифровой конституции», которая не будет представлять собой какой-то виртуальный документ, написанный на языке программирования, а должна стать основным законом, отражающим правовое регулирование нового социального порядка – киберпространства [15, с. 1077].

Следующей концепцией формирования цифровой личности является ее становление через цифровые отпечатки. Цифровые отпечатки – это определенные наборы обезличенной информации, которые в своей совокупности могут превратиться в персональные данные. Особую роль в данном процессе занимают профайлы Cookies. Стоит отметить, что во Франции сформировалась судебная практика Государственного Совета, согласно которой Cookies признаны способом обработки персональных данных, в связи с

чем принято решение о необходимости получения обязательного согласия от пользователя о принятии Cookies [14, с. 165].

По мнению А.С. Осановой концепт «цифровой личности» формируется на основании совокупности «цифровых следов», которые могут быть классифицированы на активные и пассивные [8, с. 393].

Некоторые подходы основаны на том, что цифровая личность представляет собой определенный набор данных, позволяющих иметь представление о том, каким образом и с какого адреса осуществляется выход в Интернет. Такая позиция устанавливает определенные характеристики цифровой личности: IP-адрес, личная информация, логин, цифровая подпись и метаданные. К примеру, английский исследователь Даниэль Солоу выработал подход, согласно которому под цифровой личностью следует понимать персональную информацию и данные о человеке, состоящие из переведенных в цифровую форму записей, элементов и фрагментов информации [1, с. 78].

В числе передовых стран в области правовой регламентации цифровой личности находится Французская Республика. Именно там, еще в 2000 г. была попытка принять Декларацию прав цифрового человека. Кроме того, французским законодателем принят Закон о цифровой республике, где в значительной мере достаточно прогрессивными можно считать ряд норм в области обеспечения прав цифровой личности. В частности, принцип индивидуального управления своими данными, реализация «права на цифровую смерть», в рамках которого физическое лицо решает вопрос о распоряжении своими персональными данными после смерти.

Последняя концепция основана на понимании цифровой личности через деятельность роботов как субъектов общественных отношений. Отметим, что на уровне европейского законодательства была предпринята попытка понимать умных роботов как цифровую личность. В частности, 16 февраля 2017 года Европарламентом была одобрена резолюция для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике относительно создания статуса электронной личности для сложных роботов, принимающих самостоятельные решения [10].

В 2019 году по инициативе Стивен Талера изобретатель обратился за выдачей патентов искусственному интеллекту в нескольких юрисдикциях, указав, что искусственный интеллект является одним из создателей контейнера для хранения еды и сигнального маячка. Отметим, что США и Евросоюзом было принято решение об отказе, а ЮАР зарегистрировала данный патент.

На уровне отдельных государств принимаются нормативные правовые акты в области развития искусственного интеллекта. В частности, Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 г. № 490, План развития искусственного

интеллекта в Китайской Народной Республике, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта во Франции и др. Вместе с тем, в этих документах искусственный интеллект не наделяется статусом цифровой личности, а понимается как технические решения либо стандарты деятельности в определенной сфере. В Республике Беларусь отсутствует программный документ в сфере регулирования искусственного интеллекта, однако имеются нормативные правовые акты, предполагающие его использование в различных сферах. В частности, Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. № 8 предусматривает развитие искусственного интеллекта как перспективного направления деятельности Парка высоких технологий [6].

Следовательно, последнюю концепцию формирования цифровой личности следует считать концепцией будущего, для становления которой право должно иметь новое содержание, закрепляющее принципы регулирования отношений в области искусственного интеллекта, а также установить факт признания последнего в качестве субъектов правовых отношений.

Отметим, что схожие с «цифровой личностью» термины нашли свое правовое регулирование в отдельных странах. К примеру, в Российской Федерации нормативно регламентировано понятие «цифрового профиля».

Так, Постановлением Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» от 3 июня 2019 года № 710 определен порядок реализации концепции цифрового профилирования в порядке правового эксперимента с 1 июля 2019 года по 31 декабря 2022 года [5]. Согласно ч. 3 данного Постановления под цифровым профилем понимается совокупность сведений о гражданине Российской Федерации, иностранном гражданине, лице без гражданства, обмен которыми осуществляется между государственными органами и органами местного самоуправления с использованием реализованных запросов в рамках единой системы межведомственного электронного взаимодействия [5]. Цифровой профиль стал предметом исследования таких ученых, как А.К. Жарова, Т.А. Полякова, Е.В. Виноградова, А.В. Минбалеев и др. Общая позиция ученых основана на том, что цифровой профиль – это определенная система, которая работает с анализом данных физических лиц, находящихся в различных государственных информационных системах, при соблюдении ряда условий [2, с. 58]. Следовательно, «цифровой профиль» представляет собой набор данных о лице, а «цифровая личность» понимается как определенный набор личных и персональных данных, позволяющих осуществлять взаимодействие в цифровой

среде. В данном случае «цифровое профилирование» следует рассматривать как элемент работы электронного правительства (e-government).

Список использованных источников

1. Daniel J. Solove, *The Digital Person Technology and Privacy in the Information Age*. - NYU Press. – 2004. – 283 с.
2. Жарова, А. К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека / А. К. Жарова // Юрист. – 2020. – № 3. – С. 55–61.
3. Либова, Е.А. О переходе к цифровой личности / Е.А. Либова // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 т.. Том. – Тамбов: Издательство: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 110-112.
4. Лутовинова, О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / О.В. Лутовинова. - Волгоград, 2013. - 42 с.
5. О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации, 3 июня 2019 года № 710: в ред. Постановления от 17 августа 2021 года № 1361 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/554802575>. – Дата доступа: 18.11.2022.
6. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Республики Беларусь, 21 декабря 2017 г. № 8: в ред. Декрета от 18 марта 2021 г. № 1 //
7. О цифровой республике [Электронный ресурс]: Закон Французской Республики, 07.10.2016 № 2016-1321 // Всемирная организация интеллектуальной собственности / WIPO lex. – Режим доступа: https://www.wipo.int/news/ru/wipolex/2016/article_0014.html. – Дата доступа: 18.11.2022.
8. Осанова, А.С. О проблемах обеспечения безопасности цифровой личности / А.С. Осанова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики: в 3 томах. Том 2; Под общей редакцией Ю. Ю. Логинова. Красноярск, 2021. – С. 393-395.
9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/68/167>. – Дата доступа: 18.11.2022.
10. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года. В резолюции приведены рекомендации для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике (2015/2013(INL)) [Электронный ресурс] // Robotrends. – Режим доступа: https://robotrends.ru/images/1725/66137/201706722_Resolution_and_Charter_EU_RoboTrendsru.pdf. – Дата доступа: 18.11.2022.
11. Резолюция Совета ООН по правам человека от 16 июля 2012 г. A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/HRC/RES/20/8>. – Дата доступа: 18.11.2022.
12. Солдатова, Г.В. Цифровая личность как феномен 21 века: встреча с «новой нормальностью» [Электронный ресурс] / Г.В. Солдатова // Психологическая газета. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/9511/>. – Дата доступа: 18.11.2022.
13. Суд в Великобритании отказался признать ИИ автором изобретения [Электронный ресурс] // Журнал. – Режим доступа: <https://onlinepatent.ru/journal/dabus-avtor-izobreteniya/>. – Дата доступа: 18.11.2022.

14. Талапина, Э.В. Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы / Э.В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. - №4. – С. 164-184.
15. Шахрай, С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе / С.М.Шахрай // Вестник Российской академии наук. – 2018. – №12. – С. 1075-1082.

Шупицкая Оксана Николаевна
**НОВЕЛЛЫ БЕЛОРУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ
ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ**

доцент кафедры международного права УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент,
oshupitskaya@ mail.ru

Аннотация. Статья анализирует изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь через призму публичных и частных интересов. Среди указанных изменений – новации, затронувшие систему законодательства, общество, государственные органы. Автором делается вывод о том, что данной реформой законодатель стремился обеспечить как публичный, так и частный интерес, устанавливая их баланс.

Ключевые слова: Конституция; новации; публичный интерес; частный интерес.

Нормы права, содержащиеся в источниках права, представляя собой модели поведения общеобязательного характера, могут рассматриваться как выражение юридического опыта законодателя и правоприменителя, обобщающие практику жизни людей и их групп. Этот опыт всегда представляет собой синтез публичных и частных интересов, выражающихся в правовых явлениях, в том числе, и юридической практике. 27 февраля 2022 года на республиканском референдуме были приняты изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (в редакции республиканских референдумов 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года) – Основного закона белорусского государства (об этом подробнее автор писал в своих статьях ранее – [1], [2]). Новации коснулись конституционных норм многих разделов и, как представляется, отразили тенденции современного белорусского государства, связанные с выражением и обеспечением публичных и частных интересов.

Одна из тенденций, прослеживаемых в изменениях и дополнениях, внесенных в Конституцию Республики Беларусь, регулиующую «главные стороны государственной и общественной жизни» [3, с. 17], – это усиление ее идеологической роли, воспитательного значения. В русле этой тенденции преамбула Основного закона дополнена указанием на значимость для белорусского народа «сохранения его национальной самобытности и суверенитета, культурных и духовных традиций»; норма, которой дополнена

статья 15 Конституции государства, согласно которой «Конституция обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны»; возложение на родителей обязанности прививать детям «культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям белорусского государства». С одной стороны, эта тенденция связана, в первую очередь, с обеспечением публичного интереса. Между тем, воспитание личности, знающей историю своего народа и уважающей национальные традиции, имеет отношение и к частному интересу отдельного индивида.

Дальнейшая социализация государства и общества является одним из важнейших направлений их развития на современном этапе функционирования. Усиление социальной роли государства призвано обеспечить интересы каждого отдельного человека. В особенности, если он относится к уязвимым категориям населения: детям, инвалидам и т.д. Обеспечению частных интересов призваны способствовать дополнение вводной части Конституции указанием на стремление белорусского государства утвердить «социально справедливое общество»; статьи 28 – нормой, согласно которой «государство создаёт условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании»; статьи 32 частью четвертой, в соответствии с которой государство поддерживает семьи с детьми, детей-сирот, оставшихся без попечения родителей; введением самостоятельной статьи 32-1, гласящей, что государство способствует духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодёжи, создаёт условия для её свободного и эффективного участия в общественной жизни.

В условиях развития современного государства и общества приобретает особое значение вовлеченность индивида в государственные и общественные дела, участие в экономической и политической жизни страны. Новации белорусской Конституции, к числу которых относятся дополнение статьи 21 новой частью, согласно которой «каждый должен проявлять социальную ответственность и вносить посильный вклад в развитие общества и государства»; акцентирование в статье 5 на то, что «политические партии создаются для выражения и защиты прав и свобод граждан»; изменение подходов к оказанию медицинской помощи, о чем свидетельствуют изменения статьи 45, согласно которой «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счёт государственных средств в порядке, установленном законом» и «граждане заботятся о сохранении и укреплении собственного здоровья» (часть 1), призваны повысить роль конкретного человека в жизни государства, формировать чувство ответственности за то, что происходит в стране.

Конституционные изменения, направленные на совершенствование системы государственных органов, сроков их полномочий, возлагаемой на них компетенции, выражают как общественный (публичный), так и частный интерес. Активное избирательное право, т.е. право избирать, предоставлено лицам, содержащимся под стражей, в отношении которых не вынесен

обвинительный приговор суда. Данная новация, соответствующая принципу презумпции невиновности, обеспечивает возможность гражданам, в отношении которых ведется предварительное следствие или проводится судебное разбирательство, не признанных виновными в совершении преступления приговором суда, реализовывать их важнейшие политические права – право на участие в управлении делами государства и общества и право избирать. Формирование нового представительного органа государства – Всебелорусского народного собрания, к полномочиям которого отнесены важнейшие вопросы, касающиеся государственного и общественного развития; корректировка полномочий Президента Республики Беларусь, Национального собрания Республики Беларусь; придание конституционного статуса Верховному Суду Республики Беларусь как высшему звену в системе общих судов; расширение полномочий Конституционного Суда Беларуси, с одной стороны, олжны способствовать возрастанию эффективности работы государственных органов, укреплению их связи с населением, а, с другой, – росту личной инициативы граждан, повышению их осведомленности о государственных делах, росту заинтересованности к участию в общественно-политической жизни и оказанию влияния на принимаемые решения.

Отдельно следует остановиться на изменениях чисто правового характера, повышающих авторитет Конституции как нормативного правового акта. Это установление иерархии нормативных правовых актов, в которой Основной закон обладает высшей юридической силой, законы ему соответствуют, и иные акты законодательства не противоречат законам и Конституции. В этом же ряду – включение в текст Конституции принципа об ее прямом действии. Названные новации нацелены на укрепление правовой системы, стабилизацию порядка общественных отношений, что отвечает, как публичным, так и частным интересам.

Список использованных источников

1. Шупицкая, О.Н. Конституционная модель белорусского государства в свете модернизации Основного закона белорусского государства /О.Н.Шупицкая // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 3 (166). - С.62-65.

2. Шупицкая, О.Н. Конституционная модель белорусского государства в свете изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь / О. Н. Шупицкая // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 4, Правазнаўства. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 6-13.

3. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г.А. Василевич. – Минск : Вышэйшая школа, 2016. – 399с.

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОВЕЛЛ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Василевич Сергей Григорьевич

О НАПРАВЛЕНИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРИЗЫВЕ НА ВОИНСКУЮ СЛУЖБУ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

доцент кафедры конституционного права юридического факультета,
Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,
доцент

Аннотация. В статье анализируется российское законодательство и правоприменительная практика в области обеспечения надлежащего исполнения конституционной обязанности по защите Отечества. Вносятся предложения по совершенствованию актов законодательства в указанной сфере.

Ключевые слова: защита Отечества; воинская обязанность; военная служба; конституционные обязанности граждан.

Одной из конституционных обязанностей гражданина Российской Федерации является защита Отечества. Указанная обязанность закреплена в статье 59 Конституции Российской Федерации. Без надлежащего выполнения этой обязанности суверенитет государства, его территориальная целостность, независимость могут оказаться под угрозой утраты.

Выполняя эту юридическую обязанность, которая также подкрепляется предусмотренным в ст. 59 Конституции Российской Федерации таким моральным императивом как долг. Согласимся с утверждением, что основой участия граждан в обороне государства и обеспечении его безопасности находится долг с его нравственным, моральным, идеологическим содержанием [1, с.408].

Патриотизм и гражданская ответственность – это лучшие черты, важные для любого поколения.

В условиях развития информационно-коммуникационных технологий они все более проникают в военную сферу, обеспечивается точность применения вооружения, его мобильность. Объективно изменяется темп и быстрота реагирования на возникающую угрозу военной агрессии. Это касается не только призыва на срочную службу в спокойный период жизни государства и общества, но и когда возникает необходимость привлечь дополнительные людские ресурсы, например, в период частичной мобилизации. Опыт

показывает, что назрела необходимость дальнейшего совершенствования законодательства о воинской обязанности, об обороне, о мобилизации. Это касается не только организационных вопросов, но и некоторых иных, связанных с ответственностью, в том числе моральной. Так, обращается внимание на необходимость безукоризненного выполнения требования военнообязанным о сообщении в военкомат актуальных данных [2], на отсутствие в Уголовном кодексе РФ ответственности за уклонение от военной службы по призыву по мобилизации при отсутствии отсрочки [3].

На наш взгляд, рассмотрение положений ст. 328 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи со ст. 1 Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе», в которой идет речь также о призыве на военную службу по мобилизации, в период военного положения и в военное время, исключают необходимость редактирования ст. 328 УК РФ поскольку под ее действие подпадает уклонение от военной службы в период мобилизации. Проблема в большей степени в формальном аспекте – необходимости вручить повестку.

Законодательно предполагается расширить круг лиц, в частности снять ограничения на призыв в рамках частичной мобилизации граждан, имеющих непогашенную или неснятую судимость за тяжкие преступления, предусмотреть, что лица, служащие в подведомственных федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов РФ или органам местного самоуправления организациях могут быть направлены на прохождение этой службы на гражданских должностях в Вооруженных силах России [4]. Подход российского законодателя правомерен и обусловлен необходимостью обеспечить более эффективное использование граждан в интересах защиты Отечества.

Конечно, на призывников нельзя возлагать не предусмотренные законом обременения, что подтверждается и судебной практикой. На это обращено внимание в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 (ред. от 23.12.2010) «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» [5], а также в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 1644-О «По жалобе гражданина Суворова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 328 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 4 статьи 13 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» [6].

Подчеркнем, что много приходится нести затрат в связи с поиском военнообязанных для призыва на срочную воинскую службу, для призыва по мобилизации. Отвлекаются от более важной работы сотрудники военных комиссариатов, правоохранительных органов, представители местной власти. Сохраняется сложившийся стереотип, закрепленный в прежние годы в законодательстве и на практике, согласно которому призывнику обязательно следует вручить повестку в письменном виде. Это приводит к тому, что часть

молодых людей превращается в «уклонистов» от военной службы, мотивируя свое неприбытие в военкомат тем, что повестку они не получали. Происходит своего рода игра «в догонялки», когда гражданам известно о принятом решении по призыву или частичной мобилизации, но их приходится разыскивать на границах с соседними государствами или в месте жительства, устраивая так называемые «облавы», что вызывает негативную реакцию, особенно у тех, кто не подлежит призыву. Председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишас отметил, что полицейские могут доставить в военкомат только призывников, на которых комиссариат составил письменные запросы, что военкоматы не имеют права действовать в отношении неопределенного круга лиц [7].

На наш взгляд, в век информационных технологий, новой правовой культуры подходы по вызову в военкомат надо менять.

Согласно ст. 10 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.10.2022) в целях обеспечения воинского учета граждане обязаны состоять на воинском учете в военном комиссариате (для отдельных категорий граждан установлен особый порядок состояния на учете); явиться в указанные в повестке военного комиссариата время и место либо по вызову местной администрации соответствующего поселения, муниципального или городского округа, осуществляющей первичный воинский учет; при исключении их из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы в запас Вооруженных Сил Российской Федерации, освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы, получении гражданином женского пола военно-учетной специальности, приобретении гражданства Российской Федерации (для граждан, подлежащих постановке на воинский учет) явиться в двухнедельный срок со дня наступления указанных событий в военный комиссариат для постановки на воинский учет; сообщить в двухнедельный срок в военный комиссариат либо в местную администрацию соответствующего поселения, муниципального или городского округа, осуществляющую первичный воинский учет, об изменении семейного положения, образования, места работы (учебы) или должности; явиться в двухнедельный срок в военный комиссариат для постановки на воинский учет, снятия с воинского учета и внесения изменений в документы воинского учета при переезде на новое место жительства и (или) место пребывания, в том числе не подтвержденные регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, либо выезде из Российской Федерации на срок более шести месяцев или въезде в Российскую Федерацию и др. Граждане, подлежащие призыву на военную службу, выезжающие в период проведения призыва на срок более трех месяцев с места жительства и (или) места пребывания, в том числе не подтвержденные регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, должны лично сообщить об этом в военный комиссариат либо в местную администрацию соответствующего поселения,

муниципального или городского округа, осуществляющую первичный воинский учет.

В развитие указанных норм Правительством Российской Федерации постановлением от 27 ноября 2006 года №719 утверждено Положение о воинском учете. Согласно п. 50 Положения №719, в частности, также предусмотрена обязанность являться в установленные время и место по вызову (повестке) в военный комиссариат или иной орган, осуществляющий воинский учет, по месту жительства или месту пребывания, имея при себе военный билет и иные документы.

Ранее в п. 50 Положения № 719 было предусмотрена обязанность граждан сообщать в 2-недельный срок в военный комиссариат или иной орган, осуществляющий воинский учет, по месту жительства об изменении сведений о состоянии здоровья (получении инвалидности). В последующем эта норма Положения была признана недействующей решением Верховного Суда РФ от 31 июля 2013 г. № АКПИ13-558 в части, устанавливающей эту обязанность на граждан, подлежащих воинскому учету. Действительно, согласно п. 7 ст. 4 Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» обязанность в двухнедельный срок сообщать в военные комиссариаты сведения о признании инвалидами граждан, состоящих на воинском учете или не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете возложена на Федеральные учреждения медико-социальной экспертизы.

Как видим, законодательство предусматривает ряд обязанностей, возлагаемых на военнообязанных в связи с реализацией конституционной обязанности по защите Отечества.

Много зависит от добросовестного исполнения обязанностей. Имелись случаи, выезд мужчин, несмотря даже на наличие повестки из военкомата, за границу [8].

Анализ приведенных норм российского законодательства и практики позволяет высказать некоторые предложения.

То есть, как видим, выявлен ряд проблем, которые требуют решения. Следует работу с призывниками сделать более рациональной без ущерба для их информирования о необходимости выполнения воинской обязанности. Как известно, первоначальный прием на воинский учет граждан мужского пола в год достижения ими 16-летнего возраста осуществляется при проведении их приписки к призывным участкам. Приписка граждан к призывным участкам проводится ежегодно в январе - апреле по их месту жительства.

Полагаем, что было бы правильно уже с момента приписки к призывным участкам разъяснять молодым людям, что они после издания указа Главы государства об очередном призыве на воинскую службу обязаны явиться в военкомат в порядке, установленном Министерством обороны, для решения всех вопросов, связанных с призывом. Конечно, эти акты подлежат своевременному опубликованию (обнародованию). Подобную норму следует предусмотреть в Законе «О воинской обязанности и воинской службе» и принятых в его исполнение подзаконных актах. Следует продумать

организацию (очередность) приема в военных комиссариатах таких лиц, установив конкретные дни и места, куда надо явиться [9, с.13]. Не исключаем рассылки извещений путем СМС, что уже практикуется в работе судов Республики Беларусь.

Второе, на что обратим внимание, это информирование военных комиссариатов о состоянии здоровья призывника. Действительно, такая обязанность должна касаться медицинских учреждений. В соответствии с п.7 ст.5 Закона «О воинской обязанности и военной службе» федеральные учреждения медико-социальной экспертизы обязаны в двухнедельный срок сообщать в военные комиссариаты сведения о признании инвалидами граждан, состоящих на воинском учете или не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете.

Однако речь также должна идти не только об установлении инвалидности, но и о других заболеваниях, которые являются препятствием для призыва на воинскую службу. Здесь должны быть и обязанности у граждан. В частности, они обязаны заблаговременно сообщать в военные комиссариаты о том, что находятся в медицинском учреждении на плановом лечении (операции). Это необходимо делать, если нахождение в медицинском учреждении предполагается более одной недели.

Отметим целесообразность сокращения предусмотренного в ст. 10 Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» и в Положении №719 до недели срока, в течение которого гражданин обязан сообщить в военный комиссариат либо в местную администрацию соответствующего поселения, муниципального или городского округа, осуществляющую первичный воинский учет, об изменении семейного положения, образования, места работы (учебы) и представлении иных сведений.

Еще более динамичными и тщательно выверенными должны быть подходы нормотворческих органов при проведении мобилизации. Согласно действующей редакции ст. 21 Закона Российской Федерации «О мобилизации» при объявлении мобилизации граждане, подлежащие призыву на военную службу, обязаны явиться на сборные пункты в сроки, указанные в мобилизационных предписаниях, повестках и распоряжениях военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас, то есть снова акцентируется внимание на письменных документах о явке в военкомат.

Поддерживаем норму указанной статьи Закона Российской Федерации, согласно которой гражданам, состоящим на воинском учете, с момента объявления мобилизации воспрещается выезд с места жительства без разрешения военных комиссариатов, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас. Такая же норма содержится и в Законе Рот 26.10.2000 № 449-З (ред. от 17.07.2018) «О мобилизационной подготовке и мобилизации»: гражданам, состоящим на воинском учете, запрещается выезд с места жительства без разрешения военного комиссара. Полагаем, что аналогичное

требование по согласованию выезда должно быть установлено и для лиц, подлежащих очередному призыву на воинскую службу. Учитывая, что призыв – это плановое мероприятие – целесообразно установить правило о согласовании выезда за рубеж не позднее чем за три месяца до издания указа об очередном призыве. Этот срок можно увязать с месяцем издания указов о призыве. Обычно их издается два в течение года.

Много надежд возлагается на совершенствование используемой военкоматами базы автоматизированной системы данных о гражданах с подключением ее к базам со сведениями о российских гражданах, включая данные пенсионного фонда, ЗАГС, налоговых органов) [10].

Таким образом, законодательство, которое развивает конституционные положения о реализации обязанности по защите Отечества, нуждается в совершенствовании. Взвешенный анализ прозвучавших в литературе, средствах массовой информации, изучение практики позволят сделать его более эффективным и рациональным. Проведенный обзор основных положений российского законодательства может быть стимулом для совершенствования белорусского законодательства.

Список использованных источников

1. Фецик, Я. В. Долг и обязанность защиты отечества призывниками в контексте конституционного принципа равенства граждан и национальных интересов России / Я. В. Фецик, А. Ю. Зубарев, И. И. Новик. – Молодой ученый. – 2022. – № 20 (415). – С. 405–408.

2. В Генштабе предложили ужесточить закон о передаче россиянами данных в военкоматы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/11/01/shtabb/> – Дата доступа: 02.11.2022.

3. В России захотели уголовно наказывать за уклонение от службы по мобилизации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/11/01/uklonisty/>. – Дата доступа: 02.11.2022.

4. В России разрешат призывать граждан с судимостью за тяжкие преступления [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://lenta.ru/news/2022/10/27/prizyv_prestupleniya/. – Дата доступа: 02.11.2022.

5. О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 (ред. от 23.12.2010) // КонсультантПлюс. Россия/ ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

6. По жалобе гражданина Суворова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 328 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 4 статьи 13 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе [Электронный ресурс] : Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2020 № 1644-О // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

7. Губернатор Ивановской области поручил военкому наказывать организаторов облав на резервистов [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://lenta.ru/news/2022/10/27/ivanovskiy_voskresenskiy/ . – Дата доступа: 02.11.2022.

8. Военнообязанные россияне рассказали о прохождении контроля для вылета за границу [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/10/27/uletaem/>. – Дата доступа: 02.11.2022.

9. Василевич, С.Г. Административная ответственность за нарушения против порядка приписки граждан к призывным участкам, призыва на воинскую службу и воинского учета /

С.Г. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2011. – 141 с.

10. Военкоматы получают доступ к четырем базам с данными о россиянах [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/11/01/dannye/>. – Дата доступа: 02.11.2022.

Кондратович Наталья Михайловна

КОНСТИТУЦИОННЫЕ НОВЕЛЛЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

доцент кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, kondratovichn@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются конституционные преобразования в Республике Казахстан, основные этапы конституционных реформ, содержание конституционных изменений и их особенности. Особое внимание уделяется новой конституционной реформе, состоявшейся в 2022 г. Проведенная конституционная реформа не ограничивается только собственно конституционным текстом, сегодня она подтверждается значительными изменениями в законодательстве Республики Казахстан, на что акцентируется внимание.

Ключевые слова: Конституция Республики Казахстан; конституционная реформа; конституционные новеллы; конституционный закон.

Глубокие экономические, политические, социально-культурные изменения внутри постсоветских государств с момента обретения ими суверенитета повлекли за собой конституционные преобразования, совершенно по-новому определившие их государственный и общественный строй. Остановимся детальнее на конституционных преобразованиях, состоявшихся в Республике Казахстан. Отметим, что первая Конституция независимого Казахстана была принята еще в 1993 году. Она решила три важнейшие задачи: юридически оформила независимость государства; легитимировала Казахстан как независимое государство в международном сообществе; утвердила в стране, в ее общественно-политической и правовой сферах ряд таких институтов, которые до того были либо практически неведомы, либо были известны в искаженном «реальным социализмом» виде [1, с. 90]. Однако Конституция Казахстана 1993 г. не урегулировала ряд важных общественно-правовых вопросов. Так, в частности, неопределенной оставалась форма правления и государственного устройства; компетенция правительства была определена в общих чертах; принцип разделения власти не сопровождался конституционным механизмом преодоления противоречий между законодательной и исполнительной ветвями власти и ряд иных. Появилась необходимость коренного изменения Основного Закона, но не путем внесения поправок и изменений, а на основе создания новой Конституции.

Действующая Конституция Республики Казахстан была принята 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме. Закон Республики Казахстан от 7 октября 1998 года № 284-І «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» внес поправки и дополнения в 19 статей Основного Закона. Среди них: изменены сроки полномочий Президента (7 лет вместо 5 лет), депутатов Сената и Мажилиса (5 лет); увеличилось количество депутатов Мажилиса, избираемых уже по системе пропорционального представительства; расширены полномочия Парламента; введен институт присяжных заседателей и др. Президент провозглашался главой государства и исполнительной власти. Конституция 1995 г. создала новое конституционное право, в соответствии с которым в Казахстане прочно утвердилась президентская форма правления.

Новая конституционная реформа была проведена в 2007 г. Парламент принял поправки к Конституции страны, ограничив полномочия главы государства двумя сроками (Закон Республики Казахстан от 21 мая 2007 года № 254-ІІІ «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан»). Однако для Назарбаева как первого президента Казахстана было сделано исключение — он имел возможность баллотироваться неограниченное количество раз. Кроме того, конституционные изменения в действующую затронули ряд важных вопросов. Так, при выборах в Мажилис Парламента полностью закреплена пропорциональная избирательная система, что существенно усиливало позиции политических партий в процессе принятия решений на государственном уровне. Расширены полномочия Парламента, увеличена численность его депутатов, изменен порядок избрания и основания прекращения их мандата. В Конституцию была введена норма об утверждении премьер-министра парламентским большинством и процедура консультаций Президента с партийными фракциями при назначении главы Правительства. Ассамблея народа Казахстана была наделена конституционным статусом. Смертная казнь не отменялась, но были ограничены пределы ее применения и ряд иных не менее важных новелл нашли свое закрепление на конституционном уровне.

2 февраля 2011 г. был принят Закон Республики Казахстан № 403-ІV «О внесении дополнений в Конституцию Республики Казахстан» о том, что внеочередные президентские выборы назначаются решением Президента Республики и проводятся в порядке и сроки, установленные конституционным законом (новый п. 3-1 ст. 41 Конституции Казахстана). Тогда же были внесены дополнения, которые закрепили за Нурсултаном Назарбаевым статус «Елбасы», в соответствии с которым он до конца жизни наделяется властными полномочиями, независимыми от статуса Президента. Также он и члены его семьи полностью освобождаются от уголовной ответственности и т.д.

В целом конституционные изменения 1998, 2007 и 2011 гг. привели к формированию новой конструкции государственного устройства в Казахстане.

В 2017 г. Президент объявил о конституционной реформе, главной целью которой стал переход отдельных полномочий Президента к Парламенту и

Правительству. Закона Республики Казахстан от 10.03.2017 № 51-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» внес существенные изменения и дополнения в Конституцию Казахстана. Конституционная реформа 2017 г. стала началом модернизации президентской республики посредством повышения роли Парламента, усиления самостоятельности Правительства при одновременном расширении механизмов его подотчетности и подконтрольности Парламенту. Так к Правительству перешли полномочия по утверждению госпрограмм по согласованию с Президентом. Дополнительно закреплено сложение полномочий Правительства перед вновь избранным Мажилисом, упрощен порядок освобождения от должности членов Правительства по обращению депутатов Парламента. Таким образом расширена ответственность Правительства при условии обеспечения подотчетности перед Парламентом.

Существенной новацией стал отказ Президента Республики Казахстан от своих законодательных полномочий в пользу Парламента. Ужесточены требования к Президенту (в частности, к ранее закрепленным требованиям установлено наличие обязательного высшего образования). Отдельно закреплена возможность определения иных дополнительных требований на основании конституционного закона (п. 2 ст. 41 Конституции). Закреплены дополнительные гарантии для первого Президента и установлено, что его статус является неизменным (п. 2 ст. 91 Конституции).

Для обеспечения стабильности Конституции Казахстана определено, что изменения и дополнения в Конституцию выносятся на республиканский референдум или на рассмотрение Парламента при наличии заключения Конституционного Совета об их соответствии основополагающим принципам деятельности Казахстана, заложенным Основателем независимого Казахстана, Первым Президентом – «Елбасы», которые являются неизменными (п. 2, 3 ст. 91 Конституции).

Усовершенствован принцип общественного согласия и политической стабильности путем установления конституционного запрета на любые действия, способные нарушить не только межнациональное, но и межконфессиональное согласие (п. 2 ст. 39 Конституции).

Измененная Конституция Республики Казахстан оставляли многие вопросы без ответа, перенося их решение, очевидно, на законодательный уровень [2, с.145]. Так п.2 ст.10 Конституции допускается лишение гражданства по решению суда «за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан». Возможность лишения лица гражданства и его изгнания за пределы государства категорически не допускалась в прежней редакции Конституции. Лишение гражданства лица, не имеющего другого гражданства, неизбежно приведет к тому, что данное лицо станет апатридом, а это недопустимо.

В 2019 г. внесены поправки в Конституцию Казахстана, согласно которым столица (г. Астана) была переименована в г. Нур-Султан.

5 июня 2022 г. состоялся республиканский референдум по вопросу принятия изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан. Конституционная реформа нацелена на комплексную трансформацию всей государственной модели. Конституционные изменения значительно усиливают представительную ветвь власти, укрепляют систему сдержек и противовесов. В новой редакции Конституции закрепляется равноудаленный статус Президента от всех политических партий и движений, запрет для ближайших родственников Президента занимать политические должности и руководящие посты. Внедряется смешанная мажоритарно-пропорциональная модель избрания депутатов Мажилиса и областных маслихатов. Важный блок поправок затрагивает правозащитную сферу: создание Конституционного суда (был упразднен принятой в 1995 году Конституцией), закрепление статуса Уполномоченного по правам человека на конституционном уровне, запрет смертной казни.

Так, в предыдущей редакции смертная казнь устанавливалась законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании. В соответствии с п. 2 ст. 15 новой редакции Конституции: «Никто не вправе произвольно лишать человека жизни. Смертная казнь запрещается».

Конституционная реформа направлена на укрепление государственности, на соблюдение принципов справедливости, прозрачности, солидарности, политической модернизации в Казахстане.

По итогам состоявшегося республиканского референдума Президентом страны 5 ноября 2022 года подписаны ряд важных законов: Конституционный закон Республики Казахстан № 153-VII «О Конституционном Суде Республики Казахстан»; Конституционный закон Республики Казахстан № 154-VII «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан»; Конституционный закон Республики Казахстан №155-VII «О прокуратуре»; Конституционный закон Республики Казахстан № 156-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан по вопросам реализации послания Главы государства от 16 марта 2022 года»; Конституционный закон Республики Казахстан №157-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам реализации послания Главы государства от 16 марта 2022 года»; Конституционный закон Республики Казахстан №158-VII «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных нарушениях».

В частности, согласно изменениям, с 1 января 2023 года начнет функционировать Конституционный Суд. Теперь каждый гражданин сможет напрямую отстаивать в этом органе свои конституционные права и свободы. Так, в соответствии с п. 3 ст. 72 Конституции Республики Казахстан Конституционный Суд по обращениям граждан рассматривает на соответствие Конституции нормативные правовые акты Республики Казахстан,

непосредственно затрагивающие их права и свободы, закрепленные Конституцией Республики Казахстан.

Конституционный Суд состоит из одиннадцати судей, включая Председателя и его заместителя. Председатель Конституционного Суда назначается на должность Президентом Республики Казахстан с согласия Сената Парламента Республики Казахстан. Заместитель Председателя Конституционного Суда назначается Президентом Республики Казахстан по представлению Председателя Конституционного Суда из числа судей Конституционного Суда. Четверо судей Конституционного Суда назначаются на должность Президентом Республики Казахстан, по трое судей Конституционного Суда назначаются Сенатом и Мажилисом Парламента Республики Казахстан по представлению председателей Палат Парламента Республики Казахстан. В состав Конституционного Суда может быть назначен гражданин Республики Казахстан не моложе сорока лет, имеющий высшее юридическое образование, высокую квалификацию в области права, безупречную репутацию и стаж работы по юридической профессии не менее пятнадцати лет. Полномочия Председателя и судей Конституционного Суда длятся восемь лет, при этом одно и то же лицо не может быть назначено судьей Конституционного Суда более одного раза. Именно Конституционный Суд в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 72 Конституции Республики Казахстан решает в случае спора вопрос о правильности проведения: выборов Президента Республики Казахстан; выборов депутатов Парламента Республики Казахстан; республиканского референдума.

Кроме этого, на уровне конституционного закона впервые закрепляются статус, полномочия, гарантии независимости Уполномоченного по правам человека. Усилена правозащитная функция Генерального прокурора.

Регламентирован переход Казахстана к смешанной избирательной системе. Теперь часть депутатов Мажилиса и областных маслихатов, все депутаты районных маслихатов будут избираться по одномандатным округам. Кроме того, вводится выборность акимов районов и городов областного значения. Это стало логическим продолжением введенной ранее выборности сельских акимов.

В числе поправок также находится норма, закрепляющая собственность земли и природных ресурсов за народом. Столице Казахстана возвращается прежнее название Астана (п.3 ст.2 Конституции).

За более чем 30-летнюю историю в Казахстане процедура всенародного голосования по вопросу изменения Основного закона применялась лишь единожды, а именно в 1995 году. Именно тогда в стране была принята действующая Конституция, все последующие конституционные реформы получали одобрение в Парламенте. Новая конституционная реформа по результатам республиканского референдума внесла изменения в 33 статьи Конституции.

Принятая в рамках конституционной реформы конструкция модернизированной президентской формы правления предполагает

перераспределение функций и формирование оптимального баланса между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти, направлена на децентрализацию власти, усиление парламентаризма и многопартийности, повышение политической конкуренции, развитие гражданской и политической культуры. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным Т.Я. Хабриевой и Л.В. Андрейченко в том, что «к Конституции нельзя подходить с арифметической точки зрения — столько-то полномочий прибавлено, столько-то убавлено. Меняются сама логика взаимоотношений ветвей власти и философия, которая лежит в основе действующей Конституции» [2, с.147]. Прошедшие конституционные преобразования имеют характер эволюционных изменений, они не содержат каких-либо радикальных мер, а продолжают логику предыдущих конституционных преобразований в стране.

Список использованных источников:

1. Исраилова, С.Ш. Конституционные реформы в Республике Казахстан (2011 – 1993 гг.) //Евразийский Союз Ученых (ЕСУ) № 4 (25), 2016. – С.89-91.
2. Хабриева, Т. Я. Конституционная реформа в Республике Казахстан: тенденции и перспективы развития /Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – № 3, 2017 – С.142-150.

Масловская Татьяна Станиславовна

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ПОЛНОМОЧИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

доцент кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,

доцент,

maslovskayat@bsu.by

Аннотация. В статье анализируются новые конституционные положения, закрепляющие полномочия Конституционного Суда Республики Беларусь. Обращается внимание на отдельные аспекты реализации некоторых новых полномочий Суда. Делается вывод о возрастании роли Конституционного Суда Республики Беларусь.

Ключевые слова: Конституция; конституционные изменения, полномочия Конституционного Суда; Республика Беларусь.

Принятие на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь актуализировало научную дискуссию и теоретическое осмысление ряда вопросов, среди которых особое место занимают новые полномочия Конституционного Суда Республики

Беларусь, определенным образом трансформирующие его роль. Как отметил Конституционный Суд Республики Беларусь в Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2021 году, «положения обновленной Конституции, установив основу дальнейшего развития конституционного контроля в нашей стране, предусматривают осуществление Конституционным Судом функции независимого конституционного арбитра во взаимоотношениях между ветвями власти, государством и гражданами» [1].

Внесенные в Конституцию Республики Беларусь изменения и дополнения, относящиеся к Конституционному Суду, знаменуют собой новый этап развития конституционного контроля в государстве. Прослеживается обновление конституционных предписаний о статусе Конституционного Суда: определение его задач при осуществлении контроля за конституционностью нормативных правовых актов, изменяется порядок формирования Суда, расширяются и корректируются его полномочия (ст. 116, 116-1).

Начало расширению полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь посредством принятия законодательных актов было положено в 2008 г. путем издания Декрета Президента Республики Беларусь № 14 от 26 июня 2008 г. «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь», продолжено в 2014 г. Законом «О конституционном судопроизводстве».

Данная тенденция была поддержана и усилена конституционной реформой 2022 года. Были конституционно установлены новые полномочия Конституционного Суда. В частности, теперь Суд дает заключения о толковании Конституции, конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию, вопросов, выносимых на республиканский референдум, а также проведения выборов Президента Республики Беларусь, депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики и некоторые другие.

Порядок реализации новых полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь будет конкретизирован в Законе «О конституционном судопроизводстве», проект новой редакции которого уже выносился на всенародное обсуждение в течение одной недели летом 2022 г. (и текстом которого оперирует автор).

При анализе новых конституционных положений, касающихся Конституционного Суда Республики Беларусь, на наш взгляд, следует обратить внимание на отдельные аспекты.

В отношении перечня полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь отметим их новую формальную регламентацию, воплощенную в отдельной статье 116¹ Конституции. На первый взгляд может сложиться впечатление о закрытом характере определенного в ней списка полномочий, поскольку в указанной статье не содержится отсылки к законодательству. В тоже время в ст. 116 (ч. 5) Конституции сохраняется и расширяется положение о том, что компетенция, организация и порядок деятельности Конституционного Суда определяются Конституцией и законом. Таким

образом, формально не исключается законодательное дополнение полномочий Суда, но не их сужение.

Обращают на себя внимание используемые конституционным законодателем формулы, определяющие полномочия Конституционного Суда Республики Беларусь посредством закрепления видов актов Суда (заключения, решения) с учетом осуществляемой Судом деятельности, круга субъектов обращения в Конституционный Суд, перечисления объектов конституционного контроля.

Важное значение имеет новое полномочие Конституционного Суда давать заключения о толковании Конституции. Безусловно, данное полномочие направлено на укрепление юридической безопасности путем устранения неопределенности конституционной нормы, выявления и установления ее сути для единообразного понимания и применения. Осуществляя толкование, Конституционный Суд будет выявлять, определять и уточнять содержание толкуемой конституционной нормы. Полагаем, что наряду с выбором метода толкования существенным представляется выработка критериев самоограничения Суда при реализации данного полномочия с целью недопущения в процессе толкования конституционной нормы ее сущностного изменения.

Правом на обращение в Конституционный Суд с предложением о толковании Конституции обладает тот же круг субъектов, что и правом на обращение для проверки конституционности нормативных правовых актов в порядке абстрактного последующего контроля: Президент, Президиум Всебелорусского народного собрания, Палата представителей, Совет Республики, Верховный Суд, Совет Министров. Конституционный Суд не обладает правом по собственной инициативе осуществлять толкование Конституции.

В соответствии со ст. 99 проекта Закона «О конституционном судопроизводстве», основанием к рассмотрению в Конституционном Суде дела о толковании Конституции является обнаружившаяся неопределенность в понимании положений Конституции. По нашему мнению, такая неопределенность может возникнуть в связи с принятием закона, ратификацией международного договора, в иных случаях. В тоже время, представляется, что практика Конституционного Суда выявит основания недопустимости обращений о толковании Конституции (например, мнимая неопределенность конституционной нормы и др.).

Толкование является обязательным, носит официальный характер. Отметим, что словосочетание «официальное толкование» или слово «официальное» применительно к толкованию не используется ни в Конституции, ни в указанном проекте Закона. Согласно ч. 3 ст. 82 проекта Закона толкование Конституции, данное в заключении Конституционного Суда, обязательно для всех государственных органов, иных организаций, должностных лиц и граждан.

Заключение Конституционного Суда о толковании Конституции принимается большинством не менее двух третей от полного состава судей Конституционного Суда (п. 5 ст. 75 Закона), в то время как иные заключения, решения – большинством голосов от числа судей, участвующих в судебном заседании.

Одной из новелл конституционного регулирования выступает наделение Конституционного Суда отдельным полномочия давать заключения о конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. Предоставление такой возможности независимому беспристрастному органу является более предпочтительным, нежели контроль, осуществляемый самим органом, участвующим в процессе внесения поправок в конституцию. Следует согласиться с Т.Я. Хабриевой в том, что «участие конституционного суда в оценке конституционной реформы может быть обусловлено выбранной моделью конституционного правосудия, предполагающей, что только орган судебного конституционного контроля обладает полномочием по официальному толкованию основного закона и тем самым только он может определить соответствие предлагаемых преобразований текста конституции ее основополагающим принципам» [2, с. 88]. С другой стороны, профессор Г.А. Василевич обоснованно подчеркивает, что наделение таким правом конституционного суда является «наглядным примером ограничения полномочий парламента» [3, с. 75]. Полагаем, что это ограничение распространяется не только на парламент, но и на других участников процесса внесения изменений в конституцию (например, субъектов конституционной инициативы). Вместе с тем предоставленное конституционному суду полномочие выступает важнейшим элементом системы «сдержек и противовесов», хотя его эффективность зависит от ряда параметров, в первую очередь используемых форм конституционного контроля, юридической силы принятого конституционным судом решения.

Предоставление возможности осуществления указанного вида контроля независимому беспристрастному органу, безусловно, усложняет процедуру внесения изменений в конституцию, усиливает ее формальную жесткость, но является более предпочтительным, нежели контроль, осуществляемый самим органом, участвующим в процессе внесения поправок в конституцию, поскольку направлено на реализацию важнейшей задачи конституционного суда – обеспечение верховенства конституции, проистекает из правовой природы конституционного контроля.

В конституциях Армении (с 2015 г.), Беларуси (с 2022 г.), Венгрии (с 2013 г.), Казахстана (с 2017 г.), Молдовы, России (с 2020 г.), Румынии и других государств в качестве объекта конституционного контроля выступают поправки к конституции и соответственно закрепляется отдельное полномочие конституционного суда (эквивалентного органа) по осуществлению в отношении них конституционного контроля. В подавляющем большинстве государств, предусматривающих возможность осуществления конституционным судом контроля за поправками к конституции, он является

предварительным (Армения, Венгрия, Казахстан, Молдова, Россия, Румыния и др.). Вместе с тем встречается, хотя и редко, последующий контроль (Венгрия, Турция и др.), который, как правило, носит формальный характер. Представляется, что позитивное значение предварительного конституционного контроля за изменением конституции усиливается, если он носит обязательный характер, то есть когда проект закона или сам закон о поправке к конституции до его вступления в силу должен быть обязательно проверен органом конституционного контроля на соответствие Основному закону страны.

В результате конституционных преобразований 2022 года введено полномочие Конституционного Суда давать заключения о конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию (статья 116¹ Конституции). Речь идет об абстрактном предварительном контроле за конституционностью проекта закона, который будет осуществляться до его принятия.

Поскольку на основании статьи 140 Конституции возможны два способа внесения изменений и дополнений в Конституцию: Парламентом и путем референдума, то на законодательном уровне могут быть предусмотрены различные варианты реализации данного полномочия. В случае проведения республиканского референдума целесообразнее осуществлять предварительный контроль проекта поправок к Конституции до издания акта о назначении республиканского референдума. Применительно к случаю использования парламентского способа внесения изменений и дополнений в Конституцию надлежит законодательно определить конкретный момент осуществления предварительного конституционного контроля за проектом о внесении изменений и дополнений. Из анализа содержания конституционной формулы, закрепляющей рассматриваемое полномочие Конституционного Суда, следует, что такой контроль может осуществляться на любой стадии законодательного процесса начиная от законодательной инициативы до его принятия Палатой представителей и одобрения Советом Республики Национального собрания.

Предпочтительным представляется конституционный контроль, реализуемый до принятия проекта закона Палатой представителей, когда проект может быть оценен целиком, в том числе с учетом внесенных в него парламентариями поправок. Данный контроль будет более полным, чем конституционный контроль проекта закона, поступившего в Конституционный Суд после реализации законодательной инициативы или после его рассмотрения Палатой представителей в первом чтении, поскольку проект закона может «обрасти» поправками, в связи с чем будет желательной повторная проверка законопроекта на соответствие Конституции.

С учетом изложенного может быть воспринят подход российского законодателя, позволяющий детализировать в законодательстве общий объект контроля и осуществлять предварительный контроль в отношении не только непосредственно проектов таких законов, но и поправок к ним, что позволит провести полный контроль предлагаемого для принятия проекта, прежде всего с точки зрения его содержания.

Конституционно признавая обязательность предварительного контроля конституционности вопросов, выносимых на республиканский референдум (ч. 2 ст. 74), в случае вынесения на референдум проекта изменений и дополнений в Конституцию такой вопрос в обязательном порядке будет подвергнут предварительному контролю. В этом случае, по нашему мнению, конституционный контроль будет материальным и формальным.

В силу важности содержания закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию, учитывая различия в правилах, относящихся к процедуре принятия закона (общих положений, относящихся к законодательному процессу – ст. 100 Конституции) и закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию (специальных положений, отдельно закрепляющих данную процедуру – стст. 139, 140 Конституции) представляется возможной и целесообразной детализация в законе «О конституционном судопроизводстве» такого объекта конституционного контроля как закон, принятый Парламентом, путем выделения закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию в качестве специального объекта контроля с установлением отдельного механизма осуществления в отношении него предварительного контроля. По нашему мнению, такой контроль должен носить обязательный характер, быть материальным и формальным.

Таким образом, в рамках настоящей публикации было обращено внимание лишь на отдельные аспекты реализации некоторых новых полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь. Подводя итог, отметим, что проанализированные конституционные новеллы свидетельствуют о возрастании роли Конституционного Суда Республики Беларусь как гаранта верховенства Конституции.

Список использованных источников

1. Послание Конституционного Суда о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь. Принято на заседании Конституционного Суда Республики Беларусь 10 марта 2022 г. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kc.gov.by/document-74183/> – Дата доступа: 15 ноября 2022 г.
2. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире. Москва: Наука РАН, 2016. – 320 с.
3. Конституционное правосудие: учебное пособие / Г.А. Василевич [и др.]; под ред. Г.А. Василевича. – Минск: Вышэйшая школа, 2019. – 367 с.

Сазон Константин Дмитриевич
**О ПРОЕКТЕ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
«О ВСЕБЕЛОРУССКОМ НАРОДНОМ СОБРАНИИ»**

Начальник кафедры конституционного и международного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент, KSazon@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проект Закона Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании». На основе анализа конституционных положений, нормотворческой практики формулируются авторские предложения и рекомендации по совершенствованию положений законопроекта. Обосновывается целесообразность корректировки отдельных технико-юридических и содержательных подходов к разработке законопроекта.

Ключевые слова: Всебелорусское народное собрание; делегат; Конституция; народовластие; представительство

24 октября 2022 г. на общественное обсуждение вынесен проект Закона Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании» [1] (далее – Закон о ВНС). С целью реализации принципа научности нормотворческой деятельности обратимся к Закону о ВНС и сформулируем отдельные предложения и рекомендации, направленные на совершенствование его положений.

В ст. 89^б Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) содержится положение о том, что «Компетенция, порядок формирования и деятельности Всебелорусского народного собрания определяются Конституцией и законом». В ст. 144 Конституции устанавливается, что закон, «определяющий компетенцию, порядок формирования и деятельности Всебелорусского народного собрания, подлежит принятию в течение года со дня вступления в силу изменений и дополнений Конституции». В ч. 2 ст. 146 Основного Закона также указывается на то, что закон о ВНС определяет «компетенцию, порядок формирования и деятельности» ВНС. С учетом ст. ст. 89^б, 144 и ч. 2 ст. 146 Конституции, существующего подхода к определению предмета правового регулирования законодательных актов по вопросам деятельности представительных органов государственной власти (например, Закон Республики Беларусь от 21 февраля 1995 г. № 3602-XII «О Президенте Республики Беларусь», Закон Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. № 370-З «О Национальном собрании Республики Беларусь», Закон Республики Беларусь от 4 ноября 1998 г. № 196-З «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь»), а также предлагаемых к нормативному закреплению

названий глав 2, 3, 4 и 6 Закона о ВНС преамбулу Закона о ВНС предлагается изложить в редакции: «Настоящий Закон на основе и во исполнение Конституции Республики Беларусь определяет компетенцию, порядок формирования и деятельности Всебелорусского народного собрания, права и обязанности делегата Всебелорусского народного собрания, социальные и правовые гарантии их осуществления».

Разработчиками Закона о ВНС для нормативного закрепления предлагается следующая система принципов деятельности ВНС: «народовластия; законности; демократичности; преемственности государственной политики; социальной справедливости; гласности; коллегиальности; взаимодействия с государственными органами, органами местного управления и самоуправления, гражданским обществом.» (ст. 3). В связи с этим хотелось бы обратить внимание на необходимость исключения коллизии правовых норм и разграничения содержания принципов народовластия и демократичности. Целесообразной также представляется корректировка формулировки принципа «взаимодействия с государственными органами, органами местного управления и самоуправления, гражданским обществом». С учетом того, что: а) органы местного управления и местные Советы депутатов являются государственными органами; б) местные Советы депутатов и органы территориального общественного самоуправления образуют систему органов местного самоуправления; в) Закон о ВНС предполагает возможность приглашения на заседание ВНС различных категорий граждан (ч. 7 ст. 27); г) Закон о ВНС предполагает возможность создания при Президиуме ВНС научно-консультативных и иных совещательных органов (ч. 4 ст. 31), а также принимая во внимание компетенцию и порядок формирования ВНС, абз. 9 ст. 3 Закона о ВНС предлагается изложить в редакции: «взаимодействия с государственными органами, органами территориального общественного самоуправления, субъектами гражданского общества, организациями и гражданами.».

В рамках предлагаемого разработчиками подхода к формированию ВНС представителями законодательной, исполнительной и судебной власти в составе ВНС являются поименованные в Законе о ВНС должностные лица (ст. ст. 6 – 8). В состав ВНС «по должности» также входит Президент Республики Беларусь и Президент Республики Беларусь, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки. Следует обратить внимание на то, что отдельные должностные лица, указанные в ст. ст. 6 и 7 Закона о ВНС в качестве делегатов ВНС одновременно могут представлять органы законодательной и исполнительной власти. Например, в настоящее время отдельные члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь являются председателями исполнительных комитетов базового территориального уровня. Кроме того, в результате новеллизации Конституции Республики Беларусь членом Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь пожизненно с его согласия является Президент Республики Беларусь,

прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки (ч. 2 ст. 91). Таким образом, в Законе о ВНС предлагается подкорректировать подход к представительству законодательной и исполнительной власти в составе ВНС «по должности».

В ч. 2 ст. 89² Конституции закрепляется, что «представители местных Советов депутатов и гражданского общества на ВНС избираются от каждой области и города Минска в порядке, определяемом законом». Конституция закрепляет два базовых принципа: выборность делегатов и территориальность представительства от каждой области и города Минска. Последнее требование разработчиками Закона о ВНС выполняется частично. На наш взгляд, требования ч. 2 ст. 89² Конституции не позволяют в полной мере согласиться с тем, что в состав ВНС «по должности» в качестве делегатов входят депутаты Минского городского Совета депутатов (абз. 3 ч. 1 ст. 9 Закона о ВНС). В связи с этим считаем целесообразным подкорректировать положения ст. 9 Закона о ВНС в части закрепления порядка избрания Минским городским Советом депутатов делегатов ВНС от города Минска.

В ст. 11 Закона о ВНС закрепляется компетенция ВНС. Положения данной статьи получают свое развитие и детализацию в ст. ст. 12 – 25 Закона о ВНС. Поддерживая предлагаемый разработчиками подход, следует обратить внимание на отдельные вопросы, которые, по мнению автора, нуждаются в дополнительной проработке. В п. 6 ст. 89³ Конституции и абз. 8 ст. 11 Закона о ВНС закрепляется право ВНС рассматривать вопрос о легитимности выборов. Ст. 17 Закона о ВНС конкретизирует порядок реализации данного полномочия в отношении выборов Президента Республики Беларусь, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. В ст. 17 Закона о ВНС не содержатся положения, регулирующие деятельность ВНС по рассмотрению вопроса о легитимности выборов депутатов местных Советов депутатов. Полагаем, что п. 6 ст. 89³ Конституции предусматривает, что ВНС вправе принимать решение о легитимности всех избирательных кампаний, включая выборы в местные представительные органы. В связи с этим считаем целесообразным ст. 17 и абз. 2 ст. 32 Закона о ВНС после слов «Национального собрания Республики Беларусь» дополнить словами «, депутатов местных Советов депутатов».

Отдельного внимания заслуживают положения Закона о ВНС, касающиеся Президиума ВНС. В соответствии с ч. 7 ст. 89³ Конституции Президиум ВНС является коллегиальным органом, обеспечивающим в порядке, установленном законом, оперативное решение вопросов, входящих в компетенцию ВНС. Норма аналогичного содержания закреплена в ч. 1 ст. 31 Закона о ВНС. Обращение к положениям Закона о ВНС позволяет сделать вывод о том, что разработчиками в ст. 32 Закона о ВНС составлен каталог вопросов, относящихся к «собственной» компетенции Президиума ВНС, но не сформулированы положения, указывающие на перечень вопросов, входящих в

компетенцию ВНС, решения по которым вправе оперативно принимать Президиум ВНС.

Ст. 32 Закона о ВНС воспроизводит полномочия Президиума ВНС, которые закреплены в Конституции или логически связаны с их реализацией. При этом в части определения полномочий Президиума ВНС, вытекающих из конституционных полномочий ВНС, в Законе о ВНС закрепляется право Президиума ВНС давать обязательные для исполнения поручения государственным органам и должностным лицам, получать от государственных органов и должностных лиц информацию, необходимую для реализации возложенных на него функций, а также право вносить Президенту Республики Беларусь представления о награждении государственными наградами Республики Беларусь. С учетом изложенного считаем конституционно обоснованным решение проблемы законодательного регулирования условий и порядка оперативного решения Президиумом ВНС вопросов, относящихся к компетенции ВНС.

В части нормативного закрепления компетенции Президиума ВНС также необходимо обратить внимание на следующую формулировку, содержащуюся в ст. 32 Закона о ВНС: «осуществляет иные полномочия, отнесенные к его компетенции Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом, иными законодательными актами и Регламентом Всебелорусского народного собрания.». Ст. 89⁶ Конституции определяет: «Компетенция, порядок формирования и деятельности Всебелорусского народного собрания определяются Конституцией и законом». В ч. 2 ст. 2 Закона о ВНС закрепляется, что «компетенция Всебелорусского народного собрания определяется Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом и иными законами.». Ст. 11 Закона о ВНС определяет, что ВНС «осуществляет иные установленные Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом и иными законами полномочия, необходимые для реализации возложенных на него конституционных функций.» (абз. 17). Таким образом, конституционные предписания, а также предлагаемые в Законе о ВНС правовые положения указывают на то, что компетенция ВНС является предметом правового регулирования Конституции и закона. В связи с этим считаем необходимым обратить внимание разработчиков на необходимость согласования абз. 21 ч. 1 ст. 32 Закона о ВНС с предписаниями ч. 2 ст. 2, абз. 17 ст. 11 Закона о ВНС и ст. 89⁶ Конституции в части установления правового предписания, допускающего возможность осуществления Президиумом ВНС иных полномочий, отнесенных к его компетенции Конституцией Республики Беларусь и законами, исключив возможность их закрепления в других законодательных актах и Регламенте ВНС.

Далее следует обратить внимание на обеспечение системности и комплексности правового регулирования деятельности Президиума ВНС в части нормативного закрепления его компетенции. Анализ положений Закона о ВНС позволяет сделать вывод о том, что в ст. 32 Закона о ВНС не нашли своего отражения отдельные полномочия Президиума ВНС, которые вытекают из

смысла и содержания других статей Закона о ВНС, а также Конституции. В частности, каталог полномочий Президиума ВНС, изложенный в ст. 32 Закона о ВНС, предлагается дополнить следующими положениями:

инициирует рассмотрение Всебелорусским народным собранием вопроса об установлении государственных праздников и праздничных дней (ч. 1 ст. 23 Закона о ВНС);

вносит на рассмотрение Всебелорусского народного собрания проекты правовых актов Всебелорусского народного собрания (ч. 2 ст. 23 Закона о ВНС);

инициирует рассмотрение Всебелорусским народным собранием вопроса о награждении Президента Республики Беларусь государственными наградами Республики Беларусь (ч. 1 ст. 24 Закона о ВНС);

инициирует созыв внеочередного заседания Всебелорусского народного собрания в порядке, установленном законом (ч. 2 ст. 89⁴ Конституции, ч. 2 ст. 27 Закона о ВНС);

определяет место и срок прибытия делегатов Всебелорусского народного собрания на заседание Всебелорусского народного собрания в случаях, установленных настоящим Законом (ч. 4 ст. 19, ч. 3 ст. 22 Закона о ВНС).

По вопросу закрепления прав и обязанностей делегатов ВНС отметим, что в ч. 7 ст. 35 Закона о ВНС закрепляется обязанность делегата ВНС участвовать в заседаниях ВНС и в работе его органов, членом которых он является. Ч. 4 ст. 35 Закона о ВНС предоставляет делегату ВНС право доводить до общественности информацию о деятельности ВНС и его органов (абз. 3), а также право вносить предложения для рассмотрения на заседаниях ВНС и его органов (абз. 4). С целью обеспечения комплексного правового регулирования статуса делегата ВНС предлагается ст. 35 Закона о ВНС дополнить положением, закрепляющим право делегата ВНС быть избранным в органы ВНС.

Предлагается рассмотреть возможность закрепления в Законе о ВНС института отзыва делегата ВНС в качестве основания досрочного прекращения полномочий делегата ВНС от гражданского общества. Это потребует дополнения абз. 7 ч. 3 ст. 36 Закона о ВНС после слов «субъекта гражданского общества,» словами «отзыва субъектом гражданского общества,».

Высказанные предложения призваны поддержать стремление разработчиков Закона о ВНС сформировать эффективный механизм правового регулирования деятельности ВНС как высшего органа народовластия Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2022/october/71923/>. – Дата доступа: 25.10.2022.

Сенькова Татьяна Владимировна

ТРЕБОВАНИЕ ДОПУСТИМОСТИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, юридический факультет, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, кандидат юридических наук, доцент, tat.sen@mail.ru

Аннотация. Основное внимание в работе уделено требованиям допустимости конституционной жалобы, отмечено их значение и последствия несоблюдения. Также рассмотрены и иные требования, соблюдение которых является необходимым при подаче жалобы в Конституционный Суд Республики Беларусь.

Ключевые слова: право на обращение в суд; индивидуальная конституционная жалоба; требования к конституционной жалобе, допустимость конституционной жалобы, конституционное реформирование.

Изменения и дополнения к Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), принятые на республиканском референдуме 27 февраля 2022 года существенно обновили текст Конституции [1]. Однако принятие новой редакции Конституции не только не завершило процесса конституционного реформирования, а ещё больше его активизировало. Являясь основой текущего законодательства, Конституция требует существенного преобразование многих государственно-правовых институтов, приведение их функционирования в соответствие с конституционными принципами и основами конституционного строя.

В настоящий момент идет активный процесс по воплощению в жизнь тех изменений и дополнений Конституции, которые касаются организации и деятельности органов государственной власти, совершенствования избирательной системы, реализации прав граждан.

Одним из актуальных вопросов, который обсуждался на протяжении периода активной подготовки проекта Конституции, являлся вопрос о введении института индивидуальной конституционной жалобы граждан в Республике Беларусь. Результатом конституционной реформы в этой части стала подготовка проекта новой редакции Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» (далее – Проект Закона) [2]. Конституция существенно расширила компетенцию Конституционного Суда Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд), закрепив, в том числе, в ст. 116¹ право Конституционного Суда выносить решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод. Соответственно, Проект Закона закрепил такой вид обращения в Конституционный Суд, как жалоба граждан на

нарушение их конституционных прав и свобод, а также процессуальный порядок рассмотрения конституционной жалобы. Конституционная жалоба является важной гарантией прав и свобод человека. Несмотря на то, что конституционная жалоба, в первую очередь, служит защите частного интереса, сам институт имеет большое публично-правовое значение.

При обсуждении данного вопроса практикующие юристы и ученые в качестве одной из проблем, связанных с введением прямой конституционной жалобы, прогнозировали возможные риски злоупотребления правом, его недобросовестное использование. Этот негативный аспект, безусловно, может повлечь рост необоснованных обращений в Конституционный Суд, в том числе повторных. Преодолению злоупотребления правом будут способствовать положения Проекта Закона, четко определяющие компетенцию Конституционного Суда, понятие конституционной жалобы, требования ее допустимости.

Право гражданина на обращение в Конституционный Суд вытекает из закрепленного в ст. 60 Конституции гарантированного каждому права на судебную защиту. Доступ граждан к конституционному правосудию в разных странах зависит от ряда факторов: вида правовой системы, модели конституционного контроля и других. Но традиционно право на конституционную жалобу может быть реализовано как непосредственно гражданином, так и косвенным путем через обращение в уполномоченные органы.

До введения института прямой конституционной жалобы гражданам Республики Беларусь был предоставлен косвенный доступ к конституционному правосудию. Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» в настоящий момент использует понятие «инициативное обращение», под которым, по сути, понимается обращение в Конституционный суд с конституционной жалобой, но через уполномоченный орган [3]. Таким образом, гражданин, считавший, что его права, свободы и законные интересы нарушены решением государственного органа или суда общей юрисдикции, в соответствии со ст. 22 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З, мог обратиться к уполномоченным органам с инициативой о внесении предложения о проверке конституционности нормативного правового акта, примененного при разрешении его дела [4].

Следует отметить, что, предоставляя возможность непосредственного обращения в Конституционный Суд, законодатель исключает косвенную подачу конституционной жалобы. Полагаем также, что часть обращений, которые граждане направляют непосредственно в Конституционный Суд, будут по-прежнему рассматриваться в порядке, установленном законодательством об обращениях граждан и юридических лиц.

Введение индивидуальной конституционной жалобы позволит гражданам напрямую обращаться в Конституционный Суд и инициировать проверку конституционности нормативного правового акта. В этой связи, безусловно,

важно чёткое определение понятия «конституционная жалоба». Проект Закона выделяет конституционную жалобу как вид обращения в Конституционный Суд и даёт её чёткое определение. Суть конституционной жалобы состоит в требовании о проверке конституционности нормативного правового акта, на основе которого принято конкретное решение государственного органа, суда в результате чего, по мнению гражданина, нарушаются его конституционные права, свободы и законные интересы.

Предметом производства по делу о конституционности закона, примененного в конкретном деле, является вопрос о соответствии Конституции нормативного правового акта или его части, а не оценка фактических обстоятельств дела и его рассмотрение по существу.

По аналогии с законодательством других государств Проектом Закона также установлен ряд требований, предъявляемых к конституционной жалобе. Эти требования выступают в качестве условий, фильтров, основная задача которых обеспечить соблюдение необходимых правил при обращении в Конституционный Суд.

Проект Закона определяет требования допустимости конституционной жалобы, общие требования к её форме и содержанию, перечень документов, подлежащих предоставлению вместе с жалобой. Во многом Проектом сохранен подход, определенный ст. 27 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» к срокам, форме и содержанию инициативного обращения.

При определении критериев допустимости конституционной жалобы законодатель заимствует опыт Российской Федерации, которая в ст. 97 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» закрепила аналогичные требования [5].

Требования допустимости характеризуют конституционную жалобу как обоснованную и являются императивными. Их несоблюдение влечет отказ в возбуждении производства по делу. В соответствии со ст. 168 Проекта Закона к таким требованиям относятся: наличие признаков нарушения конституционных прав и свобод гражданина в результате применения закона в конкретном деле с его участием, соблюдение сроков подачи конституционной жалобы, а также исчерпание средств судебной защиты.

Таким образом, в первую очередь конституционная жалоба должна быть подведомственна Конституционному Суду и подана в соответствии с его компетенцией. Соблюдение сроков подачи жалобы обеспечивает актуальность конституционного судопроизводства, целесообразность рассмотрения жалобы и эффективность защиты конституционных прав и свобод, вносит процессуальную определенность. По общему правилу Проектом Закона предусмотрена возможность восстановления срока подачи жалобы в случае его пропуска по уважительным причинам.

Исчерпание средств судебной защиты является традиционным требованием подачи конституционной жалобы. Возможность прямого обращения в Конституционный Суд не исключает предварительного

обжалования решения государственного органа или суда. Пункт 2 ст. 168 Проекта Закона детально разъясняет, что понимается под исчерпанием всех других средств судебной защиты по делам гражданского судопроизводства, экономическим делам, делам уголовного судопроизводства и делам об административных правонарушениях.

Базовыми требованиями при обращении в любой государственный орган является требование о необходимости соблюдения, установленных законодательством, формы подачи документов, их содержания, приложении документов и иных материалов, имеющих значение для рассмотрения дела. Аналогичные требования установлены в отношении конституционной жалобы. Несмотря на то, что указанные требования не отнесены к критериям, определяющим допустимость жалобы, их невыполнение влечет одинаковые последствия: признание жалобы не соответствующей требованиям законодательства, невозможность её рассмотрения Конституционным Судом и отказ в возбуждении производства по делу. В то же время устранение недостатков, свидетельствующих о несоответствии конституционной жалобы требованиям законодательства, допускает повторную подачу жалобы.

Государственная пошлина часто представляется основным фильтром при подаче конституционной жалобы. Однако стоит отметить, что требование уплаты государственной пошлины не должно быть препятствием при обращении в Конституционный Суд. В этой связи законодатель наделяет Конституционный Суд правом освобождения от уплаты государственной пошлины полностью или частично.

Кроме перечисленных условий подачи конституционной жалобы законодательством некоторых государств может быть установлено требование обязательного юридического представительства при подаче конституционной жалобы. Такая практика достаточно распространена в европейских государствах, где действует принцип «адвокатской монополии». Безусловно, участие профессионального юриста способствует соблюдению требований законодательства и юридической техники, повышает качество жалобы. Однако обязательное участие представителя может быть связано со значительными финансовыми затратами, а материальное положение гражданина и невозможность оплаты услуг представителя не могут быть препятствием для обращения в суд.

В соответствии с Проектом Закона гражданин при подаче жалобы в конституционный суд может иметь представителя, в качестве которого выступает адвокат или законный представитель. Участие представителя при обращении в Конституционный Суд не является обязательным Республике Беларусь, что представляется вполне целесообразным, в том числе, в связи с преимущественно письменной формой конституционного судопроизводства по жалобам о конституционности законов, примененных в конкретном деле.

На смену сложившейся в Республике Беларусь практике косвенного доступа граждан к конституционному правосудию приходит институт конституционной жалобы. Его введение требует не только существенного

изменения законодательства, но и постепенного формирования единообразной правоприменительной практики. Опасения, связанные с не всегда добросовестным использованием гражданами своего права, должны быть преодолены путем закрепления четких критериев допустимости конституционной жалобы и иных требований. Главная задача законодателя, преследуя цель недопущения злоупотребления правом со стороны граждан и обеспечения эффективности конституционного правосудия – соблюсти баланс между устанавливаемыми фильтрами и обеспечением реального доступа к конституционному правосудию.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – 80 с.

2. Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства [Электронный ресурс]: Проект Закона Республики Беларусь // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа : https://forumpravo.by/publicnoe-obsuzhdenie-proektov-pra/messages/forum15/message191605/16950-proekt-zakona-respubliki-belarus-_ob-izmenenii-zakonov-po-voprosam-konstitutsionnogo-sudoproizvodstva#message191605. – Дата доступа : 01.11.2022.

3. О конституционном судопроизводстве [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-3 (с изм. и доп. от 22 декабря 2016 г. № 13-3) // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.

4. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-3 (с изм. и доп. от 1 июня 2022 г. № 175-3) [Электронный ресурс] // АПС «Бизнес-Инфо» / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.

5. О Конституционном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 01.07.2021 № 2-ФКЗ) // КонсультантПлюс. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/. – Дата доступа : 01.11.2022.

Синицына Анна Михайловна

ПРАВО НА ДОСТУП К КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВОСУДИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

доцент кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, sinitsyna_anna_by@mail.ru

Аннотация. В статье проанализировано право на доступ к конституционному правосудию в Республике Беларусь в контексте конституционных изменений. Автором сформулированы предложения,

направленные на совершенствование законодательства о конституционном судопроизводстве, обеспечение реализации права граждан и организаций на доступ к конституционному правосудию.

Ключевые слова: институт конституционной жалобы; Конституционный Суд; конституционное правосудие; конституционные изменения.

В Республике Беларусь сформировалась особая практика обеспечения доступа к конституционному правосудию. На протяжении многих лет для белорусской модели судебного конституционного контроля было характерно отсутствие института конституционной жалобы, в то же время предусмотренные механизмы опосредованного обращения граждан и юридических лиц в Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) продемонстрировали свою недостаточную эффективность.

В результате референдума 27 февраля 2022 г. на уровне Основного Закона было закреплено право граждан обращаться в Конституционный Суд с конституционными жалобами на нарушение их конституционных прав и свобод вследствие применения в конкретном деле закона, являющегося неконституционным, по мнению заявителя. Данное положение, в первую очередь, призвано содействовать защите прав и свобод, конституционализации законодательства и правоприменительной практики, однако, помимо прочего, будет способствовать достижению одной из целей в области устойчивого развития – обеспечению доступа к правосудию для всех.

Учреждение в Республике Беларусь института конституционной жалобы предполагает приведение действующего законодательства о конституционном судопроизводстве в соответствие с Основным Законом. В названных целях Национальным центром законодательства и правовых исследований при непосредственном участии Конституционного Суда, Верховного Суда, Палаты представителей Национального собрания, иных государственных органов и научного сообщества был разработан проект Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства» (далее – Проект), отдельные положения которого будут проанализированы в данной статье.

Проект предусматривает комплексное регулирования порядка подачи и рассмотрения конституционных жалоб, в частности, определяет требования, предъявляемые к конституционным жалобам; условия их допустимости; основания для отказа в возбуждении производства по делу; сроки их подачи в Конституционный Суд и рассмотрения последним; пределы проверки; правовые последствия решений, принимаемых Конституционным Судом по результатам рассмотрения конституционных жалоб, и др.

В целом следует отметить высокий уровень подготовки, научную обоснованность и прогрессивность Проекта, вместе с тем, отдельные положения Проекта являются дискуссионными и (или) требуют уточнения.

Так, развивая положения Основного Закона, ст. 166 Проекта предусматривает, что конституционную жалобу в Конституционный Суд вправе подать гражданин, чьи конституционные права и свободы, по его мнению, нарушены законом, примененным в конкретном деле. Исходя из буквального толкования данной нормы можно сделать вывод о том, что субъектом конституционной жалобы может быть лишь гражданин Республики Беларусь [1].

Однако, на наш взгляд, вопрос о том, могут ли иностранные граждане и лица без гражданства быть субъектами конституционной жалобы, требует положительного ответа. Данный вывод основывается на комплексном анализе положений ст.ст. 11, 60 Конституции.

В соответствии со ст. 11 Основного Закона иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами. Ст. 60 Конституции гарантирует каждому защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом. Поскольку Конституционный Суд в соответствии с Основным Законом отнесен к органам судебной власти, указанная норма предполагает возможность обращения с конституционной жалобой не только граждан Республики Беларусь, но и иностранных граждан и лиц без гражданства.

Следует отметить, что согласно ст. 96 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКС «О Конституционном Суде Российской Федерации» право на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления. При этом для целей определения субъектов конституционной жалобы понятие «гражданин» неоднократно подлежало Конституционным Судом Российской Федерации расширительному толкованию: в его содержание включаются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства (постановление от 17 февраля 1998 г. № 6-П Конституционного Суда Российской Федерации, определение от 18 апреля 2006 г. № 127-О Конституционного Суда Российской Федерации, постановление от 12 марта 2015 г. № 4-П Конституционного Суда Российской Федерации).

В Заключении по проекту изменений и дополнений в Закон о конституционном судопроизводстве и Закон о Конституционном суде Кыргызстана, принятом на 76-м пленарном заседании 17-18 октября 2008 г., Европейской комиссии за демократию через право применительно к ст. 14.8 Закона о конституционном судопроизводстве, предусматривающей право граждан и юридических лиц обращаться в Конституционный суд по вопросам, непосредственно затрагивающим их конституционные права, также отмечено, что это право должно не ограничиваться гражданами, а распространяться на

любое физическое лицо, включая иностранцев и лиц без гражданства, находящихся под юрисдикцией Кыргызстана [2].

Исходя из вышеизложенного, в целях предупреждения двусмысленного толкования положений ч. 4 ст. 116-1 Конституции, обеспечения равенства граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства в возможности реализации права на судебную защиту, на наш взгляд, в Законе «О конституционном судопроизводстве» следует закрепить право на обращение с конституционной жалобой не только граждан Республики Беларусь, но и иностранных граждан и лиц без гражданства. В указанных целях Приложение к Закону «О конституционном судопроизводстве» необходимо дополнить положением о том, что под гражданином понимается гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин или лицо без гражданства, если иное не оговорено в настоящем Законе.

Проект также не предусматривает право на обращение с конституционной жалобой индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

В связи этим следует отметить, что институт инициативных обращений, который был призван служить альтернативой институту конституционной жалобы до его учреждения в Республике Беларусь, предоставлял возможность не только гражданам, но и индивидуальным предпринимателям, организациям (за исключением государственных органов), полагающим, что их права, свободы и законные интересы (для организаций) нарушаются применением любого нормативного правового акта (не только закона), в конституционности которого они сомневаются, обратиться к уполномоченному органу с инициативой о внесении в Конституционный Суд соответствующего предложения [3, с. 26].

В ряде зарубежных стран субъектами конституционной жалобы также могут быть юридические лица (например, в Украине, Российской Федерации, Кыргызской Республике, Республике Узбекистан, Чешской Республике и др.).

Полагаем, в целях недопущения ухудшения положения индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, которые посредством инициативных обращений имели возможность обратиться в Конституционный Суд через уполномоченных на то субъектов, в Законе «О конституционном судопроизводстве» необходимо предусмотреть право индивидуальных предпринимателей и юридических лиц направлять в Конституционный Суд конституционные жалобы на нарушение их конституционных прав, законных интересов примененным в конкретном деле законом, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

При этом под юридическими лицами следует понимать всех юридических лиц, за исключением государственных органов. Последние имеют возможность поставить перед Конституционным Судом вопрос о конституционности нормативных правовых актов или отдельных их положений через субъектов, уполномоченных обращаться в Конституционный Суд (Президент, палаты

Парламента, Президиум Всебелорусского народного собрания, Верховный Суд, Совет Министров).

Подача коллективных конституционных жалоб Проектом не предусмотрена, однако в соответствии с п. 2 ст. 35 проекта Закона в целях всестороннего, полного и объективного рассмотрения и разрешения дел допускается объединение Конституционным Судом в одно производство несколько конституционных жалоб. По нашему мнению, закрепление в Законе «О конституционном судопроизводстве» права на обращение в Конституционный Суд с коллективной жалобой, с одной стороны, способствовало бы сокращению процессуальных издержек, связанных с рассмотрением идентичных жалоб с точки зрения их приемлемости, с другой стороны, – минимизации расходов по оплате государственной пошлины.

В целом можно констатировать, что внедрение в отечественную практику института конституционной жалобы является весьма прогрессивным шагом, поддержанным народом на республиканском референдуме 2022 г. Данный институт направлен на обеспечение и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, развитие Республики Беларусь как демократического и правового государства, основывающегося на принципе конституционной законности. Вместе с тем, видится необходимость расширения субъектного состава конституционной жалобы, а также дальнейшего совершенствования законодательства о конституционном судопроизводстве.

Список использованных источников

1. Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства [Электронный ресурс] : проект Закона Республики Беларусь // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа: <https://forumpravo.by/publichnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/forum15/16950-proekt-zakona-respubliki-belarus-ob-izmenenii-zakonov-po-voprosam-konstitutsionnogo-sudoproizvodstva>. – Дата доступа: 17.11.2022.

2. Заключение по проекту изменений и дополнений в Закон о конституционном судопроизводстве и Закон о Конституционном суде Кыргызстана [Электронный ресурс] : Страсбург, 24 окт. 2008 г., заключение № 481/2008 / Европ. комис. за демократию через право // Council of Europe. Venice Commission. – Режим доступа: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2008\)029-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2008)029-e). – Дата доступа: 17.11.2022.

3. Сينيцына, А.М. Предпосылки и перспективы учреждения индивидуальной конституционной жалобы в Республике Беларусь / А.М. Сينيцына // Право.by. – 2022. – № 1. – С. 24-28.

Скороход Игорь Георгиевич

ОБ ОБЯЗАННОСТИ КАЖДОГО ПРОЯВЛЯТЬ СОЦИАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Доцент кафедры теории и истории права, факультет права, Белорусский государственный экономический университет, кандидат юридических наук,
доцент, skorohod.igor@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена впервые закрепленной в Конституции Республики Беларусь обязанности каждого проявлять социальную ответственность. Показано, что это ответственность не только за настоящее, но и будущее Беларуси (позитивная ответственность). Тезисно представлены формы и субъекты реализации данной обязанности. Обращено внимание на объекты, которые призвана защищать исследуемая конституционная обязанность.

Ключевые слова: социальная ответственность; обязанность; конституция; реализация обязанности; субъекты; объекты.

После внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. на референдуме 27 февраля 2022 г. ст. 21 Основного Закона была дополнена нормой, обязывающей каждого проявлять социальную ответственность и вносить посильный вклад в развитие общества и государства.

Вопросами социальной ответственности занимались и занимаются исследователи из различных областей знаний: философы, социологи, политологи, юристы, культурологи и др. Во второй половине XX в. главным образом оформились две концепции социальной ответственности. Прежде всего – классическая концепция ответственности как подотчетности человека перед самим собой, кем-то другим либо перед какой-либо инстанцией за свои действия. Такая ответственность понимается ретроспективно, т.е. с точки зрения уже свершившегося события. Это всегда ответственность за прошлое, за совершенное деяние, нарушающее норму.

На втором месте концепция ответственности, представленная как отношения. Здесь акцент переносится на социальные последствия от поведения каждого, а основания ответственности мы находим в самом общественном устройстве (например, в форме правления, политическом режиме и др.). При таких обстоятельствах ответственность за происходящее, в некоторой части, перестает быть индивидуальной, поскольку ограничена функциями и компетенциями, которые каждый выполняет в обществе и государстве. В этом отношении ответственность каждого происходит из солидарной (коллективной)

ответственности всех, при которой каждый несет со-ответственность («парадигматически отличная от традиционного понятия индивидуальной ответственности» по Карлу-Отто Апелю) за опасности и создание институтов, которые он мог бы предотвратить [1, с. 51]. По сути дела, такого рода идея закреплена в ст. 2 Конституции Беларуси: государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности, в свою очередь гражданин, ответственен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией.

Современный универсум не пребывает в статике: сегодня человек может родиться в одном миропорядке, а прожить в том, где константы человеческого бытия изменились до неузнаваемости. Глобальный мир меняет понимание ответственности. Она больше не может рассматриваться как обязанность (необходимость) субъекта отвечать за итог своего поведения в прошлом (негативная ответственность). Ответственность предстает в новом свете и расценивается как решимость отвечать на вызовы не только современности, но и на испытания будущего (позитивная ответственность).

Позитивная ответственность понимается как обязанность индивида действовать в соответствии с требованиями социальных и правовых норм, или, иными словами, позитивная ответственность направлена на будущее, на потенциальное применение норм ответственности за возможность совершенного нарушения, то есть знания человека о предстоящей ответственности, чувство возможного наказания удерживают его от совершения правонарушений [2, с. 30–32].

При этом меняется отношение человека к той позволительности, которую дают ему права, свобода с развитием науки и техники. Это неклассическая концепция социальной ответственности, аффилированная с интересом всех об общем благе и прогрессом общества в итоге. Такое понимание ответственности – это ответ на изменившийся характер последствий человеческой деятельности, в первую очередь коллективной активности (например, стран «коллективного запада», энергия принципов и норм международного права в национальных правовых системах).

В рамках данного подхода субъектом ответственности выступают либо конкретный человек, либо социальная группа, с чьей деятельностью связана потенциальная или реальная угроза, социальные ожидания и т.п. В этом смысле говорят, например, о социальной (профессиональной) ответственности ученых, бизнесменов или политиков [3, с. 17].

Поэтому в новых техногенных масштабах, прежде всего кооперативной деятельности, при которых трудно предсказать результат человеческой активности, закрепление в Конституции Республики Беларусь обязанности каждого проявлять социальную ответственность является актуальным и необходимым. Такой исходный основополагающий замысел закреплён и в Преамбуле Конституции Республики Беларусь: «Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси), исходя из ответственности за настоящее и будущее

Беларуси ...). Полагаем его надо понимать так: поскольку прошлого сейчас нет, оно уже прошло, а будущее еще не наступило, то в настоящий момент (сегодня) мы (народ) генерируем, создаем будущее, которое ныне находится в нашем властвовании. Стало быть, сегодня, под нашей ответственностью находится будущее.

В этой связи в данной статье мы попытаемся рассмотреть конституционную обязанность каждого проявлять социальную ответственность в проспективном аспекте как необходимость отвечать на вызовы не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Согласно У. Хоросу ответственность «перед» [3, с. 8]. Иными словами – принятие позитивной ответственности «до» наступления результата. Это и есть цель нашей статьи.

Основная часть

Процессы, происходящие в современном сложноорганизованном мире (глобализация, утрата обществами прежней локальности, мгновенное распространение информации, усиление роли международного права над национальным, устройство однополярного мира и др.) объективно смещают акцент к исследованию и объяснению, прежде всего, коллективной позитивной ответственности. Сама идея коллективной ответственности на первый взгляд вызывает отторжение, поскольку традиционно сложилась модель индивидуального долженствования. Коллективное долженствование – спорный обсуждаемый проект. Однако закрепление в Преамбуле Конституции Республики Беларусь в 1994 г. коллективной позитивной ответственности народа за настоящее и будущее Беларуси и появление в Основном Законе в 2022 г. конституционной обязанности каждого (всех) проявлять социальную ответственность отнюдь не является случайным. Это ответ на вызовы настоящего и будущего. Поэтому отрицать идею и ценность коллективной позитивной ответственности (в нашем случае представленной в главном законе страны) с позиции методологического индивидуализма не совсем оправдано.

По своему содержанию социальная ответственность, которая тематизируется в нашей статье, является правовой, поскольку формализована в позитивном законе (Конституции). Она является необходимой для поддержания конституционного правопорядка и урегулированности всей совокупности отношений в обществе.

Значение и ценность Конституции проявляется в практическом претворении в жизнь (реализации) заложенных в Основном Законе целей и идей демократического правового социального государства, которые определены народом Беларуси, поскольку именно народом учрежден высший юридический акт государства.

Реализация конституционных обязанностей гражданами представляет собой способ выполнения ими своей естественной, исторически и объективно оправданной миссии – обеспечение прав и свобод человека. Иными словами, это превращение волевых требований народа в предусмотренную Основным Законом модель организации государства и общества, в центре которой находится человек.

Обязанность каждого проявлять социальную ответственность можно назвать универсальной, в силу охвата ею широкого круга общественных отношений и реализации разнообразными субъектами (граждане, государство, представители гражданского общества, органы местного управления и самоуправления, избирательные комиссии и др.).

В зависимости от степени поведения носителя конституционной обязанности каждого проявлять социальную ответственность она может быть реализована как в активной, так и пассивной форме.

В первом случае (активная форма – исполнение) при реализации обязанности каждого проявлять социальную ответственность необходимо непосредственное участие законодателя в целях конкретизации данной обязанности в законах. Содержание такой конкретизации заключается в нормировании условий и порядка реализации обязанности по проявлению социальной ответственности, правовой регламентации возможного государственного принуждения в случае её невыполнения. Например, закрепление в ч. 2 ст. 2 Конституции взаимных обязанностей государства и гражданина: государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности, а гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией. То, что здесь на первое место поставлено государство, является справедливым и оправданным с позиции проявления социальной ответственности государства, а также объективной необходимости создания тем же государством для гражданина условий правового, организационного, политического и другого характера, при которых он сможет в полной и соответствующей его способностям мере реализовать себя как существо деятельное и производящее. Без создания таких условий гражданин будет не в состоянии выполнять возложенные на него Конституцией обязанности. Если, например, государство, как того требует ст. 41 Основного Закона, не создаст гражданину условия для реализации его права на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то гражданин будет не способен финансировать государственные расходы, как это определено ст. 56 Конституции.

В некоторых случаях реализация обязанности каждого проявлять социальную ответственность, обусловлена оговоркой о законе. Например, конституционные положения о том, что государство, все его органы и должностные лица, организации и граждане действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства (ч. 3 ст. 7 Конституции).

Во второй ситуации (пассивная форма – соблюдение) для реализации обязанности социальной ответственности каждому достаточно правомерно (положительно) бездействовать, не нарушать Конституцию и законы, и таким образом данная обязанность будет реализована. То есть каждому необходимо соизмерять свое поведение в границах, обозначенных Основным Законом. Например, следуя Конституции, не заключать международные договоры,

которые противоречат Конституции (ст. 8), не лишать гражданства Республики Беларусь или права изменить гражданство (ст. 10), не вмешиваться в личную жизнь других граждан (ст. 28), не входить в жилище или иное законное владение против воли гражданина (ст. 29), не оскорблять национальное достоинство других (ст. 50). Соблюдение конституционных предписаний в равной степени распространяется на всех индивидуальных и коллективных субъектов, находящихся под территориально-правовым верховенством Республики Беларусь (граждан, иностранных граждан, Президента Республики Беларусь, Парламент, местные Советы депутатов и др.) [4, с. 46–48].

При пассивной форме реализации (соблюдении) обязанности социальной ответственности каждого она воплощается в жизнь естественным образом, без постороннего вмешательства и нигде не фиксируется, т. е. вне конкретных правоотношений с использованием запретов в различных лексических формулировках («не допускается», «никто не может», «никто не должен», «никто не имеет» и др.), смысловая нагрузка которых совпадает с обязанностью.

Конституционное нормативное предписание о должном проявлении социальной ответственности не имеет персонально идентифицированного, конкретного обязанного адресата и носит неопределенный характер, поскольку предназначается для каждого (всех). Поэтому такую обязанность можно определить как *абсолютную* конституционную обязанность. В то же время субъекты конституционных правоотношений при реализации рассматриваемой конституционной обязанности могут выступать как *индивидуально* (человек, гражданин, избиратель, Президент, депутат), так и в составе *коллектива* (Парламент, Правительство, политические партии, избирательные комиссии, социальные общности). В первом случае, например, проявление социальной ответственности гражданином при проведении референдума, где он выступает его участником и таким образом непосредственно вносит свой вклад в управление делами общества и государства. Во втором варианте, в частности, Всебелорусское народное собрание, обладая правом утвердить либо не утвердить основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь, выражает свою собственную в общественном отношении ответственность за будущее страны.

Конституционная обязанность о социальной ответственности каждого направлена на защиту материальных, духовных, культурных и иных социальных благ, а также на охрану законных личных, общественных, государственных и других интересов. Блага и стремление к удовлетворению потребностей – законные интересы (а их вправе иметь все: человек, гражданин, государство, политическая партия и др.) – являются объектами, которые и призваны охранять все конституционные обязанности.

Поскольку в нашей статье идет речь о проявлении каждым перспективной (позитивной) социальной ответственности, то такая позиция имеет отношение к тому, что происходит сейчас, и проектируется на будущее. В этой связи объектами охраны исследуемой нами конституционной

обязанности выступают абсолютно все конституционные ценности (права человека, демократия, правовое государство, верховенство права, плюрализм мнений, многопартийность, суверенитет, территория страны и др.) и соответствующему тому – Конституция в целом. Таким образом, конституционную обязанность о проявлении социальной ответственности каждым, защищающую множество объектов конституционного права, можно определить как *плюрастическую* обязанность.

Выдающийся русский философ И.А. Ильин писал: «Предварительная ответственность есть живое чувство предстояния и призванности, стремление к совершенствованию. Еще не совершив поступка, человек уже знает о своей ответственности» [5, с. 305]. Поэтому обязанность социальной ответственности каждого возникает при предварительном предъявлении к поведению всех и каждого определенных требований, закрепленных в социальных нормах, прежде всего в Конституции. И здесь на первое место выходит оправданность и практическая ценность обязанности позитивной социальной ответственности. Не вдаваясь в подробности и оценки значения социальной ответственности, бесспорно то, что даже мало-мальское проявление социальной ответственности одним субъектом, предотвращает вредное для общества поведение множества других субъектов. В результате чего не возникает необходимости задействовать механизм государственного принуждения, что в свою очередь вносит в общественное устройство стабильность и порядок.

Обязанность социальной ответственности каждого отражает природу и палитру всех отношений в государственно-организованном обществе. При таких условиях исследуемая обязанность может иметь *представительский и личный* характер. Например, только граждане Республики Беларусь, согласно части второй ст. 57 Конституции, несут воинскую службу в соответствии с Законом Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе», выступая при этом от имени государства. Реализуя полномочия народного заседателя в суде, то есть, выполняя обязанность по соблюдению Конституции и законов Республики Беларусь (ст. 52 Конституции), гражданин также осуществляет особый вид государственной деятельности.

Во втором случае обязанность социальной ответственности может и не иметь представительского характера. В случае её осуществления можно действовать в интересах других лиц, но выступать при этом не от имени государства в силу конституционных полномочий, а от себя лично (например, финансирование государственных расходов). Либо в соответствии со ст. 53 Конституции каждому необходимо уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц, т. е. осуществлять обязанность лично, никого не представляя.

Заключение

Будущее Беларуси сегодня находится в нашем распоряжении, следовательно, и под нашей ответственностью. Поэтому закрепление по

результатам референдума 27 февраля 2022 г. в Основном Законе обязанности каждого проявлять социальную ответственность является актуальным и необходимым. Полагаем, что такую обязанность надо было закрепить значительно раньше, вреда бы она не принесла. Но как говорится лучше позже, чем никогда.

Обязанность социальной ответственности каждого не является обязанностью субъекта претерпевать неблагоприятные для него последствия за итог своего поведения в прошлом (негативная ответственность). Это ответственность каждого за будущее (позитивная ответственность). Модель нашего будущего сконструирована в ст. 1 и 2 Конституции – построение в Республике Беларусь правового демократического социального государства.

Формы и способы претворения в жизнь обязанности социальной ответственности могут быть различными (активная и пассивная, исполнение, соблюдение, использование, применение). Реализовывать данную обязанность можно как индивидуально, так и коллективно.

Объектами охраны обязанности каждого проявлять социальную ответственность выступают все без исключения конституционные ценности и Конституция в целом.

Список использованных источников

1. Философия без границ (Сб. статей): В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. В. В. Миронова / Состав. Ю. Д. Артамонова, А. В. Воробьев, А. А. Костикова. – М. : Издатель Воробьев А. В., 2001. – 148 с.
2. Халиков, А. Н. Социальная и правовая ответственность человека. – LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). – 2015. – № 8. – С. 26–35.
3. Хорос, У. Кризис ответственности. Человек как источник ответственности / У. Хорос // Норман. Ун-т Оклахомы Press. – 1975. – С. 8–30.
4. Скороход, И. Г. Формы реализации конституционных обязанностей гражданами Республики Беларусь / И. Г. Скороход // Юстиция Беларуси. – 2016. – № 4. – С. 43–50.
5. Ильин И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М. : Республика, 1993. – 431 с.

Щербик Дмитрий Васильевич

ГАРАНТ КОНСТИТУЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Доцент кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, shcherbikdv@bsu.by

Аннотация. В публикации исследуется институт гаранта Конституции, проблемы его реализации в Республике Беларусь. Анализируется роль высших органов государственных власти в сфере обеспечения сохранности

конституционного строя Республики Беларусь, их полномочия по введению чрезвычайного положения. Выявляются пробелы правового регулирования и проблемы функционирования механизма введения чрезвычайного положения. Актуализируется необходимость совершенствованию законодательства в данной области.

Ключевые слова: Конституция, гарант конституции, Президент, Всебелорусское народное собрание, чрезвычайное положение, военное положение.

Развитие представлений о главе государства как гаранте Конституции прошло долгую историческую эволюцию. Для этапов, приходящихся на Новое и Новейшее время, характерен дрейф представлений о роли главы государства с взглядов на него как на единственного гаранта государственности к позиции рассмотрения его как одного из органов, участвующих в обеспечении суверенитета страны, нормального функционирования системы органов государственной власти. Модель главы государства как единственного гаранта Конституции была дискредитирована практикой авторитарных и тоталитарных режимов первой половины XX века. Современная дискуссия, рассматривая президента как элемент в системе гарантирования конституционного строя, расходится лишь в вопросе объема его полномочий в данной области. Для стабильно функционирующих государств больше характерно представление о его нейтральных арбитражных функциях как гарантии конституционного строя, для государств, переживающих период кризиса – взгляды об активной роли главы государства, в том числе о его полномочиях в сфере введения чрезвычайного положения [1].

Принятие изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. поднимает вопрос о гаранте Конституции. С одной стороны, ст. 79 Конституции прямо провозглашает Президента Республики Беларусь гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина. Во второй части данной статьи отмечается, что «Президент принимает меры по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечивает политическую и экономическую стабильность, преемственность и взаимодействие органов государственной власти, осуществляет посредничество между органами государственной власти» [2]. Ст. 83 Конституции, в свою очередь, содержит слова присяги, среди которых прописано обязательство «соблюдать и защищать Конституцию Республики Беларусь» [2].

С другой стороны, образованный в соответствии с дополнениями 2022 г. в Конституцию новый конституционный орган - Всебелорусское народное собрание в соответствии с ст.89¹ наделяется функцией по обеспечению «незыблемости конституционного строя, преемственности поколений и гражданского согласия» [2]. Так как конституционный строй – это система социальных, экономических и политико-правовых отношений,

устанавливаемых и охраняемых конституцией и другими конституционно-правовыми актами государства [3], а Конституция – это основной правовой источник, в котором закреплен конституционный строй государства, а глагол «гарантировать» трактуется через термины «защищать», «обеспечивать» [4, с. 123], то очевидно, что полномочия по обеспечению сохранности конституционного строя возложены на оба данных государственных органа.

В XX веке сформулированная Г.Кельзенем точка зрения, в соответствии с которой все органы государства через обеспечение стабильного и спокойного функционирования общества участвуют в процессе защиты и обеспечения Конституции, является общепризнанной [5, с. 401]. Однако, данный подход, как представляется характерен для стабильной политической ситуации в стране. В кризисные периоды, как показывает история, возникает необходимость в эффективном разрешении проблемной ситуации, потребность в определении важнейшего органа ответственного за защиту Конституции, обладающего наиболее действенными полномочиями по введению и реализации чрезвычайного положения.

Конституция Республики Беларусь относит решение вопроса о введении чрезвычайного положения к компетенции нескольких органов. Так, в соответствии с п.22 ст.84 Конституции Президент Республики Беларусь «в случае стихийного бедствия, катастрофы, а также попыток насильственного изменения конституционного строя, захвата или присвоения государственной власти, вооруженного мятежа, массовых и иных беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность жизни и здоровью людей, территориальной целостности и существованию государства, вводит на территории Республики Беларусь или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение с внесением в трехдневный срок принятого решения на утверждение Совета Республики» [2].

Сдерживание возможных злоупотреблений Главы государства в сфере введения чрезвычайного положения таким образом осуществляет Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь. Он в течение трех дней рассматривает указ Президента о введении чрезвычайного положения (ст.98 Конституции) [2]. При отсутствии утверждения Советом Республики, последний в соответствии со ст.7 Закона «О чрезвычайном положении» утрачивает силу [6]. Очевидно, что Президент Республики Беларусь обладает активными полномочиями по обеспечению неизблемости конституционного строя, а Совет Республики – пассивными.

Для экстраординарных ситуаций предусматриваются свои подходы к решению вопроса об обеспечении неизблемости конституционного строя. Конституция указывает на две нетипичных ситуации в области обеспечения защиты конституционного строя: гибель Главы государства или невозможность им исполнять им свои обязанности в период, когда есть основания для введения чрезвычайной ситуации, либо его бездеятельность при подобных основаниях.

В первом случае в соответствии со ст. 88¹ Конституции полномочия Главы государства переходят к Председателю Совета Республики, который возглавляет заседание Совета Безопасности. Незамедлительно на основании решения последнего вводится чрезвычайное положение [2].

Во втором нетипичном случае, а именно при бездеятельности Президента при наличии оснований для введения чрезвычайного или военного положения, п.8 ст. 89³ Конституции предусматривает право Всебелорусского народного собрания ввести на территории Республики Беларусь чрезвычайное или военное положение [2]. Но, возможности по реальному осуществлению данной функции этим органом фактически ограничены его сущностными характеристиками. Дело в том, что Всебелорусское народное собрание может насчитывать до 1200 членов (ст. 89² Конституции) [2]. Оно не является постоянно действующим органом и его заседания могут проводиться не реже одного раза в год, а его внеочередные заседания Собрания могут быть созваны по инициативе Президента, Президиума Всебелорусского народного собрания, совместного решения обеих палат Национального собрания либо по инициативе не менее 150 тысяч граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом (ст. 89⁴ Конституции) [2]. Очевидно, что подобный созыв требует времени и подготовки, поэтому в ситуации политического и конституционного кризиса, наличием которого только и можно объяснить бездействие Президента, особенно при его обострении, организация заседания Собрания будет затруднительной.

Следовательно, предусмотренный п.8 ст. 89³ Конституции механизм введения чрезвычайного или военного положения будет иметь потенциал реализации лишь при условии собравшегося и проводящего свое заседание в момент кризиса Всебелорусского народного собрания либо при наличии возможности оперативной организации его заседания [2]. В данной связи разрабатываемый Закон «О Всебелорусском народном собрании», и в будущем разработанный детализированный Регламент Собрания должны гарантировать возможность быстрой организации его заседаний в указанной ситуации, а равно предусматривать разрешения проблемы организации кворума, т.к. в условиях попыток насильственного изменения конституционного строя, захвата или присвоения государственной власти, массовых беспорядков, сопровождающихся насилием и др. обстоятельств его обеспечение может стать проблематичным.

Проблемным остается вопрос и о председателе Совета безопасности Республики Беларусь в условиях бездействия Президента и введения чрезвычайного положения Всебелорусским народным собранием.

Таким образом, в Республике Беларусь функции гаранта Конституции зарезервирована за двумя органами государственной власти. Реальными полномочиями по обеспечению конституционного строя обладает Президент Республики Беларусь. Именно он вводит чрезвычайное или военное положение, возглавляет Совет безопасности Республики Беларусь, принимает меры по устранению оснований приведших к их объявлению. В нетипичной

экстраординарной ситуации – бездействия Президента при наличии оснований для введения такого положения, функции гаранта конституционного строя переходят к Всебелорусскому народному собранию. Однако, их реализация может оказаться проблематичной в случае быстрого развития чрезвычайных обстоятельств и наличия политического и конституционного кризиса. Законодательство о Всебелорусском народном собрании требует своего формирования, а законодательство о чрезвычайном и военном положении своего совершенствования в направлении создания действенного механизма защиты государства и его конституционного строя в подобной ситуации.

Список использованных источников

1. Щербик, Д.В. Основные этапы развития представлений о главе государства как гаранте государственности в истории европейской политической и правовой мысли / Д.В. Щербик // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. - №2. – С. 9-18.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : прин. 15 марта 1994 г.; с изм. и доп. от 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004г. и 27 февр. 2022г. // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Конституционный строй [Электронный ресурс] // Большой юридический словарь; сост. Сухарев А. Я., В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. — М.: Инфра-М. — 2003. . – Режим доступа: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-202-4.htm#zag-3036> . – Дата доступа: 15.06.2022.
4. Гарантировать // Словарь русского языка / С. И. Ожегов. - 4-е изд., доп. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. – С.123.
5. Кельзен, Г. Кто должен быть гарантом Конституции? / Г. Кельзен // Государство: Право и политика [Текст] / пер.с нем. и вступ.ст.О.В.Кильдюшова; сост.В.В.Анашвили, О.В. Кильдюшов. – М.: Изд.дом «Территория будущего», 2013. – С.359- 410.
6. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 24 июня 2002 г. N 117-3; в ред. Законов Респ. Беларусь от 21.07.2008 N 417-3, от 06.01.2009 N 8-3, от 31.12.2009 N 114-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

**СЕКЦИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И
НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА, ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНОГО И
ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА»**

Мороз Олег Васильевич

**ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ КРУГА
ОБЪЕКТОВ ПРАВОВЫХ ФОРМ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В
РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

доцент кафедры экологического и аграрного права, Белорусский
государственный университет, кандидат юридических наук, доцент,
moroz_ov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте и Протокола по стратегической экологической оценке к ней на формирование круга объектов оценки воздействия на окружающую среду и стратегической экологической оценки в Республике Беларусь. Раскрываются подходы, используемые в международных соглашениях и в национальном законодательстве при изложении объектов данных природоохранных мер. Содержатся предложения по совершенствованию правового регулирования соответствующих отношений.

Ключевые слова: оценка воздействия на окружающую среду; стратегическая экологическая оценка; трансграничное воздействие; объекты; планируемая деятельность.

В Республике Беларусь существуют такие правовые формы экологической оценки как оценка воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС) и стратегическая экологическая оценка (далее – СЭО). Они позволяют оценить воздействие хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду на стадии разработки проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности, имеющих стратегический характер (в случае с СЭО) либо касающихся конкретной деятельности (в случае с ОВОС), и выработать природоохранные мероприятия, направленные на минимизацию негативного влияния на окружающую среду. В данной сфере особое значение имеют такие международные документы как Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. (далее – Конвенция Эспо) и Протокол по стратегической экологической оценке 2003 г. (далее –

Протокол по СЭО) к ней. Республика Беларусь является стороной Конвенции Эспо, но не присоединилась к Протоколу по СЭО.

Необходимость учитывать возможное трансграничное воздействие на окружающую среду можно рассматривать как один из факторов, влияющий на формирования круга объектов, подлежащих ОВОС в Республике Беларусь. В Конвенции Эспо предлагается как определенный круг объектов ОВОС, на которые распространяются трансграничные процедуры, так и критерии отнесения к таковым.

В Добавлении 1 к Конвенция Эспо приведен перечень видов планируемой деятельности подлежащих ОВОС, которые могут оказывать значительное вредное трансграничное воздействие при их реализации. Не все из них конкретизированы. К примеру, понятия «вырубка лесов на больших площадях», «трубопроводы большого диаметра для транспортировки нефти, газа», «крупные склады для хранения нефтяных, нефтехимических и химических продуктов», «крупные плотины и водохранилища» являются оценочными и законодательствами разных стран могут по-своему определяться. Это вызывает проблему применимости ОВОС в трансграничном контексте, если в случае конкретизации таких объектов будут расхождения между странами. Данную проблему может разрешить норма Конвенции Эспо, согласно которой заинтересованные стороны могут вступать в новые двусторонние или многосторонние соглашения или другие договоренности с целью соблюдения своих обязательств. В таких документах можно согласовать приемлемые для стран параметры, тем самым решив вопрос об определении пороговых уровней для видов деятельности, которые четко не установлены в Добавлении 1. Как выход из ситуации, стороны могут согласиться принимать во внимание пороговые уровни друг друга. К примеру, согласно национальному законодательству к экологически опасной деятельности относится эксплуатация склада нефти, продуктов нефтепереработки, химических продуктов вместимостью 50 тысяч кубических метров и более. Данные объекты подлежат ОВОС, включая склады, предназначенным для хранения химических продуктов вместимостью 1 тонна и более.

По инициативе любой из заинтересованных сторон возможны консультации на предмет того будут ли какие-либо планируемые виды деятельности, не указанные в Добавлении 1, оказывать значительное вредное трансграничное воздействие. В данном случае применяются критерии, указанные в Добавлении 3 к Конвенции Эспо: а) масштабы которых являются большими для данного типа деятельности, б) осуществляются в особо чувствительных или важных с экологической точки зрения районах или в непосредственной близости от них, в) оказывающие особенно сложное и потенциально вредное воздействие.

Следует считать положительным стремление закрепить на уровне законодательного акта в ст. 7 Закона Республики Беларусь «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду» от 18 июля 2016 г. № 399-З (далее – Закон

о ГЭЭ, СЭО и ОВОС) единого, исчерпывающего и максимально конкретного перечня объектов, подлежащих ОВОС, что способствует единообразию и упрощению правоприменения, разрешению многих спорных вопросов и позволяет избежать злоупотреблений. Несмотря на это, ОВОС может проводиться и для иных объектов, предусмотренных законодательными актами, международными договорами Республики Беларусь. Данная норма позволяет распространить ОВОС и на те объекты, которые по той или иной причине не нашли отражение в указанном законе.

Кроме того, как и в Добавлении 1 к Конвенции Эспо, так и в Законе о ГЭЭ, СЭО и ОВОС при изложении перечня объектов, подлежащих ОВОС, используются схожие подходы: виды деятельности, конкретные категории объектов, назначение объектов. В указанном законе объекты, подлежащие ОВОС, формулируются также через размер санитарно-защитной зоны, их размещение на территориях, зонах, имеющих природоохранное, рекреационное и историко-культурное значение. Использование указанных подходов при формировании перечня объектов, подлежащих ОВОС приводит к некоторым пересечениям. К примеру, в качестве объекта, подлежащего ОВОС, отдельно указаны объекты по производству стекла. При этом в отношении объектов по производству стекла установлена санитарно-защитная зона размером 100 метров, а в том же перечне объекты подлежат ОВОС в случае, если базовый размер санитарно-защитной зоны составляет 300 метров и более. Возникает вопрос по поводу того, будут ли объекты по производству стекла подлежать ОВОС. Такая ситуация может потребовать обращения заказчиков или проектных организаций за разъяснениями. Возможно в процессе правоприменения руководствуются правилом, согласно которому, если планируемая деятельность соответствует одному из критериев, то в отношении ее проводится ОВОС.

Вторая поправка к Конвенции Эспо расширяет круг объектов, подлежащих ОВОС в трансграничном контексте. К примеру, появился такой объект как крупные установки, предназначенные для использования энергии ветра с целью производства электроэнергии (ветровые электростанции). Республика Беларусь на данный момент ее не одобрила, что следует учитывать при дальнейшем совершенствовании законодательства.

При совершенствовании правового регулирования необходимо также ориентироваться и на такое международное соглашение как Протокол по СЭО к Конвенции Эспо. Это обусловлено не только тем, что Республика Беларусь в перспективе может присоединиться к данному международному соглашению, но и тем, что его можно рассматривать как документ, предполагающий определенные подходы к осуществлению рассматриваемого природоохранного механизма. При имплементации его положений в законодательство Республики Беларусь следует учитывать и национальные особенности.

В Республике Беларусь используется подход отнесения той или иной стратегической документации к объектам СЭО по ее типу (виду) и выделению содержательного критерия, в отличие от Протокола по СЭО, в котором при

определении ее объектов предлагается, главным образом, использовать содержательный критерий. В части типизации программной документации более рационален национальный подход, так как не все типы (виды) программной документации имеют потенциал негативного воздействия на окружающую среду при их реализации. Но это требует всеобъемлющего анализа стратегической документации и периодического ее пересмотра, для того что бы закрепить тот или иной вид таковой в качестве объекта СЭО [1, с. 128].

В национальном законодательстве изложены критерии отнесения той или иной стратегической документации к объектам СЭО касательно ее содержания только в отношении проектов государственных, региональных и отраслевых стратегий и программ. Они не устанавливаются в отношении градостроительных проектов общего и специального планирования. Вопрос по поводу критериев причисления тех или иных объектов как подлежащих СЭО является сложным. Проблематично выделить конкретные критерии, определяющие, что те или иные проектные решения, содержащиеся в документации стратегического планирования, при их реализации могут оказать вред окружающей среде, в силу разнообразия, масштабности и комплексности таковых.

При совершенствовании правового регулирования целесообразно руководствоваться двумя критериями (комплексным критерием), предложенными в Протоколе по СЭО. Так, такие планы и программы должны, во-первых, разрабатываться для сельского хозяйства, лесоводства, рыболовства, энергетики, промышленности, включая горную добычу, транспорта, регионального развития, управления отходами, водного хозяйства, телекоммуникаций, туризма, планирования развития городских и сельских районов или землепользования, во-вторых, определять основу для выдачи в будущем разрешений на реализацию проектов, перечисленных в приложении I и любых других проектов, перечисленных в приложении II к данному протоколу, которые требуют ОВОС в соответствии с национальным законодательством. В национальном законодательстве отсутствует второй критерий, но представлен первый.

Тем не менее, существуют определенные расхождения по содержанию первого критерия. В соответствующих правовых нормах прямо не отражены такие указанные в Протоколе по СЭО сферы как телекоммуникации, водного хозяйства, рыболовства, регионального развития, а также планы и программы, разрабатываемым для планирования развития городских и сельских районов или землепользования. Возможно, данные сферы являются составной частью иных направлений, которые могут затрагиваться стратегиями и программами, подлежащими СЭО в Республике Беларусь. К примеру, программные документы, разрабатываемые для планирования развития городских и сельских районов, могут соотноситься с градостроительными проектами общего и специального планирования по национальному законодательству. Рыболовство может охватываться такими сферами как охрана и использование животного

мира, сельское хозяйство. Как видим, существует проблема соотнесения сфер, отраженных в международном документе, со сложившейся их классификацией (терминологией) в национальном законодательстве, что следует учитывать при совершенствовании правового регулирования соответствующих отношений.

В отличие от Протокола по СЭО в Законе о ГЭЭ, СЭО и ОВОС указывается на необходимость СЭО в отношении стратегий и программ, содержащих положения, регулирующие отношения в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. На наш взгляд, это не противоречит международному соглашению, так как им не затрагивается право какой-либо страны продолжать осуществлять или вводить дополнительные меры в связи с охватываемыми данным документом вопросами. По указанному аспекту потребуются соотнесение таких сфер как обращение с отходами, использование земель, использование, защита и воспроизводство лесов, использование вод, использование животного мира в соответствии с Положением о порядке проведения стратегической экологической оценки, требованиях к составу экологического доклада по стратегической экологической оценке, требованиях к специалистам, осуществляющим проведение стратегической экологической оценки, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2017 г. № 47, с лесоводством, рыболовством, горной добычей, управлением отходами, водным хозяйством, землепользованием в соответствии с Протоколом по СЭО. Следует отметить, что в данном Положении дается некоторая детализация первого критерия. К примеру, отношения в сфере энергетики должны затрагивать такие аспекты как деятельность по использованию атомной энергии, энергоснабжение, вопросы электроэнергетики, теплоэнергетики, возобновляемых источников энергии. Но такое уточнение является более общим по сравнению со вторым критерием, предлагаемым в Протоколе по СЭО.

Второй критерий предполагает, что программная документация, несмотря на ее масштабность и комплексный характер, по содержанию должна определять основу для выдачи в будущем разрешений на реализацию проектов, содержащих более конкретные проектные решения, которые в свою очередь могут являться объектами ОВОС. На наш взгляд, закрепление в национальном законодательстве второго критерия позволяет исключить стратегическую документацию, которая не имеет потенциал принятия конкретных проектных решений и будет способствовать оптимизации СЭО. Это также соответствует концепции устойчивого развития, предполагающей оптимальное сочетание экологического, экономического и социальных факторов.

Список использованных источников

1. Мороз, О.В. Объекты стратегической экологической оценки в правовом контексте / О.В. Мороз // Проблемы управления. – 2021. – № 3 (81). – С. 124-130.

Руденя Юрий Евгеньевич

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ СУММ НАЛОГОВ

Главный специалист управления законодательства о национальной безопасности и правоохранительной деятельности Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
yura.rudenia@yandex.by

Аннотация. Статья посвящена раскрытию предмета уклонения от уплаты налогов как важного для целей уголовно-правовой оценки объективного признака названного преступления. Приводятся мнения как белорусских ученых, так и научного сообщества ближнего зарубежья на проблематику определения предмета налоговых преступлений. Дается критическое осмысление имеющих место в правоприменительной практике подходов к определению данного уголовно-правового признака. Детальное его раскрытие осуществляется также посредством обращения к терминологическому аппарату налогового законодательства.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов; предмет преступления; объект преступного посягательства; налоги; экономические преступления; ущерб.

Как справедливо указывается в научной литературе, углубленная разработка объекта и предмета преступления является методом выявления правового значения уголовно-правового института, а также важнейшей и философски глубокой проблемой уголовно-правового исследования. Изучение предмета преступления имеет важное уголовно-правовое значение. Он непосредственно влияет на правильность уголовно-правовой оценки, определение характера и степени общественной опасности деяний. Механизм посягательства на предмет преступления предопределяет признаки деяний, сформулированные в уголовно-правовой норме.

При этом в настоящее время отсутствует единый подход к определению предмета преступлений, предусмотренных ст.ст. 243-243² УК.

В белорусском научном сообществе наиболее распространенной точкой зрения является отнесение к предмету рассматриваемой категории преступлений непосредственно налогов и (или) сборов [1, с. 7; 2, с. 368]. Наряду с указанным подходом имеют место также точки зрения по отнесению к предмету уклонения от уплаты налогов: денежных средств, как материального выражения налогов и сборов; налоговых деклараций, бухгалтерских и иных документов [4, с. 122]; объектов налогообложения [5, с. 7].

Некоторые российские ученые, а именно Е. В. Белов, А. А. Харламова, отмечают, что уклонение от уплаты налогов и (или) сборов не включает такой признак, как предмет, обосновывая это тем, что при совершении налоговых

преступлений отсутствует общественно опасное воздействие на объекты материальной действительности [6, с. 13].

Украинский ученый-правовед Я. М. Кураш применительно к вопросам анализа предмета уклонения от уплаты налогов отмечает, что в составе рассматриваемого преступления имеет место следующее совпадение: налоги, сборы, другие обязательные платежи являются предметом общественных отношений в сфере налогового регулирования и одновременно выступают как предмет соответствующего преступления. По её мнению, в таких преступлениях очень часто инструменты регулирования и осуществления хозяйственной деятельности используются в преступных целях. В связи с этим под предметом уклонения от уплаты налогов как преступного деяния следует понимать денежные средства, подлежащие уплате в бюджеты в виде налогов, сборов [7, с. 24]. Аналогичной точки зрения придерживается и А. А. Дудоров, который отмечает, что лицо, не уплачивая налоги, стремится сохранить свои денежные средства, которые подлежали внесению в соответствующий бюджет или внебюджетный фонд государства [8, с. 233].

В соответствии с п. 1 ст. 6 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) под налогом понимается обязательный индивидуальный безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в республиканский и (или) местные бюджеты. Налог считается установленным в случае, когда определены плательщики и следующие элементы налогообложения: 1) объект налогообложения; 2) налоговая база; 3) налоговая ставка (ставки); 4) налоговый период (при возможности его определения); 5) порядок исчисления; 6) порядок и сроки уплаты. Положениями ст. 11 НК закреплен порядок установления, введения, изменения и прекращения действия республиканских налогов, сборов (пошлин).

В этой связи неуплаченная сумма налога, не содержащего указанных элементов, либо не принятого в установленном порядке, не может считаться преступлением. Решения местных Советов депутатов об установлении местных налогов, сборов должны приниматься ими в пределах компетенции, определенной Законами Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» и в силу ч. 17 ст. 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». При этом такие решения имеют обязательную силу только на соответствующей территории.

И. А. Клепицкий поднимает вопрос относительно правовой возможности привлекать собственного гражданина к ответственности за уклонение от уплаты налогов, установленных иностранным налоговым законодательством. Это можно толковать в том смысле, что в ряде случаев граждане Республики Беларусь обязаны платить и иностранные налоги [9, с. 475]. Например, белорусские налогоплательщики несут полную налоговую обязанность по доходам от источников в Республике Беларусь, по доходам от источников за

пределами Республики Беларусь, а также по имуществу, расположенному как на территории Республики Беларусь, так и за ее пределами (п. 3 ст. 15 НК). С точки зрения теории возникает вопрос правовой возможности привлечения к ответственности собственного гражданина, уплатившего в полной мере налоги в белорусский бюджет и уклонившегося от уплаты налога в бюджет иностранного государства, с которым Республика Беларусь не имеет договора об избежании двойного налогообложения.

Согласно статье 56 Конституции Республики Беларусь «граждане Республики Беларусь обязаны принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей». Полагаем, что с точки зрения аутентичного толкования понятие «государственных расходов» в строгом смысле этого слова может указывать не только на расходы Республики Беларусь, но и иных государствах. При этом признаки состава преступлений, предусмотренных ст.ст. 243-243² Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), не содержат прямого указания на белорусские налоги, сборы и на необходимость обращения исключительно к белорусскому налоговому законодательству.

Вместе с тем, в плоскости правоприменительной деятельности указанный вопрос не поднимается, поскольку презюмируется, что УК предусматривает ответственность за уклонение от уплаты только белорусских налогов, сборов. Указанный подход, несомненно, усложняет механизм противодействия транснациональной налоговой преступности с точки зрения проблематичности правовой оценки тех или иных деяний как противоправных.

Уголовная ответственность наступает в одинаковой степени как за неуплату республиканских, так и местных налогов.

Виды республиканских (налог на добавленную стоимость, налог на прибыль и т.д.) и местных налогов (налог за владение собаками, сбор с заготовителей и т.д.) перечисляются в ст. ст. 8 и 9 НК соответственно. Следует также учитывать, что ряд республиканских налогов взимается в местные бюджеты (например, налог на недвижимость). Ранее имела место не выдерживающая критики точка зрения о неохвате диспозицией ст. 243 УК общественных отношений, возникающих в сфере установления, исчисления и уплаты местных налогов. В п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 13 марта 1997 г. № 5 «О практике применения судами законодательства по делам о сокрытии, занижении прибыли и доходов», как утверждалось, Верховный Суд предлагал не оценивать как уклонение от уплаты налогов и не применять ст. 243 УК для случаев уклонения от уплаты местных налогов в местный бюджет, что, тем не менее, не основывалось на системности правового регулирования.

Кроме того, в ст. 10 НК предусматриваются также особые режимы налогообложения (налог при упрощенной системе налогообложения, единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц и т.д.). При этом презюмируется, что совершение противоправных действий по поводу исчисления и уплаты налогов охватывается не только их видами,

перечисленными в ст. 8, 9 НК, но и установленными в ст. 10 НК (налогами, установленными в рамках специальных режимов налогообложения).

Составляющей видového объекта налоговых преступлений являются также общественные отношения, возникающие по поводу формирования, исчисления и поступления в бюджет сборов.

В соответствии с п. 2 ст. 6 НК юридически понятия сбор и пошлина приравниваются. Так, «под сбором (пошлиной) признается обязательный платеж в республиканский и (или) местные бюджеты, взимаемый с организаций и физических лиц, как правило, в виде одного из условий совершения в отношении их государственными органами, в том числе местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами, иными уполномоченными организациями и должностными лицами, юридически значимых действий» (ст. 6 НК). Например, ст. 8 НК установлены оффшорный, консульский, утилизационный и некоторые иные сборы, являющиеся обязательными к уплате при наличии на то правовых оснований. Кроме того, приложениями к НК установлены ставки пошлин за обращение в суды, органы принудительного исполнения, органы прокуратуры и т.д. Необходимость уплаты пошлин обусловлена непосредственным волеизъявлением лица обратиться к соответствующему государственному органу за осуществлением в отношении него услуги публично-правового характера.

Вместе с тем, действующий УК не предусматривает уголовную ответственность за уклонение от уплаты пошлин, несмотря на то что для целей применения налогового законодательства правовая сущность понятий сбора и пошлины отождествляется.

По моему мнению, установление уголовной ответственности за уклонение от уплаты сборов лишь по признаку схожего с налогами юридического статуса – является излишним расточением уголовной репрессии, на что, как минимум указывает нулевое применение ст. 243 УК по данному признаку. При этом в научном сообществе Российской Федерации можно обнаружить тенденцию к признанию необходимости расширения предмета уклонения от уплаты налогов в виде сумм как налоговых платежей, так и иных обязательных платежей.

Согласно п. 6 НК при установлении сбора (пошлины) определяются его плательщики, объекты обложения, ставки, сроки уплаты и при необходимости другие элементы обложения применительно к конкретным сборам (пошлинам). Таким образом, обязательными элементами сбора не являются, к примеру, налоговая база либо обязанность предоставления налоговой декларации (консульский сбор). В этой связи стоит отметить, что с учётом исчерпывающего перечня способов уклонения от уплаты налогов, определяемых в ст. 243 УК, уклонение от уплаты сбора даже в уголовно наказуемом размере на практике не во всех формах может влечь уголовную ответственность по ст. 243 УК, ввиду отсутствия у сбора такого элемента, как налоговой базы. В этом случае действия лица могут быть квалифицированы как уголовно наказуемое деяние по ст. 243 УК лишь при наличии признаков

уклонения от представления налоговой декларации (расчета) либо внесения в нее заведомо ложных сведений.

В соответствии с п. 3 ст. 6 НК не являются налогами, сборами (пошлинами) платежи, осуществляемые в рамках отношений, не регулируемых НК и иными актами налогового законодательства, а также платежи в виде штрафов или иных санкций за нарушение законодательства. В случае уклонения от уплаты таможенных сборов уголовная ответственность наступает по отдельной норме – ст. 231 УК. Специально предусмотренной нормой (ст. 243³ УК) установлена уголовная ответственность за уклонение от уплаты обязательных страховых взносов, взносов на профессиональное пенсионное страхование в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь.

Таким образом, основываясь на логике законодателя, следует согласиться с подходом, предлагающим считать предметом уклонения от уплаты налогов денежные средства в виде сумм налогов (сборов), которые подлежали внесению в соответствующий бюджет (не налоги как таковые, поскольку они означают лишь правовую фикцию в виде допустимого изъятия денежных средств в бюджет). При этом вряд ли при определении предмета преступления корректно указывать непосредственно на налог (сбор), поскольку преступное деяние направлено на предмет материального мира, которым налог (сбор) в смысле п. 1 ст. 6 НК не является. Также отмечаю, что уголовная ответственность наступает за уклонение от уплаты исключительно белорусских налогов (вместе с тем, однозначное указание на это в нормативных предписаниях отсутствует). Соответствующей нормой охватывается также уклонение от уплаты сборов, однако пошлины и иные обязательные платежи не подпадают в сферу действия ст. 243 УК. Доход, неуплата налогов с которого является основанием для наступления уголовной ответственности по ст. 243 УК, должен являться легальным и не может быть получен в результате осуществления противоправной деятельности.

Список использованных источников

1. Лукашов, А. И. Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов и аналогия уголовного закона (части 1 и 2) (по состоянию на 20.11.2015) [Электронный ресурс] / А. И. Лукашов // КонсультантПлюс. Беларусь, ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. : 2-е изд., с изм. и доп. / Н. Ф. Ахраменка [и др.] : под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ. - 2010. - 1064 с.
3. Клепицкий, И. А. Объект и система имущественных преступлений в связи с реформой уголовного законодательства России : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Моск. гос. юрид. акад. – Москва, 1995. – 28 с.
4. Глебов, Д. А. Налоговые преступления и налоговая преступность / Д. А. Глебов, А. И. Ролик. — СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2005. — 338 с
5. Никифоров, А. В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Никифоров – М., 2010. – 19 с.

6. Белов Е. В., Харламова А. А. Налоговые преступления: уголовная ответственность, проблемы квалификации : науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. Г. Кадников. М., 2016. — 482 с.
7. Кураш, Я. М. Ухилення від сплати податків, зборів та інших обов'язкових платежів : курс лекцій / Я. М. Кураш. – Харків : Нац. юрид. акад. України ім. Ярослава Мудрого, 1999. – 43 с.
8. Дудоров О. О. Ухилення від сплати податків: кримінально-правові аспекти : монографія / О. О. Дудоров. – К. : Істина, 2006. – 648 с.
9. Клепицкий, И. А. Новое экономическое уголовное право / И. А. Клепицкий. – Москва : Проспект, 2011. – 1324 с.

Самарин Вадим Игоревич

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент,

samarynv@bsu.by

Аннотация. В публикации дается авторское видение проникновения норм международного права в национальное уголовно-процессуальное право. Данное явление предлагается охарактеризовать как интерференция. Последняя является проявлением международно-правовой парадигмы современного уголовного процесса. Определение природы взаимодействия надгосударственного и национального права позволяет определить допустимость и масштаб применения международных договоров и международных стандартов в уголовном процессе.

Ключевые слова: международно-правовая парадигма; уголовный процесс; национальное право; взаимовлияние систем права; международный договор; международные стандарты.

Правовые системы современных государств испытывают проникновение принципов, стандартов, норм извне. Это могут быть привнесения из права международного (в т.ч. регионального) уровня, которое разрабатывается многими государствами, либо наднационального права (в узком смысле), создаваемого в рамках интеграционных образований. Соответствующие процессы носят характер глобализации либо интеграции. Проникая в национальное уголовно-процессуальное право, такие элементы переплетаются с его нормами, что является проявлением международно-правовой парадигмы уголовного процесса. Настоящая публикация представляет авторское видение взаимодействия международного и национального права в сфере уголовного процесса.

Опыт последних десятилетий показывает, что глобализация связана не только с экономическими отношениями и проявляется в различных сферах человеческой деятельности. Глобализация создает возможность для расширения образа мыслей человека. В современную эру цифровизации люди во всем мире обмениваются взглядами и знаниями благодаря Интернету, что позволяет быстрее увидеть и осознать достижения либо недостатки системы правосудия, существующей в другом государстве, если такая система достаточно транспарентна. Правосудие в современных демократических государствах поддерживается просвещенными идеями, побуждающими законодателей принимать более эффективные законы. Тем самым, глобализация приближает правовые системы к тому, что происходит в других государствах, и нельзя отрицать тот факт, что глобализация оказывает все большее влияние на расследование преступлений и отправление правосудия на национальном уровне.

В рамках интеграционных процессов взаимопроникновение норм права происходит, как правило, упорядоченно и в межгосударственном масштабе. Хотя такое взаимовлияние возможно и спонтанно, например, в ходе изучения положительного опыта иных государств. Таков был пример внедрения в уголовный процесс Республики Беларусь института досудебного соглашения о сотрудничестве. При осуществлении международной правовой интеграции государства осуществляют деятельность по координации собственной правовой политики с правовой политикой других государств [1, с. 5].

Процесс взаимовлияния правовых систем в рамках культурного диалога в литературе иногда именуют интернационализацией права [1, с. 230]. Хотя отдельные авторы указывают, что необходимо различать интернационализацию права, как процесс стихийный, и правовую интеграцию, как деятельность, специально направленную на обеспечение сбалансированного, бесконфликтного функционирования правовых систем [2, с. 9-10]. Такой подход нам кажется не совсем верным, так как интеграция права явно является составной частью интернационализации. В этом смысле интернационализация уголовно-процессуального права с ростом трансграничного значения уголовно-процессуальной деятельности требует углубления компаративистского знания уголовного процесса. В этом же контексте оперирует термином интернационализация уголовного процесса А. А. Трефилов [3, с. 3]. Отмеченные тенденции характерны для правовых систем многих государств. Все большая часть международного права применяется национальными судами, а в случае необходимости принудительно обеспечивается всем арсеналом средств суверенного государства [4, с. 32].

В сфере уголовного судопроизводства такое проникновение затрагивает наиболее ощутимые основы суверенитета: государство, в юрисдикции которого, под чьей властью находится лицо, вправе решать, как его ограничить или наказать. Указанному «давлению» извне часто идет противодействие. В этом смысле показательна норма, изложенная в п. б) ч. 5.1 ст. 125 Конституции Российской Федерации (в ред. 2020 г.). Конституционный Суд Российской

Федерации может принимать решение о возможности реализации решений межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров, в их толковании, противоречащем Конституции, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда..., которое налагает обязательства на Российскую Федерацию в случае, если это решение противоречит принципам публичного права этого государства.

Полагаем, что сам процесс взаимодействия, взаимовлияния международного и национального права в уголовном процессе можно опосредовать термином «интерференция», который свойственен для различных сфер научного знания. Слово происходит от латинских «*inter*» (между) и «*ferens*» (несущий, переносящий). Из естественных наук термин применяется, прежде всего, в различных разделах физики: взаимодействие водяных звуков и световых волн при их наложении друг на друга, в силу которого одна волна может усиливать другую или ослаблять. В медицине интерференция вирусов подразумевает подавление одного вируса другим при смешанной инфекции. Лингвистическая интерференция в языкознании обозначает последствие влияния одного языка на другой, т.е. применение норм одного языка в другом в письменной и (или) устной речи. В психологии интерференция носит негативный оттенок и появляется при обучении, когда происходит взаимодействие между новым материалом и уже имеющимися воспоминаниями, что ведет к негативному влиянию на усвоение нового материала.

Полагаем, что данный термин применим и к праву, и опосредованно к регулируемой им деятельности. Подтверждением этого может быть нормы ч. 4 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), в которой законодатель указал, что международные договоры Республики Беларусь, определяющие права и свободы человека и гражданина, в уголовном процессе применяются наряду с УПК. Тем самым такие международные договоры проникают в уголовно-процессуальную деятельность и усиливают нормы УПК: если первые содержат более привилегированные нормы (наполняющие права человека большими гарантиями и содержанием), то они должны применяться совместно с нормами УПК. Обосновывая соответствие изменений в УПК Конституции Республики Беларусь, Конституционный Суд Республики Беларусь зачастую ссылается на международные стандарты в сфере уголовного процесса, которые как таковые не имеют обязательной силы для государственных органов Республики Беларусь [5, с. 51–55], но которые усиливают мотивировочную часть решения. Выход правовой (а в ряде государств) и судебной защиты на надгосударственный уровень уже является проявлением интерференции в деятельностном аспекте.

О правовой интерференции упоминают ряд исследователей. Так, А.Э. Злобянцов рассматривал интерференцию правовых норм на национальном уровне, где они не могут не взаимодействовать, при их большом количестве неизбежно пересекаться и накладываться, а могут и вступать в

противоречие. Под интерференцией в праве он понимает «явление «наложения» и «пересечения» регулятивных свойств двух или более правовых предписаний, чаще всего различных по юридической силе, но регулирующих одно и то же общественное отношение, либо их группу [6, с. 17]. Н.С. Нижник упоминает о юридической интерференции в контексте изменения правовой культуры каждой из вступивших в контакт правовых систем [7, с. 50].

Хронологию изменения подходов к международно-правовым нормам в уголовном процессе можно проследить по различным изданиям научного комментария к УПК ФРГ. Изначально (в 70-е гг. XX в.) немецкие ученые указывали, что особенностью последнего совершенствования законодательства является появление наряду с обычными федеральными законами, регулирующими уголовный процесс, положений межгосударственного права, которые в обобщенной форме определяют отдельные принципы со ссылкой лишь на Европейскую конвенцию о правах человека [8, с. 6]. В следующем издании в качестве источников уголовно-процессуального права названы также Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., европейские конвенции о выдаче 1957 г. и о взаимной правовой помощи 1959 г., Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. [9, с. 4]. В 1999 г. в комментарии уже появляется термин «интернационализация уголовного процесса», которая, по мнению автора, проявляется в регулировании международным правом значимых для уголовного процесса вопросов (например, экстерриториальности), а также в установлении минимальных стандартов в данной сфере [10, с. 23–24]. А в последнем издании говорится о «пронизывании [*geprägt*] уголовно-процессуального права международным и европейским влиянием» [11, с. 7]. Слово *geprägt* можно перевести с немецкого языка и как «несущий отпечаток», то есть существует наложение норм международного и национального права, что мы и назвали выше интерференцией.

Французские процессуалисты также отмечают влияние международного права не только на нормы национального уголовно-процессуального права, но и на деятельность органов, ведущих уголовный процесс. С одной стороны, международные договоры регулируют порядок оказания международной правовой помощи по уголовным делам с иностранным элементом. С другой – «международные источники налагают на законодателя, а также в определенных случаях на судью (если международный договор является самоисполнимым и имеет прямое действие) стандарты судить, судить хорошо, в соответствии с критериями справедливости, уважая гарантии, которые цивилизованные нации продвигают с 1945 г. в договорах и посредством деятельности органов, контролирующей соблюдение таких договоров». При этом указывается, что уголовно-процессуальное право постепенно становится интернационализированным (*s'internationalise*) в своем обращении к фундаментальным правам и их гарантиям [12, с. 54, 55].

Таким образом, на наш взгляд, взаимовлияние международного и национального права приводит к интерференции надгосударственного в

уголовный процесс. Такое явление представляет собой взаимодействие и взаимовлияние правовых норм и результатов деятельности, возникающие между надгосударственными (включая международные) и национальными элементами, связанными с производством по материалам и уголовным делам.

Список использованных источников

1. *Стойко, Н. Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем / Н. Г. Стойко. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2006. – 261 с.
2. *Бахин, С. В.* Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем : Унификация и гармонизация права: автореф. дис. ... док. юрид. наук: 12.00.10 / С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2003. – 46 с.
3. *Трефилов, А. А.* Организация досудебного производства по УПК Швейцарии 2007 года: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Моск. гос. ун-т. – М., 2014. – 25 с.
4. *Jennings, R.* The internal judicial practice of the International Court of Justice / R. Jennings // *British Yearbook of International Law*. – 1988. – Vol. 59, Issue 1. – P. 31–47.
5. *Самарин, В. И.* Понятие международных стандартов в сфере уголовного процесса / В.И. Самарин // *Юстыця Беларусі*. – 2022. – № 6. – С. 51–55.
6. *Злобянцов, А. Э.* Понятие интерференция в правовом регулировании общественных отношений / А.Э. Злобянцов // *История государства и права*. – 2011. – № 17. – С. 16-18.
7. *Нижник, Н. С.* Правовая аккультурация в контексте коэволюции политико-правовых систем современности / Н.С. Нижник / *Международное и национальное право: теория, история, современность* : сборник научных статей. – Санкт-Петербург: Астерион, 2009. – С. 48-51.
8. *Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz: Großkommentar: in 6 Bände / Hrsg. v. Löwe, E. [et al.]. – 23., neubearb. Aufl. – Berlin : de Gruyter, 1976-1980. – Band 1 : Einleitung; §§ 1 bis 111n. – 1976. – 1196 S.*
9. *Löwe-Rosenberg.* Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz: Großkommentar: in 6 Bände / Hrsg. v. Rieß, P. [et al.]. – 24., neubearb. Aufl. – Berlin : de Gruyter, 1984-1996. – Band 1 : Einleitung; §§ 1 bis 111n. – 1988. – 1555 S.
10. *Löwe-Rosenberg.* Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz: Großkommentar: in 8 Bände / Hrsg. v. Rieß, P. [et al.]. – 25., neubearb. Aufl. – Berlin : de Gruyter, 1997-2005. – Band 1 : Einleitung; §§ 1 bis 71. – 1999. – 1062 S.
11. *Löwe-Rosenberg.* Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz: Großkommentar: in 12 Bände / Hrsg. v. Becker, J.-P. [et al.]. – 27., neu bearb. Aufl. – Berlin : de Gruyter, 2016-2020. – Band 1 : Einleitung; §§ 1–47. – 2016. – 1151 S.
12. *Guinchard, S.* Procédure pénale / S. Guinchard, J. Buisson. – 15 édition. – Paris : LexisNexis, 2022. – 1620 p.

Селезнев Юрий Валентинович
ПРАВО, ГОСУДАРСТВО, СУВЕРЕНИТЕТ: «ЛИНЕЙКИ
ДЕРИВАТИВНОСТИ»

Преподаватель кафедры английского и восточных языков, факультет международных бизнес коммуникаций, Белорусский государственный экономический университет, lingvo-economix@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблемы взаимовлияния принципов и положений международного и национального права по критерию степени их эсхатологичности. Предлагаются два определения: «линейка деривативности» и «дерево раздела». Оба понятия представляют собой наиболее краткую артикуляцию принципов теоретической защиты национального права от вредоносных заимствований.

Ключевые слова: линейка деривативности; дерево раскола, международное право, национальное право, вредоносные заимствования, эсхатологичность.

Актуальность данной статьи определяется ускоряющимся необратимым разделом мира на новые мега (пан) регионы или валютные зоны. Различные авторы предлагают несколько синонимичных понятий. Ключевые игроки активно переламывают привычное мироустройство, в том числе и международное право, под себя. В ряде ведущих мировых держав появляются нормативно-правовые акты различного уровня, характеризующие различную степень готовности конкретных стран обеспечить минимальный *«период правового отклика»* на меняющиеся политические и экономические реалии, т.о. обеспечивая себе максимально комфортное вхождение в новый этап миропорядка, который характеризуется обострением борьбы между ключевыми группами интересов.

Пункт 42 главы 6 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь включает «противоборство между ведущими мировыми центрами силы» в список угроз для Республики Беларусь [1].

Новая Конституция Республики Беларусь, вне зависимости от оценок ее положений, также является ответом Республики Беларусь на вызовы нового времени.

Предлагаемая ниже система оценки нормативно-правовых актов по критерию эсхатологичности в настоящее время представляется аналогом военно-технического термина «свой-чужой».

Предлагаемая научная гипотеза заключается в том, что, по мнению автора, *эсхатологичность в праве является константой вне зависимости от правовой семьи и периода*. Различия между правовыми семьями по степени

эсхатологичности (религиозности) внешне проявляются лишь по форме выражения, которая тем или иным образом воспринимается или не воспринимается представителями других правовых семей в зависимости от их индивидуальной коллективной когнитивной способности.

Для оценки корректности этого восприятия предложим некоторую *линейку деривативности*, которая представляет собой логическую последовательность развития или преобразования одного духовного, правового, социального, культурного, политического или экономического явления в другое.

По сути, *линейка деривативности* представляет собой гуманитарный вариант закона сохранения энергии: ничто не берется ниоткуда и ничто никуда не исчезает. Например, по мнению богослова Андрея Кураева появление в католичестве догмата филиокве, привело к философской традиции западной мысли определять личность как отношение, что, в свою очередь, привело политико-экономическому пониманию социализма, в котором с помощью законов, регулирующих отношения между людьми, якобы создается новый тип личности [2, с.85-97].

Различные интерпретации одного и того же явления представителями разных правовых семей объясняется 1) отличающимися формами трансформации теологических дефиниций в правовые (в зависимости от особенностей исторического развития соответствующих социумов) и 2) разной степенью отдаленности (деривативности) от единой (теологической) точки отсчета.

Данное положение «работает» как по отношению к авраамическим обществам, так и к другим. Например, китайские католики формально не подчиняются Папе, что является нонсенсом с точки зрения католичества, но естественной «деривативностью» от концепции «срединной империи» китайского этноса.

Степень эсхатологичности социума можно оценить по условной 100-бальной шкале, где современные Саудовская Аравия или Иран – 100%, а коммунистические учения или западные «социальные религии» – 0%. Для нанесения на шкалу «делений» можно ввести оперативный понятийный аппарат, придав общеупотребительным словам терминологический смысл (от максимума к минимуму): воцерковленный / фундаменталист / ортодокс / экстремист и т.д.; неофит; этнический православный / католик и т.д.; агностик; атеист / адепт социальной религии.

Гипотеза о константе эсхатологичности не противоречит наиболее привычной для современной аудитории хронологии государственно-правовых учений которая в общем совпадает с марксистским пониманием исторических формаций. В таком порядке государственно-правовые учения рассматриваются, например, в хрестоматии В. В. Лазарева и С. В. Липеня. По хронологии этих авторов степень религиозности в начальных общественных формациях можно оценить, как приближающуюся к 100% (божественная теория происхождения

власти). Отсюда прямая причинно-следственная связь между теологическими текстами и правовыми понятиями.

Далее теологические компоненты или ссылки на них постепенно пропадают, однако декларативно выраженного отступления, отказа, отрицания теологического источника (начальной точки в линейке деривативности) нет ни на каком этапе, за исключением марксистско-ленинского учения и его вариаций. Но даже в обществах со степенью эсхатологичности близкой к нулю отчетливо просматривается теологическая деривативность: в СССР моральный кодекс строителя коммунизма совершенно отчетливо являлся деривативом от предшествующей православной догматики и добре и зле; многие нормы коммунистического Китая очевидно соотносятся с идеями конфуцианства; северокорейская доктрина «чучхе» декларативно связана с «национальными особенностями» корейцев.

Отдельно следует отметить, что развитие норм права в Китае, Японии и некоторых других дальневосточных странах имеет свою собственную линейку деривативности, т.к. она не основана на «авраамической системе».

Еще лучше эсхатологическая константа просматривается с точки зрения классификации цивилизаций Тойнби. По крайней мере предложенные этим автором названия отчасти географические или исторические, а отчасти собственно теологические.

На теологической основе сегодня «работают» совершенно разные политические и экономические теории и явления. Иногда непосредственно, иногда через один или несколько деривативов. Приведем наиболее интересные: «Третий Карфаген» Ю. Ю. Воробьевского, «хозяева денег» В. Ю. Катасонова, «малый народ» И. Р. Шафаревича, теория «глубинного государства», политологическое понимание теории сетевых структур, над- и трансгосударственные образования.

Сегодня среди консервативных ученых достаточно широко распространено мнение, что теория базиса и надстройки Маркса «перевернута с ног на голову»: не экономический базис определяет надстройку, а наоборот. Разделяем такую точку зрения и в качестве аргументов рассмотрим некоторые юридические факты прошлого и современности через призму той или иной шкалы линейки деривативности, по которой теологическая основа определяет политико-правовой режим.

Сквозь почти 2000 лет рассеянный по земле еврейский народ пронес идею создания своего государства на исторической родине. За это время еврейские диаспоры органично вписывались в различные правовые реалии, но в конце концов к 1948 такие антагонисты как американские империалисты и советские коммунисты внесли свой вклад в создание государства Израиль. Т.о. все политические и правовые институты разных государств в разные периоды для сионистских организаций были временными уступками, в то время как сами сионисты исходили из своих более основополагающих доктрин, являющихся 100% религиозными. Сегодня многие приписывают авторство термина

«теополитика» (обеспечение государством условий на осуществление народом своей духовной миссии) еврейскому автору Дмитрию Радышевскому.

Однако сама идея теополитики, при всей удачности относительно нового термина, не нова. Например, в 16 веке монах Филофей сформулировал концепцию Третьего Рима, являющуюся теологической основой для правовых деривативов, которые впоследствии появлялись в Российской империи. Заметим, что США ассоциируют себя со «вторым Римом». Отсюда вполне логична разница между англосаксонским и европейским правом рабовладения (теологически обоснованная естественность положения потомков Хама в качестве служения потомкам Иафета и Сима) и византийским / крепостным в России, которые ближе к социальному договору.

Глобализм – это форма проявления эсхатологичности тех сил, которые находятся у власти в странах запада и некоторых других. В современной концепции многополярности мирового устройства, в основах советской «социальной религии» о справедливом устройстве мира, в современных представлениях православных государств о справедливом миропорядке можно усмотреть различные степени деривативности от «Третьего Рима» как единственной силы, способной сдерживать беззаконие в его теологическом понимании («тайну беззакония»).

Эсхатологичность не исчезает в принципе, однако географически степень её «размывания» деривативами не одинакова. Быстрее всего эсхатологичность скрывается за политико-правовыми реалиями более верхнего (позднего) уровня в Западной Европе. Здесь с 16 века секуляризация ведет сначала к протестантизму, а затем к социальным религиям. Однако в каждом случае можно проследить четкую логическую последовательность.

Деривативность англо-саксонской или расширительно протестантской семьи проходит вдоль основополагающей концепции протестантизма о праве на самостоятельность интерпретации теологических текстов. В современной ситуации это является точкой отсчета различных правовых порождений либерализма: сначала можно только одно, но в конечном итоге это ведет к ювенальной юстиции и законам, которые постоянно раздвигают рамки дозволенного в области эвтаназии, аборт, однополых браков, наркотиков, эмбриональных и генных исследований и т.д.

Правовая деривативность сионистского протестантизма (правлящее меньшинство в США (WASPs)) от теологической точки отсчета проявилась в таком конкретном нормативно-правовом акте как указ Дональда Трампа о переносе посольства из Тель-Авива в Иерусалим. Это решение не было поддержано даже самыми близкими союзниками и не принесло США ничего, кроме экономических и репутационных издержек. Однако если принять во внимание, что сионистские протестанты – единственные христиане, чья оценка «конца времен» в основном совпадает с иудейской, все было сделано логично и правильно.

В 1980-х была хорошо известна оценка Аятоллы Хомейни политико-правовых секулярных режимов США и СССР, которые, были им названы

«большим и маленьким сатаной» соответственно. С точки зрения 100%-ой эсхатологичности исламской правовой семьи в этом есть определенная логика: народы атеистического СССР «не ведая, что творят» являлись меньшим злом, в то время как «неверные» сионистские протестанты добросовестно «служили шайтану». В отношении США сегодня такую оценку и сегодня можно рассмотреть в публикациях таких исламских богословов как Имран Хоссейн и Юсеф Хинди [3].

Определенные параллели с этой оценкой есть и в современных высказываниях Патриарха Кирилла о дехристианизации Европы, которые были озвучены уже несколько лет назад, а также в совсем недавних заявлениях В. В. Путина о сатанизме и современном западном обществе.

Эсхатологичность в области права сегодня проявляется повсеместно. Закон о воеводствах свободных от ЛГБТ логичен в католической Польше, так же как и отказ от брюссельских квот на мигрантов. Мультикультурализм – «продукт» преимущественно протестантской или дехристианизированной Западной Европы.

Саудовская Аравия, «соучредитель» нефтедоллара, показательно отвернулась от США в вопросе регулирования добычи нефти в том числе и потому, что в современные международные отношения более отчетливо включился эсхатологический компонент. Та же ситуация и с ОАЭ.

Бывший президент Бразилии Болсонару, по утверждению многих СМИ пришедший к власти с помощью США, занимал «слишком» пророссийскую позицию, т.к. возглавлял высокоэсхатологичную католическую страну, где экономические более высокие деривативы уступили, например, традиционному семейному праву, т.е. деривативу более низкого уровня.

Китайские успехи в генной инженерии – отсутствие христианских тормозов. То же можно в какой-то степени сказать и про протестантский трансгуманизм.

В славянских государствах пост-СССР из-за советского наследия эсхатологичность населения в целом значительно ниже, чем в других странах, поэтому наша даже академическая среда не всегда в полной мере осознает насколько религиозны западные элиты. А ведь их религиозность крайне высока: вспомним молитвенные завтраки президентов США, публичную конфирмацию у католиков в США (в т.ч. дочери Байдена), количество цитат глав государств со ссылкой на теологический компонент.

Понимание «своей» теологической начальной точки отсчета в линейке деривативности всегда было и будет абсолютным условием для выживаемости любого политико-правового режима. Если не принимать во внимание, что нижний уровень на линейки деривативности с одной стороны неизменяем, а с другой всегда в той или иной форме «работает» на более верхних уровнях, общество рискует заимствовать вредоносные нормативно-правовые акты, подписать договоры, ведущие к негативным или катастрофичным последствиям.

Так, концом Византии стала уния с Римом. Уния с Римом стала концом Галицко-Волынской Руси. В 1569 г. Люблинскую унию подписывала еще ВКЛ, а 1772 г. уже вошел в историю как первый раздел Польши. И это вполне закономерно, т.к. у политики католического прозелитизма горизонт планирования гораздо дальше, чем у династийно-экономических проектов. Заметим, что угроза «речьпосполитизма» не снята для восточных соседей Польши. Даже в польской конституции есть слово «Речьпосполита» [4].

Таким же образом в 21 веке дериватив в виде европейского мультикультурализма с треском проиграл теологической основе исламских иммигрантов. На каком-то этапе либеральное иммиграционное законодательство США помогло демократам получить голоса латиноговорящего населения, однако на текущих выборах эти голоса растерялись, т.к. «перебор» в области ЛГБТ закономерно перевесил чашу весов католиков в пользу более эсхатологичных республиканцев, представляющих деривативы более низкого уровня, т.е. находящиеся ближе к католической основе латиноамериканцев.

Католическая основа Северной Ирландии пережила Британскую империю и, возможно, вот-вот переживет ЕС и Соединенное Королевство как единое государство.

Однозначно теологичный крестовый поход Рейгана против «империи зла» не оставлял никаких шансов секулярному СССР и РФ на какое-либо равноправие. Импортные деривативы в форме социальных религий («священность» частной собственности, примат международного права и др.) были обречены проиграть теологически мыслящим оппонентам. Так, Збигневу Бжезинскому приписывают фразу, которую он якобы сказал в 1990-х о том, что после коммунизма должно быть уничтожено православие. На днях СМИ стали цитировать конгрессмена Раскина, который высказался в таком же духе, что РФ должна быть уничтожена, потому что она придерживается традиционных христианских ценностей [5].

Разность эсхатологической основы абсолютно очевидна. Подавляющее большинство стран на современной карте мира образовались в то время, когда приняли ту или иную интерпретацию текстов авраамических религий. Таким образом шло формирование централизованных государств у разрозненных племен Европы. Народы римских империй приняли христианство вместе со своими императорами. Исламские государства возникли после распада Исламского Халифата. В Латинскую Америку и в колониальные страны авраамическая основа государственности была экспортирована колонизаторами. При всей их уникальности Китай и Японию также можно рассматривать сквозь призму авраамической основы: они осознанно не приняли никакого из имеющихся вариантов. Та часть Индии, которая приняла ислам, стала Пакистаном и Восточным Пакистаном (Бангладеш). Любопытно, что почти вся река Инд со своей тотемной этимологией и «священная река» Ганг в своем нижнем течении расположены не в самой Индии, которая осталась языческой с точки зрения авраамической теологии.

Сегодня по принципу «свой-чужой» гораздо труднее систематизировать многочисленные деривативы, основанные на общечеловеческом и глобальном принципах, особенно если они являются эвфемизмами.

В англоязычной политологии есть точный краткий удачно выбранный термин, который не имеет устоявшегося односложного русского эквивалента – cleavage, т.е. раскол, раздел. Кливадж представляет собой тот принципиальный вопрос, который разделяет стороны на левых и правых, красных и белых и т.д.

Теперь попробуем представить деривативность развития государства и права в виде «древа раскола», которое чем-то похоже на генеалогическое древо. Корни – доавраамическое пришлое этноса. Ствол и крупные ветви – начало появления существующих традиционных конфессий. Более мелкие ветви – всевозможные культурные, политические и социальные явления. Листочки – мелкие явления и собственно [значимые] личности, которые «происходят» от того или иного ствола / ветви и расположены на ней «слева» / «справа». Таким образом, хронологическая и логическая деривативность визуализируется по стволу / ветвям, а индивидуальные явления получают свои координаты во времени и пространстве относительно их примыкания к «древу». Попробуем доказать от обратного: скроем систему ветвей. Получается бессмысленный хаотичный набор листочков, которые хоть иногда и могут накладываться друг на друга, но при этом взялись ниоткуда и друг с другом не связаны. Т.е. все окружающие нас события не имеют ни причины, ни цели не следствия? Очевидно, что это не так.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, во-первых, предлагаемый выше дискурс незаслуженно обойден вниманием в академической среде и, во-вторых, данное проблемное поле имеет большое практическое значение в настоящий момент.

Список использованных источников

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019, № 1 / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> — Дата доступа: 10.11.2022.
2. Кураев А., Вызов экуменизма / А. Кураев. – М.: Грифон, 2008. – 477 С.
3. Интервью шейха Имрана Хосейна [Электронный ресурс] / Политинформация. — Режим доступа: <http://politinform.su/intervyu/61402-rossiya-igraet-po-scenariyu-napisannomu-bolee-1000-let-nazad-intervyu-sheyha-imrana-hoseyna.html> — Дата доступа: 10.11.2022.
4. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej [Электронный ресурс] / Конституция республики Польша (на польском языке). — Режим доступа: <https://www.konstytucja-polski.pl/> — Дата доступа 10.11.2022.
5. Карлсон: Раскин хочет уничтожить Россию, потому что она православная [Электронный ресурс] / Портал ИноСМИ. — Режим доступа: <https://inosmi.ru/20221031/rossiya-257367621.html> — Дата доступа: 10.11.2022.

Шингель Наталья Адамовна

ВЕДЕНИЕ РЫБОЛОВНОГО ХОЗЯЙСТВА: МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

доцент кафедры экологического и аграрного права, Белорусский
государственный университет, кандидат юридических наук, доцент,
Singel.61@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются международные и национальные правовые основы ведения рыболовного хозяйства. Указывается на взаимосвязь правового регулирования данных отношений с отношениями по обеспечению продовольственной безопасности, в том числе при формировании организационно-правового механизма. Делается вывод о необходимости более полного учета международных требований в области устойчивого рыболовства в законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; рыболовное хозяйство; рыболовство; продовольственные ресурсы; устойчивое развитие.

Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962 (далее – Доктрина национальной продовольственной безопасности) и Концепция развития рыболовного хозяйства в Республике Беларусь, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июня 2015 г. № 459, рассматривают ведение рыболовного хозяйства не только как одно из средств экономического роста и достижения разнообразных социальных и экологических целей, но и как перспективный источник продовольственного сырья и удовлетворения продовольственных нужд потребителей. При этом оговоримся, что Доктрина национальной продовольственной безопасности не выделяет рыболовное хозяйство в качестве самостоятельного источника получения продовольственных ресурсов, поскольку связывает достижение продовольственной безопасности и продовольственной независимости в основном с развитием агропромышленного комплекса и получением сельскохозяйственной продукции. В этом концептуальном документе правильно указывается, что на структуру и динамику рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия значительное влияние оказывает аграрная политика, в первую очередь уровень государственной поддержки, не охватывающий сферу рыболовного хозяйства. Отраслевое государственное регулирование в сфере АПК распространяется лишь на такой источник получения рыбной продукции как рыбоводство. Мы же обосновываем, что в условиях углубления мирового продовольственного

кризиса, изменения глобальных экологических и социально-экономических условий получения продовольственных ресурсов необходима дифференциация подходов к обеспечению населения продовольствием, в том числе за счет развития перспективных направлений хозяйственной деятельности каковым, в частности, является рыболовное хозяйство.

Для данной сферы характерно обособленное правовое регулирование преимущественно в рамках природоресурсного законодательства, поэтому Концепция развития рыболовного хозяйства в большей степени отражает экологические и природоресурсные проблемы ведения рыболовного хозяйства, что связано с особенностями осуществления данного вида деятельности, в первую очередь, ее обязательной природоресурсной составляющей. В тоже время отмечается тенденция расширения вылова хозяйственно ценных видов рыбы, значимых для продовольственного снабжения, и повышения эффективности рыболовного промысла при сохранении значительного числа проблем в этой области. Так, указанный в Доктрине национальной продовольственной безопасности уровень потребления основных продовольственных ресурсов показывает, что потребление рыбы и рыбопродуктов (15 килограммов в год на одного человека) значительно меньше уровня всех других основных продовольственных продуктов, и их потребление имеет тенденцию к сокращению. В определенной степени причины снижения запасов и объемов вылова рыбы, как отмечается в Концепции развития рыболовного хозяйства, «носят комплексный характер и связаны как с организацией рыболовства, так и состоянием рыбных ресурсов и среды их обитания». Именно поэтому были предприняты меры по совершенствованию правового регулирования рыболовства и ведения рыболовного хозяйства, выразившиеся в принятии в 2021 году нового нормативного правового акта, систематизировавшего требования к ведению рыболовного хозяйства с учетом современных мировых представлений об устойчивом природопользовании и рациональном использовании природных ресурсов. Таким актом является Указ Президента Республики Беларусь от 21 июля 2021 г. № 284 «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве» (далее – Указ № 284), недавно вступивший в силу. Указ «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве» обеспечивает взаимосвязь природоресурсных отношений, лежащих в основе рыболовного промысла, и отношений по обеспечению продовольственного обеспечения населения.

В первую очередь, точками соприкосновения этих двух направлений правового регулирования является содержание и организационно-правовой механизм реализации государственной продовольственной политики и государственной политики в области рыболовства и ведения рыболовного хозяйства. Единую государственную политику в данной области проводит Министерство сельского хозяйства и продовольствия, на которое возлагается ряд полномочий, имеющих значение для развития продовольственного рынка. В частности, Минсельхозпроду вменяется обеспечение повышения продуктивности рыболовных угодий, включая организацию проведения селекционно-племенной работы, рыбоводно-мелиоративных мероприятий,

работ по акклиматизации диких животных, относящихся к объектам рыболовства, зарыблению рыболовных угодий. Кроме того, одним из направлений деятельности Минсельхозпрода является международное сотрудничество в области рыболовства и ведения рыболовного хозяйства, что имеет существенное значение, так как рыболовный промысел находится под постоянным вниманием мирового сообщества. Важным направлением интеграционных усилий является общая деятельность государств в сфере получения и оборота продукции рыболовного промысла, которую можно считать самостоятельным сегментом продовольственного рынка, что не получило четкого отражения в нормативных правовых актах Республики Беларусь.

Международно-правовые основы оборота продукции рыболовства как части мирового продовольственного рынка базируются на принятой ФАО Стратегической рамочной программе, рассчитанной на период от 10 до 15 лет и подлежащей пересмотру каждые четыре года. Реализуемая в настоящее время Стратегическая рамочная программа ФАО на 2022-2031 годы [1] разработана в контексте последних событий глобального и регионального уровня в областях, подпадающих под действие мандата ФАО, включая пандемию COVID-19, на основе инклюзивного и транспарентного процесса, подразумевающего проведение всесторонних внутренних и внешних консультаций, совещаний руководящих органов и неофициальных консультаций, и утверждена на 42 сессии Конференции ФАО, проходившей 14-18 июня 2021 г. Программа реализуется по четырем концептуальным направлениям, обеспечивающим улучшение производства, улучшение качества питания, улучшение состояния окружающей среды, улучшение качества жизни. Четыре направления улучшений представляют собой один из принципов, с опорой на которые ФАО намерена непосредственно внести вклад в достижение конкретных и общих целей устойчивого развития, что является одним из важнейших элементов реализации общей концепции ФАО [2]. Особую значимость среди названных выше направлений имеет улучшение состояния окружающей среды, обеспечивающее экологизацию рыболовного хозяйства. По такому же пути идет белорусское законодательство. Так, Правила ведения рыболовного хозяйства, утвержденные Указом № 284, установили правовые основы ведения данной деятельности юридическими лицами, а также охраны и воспроизводства рыбных ресурсов местными исполнительными и распорядительными органами. Главным критерием среди них, на наш взгляд, является закрепление требований (не всегда конкретных, по мнению автора) по рациональному (устойчивому) использованию рыбных ресурсов (п. 2). Положительно оценивая введение понятия «рациональное (устойчивое) использование рыбных ресурсов», нам представляется, что для совершенствования механизма реализации названных в Доктрине национальной продовольственной безопасности целей государственной продовольственной политики (в сегменте рыболовного хозяйства) существует

потребность в более тесном согласовании международных и национальных подходов в области рыболовного хозяйства.

Основополагающим международным документом в области рыболовства является Кодекс ведения ответственного рыболовства ФАО 1995 г. [3], целью которого является установление международных стандартов поведения для внедрения ответственных видов практики, чтобы обеспечить эффективное сохранение, рациональное использование и развитие живых водных ресурсов наряду с уделением должного внимания экосистеме и биоразнообразию. С учетом задач, вытекающих из Стратегической рамочной программы ФАО на 2022-2031 годы Комитет по рыбному хозяйству (КРХ), являющийся вспомогательным органом Совета ФАО, одобрил первую в истории Декларацию КРХ по устойчивому рыболовству и аквакультуре [4], определившей глобальную концепцию преобразования "голубых" экосистем спустя 25 лет после принятия Кодекса. В ней отмечается важнейшая роль, которую неистощительное рыболовство играет в достижении практических результатов в области биологического разнообразия в соответствии с целями устойчивого и инклюзивного экономического развития с опорой на ресурсы океана.

В целом Республика Беларусь следует концепции, заложенной в Кодексе ведения ответственного рыболовства, однако существуют расхождения между законодательством о рыболовном хозяйстве и международными нормами в части понятийно-категориального аппарата и содержательной характеристики некоторых правоотношений. В то же время недавнее существенное обновление законодательства Республики Беларусь о рыболовстве и рыболовном хозяйстве заложило достаточно системную правовую основу этой деятельности. Дальнейшее его совершенствование требует глубокого сравнительного анализа с нормами международных актов и заслуживает серьезных научных исследований в данной области.

Список использованных источников

1. Стратегическая рамочная программа ФАО на 2022-2031 г.г. [Электронный ресурс] : Дата доступа: 06.06.2022 г.; Режим доступа: <https://www.fao.org/3/ne577ru/ne577ru.pdf>
2. Цели в области устойчивого развития. Официальный сайт ФАО [Электронный ресурс] // Дата доступа: 30.05.2022 г.; Режим доступа: <https://www.fao.org/sustainable-development-goals/indicators/ru/>
3. Кодекс ведения ответственного рыболовства [Электронный ресурс] : Дата доступа: 06.06.2022 г.; Режим доступа: <https://www.fao.org/3/v9878r/v9878r.pdf>
4. Декларация КРХ об устойчивости рыболовства и аквакультуры 2021 г. [Электронный ресурс] : Дата доступа: 06.06.2022 г.; Режим доступа: <https://www.fao.org/3/ne472ru/ne472ru.pdf>

СЕКЦИЯ «ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ПРАВА»

Антанович Нина Арсеньевна

СОХРАНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ ГОСУДАРСТВ И НАРОДОВ В СТРУКТУРЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой
политологии юридического факультета БГУ, antanovich.bsu@gmail.com

Аннотация. Проблематика сохранения социокультурной и политической самобытности государств и народов рассматривается через призму целей устойчивого развития. Представлен анализ ряда научных понятий, отражающих самобытность народа; определены особенности социокультурной политики белорусского государства. Произведен обзор основных публикаций, в которых рассматриваются национальные ценности белорусского народа. Показано, что динамика социокультурной самобытности проявляется в формировании социальной, национальной, гражданской идентичности и имеет историческую составляющую. Регионализация и локализация /глокализация, как ответная реакция на глобализацию, перманентное развитие ИКТ подчеркивают значимость социокультурных особенностей развития различных государств.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, социокультурная и политическая самобытность, национальная самобытность, народ, государство, культура.

Цели устойчивого развития в значительной степени связаны с достижением материального благосостояния народов мира и экологической защищённости планеты Земля. Цель 4 (качественное образование), цель 16 (мир, правосудие и эффективные институты), цель 17 (укрепление средств осуществления и активизации работы в рамках глобального партнерства в интересах устойчивого развития) фиксируют направленность на развитие духовного потенциала человечества и отдельных народов. Эксперты ООН ставят вопрос о сохранении культурно-языкового многообразия в контексте глобальной гражданственности [1]. Хотелось бы обратить внимание на значимость сохранения социокультурной и политической самобытности государств и народов, а также на значимость сохранения этнокультурного многообразия всего человечества и народов отдельных государств.

Преамбула Конституции Республики Беларусь закрепляет неотъемлемое право народа Беларуси на самоопределение, сохранение *национальной самобытности и суверенитета*, опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, культурные и духовные традиции. Статья 50 Конституции закрепляет права сохранять свою национальную принадлежность, право пользоваться родным языком, выбирать язык общения. Статья 51 гарантирует каждому право на участие в культурной жизни, которое обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах. Кодекс Республики Беларусь о культуре (от 20 июля 2016, № 413-3) закрепил такие базовые понятия, как культура (как совокупность культурных ценностей и культурная деятельность), культурная деятельность, сфера культуры, культурная ценность и др.

Когда речь идет о *самобытности* народов, то для раскрытия ее сущности в социальном и политико-правовом дискурсе использует ряд следующих близких понятий: *социокультурная, этнокультурная, культурно-языковая, духовно-культурная, национальная, политическая* самобытность. Когда речь идет о духовно-культурной самобытности народа, что в ее составе часто фиксируется религиозная составляющая. Самобытность понимается как самостоятельность, способность избрать свой путь развития. Данное понятие пересекается с глубоким по своему содержанию термином «*идентичность*». С логической точки зрения наиболее широкими понятиями являются социокультурная самобытность и политическая самобытность, при этом понятия политическая и национальная самобытность могут использоваться как тождественные. Белорусские ученые уделяют значительное внимание основным ценностям, определяющим социокультурную, национальную и политическую самобытность белорусского народа. Следует отметить следующих современных авторов, внесших вклад в раскрытие указанной проблематики (в алфавитном порядке): Бригадин П. И., Василевич Г. А., Данилович В. В., Дмитрачков П. Ф., Довнар Т. И., Игнатенко И. М., Коваленя А. А., Кохановский А. Г., Круталевич В. А., Лакиза В. Л., Лашук И. В., Левко О. Н., Марзалюк И. А., Мельник В. А., Мельников А. П., Решетников С. В., Слука О. Г., Смехович Н. В., Сташкевич Н. С., Титаренко Л. Г., Яскевич Я. С. и др. Этот список, безусловно, не полный.

В. А. Мельник в статье 2015 г. выделил следующие национальные ценности белорусов: «*гуманизм* как нравственно-этическая установка...; *демократизм* как принцип организации политической жизни...; *свобода* как возможность беспрепятственного осуществления индивидом, группой, общностью по собственной воле и в результате осознанного выбора ... реализации своих индивидуальных, групповых и общих интересов; *патриотизм* как нравственный принцип и социальное чувство...; *равенство* как одинаковые права и свободы для всех граждан...; *справедливость* как складывавшиеся веками социальные нормы и обычаи...; *солидарность* как

стремление членов сообщества, различных социальных слоев и групп к совместным действиям, готовности к взаимной помощи ...» [2, с.63].

Проблематика социокультурной политики белорусского государства как ключевого фактора укрепления единства нации стала темой единого дня информирования, прошедшего в Республике Беларусь 20.07.2017 г. В материалах дня информирована было отмечено, что в Беларуси XXI века мир и согласие в значительной степени зависят от социокультурной политики, которая реализуется на фоне разнонаправленных мировых тенденций. В частности отмечены тенденции роста взаимозависимости государств на планете, коммерциализация культуры на фоне перманентного роста влияния ИКТ на социум, обострение противоречий и вызовов мировому сообществу. Эксперт Белорусского института стратегических исследований С. М. Алейникова приводит данные результатов опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре 2020 г.: «большинство граждан считают культуру и традиции главным фактором, который объединяет жителей Беларуси. При этом, согласно упомянутому исследованию, белорусы признают и позитивно оценивают вклад в «белорусский культурный код» разных культур на разных этапах исторического развития...» [3].

Социокультурная политика белорусского государства служит единству белорусской нации. Сохранение традиционных компонентов и новации социокультурной самобытности связаны с развитием культуры: книгоиздания, охраны историко-культурного наследия и музейного дела, национального сценического искусства, концертной деятельности, кинематографии, народного творчества, работы с творческой молодежью, проведением творческих мероприятий. В нашей стране реализуется около 60 фестивалей, известнейшие из них: Славянский базар, Лістапад, Зов Полесья, Купалье (Александры язбірае сяброў), Белая Вежа, Вытокі, Дажынкi; акции «Культурная столица Беларуси», праздник белорусской письменности. В 2017 г. прошло празднование 500-летия белорусского книгопечатания: пять веков назад вышла книга Ф. Скарыны «Псалтырь». В Беларуси регулярно принимаются государственные программы по развитию культуры. 2016 год был объявлен Годом культуры в Беларуси. Постановлением Совета Министров от 29 января 2021 г. № 53 принята Государственная программа «Культура Беларуси» на 2021–2025 гг.

Динамика социокультурной самобытности проявляется в формировании социальной, национальной, гражданской идентичности и имеет историческую составляющую. В данной статье мы не ставили цель детально рассмотреть проблематику исторической памяти, но должны подчеркнуть, что 2022 год объявлен в Беларуси Годом исторической памяти. Беларусь занимает географическое положение на стыке цивилизаций (иногда исследователи указывают на положение между православно-византийским и римско-католическим регионами), важно сохранение культурно-цивилизационного кода белорусского народа. В этом плане большое значение имеет День народного единства, учрежденный Указом Президента Республики Беларусь № 206 от 7 июня 2021 г. Белорусское государство разрабатывает законодательные

меры противостояния попыткам фальсификации истории. Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» от 5 января 2022 г. закрепил меры сохранения и увековечивания памяти о Великой Отечественной войне.

Социокультурная и национальная самобытность коррелирует с защитой тем или иным народом своего социокультурного пространства. Под социокультурным пространством понимают освоенный человеком окружающий его мир с точки зрения территории, географических, исторических, сертификационных особенностей. Белорусский исследователь Е. В. Радевич использует понятие «культурно-информационное пространство», подчеркивая влияние ИКТ на общественное развитие в XXI в. [4, с.6]. Идентичность и самобытность белорусского народа столкнулась с двумя тенденциями: традиционной (которая, чаще всего реализуется в семье, ближайшем окружении в основном в сельской местности, религиозном приходе) и инновационной (формируемой государственными институтами, государственными СМИ, а также негосударственными акторами). Хотя социокультурная самобытность является устойчивым и долгосрочным компонентом идентичности, в условиях постмодерна она является объектом активного воздействия и формирования.

Устойчивость и долгосрочность социокультурной самобытности обеспечивается тремя основными компонентами культуры: ментальными фактами, социальными фактами и артефактами. М. А. Михайлова следующим образом определяет три выше указанных компонента культуры: «ментифакты» включают язык, фольклор, искусство, продукты умственной деятельности; «социофакты» охватывают отношения между людьми и общностями, определяемые структурой семьи, нормами воспитания, системы образования, а также политическим устройством; артефакты есть материальное воплощение всех аспектов жизнедеятельности народа [5, с. 192].

Перманентное революционное развитие ИКТ в эпоху постмодерна создало широкие возможности для формирования и «перекодирования» идентичности. В период доминирования печатных источников информации контролировать содержание транслируемого знания (информации, сведений, как инструментальных, так и смысловых) было проще. Опубликованные в признанных научных изданиях объяснительные версии и нарративы тщательно изучались и перерабатывались, транслировались в новых изданиях, в значительной степени сохраняя преемственность. Знание, в т. ч. научное, содержащее объяснительные модели социальной реальности во всех ее проявлениях, сохраняло целостность своего ядра благодаря а) ограниченному числу печатных изданий-носителей знания; б) относительно ограниченному доступу к ним; в) наличию жёстких демаркационных линий для входа в референтные группы, производящие научное и социально значимое знание в целом. Технический и научно-технический прогресс изменил как социальную структуру, так и сами способы получения, сохранения и воспроизводства знания. С развитием электронных средств накопления и передачи информации ситуация стала меняться. Власть книгоиздателя и владельца печатных

мощностей сменяется властью IT-специалистов, способных распространять (либо блокировать) различные сведения благодаря владению специальными инструментами распространения информации. В предыдущие эпохи «производство смыслов» принадлежало узкому кругу лиц духовно-религиозной, культурной, творческой, интеллектуальной элиты. В эпоху ИКТ круг лиц, претендующий на подобное «производство» возрастает, информационное поле перенасыщается избыточной информацией, содержащей множество крайне противоречивых сведений и ценностных установок для аудитории. Социальные сети создали возможность включения в «производство смыслов» широкого круга лиц. Духовно-культурное пространство становится «мега-массовым». Указанные выше трансформации учитываются в развитии социокультурной политики в нашей стране, что нашло закрепление в Концепции информационной безопасности. Защита социокультурной самобытности, целостности социокультурного и культурно-информационного пространства – составная часть национальных интересов белорусского государства.

Реализация конституционных принципов самоопределения, сохранения национальной самобытности и суверенитета воплощается в процессе формирования гражданской политической нации на основе обобщения и артикуляции национальных интересов как фундамента самоопределения людей в политической и социокультурной жизни. Отметим мнение К. Аллахвердиева, который изучая феномен гражданской нации фиксирует смену тренда с «этнизации политики на огосударствление этничности» [6, с.38].

Подведем итог. Регионализация и локализация / глокализация, как ответная реакция на глобализацию, перманентное развитие ИКТ подчеркивают значимость социокультурных особенностей развития различных государств. Сохранение социокультурной и политической самобытности государств и народов – неотъемлемый компонент устойчивого развития как отдельных государств, так и мирового сообщества.

Список использованных источников:

1. Фекитамоелоа Утоикаману. Сохранение культурно-языкового многообразия в контексте глобальной гражданственности. – ООН. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21767>
2. Мельник, В.А. Идеино-ценностная основа общества Идеология белорусского государства в тезисном изложении / В. А. Мельник // Беларуская думка. – 2015. – № 6. – С.60-66.
3. Алейникова С. Белорусская культура – это в первую очередь культура труда. URL: <https://b1sr.gov.by/mneniya/beloruskaya-kultura-eto-v-pervuyu-ochered-kultura-truda>
4. Радевич Е. В. Глобализация культурно-информационного пространства как фактор нелинейного развития современных обществ. – Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филос. наук по специальности 09.00.11. – Минск, 2022. – 29 с.
5. Михайлова, М. А. Этнокультурная идентичность в условиях культурной глобализации // Вестн. БГУ. – 2013.– №14. – С. 191-196.

6. Аллахвердиев, К. Национальная идея и национальная идеология в контексте устойчивости этнокультурной идентичности / К. Аллахвердиев // Центральная Азия и Кавказ.– Том 18, Вып. 3-4.– 2015. – №3-4. – С. 36-47.

*Бондаренко Наталья Леонидовна, Гладкая Екатерина Николаевна,
Конаневич Юрий Григорьевич*

**ФИСКАЛИСТИКА КАК ОТРАСЛЬ ПРАВОВОЙ НАУКИ,
ОСНОВАННАЯ НА ПРИНЦИПЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ**

Заведующий кафедрой хозяйственного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, доктор юридических наук,
профессор, 2iu@tut.by

Доцент кафедры хозяйственного права, юридический факультет, Белорусский
государственный университет, кандидат юридических наук,
kate5785@mail.ru

Старший преподаватель кафедры хозяйственного права, юридический
факультет, Белорусский государственный университет,
konanewitsch@yahoo.com

Аннотация. Аргументируется необходимость институционализации фискалистики как новой отрасли научного знания, основанной на принципе междисциплинарности и внедрения ее в образовательный процесс. Определяется предмет и содержание данной отрасли правовой науки и учебной дисциплины.

Ключевые слова: фискалистика, казна, фискальное право, фискальные (казенные) отношения, пруденциальная фискалистика, экономическая фискалистика.

Современная система юридического и экономического образования позволяет в целом сформировать у обучающегося целостное представление о системе общественных отношений. Однако она не лишена отдельных пробелов, в силу которых из поля зрения обучающегося выпадают целые массивы общественных отношений, понимание природы которых и обладание знаниями об особенностях функционирования которых имеет важное значение. Особенно, если впоследствии обучающийся будет осуществлять трудовую функцию в системе государственного управления или в системе государственных корпораций – организаций, осуществляющих наряду с функцией фискальной хозяйственной деятельности (государственного предпринимательства) регуляторную функцию в определенных сегментах общественных отношений. Примером такого пробела в подготовке юристов и экономистов с высшим образованием является сфера управления казной государства. В рамках названной сферы складываются фискальные (казенные)

отношения – отношения по поводу управления казной государства и казной административно-территориальных единиц Республики Беларусь и обеспечения их надлежащего функционирования. Изучаться данные отношения должны в рамках фискалистики – отрасли правовой науки междисциплинарного характера.

Фискалистика как наука строится не на основе какой-то одной отрасли права или цикла отраслей права (как например, цивилистика). Фискалистика – это область научного знания, представляющая собою симбиоз научного знания из целого комплекса естественных и гуманитарных наук, в основе которого находится право, как инструмент систематизации, структурирования и воплощения полученного обобщенного знания в совокупность правил поведения. Сегодня изменения в общественной жизни настолько стремительны и глобальны, что требуется существенная корректировка содержания образовательного процесса посредством институционализации новых отраслей научного знания на основе принципа междисциплинарности как идеи, методологии и механизма, позволяющего обнаружить сложные системообразующие связи между смежными областями правового (и не только) знания [1].

Несколько слов о терминологии. Согласно Большому энциклопедическому словарю, термин «фиск» происходит от латинского слова «*fiscus*» и означает государственную казну [2, с. 1176]. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой под казной предлагается понимать категорию, имеющую три смысла: деньги, имущество, принадлежащее государству или общине, организации; государство как владельца денег и имущества; денежные средства, ценности [3, с. 259].

Соответственно, термины «казенный» и «фискальный» имеют одинаковое значение, а их различное звучание обусловлено лишь происхождением из разных языков. Кроме того, с позиции лингвистики под казной следует понимать имущественный комплекс, принадлежащий государству. Как следствие, фискальная функция государства состоит в обеспечении функционирования казны, ее наполнении и управлении объектами, ее составляющими.

Основу фискалистики составляет фискальное право, включающее в свою конструкцию целый комплекс институтов, призванных обеспечивать национальную безопасность (например, лоббистское право), изучение которых позволяет совершенно иначе взглянуть на проблематику функционирования казны государства и содержание имущественных отношений в целом [4; 5].

В своих предыдущих публикациях мы неоднократно обосновывали необходимость институционализации фискального права, обосновывая это объективной реальностью, а именно тем, что в Республике Беларусь в настоящее время в целом имеется развитое законодательство, регулирующее фискальные правоотношения. Недостаточно урегулированы лишь отдельные аспекты и группы фискальных правоотношений – парафискалитеты, отдельные вопросы лоббистского финансирования и лоббистского инвестиционного

процесса, публичное корпоративное управление, страновой маркетинг и некоторые другие. В тоже время массив уже урегулированных фискальных правоотношений так или иначе «угнетен» отсутствием институционализации фискального права и единообразного понимания природы и системы фискальных правоотношений. Это выражается в несистемности правового регулирования фискальных правоотношений (отдельные группы, виды и даже формы таких правоотношений зачастую регулируются разрозненно, а многие из таких правоотношений даже не классифицированы как на уровне правовой доктрины, так и в законодательстве (отношения в области публично-частного партнерства, инвестиций в человеческий капитал [6], параналоговые платежи и парафискалитеты и др.), несмотря на фактическое наличие значительного массива правовых институтов в данной области, отсутствует единый массив «минимальных стандартов фискального регулирования», позволяющий законодателю более эффективно осуществлять нормотворческий процесс, а правоприменителю – осуществлять правоприменительную практику и др.), разрозненности правовых норм, регулирующих фискальные отношения по огромному массиву нормативных правовых актов, между которыми зачастую отсутствует логическая взаимосвязь (такие нормативные правовые акты в своей основе могут регулировать нефискальные общественные отношения, но лишь отдельные их нормы могут касаться фискального регулирования, имея при этом принципиальное значение для эффективности правового регулирования фискальных отношений (например, правовой режим парафискалитетов в виде отчислений на капитальный ремонт фактически регулируется жилищным законодательством Республики Беларусь, будучи при этом крайне важным для механизма перераспределения фискальной нагрузки, и т. п.)). Наличие качественной правовой доктрины в области фискального регулирования позволило бы избежать подобных пробелов и коллизий [4].

Соответственно, можно утверждать об актуальности и высоком уровне потребности государства и общества в институционализации фискального права, развитии фискально-правовой науки и юридического образования в области фискального права. К этому добавим, что фискальное право обладает потенциалом превращения из отрасли национального права в отрасль наднационального права Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), поскольку дальнейшее становление и развитие данного наднационального интеграционного объединения неизбежно приведет к формированию полноценной казны союза и включенного в ее состав массива объектов, составляющих собственность ЕАЭС.

К фискальному праву примыкают пруденциальная фискалистика и иные отрасли фискалистики: политическая фискалистика, экономическая фискалистика, фискальная социология. В этой связи возникает справедливый вопрос о том, зачем наряду с фискальным правом развивать идею институционализации фискалистики как отрасли правовой науки междисциплинарного характера и не возникает ли при подобном подходе дублирование информации, направлений исследования и т. д.?

Ответ на данный вопрос очевиден: функционирование казны не является простым процессом выполнения требований, содержащихся в фискально-правовых нормах. Вся суть казны и складывающихся по поводу ее существования фискальных правоотношений состоит в том, чтобы сформировать такие организационные, технологические, материально-технические и прочие условия управления казной и объектами прав, ее составляющих, при которых государство было бы способно в полном объеме и надлежащим образом выполнять все те функции, которые на него возлагаются правовой, политической и экономической доктриной, а также Конституцией Республики Беларусь. Ведь именно материально-техническая основа, обеспечивающая способность государства обладать достаточным массивом и объемом средств, позволяет государству и его институтам не только по формальным признакам формировать внутреннюю и внешнюю политику, но и осуществлять ее реализацию, обеспечивая тем самым национальную безопасность, социальное благополучие и материальное благосостояние общества и индивида. Следовательно, даже сам процесс разработки фискально-правовой нормы – длительный и трудоемкий процесс анализа и синтеза информации самого разного рода и содержания: научной, статистической, аналитической и т. п. [7, с. 233].

Если обратиться к перечню объектов, находящихся только в собственности Республики Беларусь, и перечню видов деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства (ст. 7 и 10 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства») (далее – Закон № 169-З), становится понятным, что при таком разнообразии объектов государственной монополии регулирование вопросов функционирования казны – крайне наукоемкий и разносторонний процесс, осуществить который только силами правовой науки (в данном случае – науки фискального права) не представляется возможным по объективным причинам. Например, подп. 1.9. п. 1 ст. 10 Закона № 169-З содержит такой вид деятельности, в отношении которого установлена государственная монополия, как «генно-инженерная деятельность второго, третьего и четвертого уровней риска». Безусловно, что сами государственные органы и иные государственные организации, наделенные регуляторной функцией в области функционирования казны, не будут осуществлять данный вид хозяйственной деятельности. Поэтому названный вид хозяйственной деятельности будет делегирован государственным или частным организациям, обладающим для этого необходимыми ресурсами и возможностями. Но процесс делегирования, последующего контроля, а также правового регулирования генно-инженерной деятельности второго, третьего и четвертого уровней риска, предполагает имплементацию в правовое знание целого комплекса познаний из генетической науки и прочих смежных ей наук.

Находящиеся только в собственности Республики Беларусь гидрометеорологические объекты государственной гидрометеорологической службы (подп. 1.24 п. 1 ст. 7 Закона № 169-3) могут надлежащим образом регулироваться и управляться государством только при условии, что правовое знание будет наполнено комплексом познаний как минимум из гидрометеорологической науки. Следует отметить, что формирование и исполнение бюджета страны подчинено не только и даже не столько правовым нормам, сколько совокупности законов и принципов целого ряда естественных и гуманитарных наук. Право позволяет лишь воплотить полученный результат в форму, признаваемую государством и обществом. Следовательно, одного лишь фискального, гражданского, финансового или административного права явно недостаточно для обеспечения надлежащего функционирования казны и качественного управления объектами, составляющими собственность Республики Беларусь. Необходим симбиоз знаний и разнообразных отраслей научного знания для того, чтобы итогом стала качественная фискально-правовая норма и впоследствии осуществлялось ее эффективное применение.

Соответственно, государство, субъекты хозяйственной деятельности и даже студент, изучающий право, экономику или политологию, нуждаются в междисциплинарном подходе для изучения фискальных правоотношений и правоотношений, складывающихся по поводу обеспечения национальной безопасности (и прежде всего, национальной экономической безопасности, элементы которой наиболее ярко представлены в системе фискальных правоотношений). И обеспечить такую междисциплинарность способна фискалистика в сочетании с юридической квалиметрией [8; 9].

Резюмируя отметим, что предметом фискалистики являются законы и принципы функционирования казны и ее использования для обеспечения выполнения функций, возложенных на государство, воплощенные в: правовую доктрину, правовые нормы и содержание правоприменительной деятельности; доктрину политической науки; доктрину экономической науки; доктрину социологии и социальной психологии; доктрину различных естественных наук, научное знание которых необходимо для целей надлежащего регулирования фискальных отношений.

Фактически мы утверждаем, что фискалистика – это новаторский формат правовой доктрины, в котором право изучается не просто как совокупность правовых норм и фактических знаний о применении этих норм на практике. В фискалистике право рассматривается как «живой организм», функционирующий не сам по себе, а под влиянием всех возможных внешних факторов, его окружающих.

Можно сказать, что фискалистика – это своего рода «общая теория фискальных правоотношений».

Систему фискалистики составляет ряд отраслей научного знания:

- 1) фискальное право, выступающее в качестве основы фискалистики и области научного знания, задающей вектор развития всей фискалистики в целом;

2) пруденциальная фискалистика область научного знания, предметом исследования которой являются общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения национальной экономической безопасности в процессе функционирования казны;

3) политическая фискалистика – область научного знания, предметом исследований которой является влияние фискальных отношений и фискальной политики на внутреннюю и внешнюю политику государства и влияние политики государства в целом на фискальные правоотношения и фискальную политику;

4) экономическая фискалистика – область научного знания, предметом изучения которой является определение характера и содержания влияния экономических законов и принципов на фискальные правоотношения и фискальную политику и их взаимная зависимость от складывающейся политической, экономической и социальной конъюнктуры;

5) легальная экономическая лоббистика, предметом изучения которой в том числе является страновой маркетинг;

6) фискальная социология – область научного знания, предметом изучения которой является определение характера и содержания влияния фискальной политики государства на систему общественных отношений.

Список использованных источников

1. Бондаренко, Н. Л. Институционализация новых отраслей научного знания в контексте совершенствования юридического образования / Н. Л. Бондаренко, А. В. Шидловский // *Право.by*. – 2022. – № 5. – С. 136–142.

2. Большой экономический словарь : 24 800 терминов / А. Н. Азрилиян [и др.]; под ред. А.Н. Азрилияна. – М. : Ин-т новой экономики, 2002. – 5-е изд., перераб. и доп. – 1280 с.

3. Бондаренко, Н. Л. Фискальное право и перспективы его институционализации в системе права / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // *Российский правовой журнал*. – 2021. – № 4 (9). – С. 34–49.

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд, дополненное. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

5. Бондаренко, Н. Л. Фискальное право и перспективы его институционализации в системе права / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // *Российский правовой журнал*. – 2021. – № 4 (9). – С. 34–49.

6. Бондаренко, Н. Л. Фискальное регулирование и фискальное право : проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // *Право.by*. – 2022. – № 1. – С. 46–51.

7. Бондаренко, М. С. Инвестиции в человеческий капитал в контексте достижения целей устойчивого развития / М. С. Бондаренко // *Обеспечение социально-экономических прав – важная гарантия устойчивого развития : материалы круглого стола, Минск, 10 декабря 2021 г.* / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.), В. Е. Петухова, А. В. Шавцова. – Минск : БГУ, 2022. – С. 7–12.

8. Страновой маркетинг : монография / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Ковчег, 2022. – 652 с.

9. Бондаренко, Н. Л. Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // *Право.by*. – 2022. – № 5. – С. 117–124.

Голубева Людміла Леанідаўна
**ПЫТАННІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА Ў ТВОРАХ БЕЛАРУСКІХ
МЫСЛІЦЕЛЯЎ XVI – XVII СТСТ.**

загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, юрыдычны
факультэт, Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт, кандыдат юрыдычных навук,
дацэнт, lyudmila.golubeva@mail.ru

Анацыя. У артыкуле разгледжаны некаторыя пытанні дзяржавы і права, выказаныя беларускімі мысліцелямі Ф. Скарынам (1490 – 1551), С. Будным (1530-1593), А. Воланам (1530-1610), М. Літвінам, Л. Сапегам (1557-1633), А. Алізароўскім (1618-1659) у творах XVI – XVII стст. Зроблены вывад, што ў вызначэнні дзяржавы і права адыгрывала паняцце агульнаграмадскай карысці, а таксама распрацаванае Арыстоцелем і Цыцэронам паняцце дзяржавы як саюза людзей. У працах айчынных мысліцеляў атрымала трактоўка права як агульначалавечай каштоўнасці. Іх ідэі наконт дзяржавы і права садзейнічалі ўдасканаленню грамадскіх адносін, а таксама далейшаму развіццю прававой навукі.

Ключавыя словы: дзяржава, дзяржаўная ўлада, права, законнасць, заканадаўства, справядлівасць, суддзя.

Пытанні станаўлення і развіцця дзяржавы і права хвалявалі грамадства са старажытных часоў. Нацыянальныя мысліцелі ў сваіх творах выказвалі думкі аб дзяржаве, праве, палітыцы і заканадаўстве. Ужо ў XI – XII стст., калі палітычная думка Беларусі развівалася пад уплывам візантыйскай палітыка-прававой культуры і ставіла сваёй мэтай тэарэтычнае абгрунтаванне абсалютнай палітычнай улады, якой прыпісвалася боскае паходжанне, беларускія мысліцелі Е. Полацкая (каля 1106 – 1173), К. Тураўскі (каля 1130 – 1182), К. Смаляціч заклікалі да захавання ўсходнеславянскага палітычнага і духоўнага адзінства. Яны адмаўляліся ад усяго матэрыяльнага, уключаючы і царкоўную маёмасць, у той час, як многія манастыры, цэрквы, асобныя свяшчэннаслужыцелі з’яўляліся буйнымі ўласнікамі, рабілі акцэнт на духоўным, вечным. Менавіта погляды гэтых мысліцеляў былі ў далейшым распрацаваны ў працах такіх знакамітых прадстаўнікоў XVI – XVII стст., як Ф. Скарыны (1490 – 1551), С. Буднага (1530-1593), А. Волана (1530-1610), М. Літвіна, Л. Сапегі (1557-1633), А. Алізароўскага (1618-1659) і інш. [1, с. 42 – 59].

Так, палітычным ідэалам вядомага беларускага гуманіста Ф. Скарыны з’яўлялася асветная, гуманная і моцная манархія. На яго думку манарх павінен быць набожным, мудрым, адукаваным, чулым, справядлівым да сваіх падданных. Ён абавязаны кіраваць дзяржавай у строгай адпаведнасці з законамі, сачыць за справядлівым выкананнем правасуддзя. Адначасова павінен быць

моцным і грозным, умець у неабходным выпадку абараніць свой народ. Аднак Ф. Скарына аддаваў перавагу асвечанаму і міралюбіваму гаспадару. Прыкладамі лепшых кіраўнікоў ен лічыў Саламона, Салона, Пталямея і іншых мысліцелей і заканадаўцаў [2, с 61–64.]. Дзяржава мысліцелям азначалася як “отчина своя”, “посполитое доброе”, “собрание людское”, галоўнай мэтай якой з’яўлялася дасягненне ўсеагульнай карысці і як мага лепшага жыцця [3, с. 138].

Вялікая ўвага ў XVI – XVII стст. надавалася тэорыі натуральнага права і грамадскага дагавору. Першыństwo ў гэтым накірунку было прызнана менавіта за Ф. Скарынам. Да высвятлення значэння і сутнасці «прироженого» права ен звяртаўся ў шэрагу прадмоў да выдадзеных ім біблейскіх кніг. Галоўны прынцып «прироженого» права Ф. Скарына запазычыў з раннехрысціянскай этыкі і фармуляваў у выглядзе патрабаванняў «то чинити иным всем, что самому либо ест иных всех и того не чинити иным, чего сам не хоцещи от иных имети». Рацыянальнасць гэтага прынцыпа ен імкнуўся звязаць з практычнай значнасцю. «Прироженое право» выступала ідэальнай мадэллю, арыентуючай усю праватворчую і правапрымяняльную дзейнасць у адпаведным накірунку [4, с. 35].

У прадмове да кнігі “Другі закон Маісееў” Ф. Скарына прапанаваў класіфікацыю права. Права, на яго думку, дзеліцца на натуральнае і пісанае. Натуральнае права закладзена ў самой істоце чалавека, яно аднолькавае для ўсіх людзей, уласціва кожнаму чалавеку і не залежыць ад месца і часу.

Пісанае права Ф. Скарына падзяляў на боскае, царкоўнае (кананічнае) і земскае. Нормы боскага права змешчаны ў кнігах Старога і Новага Запавету (Бібліі). У гэтай кнізе змешчаны ўсе законы і правы, якімі людзі павінны кіравацца на зямлі. Гэтыя нормы з’яўляюцца сінонімамі волі бога. Таму заслугоўвае асуджэння не толькі той, хто не падпарадкоўваецца волі бога, але і той, хто не ведае яе прадпісанняў. Царкоўнае (кананічнае) права – гэта пастановы (каноны), прынятыя царкоўнай уладай. У земскім праве ў залежнасці ад грамадскіх адносін, што рэгуляваліся пэўнымі нормамаі, Ф. Скарына вылучаў: паспалітае права (уключала ў сябе нормы грамадзянскага і сямейнага права), міжнароднае, дзяржаўнае, крымінальнае, ваеннае, гарадское, марское, гандлевае права.

Выказваючы свае думкі аб заканадаўстве, Ф. Скарына лічыў, што пісаны закон павінен быць годным для выканання, карысным для насельніцтва і адпавядаць звычаям, часу і месцу.

Супастаўленне прававых ідэй Ф. Скарыны са зместам Статута ВКЛ 1529 г. дазволіла асобным даследчыкам (праф. Я.А. Юхо) прыйсці да высновы, што Ф. Скарына ўдзельнічаў у распрацоўцы першага сістэматызаванага зводу законаў Вялікага Княства Літоўскага (далей - ВКЛ) – Статута ВКЛ 1529 г. (далей – Статут 1529 г.) [5, с. 215 – 221].

Беларускі гуманіст і мысліцель XVI ст. М. Літвін у сацыяльна-палітычным трактате “Аб норавах татар, літоўцаў і масквіцян” (выдадзены ў 1615 г. на лацінскай мове) моцную дзяржаўнасць звязваў з разумнасцю законаў,

з мараллю штодзеннага жыцця грамадства, са стабільнасцю сям’і [4 с.205 – 210].

У трактаце М. Літвін ўзняў пытанні сацыяльна-палітычнага ўдасканалення грамадства, рэфармавання існуючых грамадскіх інстытутаў. Аснову гарманічнага грамадства бачыў у маемаснай роўнасці, прытрымліваўся канцэпцыі ідэальнага правіцеля, справядлівага кіравання і правасуддзя. Грамадскія праблемы разглядаў з пазіцый проціпастаўлення дрэнных і добрых звычаяў. Так, імкненням да багацця і раскошы проціпастаўляў самаабмежаванне, памяркоўнасць. Выступаў супраць заняволення адных людзей другімі.

М. Літвін закрануў праблему сацыяльнай роўнасці перад законам. Усе саслоў’і, лічыў ён, павінны быць роўнымі перад законам, а ідэальным ён лічыў такі суд, якому «падпарадкоўваюцца нароўні з простымі людзьмі вяльможы і правадыры і ўсе карыстаюцца аднолькавымі правамі». Ён асуджаў практыку прыватных судоў, што дзейнічалі ў ВКЛ, справядліва лічачы, што гэта прыводзіць да самавольства і насілля. З вялікай асцярожнасцю М. Літвін прапаноўваў падыходзіць да смяротнага пакарання. Што ж тычыцца права на вынясенне такога прыговору, то яно, на яго думку павінна належыць толькі вышэйшай судовай інстанцыі. Мысліцель рэзка выступаў супраць судовых разбораў, што патрабуюць вялікіх грашовых расходаў, якія аказваліся непасільнымі не толькі бедняку, але і чалавеку сярэдняга дастатку, крытыкаваў адсутнасць апеляцыйнай інстанцыі, належнай судова-прававой дакументацыі, галоснасці і інш. [4, с.205 – 210].

М. Літвін падкрэсліваў, што сістэма непадзельнасці судовай і адміністрацыйнай улад, сумяшчэнне адной асобай некалькіх адміністрацыйных пасадаў вядуць да страты самой ідэі справядлівасці і незалежнасці суда.

На яго думку павінен быць аднолькавы прынцып абкладання падаткамі простага чалавека і шляхціча: чым большая маемасць, тым большым павінен быць падатак.

Праблемы, узнятыя М. Літвінам у трактаце, часткова былі вырашаны ў час судовай рэформы 1564 г.: удасканалена дзяржаўнае кіраванне і правасуддзе, удасканалена працэдура судовага разбору, створана апеляцыйная судова інстанцыя, падрыхтаваны кваліфікаваныя ўраднікі дзяржаўнага кіравання і суда.

Найбольш вядомым тэарэтыкам памяркоўнай плыні арыянства быў С. Будны. Спачатку С. Будны прытрымліваўся кальвінісцкіх поглядаў. У сярэдзіне 60-х гадоў XVI ст. С. Будны перайшоў на пазіцыі правай (памяркоўнай) плыні арыянства, дзе хутка вылучыўся ў лік яе лідэраў.

У галоўнай працы свайго жыцця “Пра свецкую ўладу” (1583, перавыдадзена ў 1932 г. у Варшаве) ён выказаў свае адносіны да дзяржаўнага ладу і дзяржаўных інстытутаў. Мысліцель лічыў, што дзяржаўная ўлада мае боскае паходжанне і ёй неабходна падпарадкоўвацца. Сілай дамагацца ўлады нельга. Таму сапраўдны арыянін можа займаць любыя дзяржаўныя пасады, звяртацца ў суд, весці судовыя працэсы, і, нават выконваць абавязкі судзі.

Суддзя павінен быць справядлівым, чэсным, праўдзівым, веруючым; павінен судзіць справядліва, не перакручваць законы, не браць хабару [6, с. 19 – 21]. Аналагічныя погляды на дзяржаву былі ў беларускага мысліцеля XVI ст. – Васіля Цяпінскага-Амельяновіча.

У залежнасці ад валодання маемасцю С. Будны прызнаваў саслоўнае дзяленне сучаснага яму грамадства. Выказваўся за суіснаванне і супрацоўніцтва розных сацыяльных саслоўяў, за роўнасць саслоўяў перад законам.

Палітычным ідэалам С. Буднага з'яўлялася манархія. Ён веў разважанні аб асобе ідэальнага манарха. Манарх павінен быць “богабязненным, справядлівым, міласэрным”. Ён павінен акружыць сябе людзьмі разумнымі і вучонымі, якія добра ведаюць законы. Манарх павінен выкарыстоўваць уладу не ў асабістых мэтах, а на карысць усёй дзяржавы, дзеля дасягнення магчыма лепшага жыцця. Дасягнуць гэтай мэты магчыма шляхам правядзення сучасных сацыяльна-палітычных рэформ [6, с. 19 – 21].

Найбольш поўна палітычныя і прававыя ідэі знакамітага беларускага мысліцеля эпохі Адраджэння Л. Сапегі адлюстраваны ў Статуце ВКЛ 1588 г. (далей – Статут 1588 г.), ў “Прысвячэнні” выдання Статута 1588 г. каралю польскаму і вялікаму князю літоўскаму – Жыгімонту III Вазе (далей – “Прысвячэнне”) і ў “Звароце” да ўсіх саслоўяў (да ўсіх грамадзян) ВКЛ (далей – “Зварот”).

Галоўная палітычная ідэя, якую ажыццявіў Л. Сапега, заключалася ў юрыдычным замацаванні суверэнітэту ВКЛ у складзе Рэчы Паспалітай, насуперак Люблінскай уніі 1569 г., што і было зроблена выданнем Статута 1588 г. У Статут 1588 г. былі ўключаны нормы, згодна якіх вялікі князь абавязаны быў захоўваць суверэнную цэласнасць ВКЛ, не даваць ніякіх маемасцей, пасадак і званняў замежнікам (Р. 3, арт. 1, 4, 12) [7].

Прававыя ідэі Л. Сапегі засноўваліся на неабходнасці панавання права. Ён пісаў “И слушне за правду маем, за што пану богу дяковати, же по панованьем королей их милости и великих князей, панов наших тую владзу и вольность у руках своих маем, а права сами себе творачы яко наибольшей можем волности свое во всем постерегаем, бо не только сосед а сполный наш обыватель в отчизне, але и сам господар пан наш жадное звирхности над нами заживати не может, одно только, колько ему право допускаеть” [7, с. 47].

Л. Сапега ў “Прысвячэнні” і “Звароце” выклаў канцэпцыю прававой дзяржавы. Мысліцель лічыў, што дзяржава паўстала натуральным шляхам і прызначаецца для дасягнення магчыма лепшага жыцця. Яна засноўваецца на прынцыпах унутранага адзінства, цэнтралізму, правапарадку і законнасці.

На яго думку для абароны грамадзянскіх свабод існуе права, якое мысліцель разглядаў як сапраўднае праяўленне розуму чалавека. Права павінна забяспечыць дзяржаве ўнутраны парадак, стабільнае і ўстойлівае развіццё, сацыяльны мір. Жыццё ў адпаведнасці з законам – абавязковая ўмова існавання дзяржавы. Толькі павага да права дае магчымасць быць сапраўды свабоднымі.

Закон павінен быць аднолькавым і абавязковым для ўсіх саслоўяў. Разам з тым ён павінен быць накіраваны супраць асобных правапарушальнікаў. Калі ў грамадстве адсутнічае павага да права, пануе беззаконнасць, яно не можа лічыцца чалавечым і справядлівым, а з'яўляецца “воўчай зграяй”. Права павінна не дапусціць выкарыстання дзяржаўнай улады ў карысных мэтах правіцеля.

Усе гэта дае падставу разглядаць Л. Сапегу як прыхільніка ідэі прававой дзяржавы.

Погляды Л. Сапегі маюць шэраг спецыфічных асаблівасцяў (напрыклад, мысліцель выступаў абаронцам правоў і свабод толькі шляхецкага саслоўя), тым не менш яго ідэі былі прагрэсіўнымі і адрозніваліся ад ідэй шэрагу іншых тагачасных мысліцеляў. Л. Сапега праявіў сябе як прыхільнік такіх новых ідэй, якія апярэджалі свой час і таму паўплывалі на свядомасць народа [Сокол, С.Ф. 8, с. 133].

Як правільна адзначыў прафесар С.Ф. Сокол “Развіцце ў Беларусі рэфармацыйных, рэнэсансавых і гуманістычных традыцый пацягнула ўмацаванне свецкіх інтэрпрытацый натуральнага права, што найбольш поўна было адлюстравана ў работах А. Волана “Аб палітычнай або грамадзянскай свабодзе” (1573), “Пра гасудара і ўласцівыя яму дабрачыннасці” (1608), “Прадмова да Сената” (1573); А. Алізароўскага “Аб палітычнай супольнасці людзей” (1651)” [Сокол, С.Ф. 8, с. 128].

У сваіх працах А. Волан разглядаў дзяржаву як гістарычную з'яву. Ён прызнаваў існаванне чалавечага грамадства яшчэ да з'яўлення дзяржавы, якая ўзнікла ў выніку пагрозы натуральным правам людзей, з мэтай аховы іх жыцця і маемасці. Спасылаючыся на працы Арыстоцеля і Цыцэрона мысліцель вызначаў дзяржаву як злучэнне людзей дзеля дасягнення агульнай карысці ўсіх яго членаў. А. Волан – прыхільнік манархічнай формы дзяржаўнага кіравання.

А. Волан лічыў, што права створана розумам чалавека і таму права, якое супярэчыць чалавечаму розуму – непрымальна.

Права, на думку А. Волана, павінна адпавядаць тром прынцыпам: быць справядлівым, выступаць гарантам свабоды і роўнасці, быць разумным. Права павінна стаяць на варце ўсеагульнай справядлівасці. Неабходна пастаянна ўдасканальваць заканадаўства. Мысліцель прапаноўваў удасканальваць заканадаўчую палітыку, ствараць юрыдычныя ўстановы, развіваць прававую навуку, а таксама замацаваць высокія маральныя якасці пры выбарах і прызначэнні суддзяў і службовых асоб [4, с. 50 – 182].

А. Алізароўскі з'яўляецца аўтарам працы “Аб палітычнай супольнасці людзей” (на лацінскай мове, выдадзена ў 1651 г.). Асветнік трактаваў сутнасць і прызначэнне права. Ён нават не ўспамінаў пра вечнае права, якое паводле вучэння Ф. Аквінскага (1225 – 1274), лічылася законам вышэйшай боскай мудрасці і крыніцай усіх іншых відаў права.

А. Алізароўскі прапанаваў наступную класіфікацыю права: боскае, натуральнае, права народаў. Пры гэтым, на думку асветніка, боскае і натуральнае права знаходзяцца не ў падпарадкаванні другога першаму, а

выступаюць як самастойныя віды і дапаўняюць адзін аднаго. А. Алізароўскі пазбягаў спецыяльнага аналізу ролі і прызначэння боскага права, а калі вымушаны быў да яго звяртацца, то даваў яму нетрадыцыйнае тлумачэнне: “Боскае права забараняе несправядлівасць, прыгнечанне бедных і ўсялякія крыўды” [4, с. 266 – 279]. Пераважна ён аналізаваў натуральнае права, якое прырода заклала ў чалавеку як сацыяльнай і біялагічнай істоце. У сацыяльным аспекце прынцыпы натуральнага права выяўляюцца праз развіццё і ўдасканаленне сацыяльнай арганізацыі жыцця людзей: сям’я, фальварак, паселішча, грамадства, дзяржава. З біялагічнай кропкі гледжання правы чалавека вызначаліся яго агульнасцю з жывельным светам і знаходзілі ўвасабленне ў праве самаабароны, праве распараджэння сабой, імкненні да супрацоўніцтва (зносін) з сабе падобнымі і інш.

На думку А. Алізароўскага існуюць тры віды свабоды: прававая, філасофская, палітычная. Прававая свабода – гэта здольнасць людзей у адпаведнасці з прыроднай і агульнай годнасцю распараджацца сваім жыццём паводле ўласнага разумення і патрабаванняў закону. Філасофская свабода – гэта ўлада розуму над эмоцыямі і імкненнямі. Палітычная свабода – гэта панаванне ў грамадстве права і закону, а не самавольства манарха.

Дзяржава, на думку асветніка – гэта створаны з мноства паселішчаў саюз і аб’яднанне – людзей, якія звязаны правам, што і ўвайшлі ў згоду ў імя добрага і шчаслівага жыцця [4, с. 277 – 279]. Праблемы дзяржавы ён цесна звязваў з пытаннямі грамадзянства. Паводле тагачаснай палітычнай ідэалогіі сапраўднымі грамадзянамі была толькі шляхта. А. Алізароўскі лічыў, што грамадзянамі дзяржавы з’яўляюцца ўсе жыхары, акрамя рабоў і іншаземцаў. У грамадстве існуюць вышэйшыя і ніжэйшыя саслоўі, але для кожнага павінен існаваць свабодны пераход з аднаго саслоўя ў другое, і грамадзяне ўсіх саслоўяў роўныя перад законам [9, с. 17 – 18]. Ён прытрымліваўся думкі, што дасканаласць дзяржавы залежыць ад найбольш рацыянальна выбранай формы кіравання. А. Алізароўскі з’яўляўся прыхільнікам спадчынай манархіі. ў вучэннях мысліцеляў

Такім чынам, у XVI – XVII стст. ідэі наконт дзяржавы, дзяржаўных інстытутаў, права, прававых інстытутаў актыўна выказваліся прагрэсіўнымі беларускімі мысліцелямі. У вызначэнні дзяржавы і права, іх функцый вялікую ролю адыгрывала паняцце агульнаграмадскай карысці, а таксама распрацаванае Арыстоцелем і Цыцэронам паняцце дзяржавы як саюза людзей. У працах Ф. Скарыны, С. Буднага, А. Волана, М. Літвіна, Л. Сапегі, А. Алізароўскага і іншых атрымала трактоўка права як агульначалавечай каштоўнасці. Тэарэтычныя напрацоўкі айчынных мысліцеляў садзейнічалі практычнаму ўдасканаленню грамадскіх адносін, а таксама далейшаму развіццю прававой навукі. Іх ідэі апырэджавалі свой час і такім чынам уплывалі на свядомасць народа.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Голубева, Л.Л. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі: вучэб.-метадыч. комплекс / Л.Л. Голубева. – Мінск: ГИУСТ БГУ, 2005. – 84 с.
2. Матарас, В.Н. Палітыка-прававыя погляды Ф.Скарыны / В.Н. Матарас // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыйналізму: да 480-годдзя прыняцця : сб. науч. тр. / БГУ, юрид. фак.; редкол. С.А. Балашенко [и др.]. – Мінск : РИВШ, 2009. – С. 61–64.
3. Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1988. — 607, [1] с.
4. Белорусские мыслители XVI – XVII вв. Избранные труды. Наследие права. – Мінск: Редакция журнала “Промышленно-торговое право”, 2017. – 320 с.
5. Юхо, Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: у 2 ч. / Я.А. Юхо. – Мінск: РИВШ БДУ, 2000. – Ч. 1. – 352 с.
6. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі XVI – XVIII ст.: Хрэстаматыя / Аўт.-склад. Т.І. Доўнар, Ю.П. Доўнар, Л.Л. Голубева; Пад рэд. Т.І. Доўнар. – Мінск: БДУ, 2004. – 206 с.
7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
8. Сокол, С.Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половине XVII в. / С.Ф. Сокол. Минск: Наука и техника, 1984. – 188 с.
9. Асветнікі зямлі Беларускай: Энцыкл. Даведнік / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2001. – 496 с.

Гурина Марина Васильевна

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА: ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОГО ПУТИ

Старший преподаватель кафедры конституционного и административного
права, Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
gmv31@mail.ru

Аннотацыя. В статье рассматриваются существующие в настоящее время способы регулирования отношений, возникающих в интернет-пространстве, делается вывод о необходимости сохранения комплексного регулирования данной сферы (на национальном и международном уровнях с использованием механизмов саморегулирования). В целях дальнейшего совершенствования правового регулирования Интернета, необходимо четкое разграничение сфер и пределов регулирования на каждом уровне, дальнейшее развитие специального национального законодательства и активизация усилий по разработке универсальных норм международного права.

Ключевые слова: Интернет, интернет-правоотношения, принцип саморегулирования, национальное законодательство, международное право.

Одним из определяющих факторов развития информационного общества является распространение интернет-технологий. Доступность Интернета

широкой аудитории пользователей и его интерактивность, возможность быстрого получения и распространения информации и одновременно отсутствие значимого серьезного контроля, касающегося содержания передаваемой информации, делает Интернет одним из самых значимых явлений современного общества. О значимости Интернета для современного человека и общества в целом свидетельствует и тот факт, что по данным опросов, проводимых международной неправительственной организацией Сообщество Интернета (ISOC), порядка 83 % опрошенных высказались за то, чтобы право доступа к Интернету было отнесено к категории неотъемлемых прав человека.

В этой связи регулирование отношений, возникающих в интернет-пространстве, становится одной из актуальнейших и важнейших задач современного законодательства и права.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что в настоящее время регулирование правоотношений, возникающих в интернет-пространстве, является комплексным. В основе его лежат нормы национального и международного права, а также применяются определенные механизмы саморегулирования (в основном в виде норм мягкого права). При этом дискуссионным остается вопрос о том, какой из указанных способов является наиболее эффективным.

Первоначально в основе регулирования отношений, реализуемых в интернет-пространстве, лежали именно принципы саморегулирования (самоуправления). Под саморегулированием следует понимать деятельность различных организаций, коммерческих компаний, технических сообществ и объединений пользователей по разработке и принятию соответствующих стандартов, норм и правил поведения и взаимодействия в интернет-пространстве, их добровольному соблюдению, осуществлению независимого контроля над их исполнением, а также возможностью применения санкций в случае нарушения этих правил [1, с. 179]. В настоящее время значительная часть правил разрабатывается и принимается в рамках таких организаций как Консорциум всемирной паутины (W3C), Корпорация по присвоению имен и адресов в Интернете (ICANN), Общество Интернета (ISOC) и др.

Саморегулирование по мнению многих авторов имеет целый ряд преимуществ перед иными способами регулирования. Во-первых, данный подход в наибольшей степени отвечает универсальной природе и сущности Интернета. Во-вторых, саморегулирование представляет собой правила поведения, которые вырабатываются самими участниками данных отношений, и поэтому, с одной стороны, они в наибольшей степени отвечают интересам субъектов данных правоотношений, с другой – способствуют их более добровольному исполнению. В-третьих, разрабатываемые интернет-сообществом правила поведения являются достаточно гибкими, могут быстро изменяться с совершенствованием технологий [2, с.115]. Наконец, эти нормы и стандарты не привязаны к национальным границам и поэтому носят универсальный характер.

Однако, что на нынешнем этапе функционирования Интернета с учетом скорости темпов его развития и расширения как видов, так и содержания отношений, возникающих в интернет-пространстве, саморегулирование становится явно недостаточным, что неизбежно ведет к необходимости применения иных способов регламентации.

Первые попытки разработки международно-правовых норм с целью установления принципов регулирования интернет-пространства были предприняты еще в начале 2000-х гг. в рамках Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, проходившей под эгидой ООН в 2003 г. в г. Женева. Результатом было принятие Женевской декларации принципов информационного общества (2003 г.) и Тунисской программы для информационного общества (2005 г.), установивших общие принципы сотрудничества государств, частного сектора и гражданского общества в вопросах управления Интернетом и учредивших ежегодно проводимый Форум по вопросам управления Интернетом.

Следует, однако, признать, что до настоящего времени действия, предпринимаемые государствами на глобальном международном уровне с целью выработки и принятия универсального международного договора по вопросам регулирования Интернета, являются всего лишь «попыткой договориться о необходимости договориться» [1, с. 178]. Основные усилия на международном уровне направлены на разработку и принятие договоров по вопросам обеспечения информационной безопасности и противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, при этом, однако, позиции государств очень сильно расходятся относительно содержания понятия «информационная безопасность». Одна группа государств придерживается позиции, согласно которой информационная безопасность может быть достигнута посредством выработки и закрепления общеобязательных правил, касающихся функционирования технических систем связи, защиты информации (персональных данных, интеллектуальной собственности, сведений о частной жизни лица), противодействия криминальной деятельности. Другая группа государств настаивает в первую очередь на необходимости урегулирования военных аспектов информационной безопасности [3, с.155].

Определенные попытки регулирования отношений в Интернет-пространстве и выработки общих принципов по этим вопросам осуществляются не только на универсальном, но и на региональном уровне, а именно в рамках Совета Европы, Европейского Союза, Содружества Независимых Государств и других международных организаций. Регулирование рассматриваемых вопросов на региональном уровне осуществляется как путем принятия актов, имеющих обязательную юридическую силу для государств-участников (международные соглашения и источники наднационального права прямого действия), так и посредством норм мягкого права (рекомендации, модельные законы и т.п.). Следует, однако, согласиться с мнением Э.В. Талапиной о том, что предпочтительнее, чтобы

международно-правовое регулирование Интернета осуществлялось с помощью норм универсальных международных договоров, а не региональных, что обусловлено глобальным характером сети Интернет [4, с.66]

По мнению ряда исследователей, именно недостаточность межгосударственного правового регулирования Интернета, обуславливает в настоящее время попытки усиления его национального регулирования, которое, однако, может распространяться лишь на национальный сегмент сети Интернет. При этом некоторые авторы указывают, что регулирование отдельных аспектов априори должны быть отнесено к юрисдикции государств. Например, по мнению О.В. Кирилюка регулирование вопросов, связанных с функционированием инфраструктуры, следует отнести к ведению государства, так как инфраструктура материальна и имеет территориальную привязку [1, с. 178].

В настоящее время в большинстве государств мира приняты и действуют различные национальные правовые акты, направленные на регулирование как национального сегмента сети Интернет в целом, так и отдельных правоотношений, возникающих в сети. В Республике Беларусь в целях обеспечения защиты интересов личности, общества и государства в информационной сфере, создания условий для дальнейшего развития национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет, повышения качества и доступности предоставляемой гражданам и юридическим лицам информации о деятельности государственных органов, иных организаций и интернет-услуг принят Указ Президента Республики Беларусь № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» от 1 февраля 2010 г. Кроме этого, так как правоотношения, возникающие в интернет-пространстве очень разнообразны, для их регулирования применяются многочисленные нормы отраслевого законодательства (гражданского, уголовного, административного), а также нормы информационного права.

Одним из важнейших недостатков национально-правового регулирования является относительная статичность национального законодательства, что оказывается абсолютно непригодным для регулирования стремительно меняющихся условий функционирования Интернета. Для национального регулирования характерна также недостаточность национального законодательства, причем не только норм материального права, но и специальных коллизионных норм [4, с.64-65]. Кроме этого, действие норм национального законодательства ограничивается, как правило, территорией государства, а интернет-правоотношения в большинстве случаев выходят за его пределы.

Таким образом, с учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что для максимально эффективного регулирования отношений, возникающих в интернет-пространстве, наиболее оптимальным должно оставаться именно комплексное многоуровневое правовое регулирование, предусматривающее как возможность саморегулирования, так и применение норм международного и

национального права. При этом, в целях повышения его эффективности представляется необходимым следующее. Во-первых, необходимо четкое разграничение сфер и пределов регулирования между всеми уровнями. Во-вторых, на национальном уровне, в том числе в Республике Беларусь, необходима дальнейшая разработка специального законодательства в сфере интернет-отношений с обязательным соблюдением баланса между свободой пользования Интернетом и защитой прав и интересов всех субъектов. Вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть, что речь не идет о принятии кодифицированного законодательства, что вряд ли возможно с учетом того, что интернет-правоотношения носят как частный, так и публичный характер. В-третьих, необходима дальнейшая интенсификация работы по разработке и принятию норм международного права. При этом, речь должна идти в первую очередь именно о принятии универсальных, а не региональных международных договоров, что обусловлено глобальным характером сети Интернет.

Список использованных источников:

1. Кириллюк, О.В. Международно-правовые основы саморегулирования в киберпространстве / О.В. Кириллюк // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 1. – С. 177–188.
2. Балашов, А.Н. правовое регулирование интернет-отношений: основные проблемы и практика реализации в России / А.Н. Балашов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Том 11, № 2. – С. 113–119.
3. Дрога, А.А. Актуальные проблемы правового регулирования интернет-пространства / А.А. Дрога, М.А. Дрога // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 3 (44). – С. 153–156.
4. Талапина, Э.В. О возможностях правового регулирования интернета / Э.В. Талапина // Труды Института государства и права. – 2016. – № 3. – С. 57–73.

Дронь Михаил Иванович

ИНФОРМАЦИОННО-ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИУМА

Доцент кафедры психологии, инженерно-педагогический факультет,
Белорусский национальный технический университет, кандидат
педагогических наук, доцент, dronmi@yandex.ru

Аннотация: Разработаны информационно-инновационные стратегии устойчивого развития Республики Беларусь, показана роль информационно-инновационного подхода к решению проблемы, представлены особенности цифровой трансформации социально-правовой и других сфер жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: информация; устойчивое развитие; информационно-цифровое общество; цифровая трансформация, информационное право.

Результаты бифуркационных процессов, в которые попала Республика Беларусь в 1991 году и самостоятельное движение к аттракторам своего дальнейшего функционирования, со всей остротой поставили задачу ее устойчивого развития в постбифуркационный период.

Опыт показывает, что сказанное выше было возможно в процессе осуществления системных трансформаций государства, общества и движения всех их систем, и подсистем в направлении создания информационного, а затем информационно-цифрового общества.

На сегодняшний день – устойчивое развитие Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации общества – актуальная государственная, научно-теоретическая и практическая проблема, без разрешения которой затруднено прогрессивное развитие социума и всех его подсистем, движение их к устойчивым точкам своей жизнедеятельности [1,2].

Для решения сформулированной выше проблемы необходимо прежде всего, разобраться с исходными понятиями, без глубокого осмысления и понимания которых невозможна эффективная стратегия, в том числе информационная, в решении поставленной задачи.

В словаре С.И. Ожегова цифра определяется следующим образом: «ЦИФРА,-ы, ж. 1. Знак, обозначающий число. *Арабские цифры* (1,2,3 и т.д.). *Римские цифры* (I, II, III и т. д.). 2. обычно мн. Показатель, расчет чего-н., выраженный в числах. *Получилась солидная ц.* *Контрольные цифры.* *С цифрами в руках доказать что-н. // прил. цифровой, - ая, -ое»* [3, с. 715].

Что касается, числа, то С.И. Ожегов отмечает: «ЧИСЛО, -а, мн. числа, -сел, -слам, ср. 1. Понятие количества, величина, при помощи к-рой производится счет. *Целое ч. Дробное ч. Рациональное ч. Иррациональное ч. Мнимое ч. Действительное ч. ...»* [3, с. 722].

В соответствии с разрабатываемым нами подходом, из приведенных цитат вытекает, что цифра является не чем иным как информацией, выражающей и представляющей число. Число есть содержание информации, цифра как знак – форма внешнего выражения числа. Числовая информация поступает к человеку в форме цифр, которые преобразуются, осмысливаются и хранятся для него как знание. При внешнем выражении этого знания, оно преобразуется, трансформируется в цифры и представляется в такой форме в виде соответствующей информации. Форма представления, выражения информации может быть в виде отдельных цифр, их набора, рядов, таблиц, диаграмм, графиков и др. Сама числовая информация кроется в самих числах, а выражается в различном цифровом оформлении.

Осознание, понимание и реализация сказанного выше является важнейшей информационно-инновационной стратегией обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации общества.

Проведенный выше анализ позволяет также сделать вывод, что суть цифровизации заключается в осмыслении, осознании, понимании информации, поступающей и исходящей в цифровой форме ее восприятия, трансформации, выражения и предъявления, как по внутренним коммуникационным каналам самого человека, так и по внешним каналам информационного взаимодействия в самом социуме на микро-, мезо и макроуровне его функционирования.

Это еще одна из информационно-инновационных стратегий цифрового развития социума.

Что касается развития, то с позиций информационно-синергетического подхода мы определяем его как процесс становления порядка из хаоса, самоорганизации более сложных структур с качественно новыми функциональными возможностями, процесс фазовых переходов от простого к сложному.

Устойчивость развития государства и общества мы объясняем их способностью задания такой стратегии движения взаимосвязанных систем, которая обеспечивала бы синкретичность, взаимообусловленность и взаимодополняемость их трансформаций (в том числе и цифровых) и продвижение по траекториям прогрессивных изменений, минуя точки бифуркации.

Наше исследование показывает, что в информационно-цифровом обществе образы объектов, предметов, процессов в психике, человека, его сознании создаются на основе трансформации поступающей информации, представленной прежде всего в цифровой форме. Для этого необходимы: 1) внешние по отношению к человеку средства создания и предъявления такой информации и 2) сама подготовка субъектов социума к работе с цифровыми формами функционирования информации.

Стратегическая линия информационного подхода здесь также просматривается.

Кроме того, при работе со студентами, магистрантами, аспирантами не всегда у преподавателя имеются внешние средства доведения цифровой информации (аудитории могут быть не оборудованными медиапроекторами и др. техникой), хотя материалы к занятиям он подготовил в цифровой форме. Другими словами, в данном случае внешнее выражение цифровизации в виде наличия цифрового оборудования отстает от внутренней формы информационно-цифрового функционирования социума и его образовательных систем.

Работа по ликвидации такого противоречия – это еще одна из рассматриваемых нами стратегий.

Наш опыт показывает, что отсутствие в аудиториях и на кафедрах цифрового оборудования, позволяющего предъявлять студентам цифровую информацию, может быть преодолено использованием имеющихся у студентов смартфонов. Эта технология цифровизации эффективно работает при проведении семинарских и практических занятий. Файлы с материалом для занятий закладываются в программу «Вайбер» преподавателя. Затем они

сбрасываются в «Вайбер» старосты группы, который в свою очередь передает файлы на чат студенческой группы, с которого каждый студент перекачивает файл на свой смартфон и работает с ним. Такая информационно-технологическая стратегия позволяет работать с электронными вариантами учебных материалов, доводить информации до студентов в считанные минуты, не требуется преподавателю носить с собой большие объемы бумажной продукции, особенно если занятия проводятся преподавателем в многих студенческих группах по разным корпусам.

Разработка и выпуск внешних по отношению к человеку средств создания и предъявления цифровой информации, а также средств, функционирующих на основе цифровых составляющих информации в информационно-цифровом обществе получает все больший размах и является также важнейшим стратегическим приоритетом цифровизации информационного общества.

На улицах умных городов мы видим на остановках табло, информирующее пассажиров о графике движения транспорта, роботы для дома – помогают человеку в бытовых условиях. Простые и сложные устройства, функционирующие на базе цифровых информационных модулей, обеспечивают в домах автоматическое регулирование температуры, включение и выключение освещения.

Результаты научной и учебной работы человека оцениваются цифровой программой-роботом, которая определяет оригинальность публикации (система «Антиплагиат»).

Актуальной проблемой достижения целей устойчивого развития в Республике Беларусь является учет влияния цифровой трансформации современного права на все сферы жизнедеятельности человека.

В БГУ и других вузах республики проводятся исследования данной проблемы, результаты докладываются на конференциях, семинарах, публикуются в печати.

Законы, являются законодательно-информационной основой регулирования процессов функционирования и развития как государства, страны в целом, так и отдельных их подсистем.

Создано и действует «Информационное право», которое играет существенную роль в разработке и реализации инновационных стратегий устойчивого развития социума, читается учебная дисциплина с аналогичным названием [4].

Анализ учебной литературы по информационному праву показывает, что в настоящее время в ней разрабатываются и излагаются такие проблемы и темы как «Предмет, метод информационного права и его место в системе белорусского права», «Право на информацию, его охрана и защита», «Конституция Республики Беларусь о праве на поиск, получение и распространение информации», «Правовые гарантии поиска и получения информации», «Правовые режимы информации», «Правовое регулирование отношений в сфере формирования и использования информационных ресурсов», «Правовое регулирование отношений в сфере организации и

деятельности средств массовой информации», «Правовое регулирование отношений в сфере рекламной деятельности», «Компьютерные преступления», «Ответственность за правонарушения в информационной сфере» и др.

Такова еще одна информационно-инновационная стратегия – разработка, изучение и реализация информационного права в Республике Беларусь.

Проведенное исследование позволяет нам сформулировать следующие информационно-инновационные стратегии устойчивого развития Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации социума:

1). Цифра является не чем иным как информацией, выражающей и представляющей число.

2) Суть цифровизации заключается в осмыслении, осознании, понимании информации, поступающей и исходящей в цифровой форме ее восприятия, трансформации, выражения и предъявления, как по внутренним коммуникационным каналам самого человека, так и по внешним каналам информационного взаимодействия в самом социуме на микро-, мезо и макроуровне его функционирования.

3) Развитие с позиций информационно-синергетического подхода следует понимать и реализовывать, как процесс становления порядка из хаоса, самоорганизации более сложных структур с качественно новыми функциональными возможностями, процесс фазовых переходов от простого к сложному.

4) Устойчивость развития государства и общества зависит от их способности задания такой стратегии движения взаимосвязанных социальных систем, которая обеспечила бы синкретичность, взаимообусловленность и взаимодополняемость их трансформаций (в том числе и цифровых) и продвижение по траекториям прогрессивных изменений, минуя точки бифуркации.

5) Для работы с цифровой информацией необходимы: 1) внешние по отношению к человеку средства создания и предъявления цифровой информации, 2) подготовка субъектов социума к работе с цифровыми формами функционирования информации.

6) Необходимо ликвидировать противоречие между внешней формой цифровизации в виде наличия цифрового оборудования и внутренней формы информационно-цифрового функционирования социума и его образовательных систем.

7) Следует всемерно развивать как внешние, так и внутренние формы осуществления цифровизации, формы органического соединения и дополнения дискретных и аналоговых форматов представления информации.

8) Дискретная форма представления информации приводит к уменьшению ошибок в информационных каналах, увеличению скоростей работы с информацией, широкому использованию современных компьютерных систем.

9) Развитие информационного права и его практическая реализация – один из эффективных путей осуществления устойчивого развития Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации социума.

Список использованных источников

1. Демчук, М.И. Республика Беларусь: системные принципы устойчивого развития / М.И. Демчук, А.Т. Юркевич. – Мн.: РИВШ БГУ, 2003. – 342 с.
2. Кузнецов, П.Г. Наука развития Жизни: сборник трудов. Том I. Введение / П.Г. Кузнецов. – М.: Русское Космическое Общество, 2015. – 238с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Член-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – Москва: Рус. яз., 1987. – 750с.
4. Чернецкая, Н.А. Информационное право / Н.А. Чернецкая. – 2-е изд., перераб. и доп.– Минск: ТетраСистемс, 2010. – 128с.

Каменков Виктор Сергеевич

ПРАВО О ЦИФРОВИЗАЦИИ И МЕДИАЦИИ ПРИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ БАНКРОТСТВА

Белорусский государственный университет, доктор юридических наук,
профессор

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу возможности использования цифровых и медиативных технологий при предупреждении экономической несостоятельности и банкротства субъектов хозяйствования в Республике Беларусь, Российской Федерации и других государствах. Цель настоящей статьи – изучить реальное состояние правового регулирования использования цифровизации и медиации в предупреждении несостоятельности и банкротства, его значение и перспективы. Приведены примеры возможного использования цифровизации, медиации и иных новых технологий в законодательстве о банкротстве при разработке или доработке нового закона о банкротстве.

Ключевые слова: цифровизация, медиация, несостоятельность, банкротство, профилактика, риски, право, регулирование, защита

Словосочетания «цифровизация», «цифровые технологии» и подобные им не просто упоминаются, а нашли устойчивое отражение и наполнение в действующем законодательстве многих стран. То есть законодательство подтверждает наличие общественных отношений, связанных с цифровизацией и признает возможность влияния цифровых технологий на их развитие в различных сферах и областях.

Сочетание же цифровизации, медиации и иных современных технологий, как объективных процессов, происходящих в нашем обществе, могут реально оказать и уже оказывают влияние на различные общественные отношения.

Экономическая несостоятельность и банкротство не являются исключением из сделанного вывода, но имеют свои специфические особенности, о которых и пойдет речь в настоящей статье. Особенно на стадии предупреждения этих негативных явлений в экономике конкретной организации или предпринимателя.

Автоматизация динамики принятия решений в исследуемой сфере может:

- стимулировать и ускорить процесс принятия решений по предупреждению банкротства субъектов хозяйствования;
- сократить издержки бюджета на финансирование мер по предупреждению банкротства должников;
- повысить стабильность деятельности субъектов хозяйствования и эффективность мер по предупреждению их банкротства;
- сократить количество дел о банкротстве в экономических судах;
- повысить эффективность правосудия по иным делам.

Исходя из общей легальной дефиниции информационная технология – это совокупность процессов, методов осуществления поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также пользования информацией и защиты информации (Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»).

Цифровая грамотность, как готовность и способность личности применять цифровые технологии уверенно, эффективно, критично и безопасно во всех сферах жизнедеятельности; набор знаний, умений и навыков, которые необходимы для жизни в современном мире, для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернета [1], уже закреплена публично.

Учитывая многоплановость и информационную перенасыщенность хозяйственной деятельности, огромное число договоров, правовых актов, ее регулирующих, многочисленную судебную практику, практику налоговых и иных контролирующих, а также правоприменительных органов, цифровые и иные информационные технологии в идеале могут и должны помочь в повышении эффективности правового регулирования общественных отношений в различных сферах на разных стадиях их развития, включая предупреждение несостоятельности и банкротства.

Любое современное государство, желающее эффективно развиваться, должно уделять существенное внимание совершенствованию правового регулирования отношений, возникающих в связи с предупреждением несостоятельности (банкротства) субъектов хозяйственной деятельности и восстановлением их платежеспособности.

«...указанный механизм обеспечения финансовой устойчивости юридических лиц в процессе осуществления... государственного управления в

сфере экономики выступает одновременно в качестве важнейшего фактора обеспечения устойчивого развития национальной экономики и общества в целом» [2, с. 63]. В противном случае возникает закономерный вопрос о компетентности и эффективности управления самого собственника и его менеджеров.

Цифровые и другие современные информационные технологии, а также медиация и другие меры по примирению (переговоры и др.) в этом механизме – лучшие помощники.

Значение информации в современной хозяйственной деятельности велико, и ее действенное использование способно минимизировать риски как отдельно взятого предпринимателя, так и всей хозяйственной деятельности в целом. Поэтому постоянный оперативный анализ необходимой информации должны делать каждая предпринимательская структура, а также государственные регулирующие органы, отвечающие за состояние экономики.

Начать можно с цифровой реформы бухгалтерского учета активов и пассивов субъекта хозяйствования, сделок и иных его договоров, а также организационного анализа предпринятых руководящим органом мер по профилактике и оздоровлению с минимизацией субъективного влияния на результаты такого учета и анализа.

Особого внимания заслуживает цифровизация учета дебиторской и кредиторской задолженности, возможных вариантов их изменения, предпринятых мер по изменению состояния этих задолженностей в рамках определенных календарных периодов, зафиксированных в законодательстве о банкротстве.

Цифровые и медиативные технологии позволяют расширить и оперативно проводить работу с дебиторами и кредиторами, версии их перегруппировки, раннюю реструктуризацию задолженностей.

Цифровые возможности можно и нужно внедрять и через конкретные правовые нормы действующего законодательства о банкротстве.

В частности, в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2013 № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), часть первую ст. 2 Закона, предусматривающую перечень общественных отношений, им регулируемых, можно изложить в следующей редакции: «Настоящим Законом регулируются порядок и условия осуществления мер *по предупреждению экономической несостоятельности или банкротства и досудебного оздоровления, в том числе посредством медиативных и иных примирительных процедур*, устанавливаются основания для признания *экономическим* судом должника экономически несостоятельным или банкротом, проведения производства по делу об экономической несостоятельности и банкротстве, порядок и условия заключения мирового или медиативного соглашения, проведения санации должника, а при невозможности проведения санации или отсутствии оснований для ее проведения - порядок ликвидационного производства должника, иные связанные с этим отношения».

Статью 7 Закона о банкротстве также следует отредактировать в целях, обозначенных в настоящей статье, следующим образом: «Урегулирование и рассмотрение отдельных споров в процедурах экономической несостоятельности и банкротства

Споры, вытекающие из трудовых и связанных с ними отношений, а также гражданско-правовые споры, непосредственно не связанные с конкурсной массой должника с участием физических лиц, в процедурах экономической несостоятельности и банкротства, могут регулироваться посредством медиативных технологий и рассматриваются общими судами.

Споры об отнесении субъектов права к должникам или заинтересованным лицам в отношении должника, кредитора (конкурсного кредитора), управляющего, иные экономические споры, непосредственно не связанные с конкурсной массой должника с участием юридических лиц, в процедурах экономической несостоятельности и банкротства, могут регулироваться посредством медиативных технологий и рассматриваются экономическими судами».

В статье 14 Закона о банкротстве предполагается серьезная реформа.

И применительно к теме настоящей статьи, по нашему мнению, следует отказаться от сослагательной формы изложения в третьем абзаце «...принимает участие в организации системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для обеспечения процедур экономической несостоятельности (банкротства)» и перейти к императивной форме, назвав конкретного организатора, поскольку речь идет о защите интересов государства и общества: «...совместно с заинтересованными лицами организует систему подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для обеспечения процедур экономической несостоятельности и банкротства, в том числе дистанционно».

Абзацы 7 – 9 статьи 14 Закона о банкротстве также следует изложить в новой редакции:

«...проводит в установленном порядке, в том числе в электронной форме, аттестацию физических лиц на их соответствие профессионально-квалификационным требованиям, предъявляемым к управляющему, используя при определении их профессиональной пригодности результаты психофизиологического тестирования»;

«...осуществляет электронный (цифровой) мониторинг и контроль за соблюдением управляющими требований законодательства об экономической несостоятельности и банкротстве;

«...ведет электронный (цифровой) мониторинг и учет (анализ) платежеспособности должников государственных организаций и по их возмездной просьбе – негосударственных должников (организаций) и индивидуальных предпринимателей;

В целях повышения эффективности предупреждения несостоятельности и банкротства субъектов хозяйствования необходимо изменить и редакцию статьи 15 Закона о банкротстве. Ее правовые нормы следует изложить таким

образом, чтобы не только государственные органы и организации, но и коммерческие организации участвовали в создании и развитии системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для обеспечения процедур экономической несостоятельности (банкротства). Формы такого участия могут быть различны. Например:

подготовка, повышение квалификации и переподготовка кадров в установленном порядке через сеть учреждений образования и реализации международных программ и проектов по обмену опытом в сфере несостоятельности (банкротства), включая подготовку медиаторов, переговорщиков, управляющих, членов комиссии по предупреждению банкротства, резерв руководителей организаций и т.п.;

проведения обучающих тематических семинаров, курсов, конференций по вопросам несостоятельности (банкротства), в том числе дистанционных.

Давно назрела необходимость оживить работу комиссий по предупреждению несостоятельности (банкротства) (ст. 16), придать ей системный и профессиональный характер. Для этого эти комиссии нужно наделить такими полномочиями, как электронный мониторинг состояния платежеспособности конкретных должников, цифровой анализ принятых мер по предупреждению экономической несостоятельности (банкротства), оказанной финансовой помощи, досудебному оздоровлению руководителями организаций, собственниками имущества унитарного предприятия, учредителями (участниками) юридического лица, индивидуальными предпринимателями, государственными органами в пределах своей компетенции и другими.

Итоги такого системного мониторинга и анализа должны подводиться ежеквартально с предложением конкретных рекомендаций и предоставляться по запросу в экономический суд, рассматривающий дело о банкротстве и в правоохранительные органы.

Закон о банкротстве (ст. 21) предусматривает Единый государственный реестр сведений о банкротстве (далее – ЕГРСоб). Порядок формирования и ведения ЕГРСоб, порядок и сроки включения управляющими и органом государственного управления по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) сведений в ЕГРСоб, порядок их размещения в глобальной компьютерной сети Интернет устанавливаются Советом Министров Республики Беларусь.

ЕГРСоб является государственным информационным ресурсом. Его владельцем выступает Министерство экономики Республики Беларусь, которое осуществляет организационно-методологическое обеспечение его функционирования (включая поддержание полноты, актуальности и достоверности включаемых сведений) [п. 2 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 18.05.2013 № 391 «О некоторых вопросах Единого государственного реестра сведений о банкротстве»].

Но формирование ЕГРСоб в нашей стране никак не увязано, не конкретизировано с инициативой и ответственностью лиц, указанных в ч. 1 ст.

17 Закона о банкротстве (руководители организаций, собственник имущества унитарного предприятия, учредители (участники) юридического лица, индивидуальные предприниматели, государственные органы).

В этом смысле интересен и заслуживает внимания опыт Российской Федерации. В Федеральном Законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 30) установлено, что в случае возникновения признаков банкротства, установленных п. 2 ст. 3 этого Федерального закона, или обстоятельств, предусмотренных статьями 8 или 9 этого Федерального закона руководитель должника обязан включить сведения о наличии таких обстоятельств в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц в течение десяти рабочих дней с даты, когда руководителю стало или должно было стать известно об их возникновении, а также в разумный срок предпринять все зависящие от него необходимые меры по предупреждению банкротства должника.

Установлена и ответственность за невыполнение или несвоевременное исполнение такой обязанности.

Рациональность такого подхода, по нашему мнению, заключается в обязывании конкретных должностных лиц и органов придать публичный характер факту появления признаков банкротства конкретного должника. Обоснование его также имеется, поскольку таким фактом затрагиваются права и законные интересы неопределенного круга лиц.

В Законе о банкротстве (ст. 1) дано определение санации: процедура конкурсного производства, применяемая в целях обеспечения стабильной и эффективной хозяйственной (экономической) деятельности, восстановления платежеспособности должника.

Российский же аналогичный Закон (ст. 2) уточняет цели санации и круг лиц, кто должен заниматься санацией. «...санация – меры, принимаемые собственником имущества должника - унитарного предприятия, учредителями (участниками) должника, кредиторами должника и иными лицами в целях предупреждения банкротства и восстановления платежеспособности должника, в том числе на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве». Такой подход также выглядит более реалистичным и достойным подражания.

Правда, по нашему мнению, в определении среди субъектов, проводящих санацию, следует указать и экономический суд, рассматривающий дело о несостоятельности (банкротстве).

Статью 13 Закона о банкротстве также нужно видоизменять в части мирового соглашения. В настоящее время, как показывает практика, актуальным может стать и для предупреждения экономической несостоятельности (банкротства), в том числе, новая процедура, которую можно именовать «медиативное и мировое соглашение». Более подробно об этой процедуре следует подготовить отдельную публикацию, но смысл ее сводится к тому, чтобы с помощью медиативных технологий подготовить лиц, участвующих в деле о банкротстве к заключению медиативного или мирового соглашения. Известно, что только мировое соглашение в делах о банкротстве с

множественностью кредиторов не часто встречается. И причин для этого много. Одна из них – неподготовленность лиц, участвующих в деле об экономической несостоятельности (банкротстве), особенно кредиторов, к заключению мирового соглашения с должником, который утратил доверие.

Приведенные в настоящей статье примеры возможного использования цифровизации, медиации и иных новых технологий в законодательстве о банкротстве не являются исчерпывающими. Они – только пример возможного творческого подхода при разработке или доработке нового закона о банкротстве.

Конечно, потребуется системная работа по:

- подготовке, принятию и внедрению в практику (предпринимательскую, судебную и иных государственных органов) изменений в действующее законодательство;

- разработке и введению методик, правил и иных ясных критериев принятия решений по предупреждению банкротства должников с учетом элементов цифровых и медиативных технологий;

- подготовке судов к работе с электронными документами;

- проведению непрерывного мониторинга и учебы кадров соответствующих структур по изучению эффективности новелл;

- дальнейшему постоянному научному исследованию проблем совершенствования законодательства о банкротстве, в том числе со стороны судей экономических судов, рассматривающих дела о банкротстве.

Список использованных источников

1. О Согласованном словаре терминов в области образования (Принято в г. Санкт-Петербурге 27.11.2020): Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 51-20 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2021. – № 73. – С. 298-386.

2. Голубцов, В.Г. Обеспечение баланса частноправового и публично-правового регулирования в процессе предупреждения банкротства с использованием мер, направленных на стимулирование должника к надлежащему исполнению обязательств / В.Г. Голубцов, К.С. Кондратьева, Н.В. Сыропятова // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 62 – 74.

Караваева Елена Михайловна

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
юридический факультет, Гомельский государственный университет имени
Франциска Скорины, Lenusik032@mail.ru

Аннотация. Основная цель цифровых технологий в нотариате – создание безопасной среды в цифровом пространстве. За последнее время внедрено множество значительных изменений и дополнений в законодательные акты, направленные на повышение интенсивности использования информационных технологий. В Республике Беларусь реализация возложенных задач по внедрению информационных технологий существенно повышает качество нотариальной деятельности и обеспечивает в полном объеме выполнение основных задач нотариата.

Ключевые слова: институт нотариата; электронный нотариат; нотариус; нотариальные действия; цифровизация; защита прав; единая электронная система; персональные данные.

Одним из актуальных направлений развития современного белорусского нотариата является цифровизация. Информационные технологии сегодня являются неотъемлемой частью работы нотариусов. В наступившей эпохе глобальной цифровизации профессия нотариуса выходит на совершенно новый уровень, оперативно перестроившись под изменившиеся социально-экономические форматы. Цифровые возможности нотариата – гарантия безопасности правоотношений в новых экономических условиях

В ст. 4 Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» перед нотариатом поставлены задачи, разрешить которые стало возможным на основе внедрения и использования информационно - коммуникационных технологий.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, компьютерных сетей, распространение для широкого круга лиц доступа к сети Интернет, потребность и необходимость упростить порядок взаимодействия государства в лице его органов, общества в целом и отдельных его граждан привело к появлению таких понятий как «электронное государство», «электронный нотариат», «электронный нотариус» и другие. Под электронным нотариатом следует понимать не только подготовку электронных документов с использованием компьютерной техники, а совершение нотариусом в порядке, установленном законодательством, нотариальных действий с использованием информационных коммуникационных технологий. Электронный нотариат

включает в себя электронный документооборот, возможность допуска к служебным электронным базам данных и организации электронных запросов, обслуживание электронного нотариального архива, осуществление засвидетельствования электронной копии бумажного документа и бумажной копии электронного документа, применение электронной цифровой подписи [1, с. 386].

Применяя передовые технологии, нотариат стал важной, неотъемлемой частью публично-правовой системы оказания квалифицированной юридической помощи гражданам и юридическим лицам.

Перед современным нотариусом ставится задача по оказанию всесторонней, комплексной помощи участникам сделок и других нотариальных действий, выполнение которых, невозможно, без наделения его полномочиями по активному истребованию, получению и комплексной проверке всех необходимых обстоятельств [2].

Отметим, что с 01 января 2017 г. Белорусской нотариальной палатой в нотариальных конторах и нотариальных бюро разработана и внедрена Единая электронная система учета нотариальных действий и наследственных дел (далее - ЕИС). В соответствии со ст.19 Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее - Закон) ЕИС – систематизированный свод сведений о совершении нотариальных действий и открытии наследственных дел. Внесение сведений в единую электронную систему, сбор, систематизация, хранение, изменение, использование таких сведений нотариусами осуществляются без согласия физических или юридических лиц, от имени, на имя, по поручению либо в отношении которых совершается (совершено) нотариальное действие или подаются (поданы) заявления, указанные в п.2 ст.81 Закона, либо иных лиц, участвующих (участвовавших) в совершении нотариального действия, и не являются разглашением нотариальной тайны.

Посредством электронных каналов нотариус может обратиться за необходимой ему в рамках компетенции информацией из Единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, Единого реестра административно-территориальных и территориальных единиц Республики Беларусь. Также в ЕИС нотариата запущен сервис по «онлайн» доступу к данным ресурсам. Кроме того, благодаря работе системы, нотариус имеет возможность оперативно получить информацию из Государственной информационной системы «Регистр населения», автоматизированной информационной системы Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГР), других информационных источников. Таким образом, эта система служит основой для «цифрового» партнерства нотариусов с государственными реестрами, банками и другими организациями.

Автоматизированная система перевела на новый уровень не только качество оказания нотариальных услуг, но и безопасность юридически значимых сведений. В ЕИС нотариата регистрируются все совершаемые

нотариальные действия, что позволяет защитить нотариальный акт от подделок, а также гарантировать достоверность юридически значимой информации.

Для нотариуса появилась возможность истребования персональных данных физических лиц без их согласия при совершении некоторых нотариальных действий, таких как наследственные дела. Такая система позволяет нотариусам решать вопросы, по оформлению наследственных прав, независимо от того, привязан ли гражданин к месту жительства наследодателя, а также сформировывать единую базу данных удостоверенных завещаний.

Внедрение цифровизации в деятельность нотариата позволило ввести принцип «наследство без границ» на территории г. Минска. Это дает возможность наследникам граждан, умерших после 1 августа 2021 г., обратиться для оформления наследственных прав к любому нотариусу г. Минска.

Так, в гл. 18 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23.10.2006 № 63 закрепляется механизм проверки сведений об открытии наследственного дела любым нотариусом с использованием информационных (электронных) ресурсов (систем) и технологий Белорусской нотариальной палаты. Также вводятся нормы, исключающие необходимость гражданам, в т.ч. индивидуальным предпринимателям, и представителям юридических лиц каждый раз получать в ЕГР выписку или иную документированную информацию в случае, если представление таких документов необходимо для совершения нотариального действия. Согласно внесенным изменениям при необходимости нотариусом будут приобщаться к нотариальному документу заверенные самим нотариусом в рабочем порядке копии таких документов.

Нотариусам облегчен доступ к информации, при совершении необходимых действий, например государственной регистрации недвижимости. Так, систематизированы сведения об объектах недвижимости, сведения о гражданах Республики Беларусь, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь, а также иностранных гражданах и лицах без гражданства, временно пребывающих на территории Республики Беларусь, сведения о зарегистрированных юридических лицах и индивидуальных предпринимателях и органах их управления, сведения о гражданах, которые по решению суда лишены дееспособности или ограничены в дееспособности, защита прав и законных интересов граждан, заключающих различные сделки, связанные с недвижимым и движимым имуществом, сведения о завещаниях и иные действия, предусмотренные законодательством. Доступ к получению такого рода информации – это не только ускорение процесса совершения нотариальных действий, но фактическая гарантия реализации гражданских прав граждан.

В законодательстве имеются нормы, об использовании программно-технических средств нотариусами. Так, Законом Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28 декабря 2009 г. № 113-З, нотариусам предоставлена возможность удостоверения формы

внешнего электронного документа и нотариальное удостоверение электронных документов. Законом Республики Беларусь «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» от 30 июня 2014 г. № 165-З, закреплено положение о представлении нотариусами специальных формуляров в виде электронного документа и хранении копий этих формуляров.

С 2021 года у нотариусов Республики Беларусь появилась возможность совершения исполнительных надписей в электронной форме [3].

В настоящее время вопросы цифровизации нотариальной деятельности продолжают быть актуальными. Необходимым является осуществить цифровизацию хранящихся бумажных нотариальных документов, а также разработать возможность создания нотариусами электронных нотариальных документов (без бумажного носителя).

Таким образом, дальнейшее внедрение информационных технологий в делопроизводство нотариуса, развитие электронного взаимодействия с государственными органами обеспечивает сокращение бумажного документооборота, почтовые расходы и время получения таких сведений.

Список использованных источников

1. Кирвель, И.Ю. Перспективы внедрения электронного нотариата в Республике Беларусь // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015): материалы V Междунар. науч.- практ. конф. (Минск, 28 мая 2015 г.) [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Электрон. дан. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – С. 386.

2. Цифровизация нотариата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://favorit-legal.uz/novosti/article_post/cifrovizaciya-v-notariate – Дата доступа: 24.10.2022.

3. Основные тенденции в цифровизации нотариальной деятельности обсудили представители нотариатов стран-участниц ЕАЭС в Ереване [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://46.notariat.ru/ru-ru/news/osnovnye-tendencii-v-cifrovizacii-notarialnoj-deyatelnosti-obsudili-predstaviteli-notariatov-stran-uchastnic-eaes-v-erevane> – Дата доступа: 24.10.2022.

Киселёва Татьяна Маратовна

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

доцент кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент,

KisialTM@bsu.by

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровизации на достижение целей устойчивого развития. Установлено двойственное влияние цифровизации, оказывающей положительный эффект за счет появления новых

форм реализации прав, свобод и обязанностей, и отрицательный эффект в результате усиления неравенства по имущественному критерию и критерию доступности современных технологий.

Ключевые слова: цели устойчивого развития; ЦУР; цифровизация; влияние цифровизации.

Проходящие в современном обществе процессы цифровизации часто рассматриваются как способ решения всех или большинства существующих проблем. Такой оптимизм во многом объясняется стремительным развитием информационных технологий, активным внедрением их в различные сферы частных и публичных отношений. При этом следует учитывать, что каждое явление потенциально может привести как к позитивным, так и негативным последствиям. Поэтому влияние процессов цифровизации на достижение целей устойчивого развития в Республике Беларусь также нуждается во всесторонней оценке.

Республика Беларусь принимает ряд мер, направленных на достижение целей в области устойчивого развития. И эти меры приводят к заметным результатам. Так, согласно «Отчету об устойчивом развитии» (Sustainable Development Report) Республика Беларусь в 2022 г. заняла 34 место по уровню достижения целей устойчивого развития из 163 стран. При этом, такие цели как «Ликвидация нищеты» (ЦУР №1), «Качественное образование» (ЦУР №4) и «Уменьшение неравенства» (ЦУР №10) признаны достигнутыми. В отношении остальных целей сохраняются проблемы различного уровня [1].

Достижение целей устойчивого развития обеспечивается за счет решения различных задач, содержание которых является индивидуальным для каждой цели. Но, по нашему мнению, общей задачей для достижения всех целей устойчивого развития может стать внедрение и активное использование информационных технологий в соответствующих сферах.

Следует отметить, что соответствующие задачи практически не нашли своего закрепления, внедрение современных технологий упоминается лишь несколько раз. Так, в качестве одной из задач по достижению гендерного равенства определено «активнее использовать высокоэффективные технологии, в частности информационно-коммуникационные технологии, для содействия расширению прав и возможностей женщин», а числе задач по созданию стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям закреплено «существенно расширить доступ к информационно-коммуникационным технологиям и стремиться к обеспечению всеобщего и недорогого доступа к Интернету в наименее развитых странах к 2020 году». В чем может быть причина такого осторожного отношения к использованию результатов цифровизации для обеспечения устойчивого развития в странах мира?

Полагаем, что проблема кроится в неоднозначном влиянии цифровизации и в неравномерном распространении ее в разных странах. Не все государства мира могут похвастаться высокими достижениями в сфере информационных

технологий, широким распространением использования таких технологий среди своих граждан. Поэтому такие задачи не могли получить универсальный характер. Однако следует признать, что и в странах с высоким уровнем цифровизации современные технологии не смогут решить все проблемы в силу своего двойственного влияния на общественные отношения.

С одной стороны, цифровизация имеет определенный позитивный эффект в достижении целей устойчивого развития. Безусловный положительный результат цифровизации выражается в упрощении распространения информации о целях устойчивого развития. Современные технологии позволяют просто и быстро делиться различной информацией в сфере устойчивого развития: содержанием каждой конкретной цели, поставленными перед государствами задачами, достигнутыми результатами в различных областях, существующих проблемах. Граждане и неправительственные организации могут выражать свою оценку деятельности государства, предлагать новые способы достижения указанных целей, тем самым включаться в процесс достижения устойчивого развития. Однако именно государство должно предоставлять официальные сведения, поэтому основная роль в информационных отношениях все же сохраняется за публичной властью.

В Республике Беларусь действует несколько специализированных ресурсов, объединяющих информацию о целях устойчивого развития. Среди таких ресурсов следует отметить сайты «Цели устойчивого развития в Беларуси» (sdgs.by) и Национальная платформа отчётности по ЦУР (sdgplatform.belstat.gov.by). Позитивно следует оценить тот факт, что Республика Беларусь не только информирует общественность о содержании целей устойчивого развития, но обеспечивает распространение сведений о состоянии решения частных задач по реализации данных целей. Однако следует отметить, что не всегда содержащаяся на Национальной платформе отчётности по ЦУР информация является актуальной. Например, такой показатель ЦУР №5 как «Доля женщин, подвергавшихся со стороны мужа/партнера домашнему насилию в любой форме (физическому, психологическому, экономическому или сексуальному)» содержит сведения за 2012 год.

Помимо расширения информационной деятельности внедрение современных технологий имеет и иной положительный эффект. Новые технологии приводят к появлению не известных ранее форм и способов реализации прав, свобод и обязанностей граждан, предполагающих упрощение и ускорение процедуры за счет использования возможностей удаленного доступа. Появляются новые формы взаимодействия граждан и должностных лиц, государственных органов, что должно повышать активность разных слоев населения в решении вопросов республиканского и местного значения, в том числе, направленных на достижение целей устойчивого развития.

Внедрение современных технологий сделало возможным существование дистанционного образования (ЦУР №4 «Качественное образование»), дистанционного здравоохранения (ЦУР №3 «Хорошее здоровье и

благополучие»), удаленной работы (ЦУР №8 «Достойная работа и экономический рост») и т.п. Важным результатом развития информационных технологий стало появление новых форм участия общественности в управлении государством (ЦУР 16 «Мир, правосудие и эффективные институты»).

Важным результатом внедрения новых способов реализации прав и обязанностей в контексте достижения целей устойчивого развития является не только упрощение процедуры, но и предоставление новых возможностей тем гражданам, которые по различным причинам не могут эффективно использовать традиционные формы. Например, лица с инвалидностью, лица, проживающие в отдаленных населенных пунктах, лица, осуществляющие уход за членами семьи и вынужденные находиться дома и подобные категории граждан получили реальную возможность удаленно участвовать на равных в трудовой и образовательной деятельности, в культурной жизни, получать квалифицированную медицинскую помощь путем онлайн-консультаций, а также обратиться в государственный орган, используя систему электронных обращений, высказать свое мнение по проектам нормативных правовых актов в порядке их публичного обсуждения на Правовом форуме Беларуси, удаленно получить электронные государственные услуги и воспользоваться иными благами. Таким образом, можно предположить, что применение информационных технологий способствует достижению целей устойчивого развития.

Однако следует учитывать и обратную сторону цифровизации. Активное внедрение и применение информационных технологий может приводить к ухудшению положения уязвимых категорий граждан или даже вызывать новые угрозы устойчивому развитию государства и общества. Для использования информационных технологий граждане должны иметь к ним доступ, а также обладать специальными знаниями и навыками. Следует учитывать, что социально уязвимые категории (лица с инвалидностью, лица с низким доходом, лица пожилого возраста и т.п.) могут оказаться в еще более худшем положении, а государство при достижении таких целей как «Ликвидация нищеты» (ЦУР №1) и «Уменьшение неравенства» (ЦУР № 10) столкнется с новыми препятствиями.

Поэтому внедрение цифровых технологий для достижения целей устойчивого развития можно рассматривать только как вспомогательную задачу, но не основную. Использование современных технологий будет полезным только в том случае, если все слои населения, независимо от возраста, уровня дохода и иных характеристик, будут иметь реальную возможность и готовность их применять.

Таким образом, цифровизация потенциально может как приблизить достижения целей устойчивого развития, так и отдалить их достижение. Внедрение любых новых технологий должно быть обоснованным и постепенным, опираться на фактические данные и научные исследования.

Список использованных источников

Колоша Ксения Николаевна
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В
РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Магистрант второго года обучения Учреждения образования «БИП –
Университет права и социально-информационных технологий»,
kсениаколоша@yandex.by

Аннотация. В статье рассматривается белорусский опыт использования информационных технологий в законотворческой деятельности. Подчеркивается значимость электронных документов в XML-формате для автоматизации разработки законопроекта. Обозначена необходимость формирования цифровой законодательной инициативы.

Ключевые слова: цифровизация; законотворческий процесс; законотворческая инициатива; электронные документы; информационные технологии.

В отношении нормотворческой деятельности и законотворческого процесса как нельзя лучше применимо известное высказывание – «Кто владеет информацией, тот владеет миром», ведь подготовка проекта нормативного акта невозможна без анализа существующего правового регулирования, без изучения сложившейся практики его применения, без учета судебных решений и научных разработок в соответствующей сфере. Указанная информация должна быть тщательно подобрана, структурирована, актуальна и достоверна. Иными словами, быть представлена и предлагаться к использованию в определенной системе.

В Республике Беларусь такая система создана – это государственная система правовой информации, выстроенная в соответствии с решениями Президента Республики Беларусь.

Значительную роль в законотворческой деятельности в Республике Беларусь играет Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ). Это выражается в поддержке Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь, эталонного банка данных правовой информации, Национального реестра правовых актов Республики Беларусь, банка данных проектов законов Республики Беларусь, Единого правового классификатора Республики Беларусь, а также координации деятельности по официальному опубликованию нормативных правовых актов,

разработке направлений по дальнейшему развитию электронных способов доведения правовой информации до всеобщего сведения.

Помимо упомянутого центра, в Республике Беларусь создан Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (далее – НЦЗПИ), который согласно п. 1 Положения о нем является «...научно-практическим государственным учреждением, обеспечивающим подготовку проектов законодательных актов в Республике Беларусь, методическое руководство нормотворческой деятельностью, в том числе деятельностью по применению требований нормотворческой техники, проведение научных исследований в области права...» [1]. НЦЗПИ совместно с НЦПИ и Министерством юстиции Республики Беларусь создал интегрированный в информационно-поисковую систему «ЭТАЛОН» банк данных правовой информации «Нормотворчество», включающий нормативные правовые акты, регламентирующие нормотворческий процесс, методические материалы, а также MS Word-шаблоны проектов нормативных правовых актов на двух государственных языках.

Проекты нормативных правовых актов могут быть направлены на публичные обсуждения посредством размещения их текстов на «Правовом форуме Беларуси». Так, на Форуме за 2021 г. на обсуждение было вынесено сто восемьдесят пять проектов правовых актов, с января по апрель 2022 г. – пятнадцать [2]. Анализ названного форума позволяет утверждать о наличии возможности ознакомления с текстом проекта нормативного правового акта и основными сопроводительными документами посредством информационных технологий, что усиливает возможности населения в принятии участия в решении государственных дел.

Сведения о прохождении законопроектом необходимых процедур можно почерпнуть из банка данных проектов законов Республики Беларусь, действующего на основании Указа Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 105 «О банке данных проектов законов Республики Беларусь» [3].

Исходя из сказанного выше, отметим, что в Республике Беларусь удалось добиться значительных достижений в области информатизации нормотворческой деятельности. Цифровизация законодательства несет несомненные преимущества ввиду возможности автоматизации правоприменения и реализации права. Вместе с тем перевести в цифровой вид Законы Республики Беларусь, подготовленные на бумажном носителе информации, сложнее, чем создавать их изначально электронными. Это требует пересмотра законотворческой деятельности, т. к. ее регулирование разработано исходя из предположения об обмене документами, подготовленными обычным способом. Тем не менее, совершенствование правовой системы продолжается. Так, автоматизация процессов подготовки, согласования, проведения экспертиз, внесения в нормотворческий орган и принятия проектов правовых актов Президента Республики Беларусь, иных проектов правовых актов согласно п. 1¹ Указа Президента Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 243 «Об

электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов» определена в числе приоритетных направлений дальнейшего развития нормотворческой деятельности [4].

По результатам исследования информационных систем, применяющихся в нормотворческой деятельности в Республике Беларусь и за рубежом, В. А. Шаршун предлагает разработать общегосударственную информационную систему обеспечения нормотворческой деятельности, позволяющую осуществлять подготовку проектов правовых актов, их согласование, подписание, направлять на обязательную юридическую экспертизу, осуществлять официальное опубликование, проводить мониторинг правоприменительной деятельности [5]. Характеризуя новации Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» [6] в контексте правовой информатизации В. А. Шаршун предлагает создать эту информационную систему на базе автоматизированной информационной системы, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь. Кроме того, среди перспективных направлений нормотворческой деятельности автор называет создание машиноисполняемых правовых норм [7].

Поддерживая необходимость разработки и внедрения на практике общегосударственной информационной системы обеспечения нормотворческой деятельности, следует отметить, что в дополнении к ней следует усилить автоматизацию внутренних процедур нормотворческих органов, поскольку помимо текстов нормативных правовых актов для их правильного применения и реализации целесообразно размещать в открытом доступе и иные материалы, служащие основанием выбора государственного решения из имеющихся альтернатив. Зачастую проект нормативного правового акта может служить результатом проведенного научного исследования, анализа правоприменительной или судебной практики, обращений граждан и юридических лиц и др. После ознакомления с такими материалами на парламентских слушаниях часто возникает профессиональная дискуссия, ход которой также может представлять пользу для дальнейшего правоприменения или толкования права. Поэтому считаем возможным рассмотреть вопрос о создании внутренних информационных систем подготовки и обмена электронными документами в процессе законотворческой деятельности, а также ведения звуко-, видеозаписи заседаний слушаний, коллегий и иных официальных мероприятий парламента.

Например, основной участник нормотворческой деятельности – Национальное собрание Республики Беларусь – согласно Конституции Республики Беларусь [8], Закону Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. № 370-З «О Национальном собрании Республики Беларусь» [9] и соответствующим регламентам каждой из палат осуществляет работу в формах заседаний, парламентских слушаний, деятельности постоянных и временных комиссий, других органов и в иных формах (в том числе принятие деклараций и заявлений, отмена решений местных Советов депутатов и др.) Многие из форм

работы Парламента могут быть зафиксированы и обнародованы в цифровом виде.

Следующим важным направлением использования информационных технологий в нормотворческой деятельности является поощрение законодательной инициативы со стороны граждан.

В Республике Беларусь согласно ст. 41 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» право законодательной инициативы принадлежит Президенту, депутатам Палаты представителей, Совету Республики, Правительству, а также гражданам, обладающим избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек и реализуется в Палате представителей [6]. Реализация права законодательной инициативы возможна в порядке, предусмотренном в одноименном Законе Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» [10]. Анализ положений этого Закона позволяет утверждать, что его применение посредством информационных технологий может вызывать существенные затруднения.

Вместе с тем согласно Закону Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» граждане могут направлять в нормотворческие органы обращения (заявления, предложения и жалобы), а согласно абз. 4 ст. 1 этого Закона предложение – это «рекомендация по улучшению деятельности организаций, индивидуальных предпринимателей, совершенствованию правового регулирования отношений в государственной и общественной жизни, решению вопросов экономической, политической, социальной и других сфер деятельности государства и общества» [11].

Все обращения могут быть направлены на адрес электронной почты государственного органа (организации) или размещаться в специальной рубрике на его официальном интернет-сайте. Соответственно, внесение в законотворческий орган предложения, направленного на совершенствование правового регулирования отношений в государственной и общественной жизни, может быть реализовано в публичном и частном порядках [7].

Публичный порядок предполагает создание инициативной группы, ее регистрацию в Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, соблюдение установленных требований к проекту закона, агитацию за либо против предложения о внесении проекта закона в Палату представителей, сбор подписей и проверку их достоверности и т. д. [7].

Вместе с тем согласно пп. 4.7 п. 4 ст. 16 Закона Республики Беларусь «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» подпись гражданина считается недостоверной, в том числе потому, что внесена несобственноручно [10]. Это является основным препятствием перед цифровизацией порядка реализации гражданами права законодательной инициативы. Поэтому считаем целесообразным

предусмотреть возможность использования электронной цифровой подписи в поддержку предложения о внесении проекта закона в Палату представителей.

Частный порядок выражается в направлении предложения о совершенствовании правового регулирования отношений в государственной и общественной жизни, посредством электронной почты или специальной рубрики официального интернет-сайта законотворческого органа в рамках законодательства об обращениях граждан и юридических лиц, в том числе только от собственного имени [7].

В связи с вышесказанным, можно утверждать о наличии в Республике Беларусь института законотворческой инициативы, основанного на законодательстве об обращениях граждан и юридических лиц. Вместе с тем полагаем нецелесообразным сохранение такого правового регулирования для законодательных актов ввиду того, что предложения в виде электронных обращений могут быть непроработанными, скрытыми от иных заинтересованных лиц и отражать исключительно частные интересы. Поэтому считаем необходимым исключить возможность направлять предложения о совершенствовании законодательных актов в частном порядке при одновременном упрощении реализации права законодательной инициативы посредством разработки норм об использовании информационных технологий в этой области.

Таким образом, в Республике Беларусь на общегосударственном уровне удалось добиться значительного успеха в области внедрения информационных технологий в законотворческую деятельность. Вместе с тем считаем необходимым усилить потенциал законотворческих органов, разработав процедуры внутреннего и межведомственного обмена документами, основанных на открытом XML-стандарте, а также упростив порядок реализации права законодательной инициативы посредством внедрения информационных технологий, исключив при этом возможность направления предложений о совершенствовании законодательных актов в рамках законодательства об обращениях граждан и юридических лиц.

Полагаем, что высказанные предложения могут найти отражение при совершенствовании банка данных «Нормотворчество» и автоматизированной информационной системы, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Положение о Национальном центре законодательства и правовых исследований Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 13 декабря 2007 г. № 630 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Правовой форум Беларуси [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://forumpravo.by/default.aspx>. – Дата доступа: 07.10.2022.
3. О банке данных проектов законов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 105 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 ноября

2020 г. № 415 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 15 июня 2015 г. № 243 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 10 июля 2019 г. № 265 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Шаршун, В. А. О некоторых вопросах использования информационно-коммуникационных технологий в нормотворческой деятельности / В. А. Шаршун // Право.by. – 2017. – № 3. – С. 5–15.

6. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Шаршун, В. А. О некоторых вопросах применения информационных технологий в нормотворческом процессе: новации Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года «О нормативных правовых актах» / В. А. Шаршун // Право.by. – 2018. – № 6. – С. 46–52.

8. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

9. О Национальном собрании Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 8 июля 2008 г. № 370-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 132-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 248-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 июня 2015 г. № 268-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

11. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2020 г. № 50-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Костян Иван Игнатьевич

О ПОНИМАНИИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, магистр юридических наук, knoozzz@yandex.ru

Аннотация. На основании проведенного в статье анализа автором обосновывается выделение должностных лиц государственных органов, как отдельной группы субъектов правоотношений, в контексте обеспечения их информационной безопасности, как одной из наиболее уязвимых категорий лиц в данной сфере. Определяется ряд признаков позволяющих выделить данную группу субъектов правоотношений, обособив ее от других категорий лиц, что является фундаментом для разработки отдельного механизма их защиты в

информационно-цифровой сфере с целью дальнейшего нормативного закрепления в концепциях национальной и информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровизация, должностное лицо, государственный орган, государственная должность.

Одной из целей устойчивого развития является содействие построению миролюбивого и открытого общества. Вместе с тем, в условиях стремительного научно-технического прогресса, активной цифровизации белорусского общества, активизации информационного противоборства резко возрастает количество угроз и вызовов в сфере информационной безопасности.

Государственный аппарат ввиду важности возложенных на него общественных функций является одним из наиболее уязвимых сегментов с точки зрения обеспечения информационной безопасности, в связи с чем выработка особого механизма защиты конституционных прав лиц, занимающих должности, связанные с представлением интересов государства, как отдельной группы субъектов правоотношений, является залогом стабильного функционирования государства и достижения обозначенной цели устойчивого развития.

Понятие должностного лица государственного органа в настоящее время не имеет нормативного закрепления. Кроме того, понимание данной категории лиц сегодня открыто для научных исследований.

Выделение данного круга субъектов представляется возможным сквозь призму определения их специальной правоспособности, под которой понимается способность лица быть участником правоотношений, возникающих в связи с занятием определенных должностей (президент, судья, член парламента), или принадлежность лица к определенным категориям субъектов права (работники ряда транспортных средств, правоохранительных органов и др.) [1, с. 593].

Анализ специальной правоспособности должностных лиц государственных органов позволяет раскрыть ряд *признаков*, характерных для данной категории лиц и позволяющих отграничить ее от других субъектов правоотношений.

Следует отметить, что выделяя должностных лиц государственных органов, как отдельную группу субъектов правоотношений, необходимо исходить из уязвимости их конституционных прав в контексте целей настоящего исследования. Угрозы нарушения конституционных прав данной категории граждан связаны прежде всего с осуществляемыми ими функциями по представлению интересов государства и реализации полномочий государственных органов. При этом критериями для выделения признаков должностных лиц государственных органов должны выступать не только осуществление полномочий государственных органов и представление их интересов, но и способность в рамках этой деятельности самостоятельно принимать решения, что не позволяет отождествить данный круг лиц с иными категориями граждан. Именно осуществление полномочий и представление

интересов государственных органов, а также возможность принятия в рамках этого решений в совокупности порождают особый уровень ответственности указанных лиц перед обществом и, как следствие, усиленный натиск со стороны внешних угроз, в том числе в условиях цифровизации.

Одним из основных признаков должностного лица государственного органа является *наличие правовой связи данного субъекта с государственным органом*.

Государственный орган является важнейшим структурным элементом государственного механизма. Несмотря на архаичность данного правового института, по сей день существуют разные подходы к его пониманию. Большинство ученых определяют понятие государственного органа, исходя из задач и функций, установленных государством. Другие авторы предлагают определения государственных органов, основанные на структурно-функциональных критериях [2, с. 40].

Довольно ёмкое, но при этом достаточно полно отражающее правовую природу государственного органа определение содержит ч.1 ст.7 Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. №175-З «О государственной службе» (далее – Закон о государственной службе), согласно которой государственный орган – образованная в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами организация, осуществляющая государственно-властные полномочия в соответствующей сфере (области) государственной деятельности. Важно подчеркнуть, исходя из данного определения следует, что государственный орган образуется в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и иными законодательными актами.

Таким образом, в качестве отдельного признака должностного лица государственного органа можно выделить *привязку данной структуры именно к белорусскому государственному сегменту*.

Другим фундаментальным признаком характерным для данной группы субъектов правоотношений является отнесение их к категории *должностных лиц*.

Как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе вопрос определения понятия «должностного лица» является весьма дискуссионным. С одной стороны, высказывается необходимость разработки такого определения должностного лица, которое могло бы претендовать на межотраслевую значимость. С другой стороны, наоборот, не считается возможным использование общего понятия должностного лица [3, с. 408].

В правовой доктрине и белорусском законодательстве зафиксировано множество дефиниций должностного лица с учетом специфики той или иной отрасли права.

Некоторые правовые акты рассматривают понятие должностного лица только сквозь призму конкретного вопроса, который они регламентируют. Например, согласно п.2 Инструкции о порядке удостоверения завещаний и доверенностей, приравниваемых к нотариально удостоверенным, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 февраля

2002 г. №3 должностное лицо – лицо, которому в соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь предоставлено право удостоверения завещаний, доверенностей, приравняемых к нотариально удостоверенным. Очевидно, что такие нормативно закреплённые дефиниции являются узконаправленными и не отражают правовой природы понятия должностного лица в целом.

Ряд правовых документов раскрывает понятие должностного лица, позволяя относить к данной категории граждан, представляющих интересы той или иной организации. Согласно п.2 Инструкции о порядке расследования и учета несчастных случаев в учреждениях уголовно-исполнительной системы и лечебно-трудовых профилакториях, утверждённой постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 31 августа 2007 г. №205 должностное лицо – работник, который на определенном правовом основании является исполнителем функций организации. Схожей позиции некоторые ученые придерживаются, определяя должностное лицо с позиций гражданского или трудового права. Так, привязывая должностное лицо к понятию «должность», В. Э. Самосейко предлагал определить должностное лицо как работника, занимающего определенную должность, обусловленную кругом обязанностей, прав и характером ответственности [4].

Третий подход вытекает из специфики функций и юридической ответственности должностного лица и характерен для административно- и уголовно-правовой отраслей.

Так, в соответствии с п.3 ч.1 ст.1.10 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) должностное лицо – физическое лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющее в организациях, Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции либо уполномоченное в установленном порядке организациями, Вооруженными Силами Республики Беларусь, другими войсками и воинскими формированиями на совершение юридически значимых действий, а также государственный служащий, имеющий право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных ему по службе.

Должностное лицо в административном праве – это лицо, которое наделяется властными полномочиями, вытекающими из закона, но всегда привязанными к полномочиям того органа, от имени которого оно действует [5, с. 393].

Несколько шире понятие должностного лица трактуется в ч.4 ст.4 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). В отличие от административно-правового подхода уголовное право к должностным лицам помимо вышеперечисленных относит: должностных лиц иностранных государств и представителей общественности.

Как видно, такой подход во многом схож с принятым в административном праве, но является наиболее фундаментальным, отражает

наибольший спектр критериев определения должностного лица и дополняет дефиницию данную в КоАП.

По мнению В. И. Ирлицина и В. И. Науменко при уяснении понятия должностного лица следует исходить из смысла тех понятий и определений, которыми оперируют публичные отрасли права. Цивилистические исследования рассматриваемого понятия имеют вспомогательный, дополнительный характер [6, с. 29].

Таким образом, для определения должностного лица как признака искомого субъекта правоотношений видится целесообразным руководствоваться данным понятием в широком понимании, то есть предложенном уголовно-правовым подходом.

Вместе с тем, для целей настоящего исследования следует сопоставить ряд критериев должностного лица (в широком смысле) с уже обозначенными признаками искомого субъекта правоотношений, выделив иные специфические признаки, характерные для данной категории лиц.

Соответствие признаку наличия правовой связи с государственными органами Республики Беларусь депутатов, членов Совета Республики, государственных служащих, имеющих право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных ему по службе (представители власти), а также лиц выполняющих в государственных органах организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции либо уполномоченных на совершение юридически значимых действий (ч.4 ст.4 УК), не вызывает сомнения.

При этом важную роль для определения той группы перечисленных должностных лиц, которая имеет правовую связь с государственными органами, играет понятие *государственной должности*, которое можно представить как отдельный признак выделяемого круга субъектов правоотношений.

Согласно ст.4 Закона о государственной службе государственная должность – это должность, предусмотренная Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом и иными законодательными актами, либо должность, учрежденная в установленном законодательством порядке как штатная единица государственного органа с определенным для занимающего ее лица кругом обязанностей по исполнению и обеспечению полномочий данного государственного органа.

Так, лица, занимающие государственные должности, осуществляют основной функционал, связанный с представлением интересов государства. Данный признак диктует закрепление такой должности в качестве самостоятельного структурного элемента государственной власти (например, Президент), либо штатной единицы государственного органа.

При этом, очевидно не соответствуют признаку занятия государственной должности такие лица, отнесенные уголовным законодательством к должностным, как занимающие должности, связанные с выполнением

организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий в негосударственных организациях.

В контексте дифференциации должностных лиц государственных и негосударственных структур важным является понятие государственного должностного лица, закрепленное в абз.3 ч.1 ст.1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. №305-З «О борьбе с коррупцией», включающее в себя в том числе лиц занимающих должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в негосударственных организациях, в уставном фонде которых доля государственной собственности составляет не менее 50 процентов.

Данная категория также не соответствует указанным выше признакам, так как несмотря на наличие функционала и государственного сегмента в структуре организации указанные лица занимают должности, не являющиеся государственными.

Однако, наличие правовой связи субъекта с государственным органом может иметь место, и в форме правоотношений, не связанных с занятием государственной должности, основной чертой которых видится наделение субъекта в контексте данных правоотношений полномочиями по осуществлению функций указанного органа, либо представлению его интересов.

Так п.3 постановления пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424 – 428 УК)» (далее – Постановление) относит к должностным лицам, как представителей власти, сотрудников (работников) правоохранительных органов, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, военнослужащих пограничной службы (при непосредственном выполнении обязанностей по охране Государственной границы), военнослужащих внутренних войск (при непосредственном выполнении обязанностей по охране общественного порядка, конвоированию и охране исправительных учреждений) и др.

Кроме того, п.4 Постановления относит к должностным лицам представителей общественности, не состоящих на государственной службе, но наделенных в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия.

Несмотря на то, что указанные лица не занимают государственную должность, они выполняют властные полномочия, являясь таким образом в конкретной ситуации должностным лицом, осуществляя тем самым функционал того или иного государственного органа и представляя его интересы. Это позволяет наряду с занятием субъектом государственной должности также выделить *признак выполнения таким лицом полномочий, либо представления интересов государственного органа.*

При этом не следует относить к выделяемому кругу субъектов правоотношений должностных лиц иностранных государств, указанных в ч.4 ст.4 УК, которые несмотря на занятие соответствующих должностей, осуществление полномочий и представление интересов иностранных государственных структур и международных организаций, не имеют правовой связи с государственными органами Республики Беларусь.

На основании проведенного анализа можно выделить следующие признаки должностных лиц государственных органов, как отдельной группы субъектов правоотношений:

- наличие *правовой связи* субъекта с государственным органом;
- создание и функционирование государственного органа *в соответствии с Конституцией и законодательством Республики Беларусь* (принадлежность государственного органа *к национальному государственному сегменту*);
- наличие статуса *должностного лица* (в широком понимании);
- занятие должностным лицом *государственной должности* либо *осуществление им полномочий или представление интересов* государственного органа.

Только совокупность всех названных признаков позволяет выделить должностных лиц государственных органов, как отдельную группу субъектов правоотношений, и отграничить ее от иных субъектов.

Выделенная группа субъектов правоотношений нуждается в обобщении правового регулирования их конституционно-правового статуса, так как представляет категорию граждан, которая ввиду наличия той или иной правовой связи с государственным аппаратом и обладанием особым набором полномочий, позволяющим им принимать юридически значимые решения имеет повышенный риск нарушения их прав и законных интересов в том числе в информационном пространстве.

Понимание должностных лиц государственных органов через обоснование характерных для них признаков и выделение данной группы субъектов правоотношений, позволяет определить для них особый статус с точки зрения информационной безопасности, предусмотрев разработку отдельного механизма ее обеспечения, что может найти отражение в положениях концепций как национальной, так и непосредственно информационной безопасности.

Список использованных источников

1. Марченко, М. Н. Теория государства и права: учебник. – 2-е издание / М.Н. Марченко – М. : Проспект, 2019. – 640 с.
2. Миронов, А. Л. Понятие государственного органа и его место в государственном регулировании / А. Л. Миронов // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 4. – С. 40-43.
3. Солянкина, Н.А. К вопросу определения единого понятия «должностное лицо» в законодательстве Республики Беларусь / Н.А. Солянкина // Право. Экономика. Социальное партнерство: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университета «МИТСО»,

Минск, 26 марта 2020 г.: в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В.В.Лосев (гл.ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2020. – Ч. 1. – С. 408–413.

4. Самосейко, В. Э. Ответственность за нарушение законодательства о труде / В. Э. Самосейко // Отдел кадров. – 2009. – № 5. – Режим доступа: <http://otdelkadrov.by/number/2009/5/05200910/>. – Дата доступа: 01.09.2022.

5. Русанова, Д. Ю. Понятие должностного лица в административном праве / Д. Ю. Русанова // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 9(17). – С. 393-394.

6. Ирлицин, В. И. Должностное лицо как субъект юридической ответственности / В. И. Ирлицин, В. И. Науменко // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2015. – № 5. – С. 26-30.

Краснобаева Людмила Александровна
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Доцент кафедры государственного управления, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, krasnabayeva@bsu.by

Аннотация. В статье рассматривается зарубежный опыт цифровизации государственных услуг. Определяется, что внедрение цифровых платформ и сервисов позволяет систематизировать и оптимизировать процессы предоставления государственных услуг, сократить сроки оказания таких услуг и повысить качество их предоставления. Обозначены позитивные и негативные аспекты предоставления государственных услуг посредством сквозных технологий.

Ключевые слова: государственные услуги, цифровизация государственных услуг, цифровые технологии, самоцифровизация, цифровое государственное управление.

Цифровые технологии все чаще предъявляют новые требования и ожидания к государственным органам. Только электронное правительство может обеспечить широкий спектр преимуществ, включая повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и частного бизнеса, повысить прозрачность и открытость. Данный аспект измеряет как спрос, так и предложение цифровых государственных услуг, а также открытых данных.

Процесс цифровизации сегодня затрагивает практически все страны мира. В то же время, каждая страна сама определяет приоритеты цифрового развития. Более 15 стран мира реализуют на текущий момент национальные программы цифровизации. Передовыми странами по цифровизации национальных экономик являются Китай, Сингапур, Новая Зеландия, Южная

Корея и Дания. Китай в своей программе «интернет плюс» интегрирует цифровые индустрии с традиционными, Канада создает ИКТ-хаб в Торонто, Южная Корея в программе «Креативная экономика» ориентируется на развитие человеческого капитала, предпринимательство и распространение достижений ИКТ, а Дания фокусируется на цифровизации государственного сектора. В Германии около 10 % населения занято в высокотехнологичных отраслях экономики, а государство выполняет ведущую роль в финансировании прорывных высокотехнологичных проектов. Сингапур формирует «Умную экономику», драйвером которой становится ИКТ, а в 2014 году государство инициировало разработку концепции Smart Nation и пригласило бизнес и экспертное сообщество к сотрудничеству для ее уточнения и реализации. Smart Nation – инициатива государства по повышению качества жизни посредством внедрения цифровизации в повседневную жизнь граждан. Одна из ключевых инициатив – развитие национальной сенсорной сети для построения «умного города». Под каждую из задач государство организует тендер для выбора подрядчика на разработку технического решения. Участие в тендере открыто для всех участников, отвечающих требованиям брифинга: таким образом, государство обеспечивает фокус не только на крупный бизнес, но и на привлечение малого и среднего бизнеса. Примечательно, что в 2015-2016 гг. более половины контрактов были подписаны с малым и средним бизнесом.

Международный опыт цифровизации государственных и муниципальных услуг и деятельности органов публичной власти оценивается в системах таких международных рейтингов, как Digital Economy and Society Index (DESI) 2021, EGDI («E-Government Survey 2020: E-Government for the People» в 2020). Согласно рейтингу DESI (Индекса цифровой экономики и общества на 2021 год), который сравнивает, как правительства предоставляют цифровые государственные услуги по всей Европе, за последние 12 месяцев индекс взаимодействия граждан с органами государственной власти в режиме онлайн возрос. Дания, Финляндия и Нидерланды показали очень хорошие результаты по этому показателю, более чем 90% интернет-пользователей (в возрасте 16–74 лет) взаимодействуют с органами государственной власти посредством государственных порталов. Аутсайдерами по предоставлению государственных услуг в электронном виде являются Румыния, Болгария и Италия. Мальта, Эстония и Люксембург показали лучшие результаты по этому показателю, набрав более 90 баллов. Всего 12 стран (Мальта, Эстония, Люксембург, Швеция, Австрия, Латвия, Финляндия, Нидерланды, Ирландия, Португалия, Дания и Испания) набрали более 80%. Румыния, Греция, Венгрия и Болгария набрали менее 60 % [1]. Лидером рейтинга EGDI является Дания. В настоящее время каждый гражданин и каждый бизнес имеют личный кабинет, с помощью которого происходит общение с госорганами в режиме реального времени. С 2015 г. все граждане обязаны общаться с госорганами только через интернет (в Дании 95% домохозяйств имеют доступ в интернет), каждый гражданин имеет цифровой паспорт (digital ID), а все госорганы и

муниципалитеты связаны в единую сеть, что позволяет взаимодействовать со всеми ведомствами с помощью единого личного кабинета. Бизнес, кроме коммуникации, имеет возможность осуществлять все операции через интернет, получать выписки, оплачивать налоги и отправлять отчеты (в электронном виде отправка и получение документов занимает 5 минут в сравнении с 5-ю днями при отправке в бумажном виде). Подобная система позволяет ежегодно экономить 10-20% бюджета. Страна активно внедряет «проактивные» услуги, например, после окончания учебы гражданину могут быть предложены последующие образовательные программы, уведомление о необходимости медицинского осмотра может быть отправлено при рождении ребенка и так далее» [2, с.219].

Внедрение цифровых платформ и сервисов позволяет не только систематизировать и оптимизировать процессы предоставления государственных и муниципальных услуг, но и значительно сократить сроки оказания таких услуг и как следствие повысить качество данных услуг [3, с.26].

Еще один глобальный тренд – «самоцифровизация государства», т.е. цифровизация операций государства и государственных компаний. Самоцифровизация – задача, которую необходимо реализовать любому государству, нацеленному на максимизацию создания стоимости в экономике, рост благосостояния, достойное место в рейтингах ведения бизнеса и уровня жизни. У самоцифровизации существует два ключевых направления: цифровизация государственного управления: цифровой документооборот, принципы digital by default и digital first, пересмотр неэффективных процессов. Самоцифровизация охватывает весь спектр сервисов: внутреннее взаимодействие госструктур – G2G, взаимодействие с гражданами – G2C, взаимодействие с бизнесом – G2B.

Нормативно–правовое закрепление направления цифровизации сферы государственных услуг в Российской Федерации, является положительным фактором в популяризации электронных форм получения государственных услуг среди населения. К основным нормативным документам, принятым на федеральном уровне, можно отнести Постановление Правительства РФ № 313 от 15 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество», Распоряжение Правительства РФ № 2036–р от 1 ноября 2013 г. «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года», Указ Президента РФ № 203 от 9 мая 2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в целях обеспечения социально-экономического и научно-технологического развития страны, демографического роста, повышения уровня жизни населения, создания комфортных условий для их проживания, одним из ключевых направлений названа реализация «ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере». В этих и других

документах определено, что цифровые технологии – это эффективный инструмент ускорения темпов экономического развития страны и улучшения качества жизни граждан. По итогам исполнения федерального проекта «Цифровое государственное управление» к 2024 году планируется достигнуть следующих ключевых показателей: государственные и муниципальные услуги планируется предоставлять онлайн и проактивно, будут внедрены 25 цифровых «суперсервисов» по жизненным ситуациям; доля охвата межведомственным юридически значимым электронным документооборотом государственных и муниципальных органов должна будет составить 90%; цифровое удостоверение личности с квалифицированной электронной подписью должны будут получить 60% граждан. В соответствии со сценариями аналитиков, к 2025 г. цифровизация обусловит от 19 % до 34 % от общего роста ВВП. В совокупном ВВП РФ цифровая экономика составляет 3,9 %. В данный момент это почти в три раза меньше, чем уровень данного показателя в США, Китае, странах ЕС [4, с.205].

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года утверждена Государственная программа «Цифровой Казахстан», основная цель принятия заключается в ускорение темпов развития экономики республики и улучшение качества жизни населения за счет использования цифровых технологий в среднесрочной перспективе, а также создание условий для перехода экономики Казахстана на принципиально новую траекторию развития, обеспечивающую создание цифровой экономики будущего в долгосрочной перспективе. Среди пяти основных направлений реализации программы – это переход на «цифровое государство» т.е. направление преобразования функций государства как инфраструктуры предоставления услуг населению и бизнесу, предвосхищая его потребности. По планам правительства, страну ожидает полная цифровая трансформация, которая произойдет с помощью 23 проектов-«ледоколов», призванных «взламывать» целые сектора экономики для появления в них цифрового бизнеса». В апреле 2022 года на заседании Правительства озвучены основные проблемы, а именно, острая нехватка ИТ-специалистов, необходимых для перевода государственных услуг в онлайн-формат, а также цифровое неравенство между регионами. На заседаниях Межведомственной комиссии по вопросам оказания государственных услуг детально рассмотрены вопросы возможности оптимизации и автоматизации государственных услуг. По её рекомендациям утверждены дорожные карты по 556 государственным услугам. Оптимизированы бизнес-процессы по 189 государственным услугам, в среднем количество истребуемых документов сокращено на 30% и срок их оказания сокращен в 3 раза. Кроме того, упрощено получение 120 государственных услуг, они доступны посредством одноразовых паролей без применения электронной цифровой подписи. Дополнительно внедрены еще два способа аутентификации услугополучателя, такие как сканирование QR-кода и биометрическая идентификация. В мобильном приложении eGovmobile реализовано 73 государственных услуги и сервиса, среди которых

востребованными являются регистрация граждан по месту жительства, прикрепление к медицинской организации, получение справок третьими лицами. А также получение справок из психоневрологической, наркологической и противотуберкулезной организаций, вызов врача на дом, сервисы по просмотру и оплате налогов и административных штрафов, запись на прием к врачу и другие. В 2020 году 90% государственных услуг переведены в электронный формат. В 2022 году планируется довести этот показатель до 93% [5].

Несмотря на значительные положительные эффекты от применения цифровых технологий в области государственных услуг, такие как повышение эффективности работы госучреждений, повышение качества оказания услуг и своевременности их предоставления, обеспечение стандартизации государственных услуг, повышение эффективности управленческих решений, доступности государственной помощи гражданам, снижение интенсивности бумажного документооборота, существенного сокращения временных затрат, существуют ряд существенных проблем по внедрению и реализации услуг с использованием сквозных технологий. Так по мнению Эскиндарова М.А. к факторам, оказывающим негативное влияние на развитие государственных услуг, относятся цифровое неравенство общества и российских регионов, недостаточно высокий уровень информационной безопасности, рост киберпреступности [6, с.6]. Зарафетдинова Э.Р. указывает на следующие основные проблемы, с которыми сталкиваются при цифровизации: низкая потребность экономики в разработках в области ИТ, недостаточный уровень внедрения информационных технологий в регионах; заинтересованность в покупке зарубежных разработок; слабо развита инновационная инфраструктура; недостаточный уровень подготовки специалистов [7, с.407]. Митрофанов В. А. обозначает, что «информация, необходимая для предоставления услуги, нередко находится в разных ведомствах, которые слабо интегрированы между собой. Также нередки и ситуации, при которых данные, которыми располагает государство, не являются актуальными, что вызывает целую цепочку затянувшихся проблем» [8, с.23]. Тюшняков В. Н. отмечает, что «возникают ситуации, когда заявители вынуждены взаимодействовать с оказывающими услуги органами несколько раз. Нередко осуществляется практика обработки данных на бумажных носителях в ведомствах даже при использовании электронных интерфейсов взаимодействия с заявителями услуг. Система оказания госуслуг по-прежнему слабо структурирована» [4, с.208].

Несмотря на обозначенные проблемы, в цифровых технологиях заключен значительный потенциал для обеспечения реализации государственных услуг, повышения их качества и достижения высокого уровня жизни общества в целом.

Список использованных источников

1. Рейтинг стран мира по Индексу развития электронного правительства 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/digital-economy-and-society-index-desi-2021> – Дата доступа: 26.10.2022

2. Асочаков, Ю.В., Аллахвердова, О.В., Безрукова, О.Н., Богомягкова Е.С. Цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-2-219-228> – Дата доступа : 26.10.2022
3. Бородаенко, Н. В. Цифровые платформы и сервисы как инструмент цифровизации государственных и муниципальных услуг / Н. В. Бородаенко, Т. П. Монакова // Оригинальные исследования. – 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 26–32.
4. Тюшняков, В. Н. Цифровая трансформация процесса предоставления государственных и муниципальных услуг / В. Н. Тюшняков, И. А. Тюшнякова // Фундаментальные исследования. – 2021. – № 12. – С. 203–208
5. Цифровизация в Казахстане: преимущества перевода государственных услуг в электронный формат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.inform.kz/ru/cifrovizaciya-v-kazahstane-preimuschestva-perevoda-gosuslug-v-elektronnyy-format> – Дата доступа: 26.10.2022
6. Эскиндаров, М.А., Масленников В.В., Масленникова О.В. Риски и шансы цифровой экономики в России // Финансы: теория и практика. – 2019. –Т. 23. –№ 5 (113). –С. 6–17
7. Зарафетдинова, Э. Р. Развитие систем цифровых услуг в государственном управлении / Э. Р. Зарафетдинова, Т. В. Матягина // Синергия Наук. – 2022. – № 70. – С. 407–415.
8. Митрофанов, В.А., Шахова, О.С. Цифровые платформы государственных услуг: проблемы, возможности, иллюзии // Вестник университета. – 2018. –№ 7. – С.23–29.

Куневич Георгий Георгиевич
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ ДЛЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

старший преподаватель кафедры конституционного права, Белорусский
государственный университет, kunevich.georgii@mail.ru

Аннотация. В рамках статьи рассматриваются такие понятия, как «информационно-коммуникационные технологии», «муниципальные услуги» и «административные процедуры», анализируется понятие административных процедур и муниципальных услуг в законодательстве Беларуси и некоторых стран СНГ. Автором акцентируется внимание на необходимости совершенствования нормативной регламентации применения ИКТ органами местного самоуправления в области предоставления электронных, в т.ч. и муниципальных услуг.

Ключевые слова: муниципальные услуги; административные процедуры; информационно-коммуникационные технологии; органы местного самоуправления.

Основными документами, закрепляющими цели устойчивого развития на национальном уровне в Республике Беларусь являются Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на

период до 2030 года (НСУР-2030) и Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы, в пункте 5.4 которой отмечается, что «государственная политика в сфере социальной защиты населения будет направлена на обеспечение доступности социальной помощи, усиление и повышение качества социальных услуг [1].

В НСУР-2030 в пункте 8.1.7 названа одна из задач устойчивого развития – это расширение полномочий органов местного управления и самоуправления в социальной сфере.

Повышение эффективности в справедливом и оперативном предоставлении социальных благ возможно за счет совершенствования организационных и финансово-экономических основ местного самоуправления, в том числе и за счет расширения муниципальных услуг, предоставляемых органами местного самоуправления гражданам и организациям.

В зарубежных странах в целях повышения эффективности предоставления муниципальных и государственных услуг активно используются возможности электронного правительства на основе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Следует отличать понятие электронного правительства (e-government) и понятие электронное управления (e-governance). Развитие электронного правительства определяется количественными показателями: сколько человек имеет доступ к интернету, сколько электронных услуг представлено, сколько ведомств внедрило электронный документооборот. Электронное управление определяется качественными показателями: вовлечённостью граждан в процесс принятия управленческих решений, особенно на муниципальном уровне, уровнем развития электронной демократии.

Республика Беларусь, по оценке ООН, относится к группе стран с высокой динамикой развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), так как занимает 49 место из 193 стран в Индексе развития электронного правительства (E-Government Development Index). При этом в Индексе электронного участия (E-Participation Index) Беларусь в 2016 г. заняла только 76 место.

В литературе отмечается, что электронная демократия ошибочно отождествляется только с интернет-демократией. В то же время в литературе и в законодательстве как Республики Беларусь, так и в Российской Федерации отсутствует единый подход к дифференциации этих двух типов демократии. Электронная демократия – это понятие более широкого значения, и мы можем рассматривать e-демократию как один из ее элементов. Практическое измерение электронной демократии основано на применении каждого из инструментов ИКТ, а именно цифрового телевидения, телекоммуникаций, Интернета.

Понятие муниципальных услуг, предоставляемых органами местного самоуправления, является новым в белорусском конституционном праве и отсутствует в законодательстве. В зарубежном законодательстве

муниципальные услуги рассматриваются как определенная часть компетенции органов местного самоуправления и отдельно выделяется компетенция этих органов в социальной сфере.

В теориях публичного администрирования и в теории муниципального права среди функций местного самоуправления принято называть такие функции, как предоставление муниципальных услуг: социальных услуг, обеспечение комплексного социально-экономического развития административно-территориальных единиц, обеспечение условий жизнедеятельности населения, обеспечение непосредственного участия населения в решении вопросов местного (самоуправленческого) значения и др.

Функция обеспечение условий жизнедеятельности населения – самая обширная функция, в нее входит: создание и содержание учреждений социальной инфраструктуры; создание условий для жилищного и социально-культурного строительства, обеспечение населения услугами торговли, общественного питания и бытового обслуживания; обеспечение социальной поддержки и содействие занятости населения; благоустройство и озеленение территорий; утилизация и переработка бытовых отходов и др.

В муниципальном праве компетенцию органов местного самоуправления в социальной сфере принято социальными услугами. Социальные услуги являются частью муниципальных услуг, которые в свою очередь рассматриваются как составляющая часть публичных услуг.

Существуют различные доктринальные понятия и легальные определения в зарубежном законодательстве социальных, государственных, муниципальных и публичных услуг.

Для Беларуси важен опыт административных и муниципальных реформ, проведенных в РФ и других странах СНГ, в том числе и в сфере использования ИКТ для предоставления муниципальных услуг. Децентрализованные модели предоставления публичных услуг более характерны для стран с развитой системой местного самоуправления (Испания, ФРГ, Франция, Швеция и др.).

Одной из основных целей административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах было повышение качества и доступности публичных услуг через многофункциональные центры (МФЦ) предоставления государственных и муниципальных услуг. Первые многофункциональные центры на территории Российской Федерации были открыты в 2007 году. В настоящее время легальное определение государственных и муниципальных услуг содержится в Федеральном законе Российской Федерации «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», однако в законе отсутствует понятие публичных услуг. В законе под муниципальной услугой понимается деятельность по реализации функций органа местного самоуправления, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органа, предоставляющего муниципальные услуги, по решению вопросов местного значения, установленных в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и уставами

муниципальных образований [2]. На 1 января 2018 г. в РФ было создано 2777 МФЦ и 10558 офисов МФЦ в малонаселенных пунктах, а услугами МФЦ было охвачено почти 96 процентов населения РФ.

В Беларуси вместо термина «муниципальные услуги» используются термины «социальные услуги» и «административные процедуры».

Под социальными услугами согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О социальном обслуживании» понимается деятельность в области социального обслуживания по оказанию гражданину помощи в целях содействия в предупреждении, преодолении трудной жизненной ситуации и (или) адаптации к ней, не связанная с оказанием материальной помощи, а социальное обслуживание рассматривается как совокупность мер по организации и оказанию социальных услуг, содействию активизации собственных усилий граждан по предупреждению, преодолению трудной жизненной ситуации и (или) адаптации к ней [3].

Закон «О социальном обслуживании» в ст. 16 закрепил совместную компетенцию местных Советов и местных исполкомов в области социального обслуживания:

- обеспечивают государственные минимальные социальные стандарты;
- выполняют функции государственного заказчика государственного социального заказа, финансируемого путем предоставления негосударственным некоммерческим организациям субсидий на оказание социальных услуг и реализацию социальных проектов;
- создают в соответствии с законодательством государственные организации, оказывающие социальные услуги, утверждают их структуру и штатную численность работников, осуществляют реорганизацию и ликвидацию таких организаций.

Из анализа приведенной статьи следует, что органы местного самоуправления Республики Беларусь не обладают собственной компетенцией в предоставлении социальных услуг.

В белорусском законодательстве отсутствует легальное определение муниципальных и государственных услуг, взамен этих терминов в некоторых случаях применяется понятие административных процедур.

Белорусские ученые А.Н. Крамник и О.И. Чуприс считают **административные процедуры** правоприменительной деятельностью по разрешению в соответствии с компетенцией различного рода индивидуальных дел, возникающих в связи и по поводу реализации функций органов государственного управления, не связанных с привлечением к административной ответственности [4, с.139].

Легальное определение административных процедур дано в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур», в соответствии с которым под ними понимаются действия уполномоченного органа, совершаемые на основании заявления заинтересованного лица, по установлению, изменению, приостановлению, сохранению, переходу или

прекращению прав и (или) обязанностей, в том числе заканчивающиеся выдачей справки или другого документа [5].

В некоторых странах СНГ приняты аналогичные законы об административных процедурах. Так, в Республике Казахстан под административной процедурой согласно Закона «Об административных процедурах» понимается порядок принятия и исполнения решения при осуществлении государственными органами и должностными лицами государственных функций и служебных полномочий, а также их оформления, организации работы государственного аппарата, рассмотрения обращений граждан по реализации их прав, административной защиты прав и законных интересов граждан, а также порядок принятия решений в области экономики [6].

В Кыргызской Республике используется как понятие административных процедур, так и понятие государственных и муниципальных услуг. В Законе Кыргызской Республики «О государственных и муниципальных услугах» в ст. 3 под муниципальной услугой понимается результат деятельности муниципальных учреждений, осуществляемой в рамках их компетенции по исполнению запросов физических и юридических лиц, направленной на реализацию прав, удовлетворение законных интересов потребителей услуг, либо исполнение обязанностей, возникающих в результате гражданско-правовых отношений [7].

В Украине взамен термина административные процедуры используется термин административные услуги. В ст. 1 Закона Украины от 6 сентября 2012 г. «Об административных услугах» административная услуга рассматривается как результат осуществления властных полномочий субъектом предоставления административных услуг по заявлению физического или юридического лица, направленный на приобретение, изменение или прекращение прав и/или обязанностей такого лица, в соответствии с законом, а субъект предоставления административной услуги – орган исполнительной власти, иной государственный орган, орган местного самоуправления, их должностные лица, уполномоченные в соответствии с законом предоставлять административные услуги [8].

По мнению Е.Ю. Комлева «внедрение информационных технологий в деятельность органов публичной власти в России идет полным ходом, и зачастую такое внедрение оказывается успешным. В частности, для многих граждан взаимодействие с государственными и муниципальными органами и организациями уже невозможно представить без портала gosuslugi.ru или, например, портала mos.ru (если речь идет о жителях Москвы). Однако стоит упомянуть, что внедрение информационных технологий все же более широко применяется в отношении деятельности органов государственной власти, нежели органов местного самоуправления. Применительно к последним стоит отметить, что ситуация различается как в различных субъектах Российской Федерации, так и в различных муниципальных образованиях внутри субъекта Российской Федерации [9, с. 20].

В Беларуси также предполагается расширение использования ИКТ в государственном управлении, местном управлении и самоуправлении, о чем свидетельствует принятая Правительством Республики Беларусь Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021-2025 годы». В главе 5 «Цифровое развитие государственного управления» Программы предусмотрено, что на принципиально ином уровне будет продолжена разработка технических решений для перевода административных процедур и государственных услуг в электронную форму – электронные услуги, включая реинжиниринг их бизнес-процессов, оцифровку данных, применение современных средств идентификации, в целях их комплексного осуществления в проактивном формате [10].

Комплексность предоставления означает, что по запросу на получение электронной услуги пользователю доступен весь спектр необходимых для этого операций в электронной форме.

Проактивность подразумевает оказание электронных услуг не только по заявительному принципу, а в большинстве случаев по факту наступления жизненной ситуации. То есть, когда у гражданина ожидаемо возникает потребность в получении обязательных документов (справок, разрешений и других документов), сервисы электронного правительства должны предлагать ему их получение по факту наступления соответствующей ситуации, при этом максимально исключив его личное участие в процессе, переводя большинство операций в электронную форму.

В вышеназванной Государственной программе в главе 5 «Региональное цифровое развитие» планируется создание региональной государственной типовой цифровой платформы «Умный город (регион)», предназначенной для цифровой трансформации процессов регионального управления, решения задач социально-экономического и общественного развития, организации информационного взаимодействия, включая выстраивание обратной связи с гражданами.

Выводы. Органы местного самоуправления Беларуси не обладают собственной компетенцией в предоставлении социальных услуг и осуществления административных процедур, поэтому первостепенная задача в расширении применения ИКТ на местном уровне – это разделение компетенции между органами местного управления и органами местного самоуправления в исследуемой сфере.

В белорусском законодательстве необходимо закрепить легальные определения самоуправленческих (муниципальных) услуг и принять отдельный Закон «О государственных и муниципальных услугах».

Необходимо совершенствование нормативной регламентации применения ИКТ органами местного самоуправления в области предоставления электронных, в т.ч. и муниципальных услуг.

Список использованных источников

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы: Указ Президента Республики Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P32100292>. – Дата доступа: 10.11.2022.
2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федеральный закон РФ, 27 июня 2010 г., № 210-ФЗ (с изм. от 01.01.2022) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ : Дата доступа: 10.11.2022.
3. О социальном обслуживании : Закон Республики Беларусь, 22 мая 2000 г., № 395-З (с изм. от 19.06.2017)// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=N10000395>. – Дата доступа : 10.11.2022.
4. Крамник, А.Н. Административное право. В 2 ч. Ч. 1. Управленческое право: учебник / А.Н. Крамник, О.И. Чуприс. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – 567 с.
5. Об основах административных процедур: Закон Республики Беларусь, 28 октября 2008 г., № 433-З (изм. от 09.01.2017) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800433>. – Дата доступа: 11.11.2022.
6. Об административных процедурах: Закон Респ. Казахстан, 27 ноября 2000 г., № 107-ІІ (изм. от 03.07.2017) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000107>. – Дата доступа: 11.11.2022.
7. О государственных и муниципальных услугах: Закон Кыргызской Республик, 17 июля 2014 г., № 139 // [Электронный ресурс]. – [http:// http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205360](http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205360). – Дата доступа: 15.04.2022.
8. Об административных услугах: Закон Украины, 6 сентября 2012 г., № 5203-VI // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy.com.ua/ka/ob_administrativnyh_uslugah.htm. – Дата доступа: 11.11.2022.
9. Комлев, Е.Ю. Местное самоуправление и информационные технологии: проблемы и перспективы развития / Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества [Электронный ресурс] : электрон. сб. ст. Междунар. круглого стола, Новополоцк, 16 апреля 2021 г. / Полоц. гос. ун-т.; редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. – 163 с.
10. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 2 февраля 2021 г., № 66 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minprom.gov.by/postanovlenie-soveta-ministrov-respubliki-belarus-2-fevralya-2021-g-n-66>. – Дата доступа: 11.11.2022.

Куницкая Ольга Михайловна, Чэ Сюаньчао
**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ
БЕЛАРУСЬ И КНР**

Доцент кафедры хозяйственного права, юридический факультет, Белорусский
государственный университет, кандидат юридических наук, доцент,
volhakun@mail.ru

Студент 2-й ступени обучения (магистратуры), специальности
«Юриспруденция», юридический факультет, Белорусский государственный
университет, chexuanchao@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена общей характеристике нормативных положений о запретах и ограничениях иностранных инвестиций в национальную экономику в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике. На основе анализа имеющихся результатов научных исследований выявляются и предлагаются к разрешению некоторые проблемы правового регулирования отношений, возникающих в связи с допуском иностранных инвестиций в определенные отрасли экономики или виды деятельности.

Инвестиционные запреты и ограничения в стратегические отрасли экономики позволяют контролировать присутствие инвесторов в экономике, не допуская влияния на стратегически важные отрасли. В данном контексте также проводится исследование вопроса о различных видах перечней стратегической отрасли (сфер, секторов) экономики или вида деятельности. По опыту Китая это: 1) инвестирование «разрешено и желательно», 2) инвестирование «ограничено», 3) инвестирование «запрещено».

Предлагается **определить значение понятия «стратегически важные отрасли экономики»**, и установить перечень открытых (или закрытых) отраслей экономики для иностранных инвестиций и отраслей (отдельных сфер, секторов или видов деятельности), требующих установления и оценки критериев, условий допуска.

Ключевые слова: иностранные инвестиции; инвесторы; допуск инвестиций; стратегические отрасли; ограничение инвестирования; запрет инвестирования.

Необходимость и целесообразность привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику отражены в основных программных документах стран [1, с. 41]. В Республике Беларусь, в том числе в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. определено, что критерием достижения стратегии инвестиционной политики является рост удельного веса иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал.

Важным направлением инвестиционной политики с начала XXI века становится инвестиционная стратегия Китая. Важнейшей из опор китайской модели роста являются инвестиции.

По мнению М. Ковалева и Го Линь, которые выстроили эволюцию стратегий государственного регулирования экономики в КНР, именно в период с 2012 года (пятое поколение руководителей КНР во главе с Си Цзиньпином) наметился курс от разрешительных списков секторов экономики для частных иностранных инвестиций к короткому списку запрещаемых, а также одновременный переход от импорта к экспорту инвестиций [2, с. 4, 7].

Законодательство об иностранных инвестициях Китая начало формироваться с Третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва. В декабре 1978 года Третий пленум ЦК КПК 11-го созыва сделал первый шаг в проведении экономических реформ и определил «политику реформ и открытости» как основную государственную политику [3, с. 46].

Законодательство КНР об иностранных инвестициях состоит не из единого закона, а из различных специальных законов и соответствующих отдельных законов, отдельных законоположений. В своей взаимосвязи они формируют действующий правовой режим регулирования иностранных инвестиций в стране. Сейчас в Китае насчитывается более 300 законов и законоположений, защищающих иностранных инвесторов и содействующих привлечению иностранных инвестиций [4, с. 131].

Закон КНР «Об иностранных инвестициях», проект которого был опубликован еще в 2015г., подвергся всенародному обсуждению. В итоге принятый 15 марта 2019 года на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва, и введенный в действие с 1 января 2020 года, данный Закон содержит в том числе нормы (ст. ст. 28-35), которые определяют порядок допуска иностранных инвестиций к ограничиваемым сферам деятельности, и порядок утверждения и регистрация иностранных инвестиционных проектов; проверки их соответствия интересам государственной безопасности; создания совместной комиссии по проверке безопасности иностранных инвестиций для интересов государства, и осуществления такой проверки. Кроме того, Закон предусматривает меры юридической ответственности за нарушение указанных положений (ст. ст. 36-39).

Согласно ст. 4 данного Закона «государство осуществляет регулирование иностранных инвестиций путем предварительного предоставления национального режима во всех отраслях, кроме включенных в негативные списки». Под негативными списками понимаются установленные государством специальные меры регулирования допуска на рынок, применяемые к иностранным инвестициям в определенных отраслях. Государство предоставляет национальный режим инвестициям в отрасли, не включенные в негативные списки. Негативные списки принимаются либо утверждаются и публикуются Госсоветом КНР.

Общие подходы государственного регулирования иностранных инвестиций в КНР заключаются в том, в соответствии со ст. 6 Закона «иностранцы инвесторы и предприятия с иностранным участием, осуществляющие инвестиционную деятельность на территории КНР, обязаны соблюдать китайское законодательство и подзаконные акты, не должны создавать угрозу государственной безопасности Китая, наносить ущерб публичным общественным интересам».

Таким образом, законодатель стремится закрыть стратегические отрасли китайской экономики от доступа иностранного капитала.

Со времен вступления КНР в ВТО в стране происходит изменение законодательства по вопросу привлечения инвестиций в страну, в том числе открытие доступа для зарубежных инвестиций в такие отрасли как телекоммуникации, городское газоснабжение, водоснабжение, теплоснабжение (что было ранее запрещено полностью). Это стало одной из основных составляющих всесторонней реформы законодательной базы об инвестиционной деятельности [5, с. 34].

Китай постоянно пересматривает «Каталог промышленных объектов, рекомендованных зарубежным инвесторам», что значительно сократило ограничительные меры для прямых иностранных инвестиций. Так, например, в редакции 2015 г. число ограничительных мер сократилось до 93 (было 180 в 2011 г.), редакция 2017 г. также сократила число ограничительных меры до 63, что на 65 процентов меньше, чем в выпуске 2011 г. [6, с. 74]

В Республике Беларусь в Законе от 12 июля 2013 г. «Об инвестициях» установлены ограничения при осуществлении инвестиций. Так, не допускается осуществление инвестиций в имущество юридических лиц, занимающих доминирующее положение на товарных рынках Республики Беларусь, без согласия антимонопольного органа Республики Беларусь в случаях, установленных антимонопольным законодательством, а также в виды деятельности, запрещенные законодательными актами. Ограничения при осуществлении инвестиций могут устанавливаться на основании законодательных актов в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Законодательными актами, регулирующими отношения, связанные с осуществлением инвестиций на основе концессии, в рамках государственно-частного партнерства, могут устанавливаться ограничения в отношении использования объектов гражданских прав в качестве инвестиций, за исключением денежных средств (денег), включая привлеченные (в том числе займы, кредиты).

Представляется, что прогрессивной мерой, в том числе в вопросе доступности нормативной правовой базы для иностранных инвесторов, может быть создание списка исключений для иностранных инвесторов с четким обозначением отраслей, в которых иностранные инвестиции запрещены или ограничены, и определением действующих условий отбора.

Подобный список, как указывалось, существует в Китае, где публикуются обновленные негативные списки для иностранных инвестиций, устраняя ряд ограничений на иностранные инвестиции.

Обновленный негативный список (отмененные ограничения на иностранные инвестиции) открывает новые возможности для инвестиций в растущее число зон свободной торговли в Китае и дает представление о будущих экономических реформах.

В запрещенных отраслях находятся в основном отрасли, связанные с национальной безопасностью. Желающим работать в ограниченной отрасли иностранным инвесторам может потребоваться специальное разрешение или условие открыть совместное предприятие с китайским партнером.

Достижения Китая в создании специальных экономических зон и промышленных кластеров заслуживает внимания. Привлекая иностранный капитал в экономику Китая, принятые документы содержали рекомендации для иностранных инвесторов. Руководство страны определило три группы отраслей, в которых: 1) «разрешено и желательно», 2) «ограничено», 3) «запрещено» инвестировать. Такая градация дала возможность контролировать присутствие инвесторов в экономике, не позволять им влиять на стратегически важные отрасли. Характерным явилось то, что с 2013 г. государство начало поощрять привлечение иностранного капитала в отрасли: энергосбережение и новые виды энергии, высокие технологии, современные методы производства и сельское хозяйство. К секторам, в которые разрешено «вливание» иностранного капитала, были добавлены экологические проекты и проекты по повышению энергоэффективности. Из списка «разрешенных» изъяты некоторые отрасли химической и фармацевтической промышленности. Это означало, что акцент был сделан на регулирование негативного воздействия на окружающую среду и решение проблемы ее загрязнения [7].

Полагаем необходимым законодательно определить значение понятия «стратегически важные отрасли экономики», которые выделяются государством в качестве имеющей важное значение для обеспечения национальной безопасности и высокий потенциал для удовлетворения национальных интересов. Целесообразно установить перечень открытых (или закрытых) отраслей экономики для иностранных инвестиций и отраслей (отдельных сфер, секторов или видов деятельности), требующих установления и оценки критериев, условий допуска.

Список использованных источников

1. Пасюкевич, М. В. Привлечение иностранных инвестиций как элемент повышения конкурентоспособности реального сектора экономики Республики Беларусь // Журн. Белорус. гос. ун-та. Экономика. – 2018. – № 1. – С. 40–48.
2. Ковалев, М., Го Линь. Инвестиционная стратегия Китая: «Один пояс – один путь» // Банковский вестник. – 2015. – № 9. – С. 3-9.
3. Чжан Лянвэй. Правовое регулирование отношений с участием иностранных инвесторов в КНР: Дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2018. – 182 с.

4. Цзян Вэйвэй. Проблемы и меры в развитии законодательства об иностранных инвестициях в Китае // Право и общество. – 2009. – № 21. – С.131.
5. Сюй Люмэй, Сунь Гоцзэ. Стратегия привлечения иностранных инвестиций в экономику Китая // Банковский вестник. – 2015. – № 6. – С. 29-35.
6. Давыденко, Е. Л., Чжан Пэнфэй. Особенности политики Китая по привлечению прямых иностранных инвестиций на современном этапе // Опыт китайской политики реформ и открытости и его актуальность для белорусской модели устойчивого социально-экономического развития : сб. науч. ст. по итогам работы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14 ноября 2019 г. / под ред. проф. А. А. Тозика. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – С. 72-81.
7. Завгородний, А.Ф. Привлечение иностранных инвестиций в экономику Китая в специальных экономических зонах: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 1 (73). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6833>. – Дата доступа: 01.11.2022.

Кухаренко Виталий Анатольевич

**ПЕРЕХОД ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБСУЖДЕНИЙ В
ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРНОЙ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ И
СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ИКТ ДЛЯ
РЕЗУЛЬТАТИВНОГО ДОСТИЖЕНИЯ ЦУР**

Председатель комиссии «Архпросвет» ОО «Белорусский союз архитекторов»,
arhprosvet@gmail.com

Аннотация. Прикладное сравнительно-аналитическое исследование института общественных обсуждений в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности для выявления и формирования современных информационно-правовых решений через призму эффективного достижения государственных задач в 11 цели устойчивого развития «устойчивые города и населенные пункты». Междисциплинарный подход способствует раскрытию наиболее полного перечня имеющихся положительных и отрицательных тенденций с позиции НСУР-2030, обозначению вероятных путей трансформации данного института, а также неизбежности внедрения ИКТ и поиска оптимального дизайна коммуникации сторон процесса.

Ключевые слова: общественное обсуждение; устойчивое развитие; гражданское общество; градостроительная деятельность; городская среда.

Как новая институциональная форма механизма горизонтальной координации архитектурной, градостроительной и иной подобной деятельности республиканских, местных властей и/или бизнесом с населением административно-территориальных единиц (далее – АТЕ), действующая на

национальном уровне более 10 лет, общественное обсуждение (далее – ОО) прочно закрепилось в алгоритмах работы исполнительных органов власти.

Истоки современной правовой концепции ОО лежат в Модельном законе для стран СНГ «Об участии общественности в принятии решений по вопросам градостроительного развития и качества городской среды», утвержденном Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 13 июня 2000 г. № 15-7 [1]. Здесь впервые удачно сформулирована нравственная и правовая идеология института ОО: «Основопологающими принципами градорегулирования, принятыми в мировой практике, являются открытость и доступность для всех граждан и организаций информации о градостроительной деятельности и экологической ситуации, о действующих и готовящихся нормативно-правовых актах, а также предполагаемых проектных решениях, соблюдение баланса частных и общественных интересов в процессе градостроительной деятельности, возможность реально участвовать в обсуждении принимаемых нормативных и проектных решений всем заинтересованным хозяйственным субъектам и жителям города». Далее, эта прогрессивная идеология нашла полноценное отражение в национальных специальных нормах права, за исключением ряда положений, например п.1 ст. 7, ст. ст. 14, 15.

В частности, в ст. 4 «Право физических и юридических лиц на благоприятную среду обитания при осуществлении архитектурной, градостроительной и строительной деятельности» Закона Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности» (далее – Закон) достаточно полно обозначены принципы ОО [2]. Здесь, в теории, процессы ОО уже могли быть задействованы исполнительными органами власти с координированием с информационно-правовыми процессами в градостроительной деятельности, однако на практике это не реализовывалось по различным причинам.

В развитие закона, в городе Минске, «в целях обеспечения прав граждан и юридических лиц на благоприятную среду обитания при осуществлении архитектурной, градостроительной деятельности» был впервые формализован институт ОО путем утверждения Мингорисполкомом «Инструкции о порядке организации и проведения общественного обсуждения градостроительных проектов, вопросов благоустройства, жилищного и иного строительства в г. Минске» от 20.04.2006 № 718 [3]. Значимые для города архитектурные и градостроительные решения стали постепенно проводить через ОО. Однако, основной орган квазиобщественного обсуждения и согласования оставался архитектурно-градостроительный Совет при Комитете архитектуры и градостроительства Мингорисполкома, который действовал еще с 90-х гг. и имел свою отдельную локальную правовую форму. Позже, для упорядочения установившейся практики, руководствуясь ст. 19 Закона Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь разрабатывает и утверждает 20 июля 2011 г. №39 «Положение об архитектурно-градостроительных советах», где наделяет Советы широкими полномочиями при рассмотрении

архитектурно-планировочных и градостроительных проектов, например, возможностью создания при Советах специализированных экспертных групп, предоставляет широкие возможности взаимодействия с государственными органами, разработчиками проектной документации и т.п. При структурных подразделениях местных исполнительных и распорядительных органов создаются и действуют упомянутые Советы при главном архитекторе. При этом, Советы являются консультативно-совещательными органами, а коллегиальный состав утверждается вышестоящим органом.

После внесения изменений и дополнений в п. 3 ст. 4 Закона, решения местных Советов депутатов, местных исполнительных и распорядительных органов по вопросам планирования и застройки населенных пунктов принимаются уже только после проведения ОО по вопросам планирования и застройки населенных пунктов с 2010 г. Это заметно активизировало необходимую деятельность в рамках ОО, а правоприменительная практика нарабатывала наиболее удобные формы и методы взаимодействия сторон процесса. Первоначально, процесс реализации ОО обрабатывался лишь на части проектов градостроительного развития.

При этом, для понимания масштабов деятельности, в этот период строительный сектор в экономике Республике Беларусь занимал около 1/10 ВВП, а доля инвестиций только в жилищное строительство в общем объеме инвестиций составляла ориентировочно 18–20%, что резко увеличивало объем правоприменительной практики ОО со всеми вытекающими проблемами.

Полноценно, уже на республиканском уровне, правовой институт ОО был достаточно формализован постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 июня 2011 г. № 687 «Положение о порядке проведения общественных обсуждений в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности» (далее – Положение) [4]. С этого момента всеобщая обязательность применения ОО в данной сфере деятельности стала являться неукоснительной, что не мешало сторонам процесса в ряде случаев проводить его достаточно формально. При этом, надзорные органы контролировали этот процесс на основе перманентных жалоб, в ряде случаев выносили акты прокурорского реагирования.

Часть упомянутых жалоб, соответственно, начинает поступать в общественные профессиональные и творческие союзы с просьбой помочь разобраться в достаточно сложных объектах ОО, представляемых архитектурно-планировочных решений и градостроительной документации. Для полноценного разрешения усиливающихся проблем в сознании гражданского общества при проведении ОО, в рамках своих полномочий и, в соответствии с Уставом республиканского общественного объединения «Белорусский союз архитекторов», создается Советом ОО «БСА» в 2012 г. специальная комиссия «Архпросвет» из опытных архитекторов, на общественных началах, которой было поручено заниматься указанными вопросами (анализировать поступающую информацию, готовить устные и письменные заключения и рекомендации), а также взаимодействовать с

общественностью по данному направлению [5]. Так, например, за все время работы было детально проанализировано более 80 ОО, все доступные онлайн итоги ОО обработаны, части из них предложены пути разрешения градостроительных конфликтов с точки зрения балансов интересов общества.

Необходимость существенного изменения норм Положения становится очевидным для профессиональных участников строительной отрасли и, соответственно, инициируется разработка обновленного Положения и выходит в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2014 г. № 109. Анализом изменений в новой редакции Положения детально разбирается И. Молочко в ведомственном издании Минстройархитектуры «Архитектура и Строительство» [6], т.к. характер внесенных изменений, наряду с положительными чертами, все же в ряде случаев отходит от правовых концепций Модельного закона для стран СНГ «Об участии общественности в принятии решений по вопросам градостроительного развития и качества городской среды» [1].

В последующем, по результатам изучения профильными ведомствами правоприменительной практики ОО, а также взятым государством обязательством применения в практической плоскости национальных ЦУР, в мае 2017 г. очередной раз выносятся Минстройархитектурой измененный проект Положения на общественное обсуждение с приемом замечаний от заинтересованных сторон, так, например, комиссия «Архпросвет» вносит ряд правовых инициативных предложений. К сожалению, редакция Положения не проходит согласование и, не утверждается по причине несбалансированности интересов сторон процесса. В январе 2018 года Минстройархитектура вновь выносит для обсуждения новую редакцию Положения, где имеется ряд существенных доработок по сравнению с первоначальной версией 2011 г. и 2017 г. Для исключения повторного отрицательного результата по законопроекту ведомством инициируется и проводится ряд круглых столов с участием парламентариев и представителей гражданского общества где обосновываются необходимость внедрения новых правовых инструментов для достижения показателей ЦУР. В этот период Минстройархитектурой напрямую принимаются отзывы от всех заинтересованных лиц. Ряд профильных урбанистических инициатив гражданского общества предлагает свои наработки, в частности комиссия «Архпросвет» предлагает для улучшения работы временных комиссий ОО для утверждения результатов ОО, внедрить доступные элементы ИКТ, например, структурированное размещение качественных графических материалов на общедоступном электронном ресурсе, размещение полных технико-экономических показателей проектов и т.п. У заинтересованных участников процесса ОО появляется надежда по выработке приемлемых для сторон информационно-правовых параметров процесса Положения.

Однако, в последующем, в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 22 апреля 2019 г. № 256 Положение не вообрало в себя те прогрессивные, по мнению авторов предложений, предложенные подходы и

методы при проведении ОО. По нашей гипотезе, на данном этапе развития взаимодействия между государственными органами, проектировщиками и заказчиками (застройщиками), а также заинтересованным населением АТЕ проблематично идеально реализовать из-за низкого внедрения полного цикла ИКТ, а также слабого уровня правового сознания последних.

При реализации «Комплекса мер по запуску нового инвестиционного цикла», утвержденного 17 мая 2021 г. № 39/225-551/78 в разд. 3 «Совершенствование регулирования в сфере архитектурно-строительной деятельности» п. 3.3. «Изменение требований к архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, в т.ч. в части: упрощения процедур и оптимизации сроков разработки, согласования, проведения общественных обсуждений и утверждения градостроительной документации» была запланирована разработка НПА [7]. В обоснование необходимости данных мер указывалось что утверждение Комплекса мер по запуску нового инвестиционного цикла будет способствовать созданию конкурентных условий для осуществления инвестиций и ведения бизнеса в Беларуси и внесет вклад в достижение Республикой Беларусь Целей устойчивого развития 1, 8, 9, 11 и других ЦУР.

Как результат, ответственным исполнителем, Минстройархитектурой, 24 декабря 2021 г. выносятся на публичное обсуждение проектов НПА уже новая редакция Положения, которая при ряде положительных новаций, по нашему мнению, все же имела признаки несбалансированности интересов сторон процесса ОО и преследовала в большей степени экономические цели. Учитывая крайне малое отведенное время, обсуждение собрало множество профессиональных замечаний и предложений [8]. Далее, вводимое Положение в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 2022 № 425 [9] вносит ряд новых информационно-правовых параметров ОО [10], а также закрепляет имеющуюся пилотную практику, например, как общедоступные локальные ресурсы ИКТ Мингорисполкома [11].

К сожалению, на данном этапе развитии правоприменительной практики ОО обнаруживает, даже с учетом перманентно обновленных редакции Положения, все еще отмечаются замечания и жалобы в большей части все же со стороны местных жителей АТЕ, что также имеются достаточно критические и пока неустраняемые коллизии, которые возможно сможет принципиально разрешить разрабатываемый Кодекс «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности».

Для реализации права граждан участвовать в различных сферах жизнедеятельности общества крайне важно предоставлять возможность эффективной диалоговой площадки между государственными органами и жителями АТЕ для реального механизма достижения 11 цели устойчивого развития «устойчивые города и населенные пункты».

Дальнейшее развитие ИКТ диктует необходимость алгоритмизации большей части процесса ОО, а также его логичный перенос на электронную платформу, модерируемую профессиональными участниками.

Список использованных источников

1. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств / minsk.by [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1024> – Дата доступа: 31.10.2022.
2. Закон Республики Беларусь № 300-З Закон Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. №300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» / etalonline.by [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h10400300> – Дата доступа: 31.10.2022.
3. Решения и распоряжения Минского горисполкома / Минский городской исполнительный комитет [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minsk.gov.by/ru/normdoc/1674/>. – Дата доступа: 31.10.2022.
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 июня 2011г. № 687 Положение о порядке проведения общественных обсуждений в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь 22.04.2019 № 256 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file06fc08de07b3948b.PDF>. – Дата доступа: 31.10.2022.
5. Белорусский союз архитекторов озабочен минским уплотнением и массовым панельным строительством. Как повлиять на ситуацию? / onliner.by [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://realt.onliner.by/2012/03/20/souz> – Дата доступа: 31.10.2022.
6. Общественные обсуждения по вопросам планирования и застройки населенных пунктов: проблемы и перспективы / Архитектура и строительство [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ais.by/blog/obshchestvennye-obsuzhdeniya-po-voprosam-planirovaniya-i-zastroyki-naselennyh-punktov-problemy> – Дата доступа: 31.10.2022.
7. Kompleks-mer-po-zapusku-novogo-investitsionnogo-tsikla.pdf / economy.gov.by [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/Kompleks-mer-po-zapusku-novogo-investitsionnogo-tsikla.pdf> – Дата доступа: 31.10.2022.
8. Публичное обсуждение проектов НПА / forumpravo.by [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://forumpravo.by/publichnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/forum15/16633?PAGEN_2=1 – Дата доступа: 31.10.2022.
9. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.06.2022 г. № 425 «Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 1 июня 2011г. № 687» / Pravo.by [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22200425&p1=1&p5=0> – Дата доступа: 31.10.2022.
10. Общественные обсуждения в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности. Уточнен порядок проведения / pravo.by [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2022/august/71022/> – Дата доступа: 31.10.2022.
11. Об утверждении градостроительных проектов специального планирования — Минский городской исполнительный комитет / minsk.gov.by [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minsk.gov.by/ru/org/6034/attach/b7839b8/> – Дата доступа: 31.10.2022.

Лескина Элеонора Игоревна
**BIG DATA В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

доцент кафедры информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических
наук, elli-m@mail.ru

Аннотация. Технический прогресс в настоящее время напрямую зависит от данных, а именно от особенностей их оборота, правовых режимов в отношении различных видов данных. Технологии Big Data применяются в самых различных сферах, не является исключением и область охраны окружающей среды. В статье рассматриваются направления применения технологии Big Data в сфере охраны окружающей среды, зарубежный опыт, возможности применения технологий больших данных для трансформации экологического законодательства. Выявлены и проанализированы барьеры, препятствующие эффективному внедрению Big Data в сферу охраны окружающей среды, рассмотрены пути решения данных задач.

Ключевые слова: большие данные; охрана окружающей среды; экологическое право; экспериментальные правовые режимы; цифровая грамотность; цифровая культура; сквозные технологии.

На основании ст. 42 Конституции РФ «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением»¹. Указанная норма наглядно показывает важность взаимосвязи информационных ресурсов и экологических прав человека.

Большие данные (Big Data) являются комплексным явлением. Их можно понимать как структурированную и неструктурированную, содержащуюся в большом количестве разнообразных источников информацию, объемы которой не позволяют обрабатывать ее вручную в разумное время².

Перспективы больших данных заключаются в том, что с помощью расширенного анализа можно найти дополнительную ценность в максимальном использовании существующих и / или новых массивов, казалось бы, не связанных между собой данных. Алгоритмы будут собирать скрытые под

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102027595&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%EA%EE%ED%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF++&firstDoc=1

² Указ Президента РФ от 2 марта 2022 г. N 83 "О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации" // Российская газете. 3 марта 2022 г. N 45.

массой других данных закономерностей, части целого, чтобы раскрыть истинную природу объекта.

Так, с помощью датчиков собираются данные о загрязнении воздуха. Эти данные подвергаются аналитике, создаются визуализации качества воздуха, устанавливаются перспективные области для деятельности в области охраны окружающей среды.

Технологии Big Data используются и для охраны мигрирующих животных и перелетных птиц. Посредством данных о миграциях и перелетах оптимизируются решения по разрешению либо запрету охоты. В этом помогают алгоритмы прогнозирования миграции, в результате чего предотвращаются антропогенные опасности [1].

Важной составляющей охраны окружающей среды является грамотное использование природных ресурсов. Большие данные, их аналитика способствуют повышению эффективности принятия решений относительно сокращения потребления электроэнергии, воды. Предприятия могут наглядно оценить области, где использование ресурсов является излишним.

Технология Big Data помогает для развития возобновляемых источников энергии. Алгоритмы на основе больших данных анализируют погодные условия, предсказывают скорость ветра, избегают утечки и контролируют потоки воды на гидроэлектростанциях, определяют оптимальный угол для солнечных панелей, идеальное географическое положение для установки устройств генерации энергии из возобновляемых источников.

Также на Ассамблеи ООН по окружающей среде была отмечена роль больших данных в переходе к устойчивому будущему, защите экологии. Было сказано, что с помощью больших данных оптимизирован мониторинг окружающей среды в режиме реального времени. Участниками Ассамблеи ООН были определены следующие направления внедрения Big Data для целей защиты окружающей среды:

- 1) сбор и раскрытие данных в области экологии и климата, в том числе генерируемых при производстве;
- 2) оценка экологических рисков;
- 3) отслеживание контролирующими органами рисков для окружающей среды в режиме реального времени;
- 4) интеграция данных в области экологии в цифровую экономику с целью изменения моделей поведения хозяйствующих субъектов [2].

В результате активного внедрения Big Data в сферу экологии государство может актуализировать экологические нормы, контролировать соблюдение таких норм, выработать способы обеспечения экологической устойчивости.

В отношении больших данных, аккумулируемых для защиты окружающей среды, в Европе даже введен в научный оборот термин «зеленые данные» (green data). Одной из моделей генерации таких данных является система «Коперник», представляющая собой на основании спутникового наблюдения Земли расчет качества воздуха, изменения климата (глобальное потепление), повышение эффективности в управлении природными ресурсами,

сельским хозяйством и т.д. Кроме «Коперника» В Европе известны такие международные проекты на основе Big Data для предотвращения изменения климата как «Акведук», «Карта опасности», «Глобальное изменение лесов» и другие [3].

Интересен следующий опыт использования больших данных для охраны окружающей среды посредством обнаружения противоправных действий в сфере экологии и виновных в этом. Так, с помощью Big Data был определен ресторан, который сливал отходы в канализацию. Имплементация такого опыта позволила бы контролировать аналогичные проблемы по всему миру. Могут быть использованы большие данные и для предотвращения вырубки лесов, снижения углерода в окружающей среде, выявлении исчезающих видов животных и растений, предотвращения браконьерства.

Таким образом, с организационной, социальной стороны активное использование технологии Big Data для охраны окружающей среды имеет большой потенциал. Вместе с тем, следует учитывать негативное влияние любых информационных технологий на окружающую среду. И большие данные так же могут оказывать отрицательное воздействие на экологию. Так, центры обработки данных отличаются высоким потреблением электроэнергии, дата-центры содержат в себе большую инфраструктуру, включающую серверы, оборудование для хранения, обработки данных, облачных вычислений и др. При использовании в такой инфраструктуре дизельных генераторов происходят выбросы парниковых газов, что отрицательным образом воздействует на климат [4]. Также требует внимание утилизация компьютерного оборудования. Требуется более детального изучения дистанционная работа. Несмотря на то, что такая занятость способствует экономии электроэнергии, ученые говорят о других действиях удаленных работников, которые те совершают в свободное от времени на рабочем месте, негативно сказывающихся на экологии [5].

Что касается экологического права, то за рубежом ученые-правоведы говорят о том, что, начиная с 2010 года, наступила новая эра экологического права, обусловленная внедрением технологии Big Data. Благодаря отслеживанию любых факторов в режиме реального времени, управлению рисками на любых уровнях (от международного до внутринационального), мониторингу воздействий законодатель в отношении экологического права может оценить все риски, обозначить индивидуализированные способы их нивелирования. Решения законодателя и правоприменителя в области охраны окружающей среды останутся индивидуализированными, учитывают характеристики конкретного объекта, в том числе и человека, которому причиняется вред [6]. До эпохи Big Data такие возможности были вне досягаемости для нормотворчества. То есть потенциальные общие риски уступают место индивидуализированным, что напрямую учитывается в формировании экологического права. Например, выявив однозначные корреляции экологического дисбаланса с такими заболеваниями, как аутизм, диабет, синдром дефицита внимания и гиперактивности, отдельные виды рака и др., ученые предлагают создавать индивидуальную траекторию развития

экологического законодательства, учитывая риски для конкретных групп населения [7], [8], [9].

Вместе с тем, существуют правовые и этические барьеры для внедрения технологии больших данных в области охраны окружающей среды. Одним из правовых барьеров является достаточно жесткий правовой режим персональных данных в Российской Федерации. Закон о персональных данных³ содержит ограничения, касающиеся целей оборота персональных данных, института согласия, повторности использования, длительности хранения и другие аспекты, противоречащие сущности больших данных. Нам думается необходимым закрепление возможности распространения экспериментальных правовых режимов в сфере инноваций на область экологии, закрепив это напрямую в ч.2 ст. 1 ФЗ "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации"⁴.

Итак, с помощью больших данных возможно обнаружить закономерности, корреляции, взаимосвязи. Big Data внедряются практически во все сферы, используются они и в области охраны окружающей среды, в частности для улучшения качества воздуха, мониторинга миграции животных и птиц, сокращения использования ресурсов, экономии энергии, трансформации экологического законодательства. В результате субъекты получают возможность принимать обоснованные решения, оптимизированные с учетом требований экологической безопасности.

Список использованных источников

1. Jenna Tsui. Using Big Data Technology for Environmental Protection // <https://eponline.com/Articles/2020/03/25/Using-Big-Data-Technology-for-Environmental-Protection.aspx?Page=1> (дата обращения 10.10.2022)
2. Can big data help protect the planet? // <https://www.unep.org/news-and-stories/story/can-big-data-help-protect-planet> (дата обращения 10.10.2022)
3. Big data environmental protection // <https://techvidvan.com/tutorials/big-data-and-environmental-protection/> (дата обращения 10.10.2022)
4. Avgerinou, M., Bertoldi, P., Castellazzi, L., Avgerinou, M., Bertoldi, P., & Castellazzi, L. Trends in data centre energy consumption under the European code of conduct for data centre energy efficiency. *Energies*, 10(10), 2017. <https://doi.org/10.3390/en10101470>. (дата обращения 10.10.2022)
5. Williams, E. Environmental effects of information and communications technologies. *Nature*, 2011. 479(7373), 354–358. <https://doi.org/10.1038/nature10682>. (дата обращения 10.10.2022)
6. William Boyd. Environmental Law, Big Data, and the Torrent of Singularities // *UCLA Law Review*. November 2, 2016. <https://www.uclalawreview.org/environmental-law-big-data-and-the-torrent-of-singularities/> (дата обращения 10.10.2022)

³ Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О персональных данных" // "Собрание законодательства РФ", 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.

⁴ Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5017.

7. David E. Adelman, The False Promise of the Genomics Revolution for Environmental Law Harv. Env. L. Rev. 2005. // <https://www.jstor.org/stable/24116639> (дата обращения 10.10.2022)

8. Yuxia Cui et al., The Exposome: Embracing the Complexity for Discovery in Environmental Health. Env. Health Persp. 2016. // <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27479988/> (дата обращения 10.10.2022)

9. Gary W. Miller & Dean P. Jones, The Nature of Nurture: Refining the Definition of the Exposome. Toxicological Sci. 2014. // <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/24213143/> (дата обращения 10.10.2022)

Луговский Сергей Григорьевич

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Доцент кафедры конституционного и международного права, Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
кандидат юридических наук, доцент 1482370@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу нормативного правового регулирования Республиканской системы мониторинга общественной безопасности. Рассматривается порядок функционирования республиканской системы мониторинга общественной безопасности, а также порядок подключения к ней. Показывается роль и значение системы видеонаблюдения в профилактике и раскрытии преступлений органами внутренних дел.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, обеспечение общественной безопасности, видеонаблюдение, мониторинг, система безопасности, информация, видеoinформация, органы внутренних дел, видеоаналитика

Важнейшей задачей государства на всей ее территории является поддержание общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Наряду с этим, огромный вклад в борьбе с преступностью вносят системы видеонаблюдения. Так, в Республике Беларусь в 2017 году создана Республиканская система мониторинга, которая призвана обеспечивать полноценный мониторинг посредством камер наблюдения. Система видеонаблюдения – составляющая системы безопасности, дающая возможность наблюдения в режиме реального времени за соблюдением гражданами общественного порядка, включающая средства и методы получения видеоизображений при помощи видеокамер, передачи сигнала к месту просмотра по каналам связи, дальнейшей обработки и хранения видеoinформации.

Задачами системы видеонаблюдения являются: наблюдение за состоянием общественной безопасности в интересах обеспечения общественного порядка, профилактики, выявления (раскрытия) и пресечения правонарушений, расследования преступлений, а также предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Следовательно, применение камер видеонаблюдения для «мониторинга» общественной безопасности в служебной деятельности органов внутренних дел представляется весьма актуальным.

Вместе с тем, «мониторинг» – систематическое отслеживание, изучение состояния определенных социальных явлений и процессов, сопоставление результатов постоянных наблюдений для получения обоснованных представлений об их действительном положении, тенденциях развития [1, с. 374].

По справедливому мнению О.В. Гиммельрейха, раньше общий порядок получения, хранения и использования информации регламентирован не был, права и обязанности пользователей и абонентов, а также критерии объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения также не были регламентированы» [2, с. 6].

Обозначенные проблемы поспособствовали разработке и принятию нормативных правовых актов для функционирования интегрированной системы видеонаблюдения в Республике Беларусь. Одним из первых нормативных правовых актов стало Положение о применении систем безопасности и телевизионных систем видеонаблюдения, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 декабря 2012 г. № 1135 «Об утверждении Положения о применении систем безопасности и телевизионных систем видеонаблюдения».

В названном Положении № 1135 от 13 декабря 2012 года впервые были закреплены термины «система безопасности», «система видеонаблюдения», «обеспечение общественной безопасности», «общественная безопасность» и даны их легальные определения. Также в указанном акте «обеспечение общественной безопасности» было определено как урегулированная нормами права система общественных отношений, целями функционирования которой являются обеспечение личного и имущественного спокойствия, безопасности, создание условий для реализации прав граждан, обеспечения функционирования государственных органов, организаций.

Следующим нормативным правовым актом порядка внедрения и развития системы видеонаблюдения в Республике Беларусь стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка». Согласно данному Указу, были определены объекты инфраструктуры, используемые при проведении чемпионата мира по хоккею 2014 г. в г. Минске, которые до 1 января 2014 г. подлежали обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения. Кроме этого Указ закрепил обязанности государственных органов (организаций), иных юридических лиц, осуществивших оборудование объектов средствами системы

видеонаблюдения, обеспечения сохранности информации, зафиксированной системой видеонаблюдения.

Необходимо отметить, что постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 декабря 2013 г. № 1074 «О перечне средств системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности, технических требованиях к ним и внесении дополнений и изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 г. № 1135» была нормативно закреплена структура системы видеонаблюдения. Так, систему видеонаблюдения образуют технические средства: формирования видеоизображения; передачи видеосигнала; обработки видеoinформации; отображения видеoinформации; хранения видеoinформации; контроля и управления; информационной безопасности; вспомогательные средства (энергообеспечения, освещения и др.).

Значимым нормативным правовым актом стало постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2013 г. № 1164 «Об утверждении критериев отнесения объектов, к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности». Данное Постановление нормативно закрепило параметры отнесения объектов к числу подлежащих в обязательном порядке оборудованию средствами видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности.

Постановлениями Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2013 г. № 1163 «Об утверждении Положения о порядке предоставления информации, зафиксированной системой видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности, и определения размера платы за ее предоставление». Этим Постановлением утвержден порядок предоставления информации, зафиксированной системой видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности, и определения размера платы за ее предоставление. В свою очередь Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 января 2014 г. № 89 «Об утверждении перечня мест массового пребывания граждан в г. Минске, подлежащих оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности» были закреплены места массового пребывания граждан в г. Минске, подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности.

Практика свидетельствует о том, что в процессе обеспечения общественной безопасности при проведении чемпионата мира по хоккею 2014 г. в г. Минске интегрированная система видеонаблюдения в совокупности с иными организационно-техническими средствами прошла экспериментальную апробацию и доказала свою эффективность и востребованность [3, с. 32].

Наряду с этим внедрение видеонаблюдения в остальных административно-территориальных единицах потребовало дальнейшего совершенствования нормативного правового регулирования. Важным событием становления Республиканской системы мониторинга общественной

безопасности послужило принятие Указа Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 187 «О республиканской системе мониторинга общественной безопасности». В свою очередь на основании этого нормативного правового акта, впоследствии постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 841 от 10 ноября 2017 года было разработано и утверждено Положение «О Республиканской системе мониторинга общественной безопасности и порядке подключения к ней».

Указ включил в себя закреплённый в ранее принятых нормативных правовых актах подходы к обеспечению общественной безопасности с использованием видеонаблюдения. В нём определены правовые основы функционирования Республиканской системы мониторинга общественной безопасности, а также порядок подключения к ней, как в обязательном порядке, так и по желанию различных субъектов права. Кроме этого, расширен и детализирован перечень задач, решаемых республиканской системой мониторинга общественной безопасности: наблюдение за состоянием общественной безопасности в целях обеспечения общественного порядка, профилактики, выявления и пресечения преступлений, других правонарушений, розыска лиц, их совершивших, и лиц, без вести пропавших, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; оперативное информирование о зафиксированных событиях путем автоматизации процессов сбора, обработки, анализа, хранения информации, ее передачи на средства отображения информации пользователей. Вместе с тем, в процессе функционирования Республиканской системы мониторинга общественной безопасности обеспечивается: непрерывный в режиме реального времени сбор информации из различных источников, являющихся элементами системы мониторинга.

Наряду с этим Министерство внутренних дел Республики Беларусь определено специально уполномоченным госорганом, осуществляющим координацию деятельности государственных органов, иных организаций, предпринимателей при создании, функционировании и использовании системы мониторинга. Кроме этого, в качестве дополнительного участника правоотношений, связанных с порядком функционирования Республиканской системы мониторинга общественной безопасности вводится технический оператор системы мониторинга и дается его легальное определение. Так, основными модулями являются: распознавание лиц; распознавание номеров транспортных средств; ситуационная видеоаналитика; дорожная обстановка и фиксация нарушений правил дорожного движения; обнаружение дыма, аудиоаналитика, детектор качества видеопотока. В свою очередь абонентами Республиканской системы мониторинга общественной безопасности являются: общественные места, гостиницы и отели, объекты торговли и общественного питания, организации здравоохранения, учреждения образования, физкультурно-спортивные сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и др. Также в Указе закрепляются права и обязанности технического оператора, в том числе на взимание платы за предоставление информации,

предоставляемой из республиканской системы мониторинга общественной безопасности.

Важно отметить, что в Министерстве внутренних дел Республики Беларусь в криминальной милиции создано Управление оперативно-информационной работы, отдел обеспечения функционирования Республиканской системы мониторинга общественной безопасности. Основными функциями данного отдела являются: подготовка проектов правовых актов и методических рекомендаций в сфере функционирования системы мониторинга; анализ и обобщение результатов работы системы мониторинга; внесение предложений по улучшению работы и модернизации программной платформы системы мониторинга и ее элементов, а также используемого программного обеспечения; изучение, обобщение и распространение передового опыта использования системы мониторинга в профилактике, раскрытии преступлений, установлении лиц находящихся в розыске и др.

Практика свидетельствует о том, что в целях обеспечения общественной безопасности и внедрение в г. Минске системы видеонаблюдения дало положительный результат, о чем свидетельствуют статистические данные. Средствами системы видеонаблюдения оборудованы более 24 тыс. объектов, при этом почти 11 тыс. из них оснащены и готовы к интегрированию в РСМОБ. Количество установленных с помощью камер видеонаблюдения лиц, совершивших преступления, выросло с 1 тыс. в 2014 г. до почти 2 тыс. по итогам 2018 г. без учета раскрытых с помощью видеонаблюдения неочевидных преступлений [4].

Немаловажным этапом развития системы видеонаблюдения является принятие постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 2 июля 2019 г. № 181 «О единых технических требованиях к программному обеспечению видеоаналитики». Названным нормативным актом определено содержание общих технических требований к программному обеспечению видеоаналитики, которая будет оснащена функциями распознавания автомобильных номеров стран, выявления конкретных физических лиц в местах массового скопления людей. В дальнейшей перспективе республиканская система мониторинга общественной безопасности объединит на одной платформе камеры видеонаблюдения, датчики дыма, пламени, взрывчатых, наркотических и радиоактивных веществ, тепловизоры и другие специальные детекторы, каналы связи, центр обработки данных, а также иные системы и информационные ресурсы. В составе системы мониторинга будет функционировать и программное обеспечение видеоаналитики, что позволит более оперативно выявлять и предотвращать угрозы общественной безопасности, передавая в соответствующие госорганы информацию о тех или иных событиях.

Важным этапом функционирования и дальнейшего развития республиканской системы мониторинга общественной безопасности является Указ Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2022 г. № 69 «О развитии

республиканской системы мониторинга общественной безопасности». Указанным нормативным актом закреплено, что оператор системы мониторинга - РУП «Белтелеком», обеспечивает создание и функционирование системы мониторинга, управление, развитие и техническую эксплуатацию аппаратно-программных комплексов центров обработки данных. Сюда включается серверное, сетевое и иное оборудование, осуществляющее обработку, накопление, хранение информации, полученной в результате функционирования элементов системы мониторинга.

Вместе с тем, Указом Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2022 г. № 69 «О развитии республиканской системы мониторинга общественной безопасности» расширен перечень субъектов, имеющих право получать информацию, зафиксированную системой мониторинга. К ним относятся следующие государственные органы: органы прокуратуры, Служба безопасности Президента Республики Беларусь, Оперативно аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, органы финансовых расследований Комитета Государственного контроля, Следственный комитет, органы внутренних дел, органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям, органы государственной безопасности, органы пограничной службы, таможенные органы.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что проведенный анализ нормативного правового регулирования Республиканской системы мониторинга общественной безопасности позволил установить и закрепить единые правила и требования в организации функционирования этой системы. Также позволит контролировать соблюдение установленных правил и требований к порядку фиксации, обработке, передачи, использования информации, полученной с помощью Республиканской системы мониторинга общественной безопасности, в случае выявления нарушений, а также привлекать виновных лиц к установленной законом ответственности.

Список использованных источников

1. Социальный менеджмент : учебник / под ред. Д. В. Валового. – М., 2020. – С. 374.
2. Гиммельрейх, О. В. Республиканская система мониторинга общественной безопасности в системе организационных средств охраны общественного порядка и безопасности / О. В. Гиммельрейх / Вестник Академии МВД Республики Беларусь. Научно-практический журнал № 1 (39), 2020. С. 236.
3. Станилевич, В. В. Обеспечение безопасности при проведении чемпионата мира по хоккею 2014 года в г. Минске / В. В. Станилевич, М. Л. Зинченко, А. В. Басов // Сб. перед. опыта обеспечения обществ. безопасности МОБ МВД Респ. Беларусь; под общ. ред. Н. А. Мельченко. – Минск, 2014. – Вып. 27. – С. 4-32.
4. МВД о новых технологиях, биометрических паспортах и миграции [Электронный ресурс] // Новостной портал БЕЛТА: офиц. сайт. – 4 марта 2019.

Мамекін Міхаіл Сяргеевіч

ФАРМИРАВАННЕ ПАРТЫЙНАЙ СІСТЭМЫ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ ЯК ФАКТАР ДАСЯГНЕННЯ МЭТАЎ УСТОЙЛІВАГА РАЗВІЦЦЯ

старшы выкладчык кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта БДУ, аспірант
кафедры паліталогіі, MamekinMS@bsu.by

Анотацыя. Публікацыя прысвечана аналізу сучаснага стану і асаблівасцям функцыянавання палітычных партый у Рэспубліцы Беларусь. Разгледжаны асноўныя драйверы, што могуць паўплываць на дынаміку развіцця партыйнай сістэмы Рэспублікі Беларусь і якія могуць быць улічаныя пры пабудове стратэгіі па трасфармаванні партыйнай сістэмы краіны.

Ключавыя словы: палітычная партыя, партыйная сістэма, грамадзянская супольнасць, картэльныя партыі, кіберпартыі, медыя-партыі, трансфармацыя партыйнай сістэмы, перспектывы развіцця партый і партыйнай сістэмы Рэспублікі Беларусь.

Садзейнічанне пабудове міралюбнага і адкрытага грамадства ў інтарэсах устойлівага развіцця, забеспячэнне доступу да правосуддзя для ўсіх і стварэнне эфектыўных, падсправаздачных і заснаваных на шырокім удзеле ўстановаў на ўсіх узроўнях, з'яўляецца адной з асноўных мэтаў устойлівага развіцця, абавязак па дасягненні якіх быў узяты на сябе ста дзевяноста трыма дзяржавамі-членамі Арганізацыі Аб'яднаных Нацый. Паводле адной з задач, якая накіравана на дасягненне вышэйзгаданай мэты, забеспячэнне адказнага прыняцця рашэнняў рэпрэзентатыўнымі органамі на ўсіх узроўнях з удзелам усіх слаёў грамадства таксама выступае прыярытэтным напрамкам дзейнасці Рэспублікі Беларусь [1].

Эфектыўны ўдзел усіх слаёў грамадства ў прыняцці важнейшых дзяржаўных рашэнняў магчымы толькі пры наяўнасці пэўнага набору фактараў, ключавым з якіх выступае існаванне развітай грамадзянскай супольнасці, у надзвычай складанай палітычнай структуры якой асабліваю ролю выконваюць палітычныя партыі. Гэта роля заключаецца ў тым, што падчас свайго функцыянавання і дзейнасці палітычныя партыі, уступаючы ў шматлікія ўзаемадзеянні як між сабой, так і з іншымі грамадскімі аб'яднаннямі і дзяржаўным апаратам, утвараючы такім чынам партыйную сістэму, выступаюць у якасці найважнейшага каналу перадачы разнастайных інтарэсаў грамадзянскай супольнасці да дзяржаўнага апарату, запяспечваючы рэпрэзентатыўнасць гэтых інтарэсаў у прадстаўнічых і выканаўчых органах улады. Асаблівая роля грамадзянскай супольнасці ў палітычнай сістэме Рэспублікі Беларусь вызначана не толькі дзеючай рэдакцыяй Асноўнага Закона краіны, аднак і іншымі важнымі нарматыўнымі дакументамі. Так, яшчэ ў адпаведнасці з Нацыянальнай стратэгіяй устойлівага развіцця на перыяд да 2030 года, у якасці адной з першачарговых мэтаў у сацыяльна-палітычнай

сферы было вызначана «фарміраванне сталай грамадзянскай супольнасці як інструмента дзяржаўнай палітыкі ў галіне ўстойлівага развіцця» [2]. Згодна ўжо з Нацыянальнай стратэгіяй устойлівага сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь на перыяд да 2035 года, адной з першачарговых задач у сацыяльна-палітычнай сферы выступае «развіццё інстытутаў грамадзянскай супольнасці, пры гэтым асноўныя намаганні будуць накіраваны на забеспячэнне празрыстага і эфектыўнага ўзаемадзеяння дзяржаўных органаў з грамадскімі арганізацыямі, палітычнымі партыямі, падтрымку ініцыятыў і самаразвіцця грамадзянскіх супольнасцяў» [3]. Паводле ж Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь, дасягненне збалансаванасці палітычных інтарэсаў грамадзян, грамадскіх аб'яднанняў і дзяржавы, а таксама развіццё грамадзянскай супольнасці з улікам нацыянальных традыцый і асаблівасцей аднесены заканадаўцам да ліку асноўных нацыянальных інтарэсаў у палітычнай сферы. Разам з тым, недастатковы ўзровень развіцця грамадзянскай супольнасці з'яўляецца крыніцай унутраных пагроз нацыянальнай бяспецы ў палітычнай сферы. Асновай жа фарміравання і развіцця беларускай грамадзянскай супольнасці выступаюць забеспячэнне канструктыўнай накіраванасці дзейнасці грамадскіх аб'яднанняў і падвышэнне стваральнай актыўнасці насельніцтва, што бачыцца немагчымым без развіцця партыйнай сістэмы.

Спрабуючы аднесці беларускую шматпартыйнасць да нейкага навукова-абгрунтаванага тыпу, распрацаванага ў межах тэорыі партый і партыйных сістэм, па некаторых прыкметах партыйная сістэма Беларусі можа быць вызначана як атамізаваная ў апаведнасці з тыпалогіяй Дж. Сарторы [4]. Аднак некаторыя навукоўцы, робячы высновы адносна беларускіх партый, нават не лічаць магчымым выкарыстоўваць паняцце “партыйная сістэма”. Так, напрыклад, І. В. Катляроў ацэньвае беларускую шматпартыйнасць як “сістэму несапраўдных (фальшывых) знакаў, цалкам адарваных ад сацыяльнай рэальнасці”. Гэтыя знакі вызначаюцца аўтарам як сімулякры палітычнай прасторы [5]. Па Сарторы, у атамізаванай сістэме партыі часткова (у нашым выпадку, фактычна цалкам), ізаляваны і ад уладных адносін, і ад сацыяльна-эканамічных працэсаў, залежнасць партый адна ад адной слаба выяўлена. Такая партыйная сістэма знаходзіцца ў нефункцыянальным стане. Нефункцыянальнасць партыйнай сістэмы Беларусі праяўляецца ў адсутнасці іх прадстаўніцтва ва ўладных структурах і яны, такім чынам, не выконваюць сваіх асноўных функцый па прасоўванні і абароне інтарэсаў свайго электарату і не могуць з'яўляцца эфектыўнай формай удзелу грамадзянаў у палітычных рашэннях. Партыі таксама не маюць сваёй сацыяльнай базы. Паколькі палітычныя партыі не валодаюць уладнымі рычагамі для вырашэння надзённых праблем людзей, большасць насельніцтва Беларусі не бачыць у існаванні гэтых палітычных інстытутаў вялікай карысці і не мае патрэбы ў іх.

Разам з тым, феномен беларускай антыпартыйнасці спалучаны з шэрагам наступных фактараў, якія саслабляюць ролю палітычных партый у нашай краіне: недастатковыя веды асаблівасцей ідэалагічнай накіраванасці сучасных

палітычных плыняў, што мае вынікам таксама і негатыўнае стаўленне грамадства да палітычных партый і рухаў; няўстойлівасць палітычных устаноў насельніцтва, павышаны ўплыў на іх фарміраванне ірацыянальных фактараў; існаванне інтэнсіўнага ўздзеяння на суб'ектаў палітыкі бытавых, эканамічных, этнічных, міжканфесійных фактараў. Яшчэ адной з праблем амаль усіх беларускіх партый з'яўляецца слабая матэрыяльна-тэхнічная база. Крайняя ступень фрагментацыі партыйных сіл, іх няздольнасць да кансалідацыі нават у тым выпадку, калі справа тычыцца згуртавання партый з падобнай ідэалагічнай арыентацыяй, што дзейнічаюць ў адным палітычным полі. Пры гэтым пераважная колькасць партый не мае выразна выяўленай пазіцыі па асноўных пытаннях сучаснасці і развіцця нашай краіны, партыі не праводзяць тэарэтычную працу па распрацоўцы і змене палітычных праграм, якія, у большасці сваёй, так і засталіся з перыяду іх стварэння. Партыі не маюць сістэматызуючага фактара, які адрозніваў бы адну партыю ад іншай. Пры гэтым існуе так званы "крызіс лідараў", бо партыі не маюць запамінальных партыйных дзеячаў, якія ў цяжкія палітычныя моманты здольныя прымаць важныя палітычныя рашэнні і г.д.

У якасці асноўных драйвераў, што могуць паўплываць на дынаміку развіцця партыйнай сістэмы Беларусі і адзначаюцца як навукоўцамі, так і палітычнымі дзеячамі краіны, прыводзяцца наступныя: а) далейшае развіццё беларускай палітычнай сістэмы, якое павінна асэнсоўвацца як кіруючай элітай, так і грамадствам, адбывацца паступова пры папярэдняй лібералізацыі палітычнага жыцця; б) пераход да змяшанай ці прапарцыянальнай выбарчай сістэмы; в) увядзенне дзяржаўнага субсідзіравання дзейнасці палітычных партый, а таксама ўкараненне іншых механізмаў дзяржаўнай падтрымкі (даванне на бязвыплатнай аснове памяшканняў, вылучэнне грантаў і субсідый); г) пашырэнне электаральных прывілеяў для палітычных партый (напрыклад, манапольнае права на вылучэнне кандыдатаў на выбарныя дзяржаўныя пасады ці манапольнае права на вылучэнне кандыдатаў пры абранні часткі дэпутатаў парламента або часткі дэлегатаў Усебеларускага народнага сходу); д) магчымая інстытуцыялізацыя РГА «Белая Русь» як палітычнай партыі ўлады (уплыў гэтага драйверу можа стаць даволі істотным для трансфармацыі партыйнай сістэмы Беларусі, аднак залежыць як ад зменаў у палітычным працэсе, так і ў спецыялізаваным заканадаўстве); е) перарэгістрацыя палітычных партый у адпаведнасці з абноўленым заканадаўствам; ё) уплыў сусветных тэндэнцый развіцця палітычных партый.

Першыя чатыры драйверы, на нашу думку, могуць стаць найбольш вызначальнымі як асобна, так і ў сукупнасці для трансфармацыі партыйнай сістэмы Беларусі. Варта адзначыць, што як змяненню выбарчага заканадаўства, так і ўвядзенню дзяржаўнага субсідзіравання ці электаральных прывілеяў павінна спадарожнічаць прававое ўрэгуляванне асноваў унутрыпартыйнай дэмакратыі (напрыклад, прававое рэгуляванне такіх нормаў, як рэгламент абрання на кіруючыя пасады; абмежаванне тэрміну знаходжання на іх; падсправаздачнасць партыйнага кіраўніцтва; перыядычнасць правядзення

з'ездаў; парадак правядзення кансультацый з членамі партыі; даступнасць фінансавай і іншай інфармацыі, якая тычыцца дзейнасці партыі – усё гэта спрыяе фарміраванню палітычнай культуры яе членаў, а таксама развіццю добрасумленнай палітычнай канкурэнцыі, якая таксама з'яўляецца адной з умоваў павышэння даверу да дэмакратычнай палітычнай сістэмы). У сітуацыях, калі закон не замацоўвае дэмакратычнага ўнутранага ўладкавання палітычных партый, прапарцыянальная ці змяшаная выбарчая сістэма можа быць выгаднай вузкай партыйнай верхавіне, што прывядзе да адчужэння ад палітыкі партыйнага электарату.

Выдзяленне дзяржаўных субсідый палітычным партыям, з аднаго боку, можа актывізаваць і стымуляваць іх канкурэнцыю, а з іншага – ёсць вялікая верагоднасць, што гэта можа стаць цяжарам для падаткаплацельшчыкаў. Для стымулявання дзейнасці палітычных партый Беларусі некаторымі даследчыкамі ў якасці магчымай меры вылучаецца мадэль 1/4, пры якой партыі, якія прынялі ўдзел у выбарчай кампаніі (пры прад'яўленні расходных каштарысаў), атрымлівалі б кампенсацыю расходных сродкаў у перыяд электаральнай кампаніі [6, с. 123]. Для стымулявання кантактаў з выбаршчыкамі і актыўнасці на нізавым узроўні магчыма ўвядзенне не прамой дзяржпадтрымкі партый, а селектыўнага падатку, які б дазволіў грамадзянам самастойна накіроўваць частку падаткаў, якія выплачваюцца імі, на падтрымку канкрэтнай арганізацыі. Але гэты механізм з'яўляецца вельмі складаным для рэалізацыі і прадугледжвае рэфармаванне падатковай сістэмы.

Магчымае ўвядзенне дзяржаўнага субсідзіравання дзейнасці палітычных партый, а таксама ўкараненне іншых механізмаў дзяржаўнай падтрымкі можа мець вынікам узнікненне залежнасці палітычных партый ад дзяржавы. Пры гэтым партыі грунтоўна ўбудоваюцца ў сістэму дзяржаўнай улады і дзяржаўных інтарэсаў, усё больш адрываюцца ад грамадства, што можа прывесці да з'яўлення “картэльных партый”. Пры гэтым увядзенню дзяржаўнага фінансавання могуць спадарожнічаць такія негатыўныя з'явы, як карупцыя. Гэта акалічнасць будзе патрабаваць увядзення сапраўдных і дзеючых механізмаў кантролю над фінансавай дзейнасцю партый у выглядзе справаздачнасці, укаранення прынцыпу празрыстасці бюджэту партый і адпаведнай падрыхтоўкі нарматыўных падставаў для кантролю за выкарыстоўваннем партыямі грашовых сродкаў.

Што тычыцца перарэгістрацыі палітычных партый, то яна, безумоўна, павінна быць праведзена, бо на цяперашні момант многія з палітычных партый існуюць толькі на паперы. Падобная мера таксама магла б стаць станоўчым імпульсам для кансалідацыі некаторых партый з блізкімі ідэалагічнымі праграмамі і агульнымі каранямі. Аднак лік заснавальнікаў не павінен быць зменены ў бок падвышэння.

Сучасныя тэндэнцыі развіцця палітычных партый у свеце таксама могуць паўплываць на трансфармацыю партыйнай сістэмы Беларусі. Да такіх тэндэнцый, у першую чаргу варта аднесці віртуалізацыю палітычнага поля і, як вынік, партыйнага змагання і больш адкрыты стыль камунікацыі палітыкаў з

грамадствам дзякуючы развіццю ІКТ, што прывяло да ўзнікнення ў свеце медыя-партый і кіберпартый.

Такім чынам, дзеючая шматпартыйная сістэма ў беларускім грамадстве магчыма ў тым выпадку, калі ў ім складуцца перадумовы (інстытуцыянальныя, палітычныя, сацыяльна-эканамічныя, прававыя, ідэалагічныя, арганізацыйна-прававыя, культурныя і інш.), працягнецца паступовая дэмакратызацыя палітычнай сістэмы, узнікнуць устойлівыя групы інтарэсаў насельніцтва, якія запатрабуюць свайго прадстаўніцтва ў выбарных дзяржаўных органах, з’явяцца новыя лідары, гатовыя генераваць ідэі і выказваць настроі мас, аб’яднаных вакол агульнанацыянальных мэтай і каштоўнасцяў. Станоўчая трансфармацыя партыйнай сістэмы будзе пазітыўна ўплываць не толькі на пабудову грамадзянскай супольнасці ў Рэспубліцы Беларусь, але і на дасягненне мэтай устойлівага развіцця.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Цели устойчивого развития [Электронный ресурс] // Цель 16: Мир, правосудие и эффективные институты. – Режим доступа: <https://sdgs.by/targets/target16/> – Дата доступа: 29.10.2022.

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства Экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> – Дата доступа: 01.11.2022.

3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 г. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства Экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2035.pdf>. – Дата доступа: 01.11.2022.

4. Сартори, Дж. Партии и партийные системы: рамки анализа / Дж. Сартори // Партии и выборы: Хрестоматия. – 2004. – №1. – С. 14–25.

5. Котляров, И. В. Симулякры политического пространства. Белорусские партии: социологические тренды / И. В. Котляров // Беларуская думка. – 2014 – №1. – С. 64–71.

6. Гаўрыкаў, А. В. Перспективы развіцця палітычных партый у Рэспубліцы Беларусь (палітыка-сацыялагічныя аспекты) / А. В. Гаўрыкаў // Труд. Профсоюзы. Общество: ежеквартальный научно-практический журнал / Федерация профсоюзов Беларуси, Международный университет “МИТСО”. – 2021. – № 1. – С. 120 – 126.

Мамитова Наталья Викторовна

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

профессор кафедры государственного управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, nvmamitova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам применения оценки регулирующего воздействия с учетом цифровой трансформации многих современных процессов. Обозначается значимость такого института, как оценка регулирующего воздействия, в условиях сложившихся правовых отношений.

Ключевые слова: государство, право, оценка регулирующего воздействия (ОРВ), цифровизация, электронное правительство, управленческие решения, нормативный правовой акт, кризис, алгоритм.

Современный мир переживает трансформацию во многих сферах, правовое поле здесь не является исключением. На фоне возникающих в текущих условиях социально-экономических проблем растет потребность нашего общества в повышении эффективности государственного управления, обеспечении социальной справедливости, усилении борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества, в проведении не подверженной влиянию групповых и родственных интересов кадровой политики в органах публичной власти и организациях с государственным участием. Все это сопровождается возрастающими тенденциями цифровизации всех сфер жизни.

Для полноценной реализации указанных выше приоритетов необходимо принятие обоснованных управленческих решений и эффективная нормативная база. Современные управленческие решения требуют серьезной корректировки с учетом анализа воздействия на жизнедеятельность людей и наличия рисков. В определенной степени, в современном обществе также растет недоверие между частями самого общества, между обществом и государством. Принятие управленческих решений и новых нормативных правовых актов сейчас имеет важнейшее значение при устранении текущих и будущих проблем общества во многих сферах. Неоптимальное регулирование может увеличить финансовые затраты, привести к непредвиденным результатам и ограничить вероятность достижения поставленных целей. Следовательно, для достижения благоприятных результатов крайне важно понимать влияние любого предлагаемого управленческого решения или нормативного правового акта.

Именно для этой цели и существует оценка регулирующего воздействия, под которой понимается совокупность методов и способов, применяющих

научные знания и специальные познавательные техники, используя которые анализируются эффективность и необходимость существующих управленческих программ и векторов развития. В документах Организации экономического сотрудничества и развития под оценкой регулирующего воздействия понимают системный анализ и критическую оценку положительных и отрицательных эффектов, предлагаемых к принятию нормативных правовых актов и управленческих решений [1. с.23]

Таким образом, оценка регулирующего воздействия может заключаться в проверке управленческих решений и в проверке качества принимаемых нормативных правовых актов. Кроме изучения последствий тех или иных решений, необходимо отметить, что сами по себе эти решения могут обеспечивать эффективность и действенность нормативных актов в меняющемся и сложном мире.

Нормативных правовые акты затрагивают интересы различных слоев населения, особенно принимаемые на муниципальном уровне. В связи с этим необходимо учитывать многие аспекты, которые связаны с возможными практическими последствиями реализации принимаемых нормативных правовых актов для тех или иных категорий людей.

Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов сделает возможным определить не просто значимость той или иной законодательной инициативы, но и её востребованность гражданским обществом. Анализ эффективности нормативных актов путем оценки регулирующего воздействия выявит все факторы, в том числе и коррупциогенные, препятствующие реализации актов и мер государственного управления в соответствии с заявленными ими целями. Для того, чтобы проверять качество законодательных актов также необходимо использовать правовую экспертизу, в том числе ее особый вид - антикоррупционную экспертизу, которая является значимым средством противодействия коррупции. Безусловно, при проведении оценки регулирующего воздействия следует учитывать и методику правовой экспертизы, в том числе и антикоррупционной [2 с.45].

Таким образом, в рамках оценки регулирующего воздействия необходимо осуществление и антикоррупционной деятельности с учетом анализа коррупциогенных факторов.

Определим, что такое коррупция. Специалисты международных организаций определяют коррупцию как злоупотребление вверенными полномочиями в целях личной выгоды.

В Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года определено, что должностные лица включают в себя не только государственных служащих, но и любое лицо, занимающее какое-либо положение в исполнительной власти, административном или судебном органе, на постоянной или временной основе, избранное или невыборное, с оплачиваемым или не оплачиваемым трудом [3.с.34].

На наш взгляд, наиболее подходящим для целей данного исследования является определение, данное законодателем в Федеральном законе Российской Федерации от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Законодатель рассматривает коррупцию как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»[4.с.45]. Одним из возможных методов борьбы с коррупцией является изучение психолого-правовых аспектов противодействия коррупции, что позволит повысить эффективность реализации мер по противодействию коррупции и предупреждать ее возникновение [5.с.65]. Кроме того, максимальная огласка всех коррупциогенных проявлений позволит повысить доверие к действующей власти, поскольку информационные потоки в современном мире максимально открыты и обширны, и если о таких явлениях будут сообщать официальные государственные ресурсы, то уровень их позитивного восприятия будет повышаться.

Освоение новых технологий имеет решающее значение для обеспечения социальной справедливости, преодоления неравенства и повышения доверия к действиям государства. Складывающаяся ситуация демонстрирует важность обеспечения гибкости регулирования в чрезвычайных ситуациях и необходимость максимально использовать новые технологии. На наш взгляд, в России для этих целей можно использовать инфраструктуру электронного правительства. Под ней понимается совокупность размещенных на территории Российской Федерации государственных информационных систем, программно-аппаратных средств и сетей связи, обеспечивающих при оказании услуг и осуществлении функций в электронной форме взаимодействие органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, граждан и юридических лиц [6.с.78]. Переход к оказанию услуг в электронном виде существенно упрощает взаимодействие граждан и бизнес-среды с административными структурами всех уровней. Уже сейчас через Единый портал государственных и муниципальных услуг, работающий с 2009 года, можно получить ряд услуг полностью в электронном виде [7.с.65]. Думается, необходимо создать соответствующий раздел, который будет включать запросы к представителям гражданского общества по тем или иным аспектам принимаемых управленческих решений и нормативных правовых актов, либо же стоит создать отдельный онлайн-портал, обеспечивающий легкий доступ в одном месте ко всей информации об оценке регулирующего воздействия с учетом местной специфики. Так, можно использовать набор цифровых инструментов, обеспечивающих доступ к данным по средствам искусственного интеллекта.

Государство получит объединение всей информации о результатах оценки и мнение граждан в одном месте, позволит отслеживать эффективность принятия управленческих решений в режиме, близком к реальному времени. Это также позволит последовательно и эффективно проводить процесс планирования направлений политики в разных географических регионах с учетом их специфики, обеспечить скоординированную работу с местными органами власти. Это приведет к повышению вовлеченности гражданского общества, о которой говорилось выше, без дополнительных требований к затраченным ресурсам, поскольку взаимодействие осуществляется в цифровом виде.

Своевременная доступность информации для мониторинга воздействия управленческих решений на общество позволит принимать целевые меры и быстро реагировать на изменение ситуации.

Для реализации вышесказанного предлагается использовать в том числе и экосистему цифровой экономики, под которой, согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, понимается партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан.

Однако, здесь существует и ряд определенных проблем. Важно получение необходимых навыков пользование цифровыми ресурсами и цифровая грамотность, особенно со стороны лиц, которые проводят оценку регулирующего воздействия.

Действующая нормативная правовая база нуждается в адаптации, чтобы гарантировать ее соответствие целям государственной политики в развивающейся цифровой среде. Она должна позволять внедрять инновации, одновременно контролируя вред и риски, использовать цифровые технологии для повышения эффективности и результативности государственных услуг. Необходимо разработать региональные и федеральные стандарты проведения оценки регулирующего воздействия. К сложным проблемам, требующих решения в данном контексте, отнесем так называемый «интернет вещей» и возможность онлайн дезинформации. Интернет вещей - концепция вычислительной сети, соединяющей вещи (физические предметы), оснащенные встроенными информационными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека. Проблематика «интернета вещей» в правовом поле требует отдельной детальной разработки, в том числе в контексте использования цифровых инструментов при оценке регулирующего воздействия.

Оценка регулирующего воздействия предназначена для повышения качества контроля. Для достижения этой цели необходимо использовать конкретные формы анализа воздействия на разные социальные группы и воздействия на общество в целом. На сегодняшний день не существует единой методики оценки регулирующего воздействия. Это зависит от условий, при

которых она инициируется. В рамках указанной оценки рассматриваются проблема, которую нужно решить; варианты решения проблемы; затраты и преимущества каждого варианта; с кем консультироваться в процессе оценки; предложения по внедрению и их принятие или отклонение.

В общем виде можно представить следующий алгоритм проведения оценки регулирующего воздействия:

1. Постановка возможной проблемы и ее описание.
2. Анализ определенных альтернатив (в том числе путем оценки выгод и затрат).
3. Консультации со специалистами и гражданами.
4. Заключение по оценке регулирующего воздействия.
5. Выбор альтернативы (при наличии) и последующая работа по дальнейшему мониторингу.

Таким образом, чтобы быть наиболее эффективным при принятии нормативных правовых актов и управленческих решений необходимо взвешивать потенциальные риски и искать компромиссы в решении поставленных вопросов. В рамках оценки регулирующего воздействия необходимо более комплексно рассматривать все социальные последствия предлагаемых действий с учетом мнения граждан и с использованием современных цифровых технологий.

Список использованных источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. [Электронный ресурс] // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 22.11.2021).
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: //Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.11.2021).
3. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
4. Электронное правительство в РФ. [Электронный ресурс]. //<https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/elektronnnoe-pravitelstvo-v-rf/> (дата обращения: 22.11.2021).
5. Березин И.Г., Брижак З.И. «Психолого-правовые аспекты противодействия коррупции в современном российском обществе» // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. – 2009. – № 4. – С. 7–12.
6. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96) // СПС «ГАРАНТ»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://base.garant.ru/197633/#ixzz3LLzvfotW> (дата обращения: 12.11.2021).
7. RIA in OECD Countries and Challenges for Developing Countries. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/gov/regulatory-policy/riainoecdcountriesandchallengesfordevelopingcountries.htm> (дата обращения: 12.11.2021).

Маркевич Дарья Сергеевна

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВООБРАЗУЮЩИХ ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
dasha.markevich@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена особенностям объективно-субъективной природы интересов в праве, влиянию цифровой трансформации экономики на их содержание. Автор определяет основные группы интересов субъектов цифровой экономики, а также раскрывает необходимые требования для обеспечения их справедливого баланса, что следует учитывать при разработке нормативного правового регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая трансформация экономики; научно-технический прогресс; право цифровой экономики; интересы в праве; публичный интерес.

Цифровизация экономики, обусловившая структурные преобразования общественных отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления экономических благ, создала объективные предпосылки трансформации правообразующих интересов. К таким предпосылкам следует отнести размывание американской гегемонии в области производства и использования цифровых технологий; становление новых лидеров, сопровождающееся обострением противоречий в мировой экономической системе, использованием геополитических инструментов для получения технологического лидерства, реализацией политики технонационализма и неотехнонационализма [1, с. 31–33] со свойственной ей секьюритизацией цифровой повестки, а также политики «инновационного меркантилизма». В то же время остальные государства в зависимости от степени удаленности от нового гегемона и характера экономических связей сталкиваются с последствиями блокированного развития [2, с. 188–189] и «ловушки технологических заимствований», когда при ограниченности ресурсов государства вынуждены развивать и использовать уже устаревшие и менее эффективные технологии, что мешает им перейти на новый технологический уровень [3, с. 57], а также с проблемой «цифрового разрыва» [4; 5; 6].

В результате одной из актуальных исследовательских задач становится решение проблемы целеполагания государственной политики в цифровой экономике, а также определения правообразующих интересов, которые должны лежать в ее основе. Как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, интересы могут служить в качестве ориентиров правообразования и правотворчества; критериев правомерности и неправомерности (особенно в условиях

формирующегося нормативного правового массива в сфере цифровой экономики); норм объективного права или мотивации правового поведения [7, с. 65].

Отметим, что не каждый интерес в цифровой экономике является правообразующим, так, по мнению В. В. Лапаевой, он образуется в результате согласования социальных интересов, при котором свобода в реализации интересов одних субъектов не ущемляет равную меру свободы других субъектов [8, с. 173]. В целом же социальный интерес относится к явлениям объективно-субъективного порядка, обозначаемый как «единство выражения внутренней индивидуальной сущности человека и отражение объективного мира, определяющего его социальный статус, выраженное в осознанной необходимости удовлетворения сложившихся и развивающихся потребностей в рамках существующих общественных отношений» [9, с. 25], имеет свойство изменяться в связи с трансформацией общественных отношений. При этом, в случае, если интерес не имеет под собой объективных оснований, то он относится к ложным (мнимым) интересам [10, с. 21].

Изложенное выше предопределяет необходимость не только своевременного осознания, но и справедливого согласования интересов, содержание которых с развитием цифровой экономики приобретает свои особенности.

При решении первой из обозначенных задач допускается выделение интересов различных групп субъектов, традиционно включающих интересы международных образований, функционирующих на макро-, мезо- и микроуровнях; интересы отдельных государств; интересы Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц; наконец, интересы гражданского общества [11, с. 437].

В настоящее время особое распространение приобретает трансляция интересов, вступающих в противоречие с национальными, не только через использование традиционных инструментов лоббирования, других форм участия в нормотворческой деятельности, но и тех, что носят откровенно противоправный, угрожающий международному правопорядку характер, в том числе посредством реализации мер санкционной политики, использования технологий как инструментов корпоративно-публичного регулирования. В качестве примера последнего может рассматриваться геодискриминация или геоблокировка, когда потребитель в принципе лишается доступа к необходимому Интернет-ресурсу на основе ограничения, заложенного программным кодом. Как пишет С. Ю. Миролюбова, геодискриминация, основывающаяся на частном интересе, представляет собой новый вид дискриминации в информационном пространстве по признакам гражданства, местоположения, места жительства либо места пребывания в реальном мире и может представлять серьезную угрозу для формирования единого цифрового рынка. Как правило, геодискриминация имеет место в случае, когда при помощи технических средств потребителю отказывается в доступе к сайту или приложению либо он не может завершить процедуру оформления заказа,

осуществить платеж, в случае ранжирования цен, необусловленного расходами на доставку товара, уплату налогов, сборов, пошлин и др. [12, с. 17–21].

Для предупреждения подобных нарушений принципиальными являются разработка и принятие специального регулирования, предусматривающего механизм противодействия и исключения практик необоснованной геодискриминации, а также определения государственных органов, ответственных за его реализацию [13, с. 69].

Еще одной особенностью цифровой экономики следует назвать появление новых экономических агентов, чья фактическая роль в экономике не соответствует их правовому статусу либо действующее правовое регулирование лишь отрывочно устанавливает их права и обязанности. Так, к основным субъектам правоотношений в сфере цифровой экономики, чей интерес носит свойства правообразующего, следует отнести:

1) операторов цифровых платформ, направленных на максимизацию прибыли и доминирование на соответствующем рынке преимущественно за счет сетевых эффектов, способности платформ извлекать, контролировать и анализировать данные, а также высокой стоимости перехода на другую платформу для пользователей;

2) информационных и иных посредников, продавцов, которые не относятся к цифровым платформам и могут выступать как субъекты малого и среднего предпринимательства, а также стартапы, интересами которых является увеличение прибыли за счет цифровых преобразований, в том числе посредством доступа на новые рынки, обеспечение адекватных экономических, правовых и институциональных условий функционирования, защита результатов интеллектуальной деятельности;

3) покупателей, пользователей, чьи интересы состоят в доступе к большему ассортименту и выбору товаров и услуг при меньших затратах, повышении качества товаров и услуг, в том числе через их персонализацию, обеспечении доверия, реализации свободы выражения мнений, объединений, участия в управлении, неприкосновенности личности, тайне переписки и личной жизни;

4) неправительственные организации, которые зачастую выражают консенсус интересов определенной группы государств с учетом их места в мировой системе, как правило, направлены на обеспечение доступа на новые рынки более дешевого сырья, рабочей силы;

5) общество и государство, которые в данном случае рассматриваются нераздельно, поскольку государство объективно должно выступать выразителем социальных интересов, обеспечивать их надлежащую защиту. Интересы, входящие в данную группу, включают: решение социальных проблем, в том числе связанных с достижением целей устойчивого развития; устранение или минимизацию цифрового неравенства; повышение общественного благосостояния; обеспечение безопасности (особенно экономической, информационной); развитие человеческого капитала;

поддержку собственной конкурентоспособности на международной арене и др. [14; 15; 16; 17; 18].

Важной особенностью интересов в цифровой экономике является также и то, что их институционализация, в том числе и юридическая, происходит за счет использования технологий, архитектура которых основана на конкретных мировоззренческих (идеологических) принципах. При этом в одних случаях технические правила существуют для обеспечения соответствующих правовых предписаний (например, системы DRM, Digital Rights Management), а в других они направлены на изменение объема или содержания имеющихся прав, то есть на установление нового регулирования. Данный феномен одновременно является и преимуществом, и угрозой для существующего правопорядка, так как, с одной стороны, при помощи технологий можно достичь более эффективного правоприменения, с другой стороны, такой подход может привести к снижению роли права и иных социальных регуляторов, деформации правосознания.

В ряде случаев интересы рассматриваемых субъектов являются противоречащими друг другу, что обуславливает необходимость решения второй из обозначенных проблем: обеспечения баланса и справедливого согласования интересов, также их дальнейшее превращение в субъективные права и юридические обязанности, то есть юридическую институционализацию интереса [19, с. 343]. Приведем несколько примеров. На практике ограничения прав потребителя (пользователя) могут возникать из лицензионного соглашения, в соответствии с которым цифровой контент или цифровые услуги предоставляются потребителю с определенными условиями и изъятиями, которые продавец не в состоянии устранить. В результате возникает коллизия законных интересов продавца, потребителя, авторов, правообладателей, а также интересов общества, в том числе состоящих в необходимости инновационного и научно-культурного развития. Это вызывает необходимость создания дополнительных мер, направленных на защиту прав потребителей на цифровых рынках, в том числе запрет на исключение или ограничение ответственности, установление требований, предъявляемых к качеству цифрового контента, и обязанности продавцов обновлять цифровые продукты и др.

Еще одним примером может служить коллизия интересов субъектов персональных данных, компаний, осуществляющих их обработку, а также отдельных государств. Отметим, что в США имеет место попытка юридической идеологизации интересов высокотехнологичных компаний, чьи бизнес-модели строятся на обработке данных, поскольку при выработке политики большее внимание уделяется количественным оценкам, к примеру, принцип «готовность платить» или «готовность принять компенсацию» используется при оценках инициатив регулирования на рынке персональных данных [20]. Указанное является недопустимым, поскольку защита персональных данных должна осуществляться как государственными, так и частными структурами вне зависимости от страны, а также от того, как высоко оценивают свои данные пользователи. В противном случае это приведет к расширению

коммодитизации личной информации, что является недопустимым для правового государства. В этом контексте стоит отметить изменения от 4 марта 2022 г., внесенные в Конституцию Республики Беларусь, в которой была дана принципиальная нормативная оценка необходимости создания государством условий защиты персональных данных и обеспечения безопасности личности и общества при их использовании, а также принятые ранее Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» и иные акты, направленные на развитие его положений.

Таким образом, объективно-субъективная природа интересов обуславливает тенденцию трансформации содержания правообразующих интересов в условиях цифровой экономики, которая выступает в качестве объективного фактора, детерминирующего необходимость изменений в праве, в том числе на уровне субъективных прав и юридических обязанностей. Возрастание противоречий в мировой экономической системе, реализация государствами политики технонационализма, инновационного меркантилизма и пр. все больше актуализируют проблемы своевременного определения и справедливого обеспечения баланса интересов в цифровой экономике. Рассмотренные в исследовании группы правообразующих интересов различных субъектов имеют ряд общих свойств, однако зачастую находятся в противоречии друг с другом, которое усиливается с технологизацией общественных отношений. Базовым является конфликт интересов потребителей (пользователей), нуждающихся в обеспечении доступности технологий и ресурсов в цифровой экономике, построении пространства доверия и совместимости технологических решений, с интересами высокотехнологичных корпораций и государств, к юрисдикции которых относятся данные корпорации. В таких условиях только государство, имеющее контроль над информационно-коммуникационной инфраструктурой, реализуемый через механизмы обеспечения функционирования суверенного Интернета и независимости от поставщиков критических технологий, наличия собственной материально-технической базы, в первую очередь в таких отраслях как микроэлектроника, телекоммуникации и др., может гарантировать эффективную защиту и адекватную юридическую институционализацию публичных интересов в субъективные права и юридические обязанности, а также их дальнейшую реализацию.

Список использованных источников

1. Данилин, И. В. Американо-китайская технологическая война через призму технонационализма [Электронный ресурс] / И. В. Данилин // ИМЭМО РАН. – 2021. – №1 (60). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikano-kitayskaya-tehnologicheskaya-voyna-cherez-prizmu-tehnonatsionalizma>. – Дата доступа: 15.11.2022.
2. Amin, S. Unequal development: an essay on the social formations of peripheral capitalism / S. Amin. – New York: Monthly Review Press, 1976. – 440 p.
3. Балацкий, Е. В. Институциональные и технологические ловушки / Е. В. Балацкий // Журнал экономической теории. – 2012. – № 2. – С. 48–63.

4. Доклад Межправительственной группы экспертов по электронной торговле и цифровой экономике о работе ее третьей сессии [Электронный ресурс] // ЮНКТАД, 2022. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/tdb_ed3d3_ru.pdf. – Дата доступа: 28.01.2022.
5. Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете: Резолюция, принятая Советом по правам человека от 5 июля 2018 года № A/HRC/RES/38/7 [Электронный ресурс] // ООН, 2022. – Режим доступа: https://eos.cartercenter.org/uploads/document_file/path/983/_Resolution_38_7_on_Human_Rights_on_the_Internet_R.pdf. – Дата доступа: 21.11.2022.
6. Использование информационно-коммуникационных технологий в целях устойчивого развития: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей от 17 декабря 2021 года № A/RES/76/189 [Электронный ресурс] // ООН, 2022. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/371/76/PDF/N2137176.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 21.11.2022.
7. Тихомиров, Ю. А. Публичное право / Ю. А. Тихомиров. – М.: БЕК, 1995. – 496 с.
8. Лапаева, В. В. Социология права / Под ред. В. С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2000. – 304 с.
9. Малько, А. В. Законные интересы как правовая категория / А. В. Малько, В. В. Субочев. – СПб: «Юридический центр Пресс», 2004. – 359 с.
10. Финогентова, О. Е. Проблемы реализации правовой категории «публичный интерес» в российском праве / О. Е. Финогентова, А. Ю. Ломаев. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. – 105 с.
11. Зеленцов, А. Б. Публичные интересы и производные от них юридические конструкции / А. Б. Зеленцов, М. В. Немытина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 4. С. 425–462.
12. Миролюбова, С. Ю. Проблема геоблокировки и геодискриминации в условиях создания единого цифрового рынка / С. Ю. Миролюбова // Право и экономика. – 2020. – № 10. – С. 17–21.
13. Маркевич, Д. С. Противодействие геодискриминации как компонент антимонопольной политики ЕАЭС / Д. С. Маркевич // Материалы форума «Перспективы евразийской экономической интеграции», посвященного 10-летию Евразийской экономической комиссии в рамках 18-го Международного научного семинара «Мировая экономика и бизнес-администрирование». – Минск: Четыре четверти, 2022. – С. 68–70.
14. Чермисинова, М. Е. Реализация законных интересов в сети Интернет [Электронный ресурс] / М. Е. Чермисинова // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – Режим доступа: <https://jrnnorma.ru/articles/article-2433.pdf?1552998119>. – Дата доступа: 02.06.2022.
15. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions: Online platforms and the digital single market: opportunities and challenges for Europe [Electronic resource] / European Union, 2022. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016DC0288/>. – Date of access: 15.11.2022.
16. Малышева, Г. А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества [Электронный ресурс] / Г. А. Малышева // Власть. – 2018. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotsialno-politicheskikh-vyzovah-i-riskah-tsifrovizatsii-rossiyskogo-obschestva>. – Дата доступа: 02.06.2022.
17. Буров, В. Ю. О роли малого предпринимательства и образования в развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] / В. Ю. Буров, Н. В. Капитонова, Н. Б. Кайбалина // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 4. – Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42116>. – Дата доступа 01.06.2022.

18. Чернова, В. Ю. Российский потребитель в цифровой экономике [Электронный ресурс] / В. Ю. Чернова // Дискуссия. – 2019. – №2 (93). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-potrebitel-v-tsifrovoy-ekonomike>. – Дата доступа: 02.06.2022.

19. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М.: 2011. – 800 с.

20. Prince, J. How much is privacy worth around the world and across platforms [Electronic resource] / J. Prince // Technology policy institute, 2022. – Mode of access: https://techpolicyinstitute.org/wp-content/uploads/2020/02/Prince_Wallsten_How-Much-is-Privacy-Worth-Around-the-World-and-Across-Platforms.pdf. – Date of access: 27.06.2022.

Масюк Марина Игоревна

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПРЕДМЕТОВ, ДОКУМЕНТОВ

Главный специалист группы по работе с обращениями граждан, управление
Следственного комитета Республики Беларусь по г. Минску,
m.i.masiuk@yandex.ru

Аннотация. Научная статья посвящена отдельным проблемам правового регулирования проведения осмотра компьютерной информации, предметов и документов в уголовном процессе. В статье проводится анализ правовых норм, регулирующих порядок проведения осмотра компьютерной информации, предметов, документов. По результатам исследования сформулирован вывод о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс; осмотр; предмет; документ; компьютерная информация.

Современный уголовный процесс характеризуется возрастанием роли компьютерной информации, в том числе в установлении обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. При этом компьютерная информация, различные компьютерные программы и технические устройства являются не только объектами уголовно-процессуальной деятельности, но и средствами ее осуществления.

Компьютерная информация в качестве объекта уголовно-процессуальной деятельности получила закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) только в 2021 г., хотя работа с ней велась задолго до этого. До внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон при проведении процессуальных действий с компьютерной информацией, включая ее осмотр, применялись нормы, регулирующие порядок проведения процессуальных действий с предметами и

документами, что было обусловлено тем, что компьютерная информация неразрывно связана с предметами ее носителями, при этом сама воспринималась как документ в электронной форме, который при распечатывании обретает письменную (бумажную) форму.

Однако еще до внесения изменений в УПК многие исследователи, в частности Н.А. Андреева, И.Н. Дудко, А.И. Зазулин, обращали внимание на особенности компьютерной (электронной) информации, заключающиеся в порядке ее формирования в виде двоичного кода, хранения, копирования, передачи, обработки, а также возможности ее восприятия человеком только с помощью программно-технических средств, с учетом чего предлагали отделить компьютерную информацию от предметов и документов, закрепив это обособление в УПК [1, с. 11-15; 2, с. 303-304; 3, с. 131-133].

При этом Н.А. Андреева выразила следующее мнение: «Отсутствие правовой регламентации порядка получения электронной информации вынуждает органы уголовного преследования применять имеющиеся в УПК инструменты, подменяя выполняемое в действительности процессуальное действие существующими уголовно-процессуальными формами» [1, с. 11].

Эти особенности восприняты законодательным органом при внесении изменений и дополнений в УПК. Так, на основании норм Закона Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» словами «компьютерная информация» дополнены ч. 2 ст. 173 и ст. 203 УПК, а также путем внесения дополнений в ст.ст. 204 и 210 УПК установлен порядок копирования (фиксации) компьютерной информации в отображаемой форме при проведении осмотра, обыска, выемки.

На основании норм Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь дополнена определением понятия «компьютерная информация», под которой понимается «информация, хранящаяся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, обрабатываемая компьютерной системой либо передаваемая в пространстве с помощью любых программно-технических средств». Тем же законом УПК дополнен ст. 204¹, регламентирующей порядок проведения осмотра компьютерной информации.

Названными изменениями и дополнениями нормативно закреплено отделение компьютерной информации от предметов и документов. В результате внесения изменений и дополнений компьютерная информация обрела статус самостоятельного объекта процессуальных действий, при этом нормативное правовое регулирование порядка работы с ней стало более детальным по сравнению с порядком проведения процессуальных действий с предметами и документами, что имеет свои негативные проявления в деятельности органов, ведущих уголовный процесс.

Во-первых, в настоящее время порядок и особенности проведения осмотра компьютерной информации закреплены в УПК, а порядок и

особенности проведения осмотра предметов и документов определяются лишь криминалистической тактикой.

Во-вторых, особенности уголовно-процессуальной охраны отдельных конституционных прав личности стали зависеть не от содержания объекта, а от формы его представления. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 204¹ УПК осмотр компьютерной информации, доступ к которой осуществляется посредством аутентификации пользователя либо которая содержит сведения о частной жизни лица, сведения, составляющие охраняемую законом тайну, или иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, проводится только с согласия обладателя информации и в его присутствии или по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя, если иное не предусмотрено ч. 5 указанной статьи, а в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр компьютерной информации может быть проведен по постановлению следователя, органа дознания без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном осмотре. Согласно ч. 5 ст. 204¹ УПК осмотр компьютерной информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, изъятых при производстве процессуальных действий, санкционированных прокурором, проводится без санкции прокурора.

В соответствии с п. 14 ч. 5 ст. 34 УПК прокурор, осуществляя надзор за соблюдением законности при производстве предварительного следствия и дознания, уполномочен санкционировать применение меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий, залога; проведение обыска, осмотра жилища или иного законного владения, осмотра компьютерной информации; наложение ареста на имущество, находящееся в жилище и ином законном владении, на почтово-телеграфные и иные отправления и их выемку; требование о представлении информации и выемку документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну; прослушивание и запись переговоров, ведущихся по техническим каналам связи, и иных переговоров; извлечение трупа из места захоронения (эксгумация); помещение подозреваемого или обвиняемого, не содержащихся под стражей, в судебно-психиатрический экспертный стационар; отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности в случаях и порядке, установленных УПК, то есть полномочиями на санкционирование осмотра документов прокурор не наделен.

Таким образом, согласно действующим нормам УПК за исключением не терпящих отлагательства случаев и случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 204¹ УПК, для проведения осмотра сведений о частной жизни лица, или сведений, составляющих охраняемую законом тайну, или иных сведений, распространение и (или) предоставление которых ограничено, если они представлены в форме компьютерной информации, необходимо получение согласия обладателя информации и его присутствие при осмотре или вынесение постановления следователя, органа дознания, и получение санкции прокурора или его заместителя. При этом действующий УПК не

предусматривает ни получение согласия на проведение осмотра, ни присутствие лица при осмотре, ни вынесение постановления, ни получение санкции на проведение осмотра сведений о частной жизни лица, или сведений, составляющих охраняемую законом тайну, или иных сведений, распространение и (или) предоставление которых ограничено, если они представлены в форме документов на бумажном носителе.

Так, например, в соответствии с требованиями Указа Президента Республики Беларусь от 3 июня 2008 г. № 294 «О документировании населения Республики Беларусь», действующего в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 16 марта 2021 г. № 107 «О биометрических документах», часть граждан Республики Беларусь имеет в качестве документа, удостоверяющего личность, паспорт, а другая часть – идентификационную карту. Для проведения осмотра паспорта гражданина Республики Беларусь, изъятого при задержании лица в ходе личного обыска, проведенного без санкции прокурора согласно ч. 2 ст. 211 УПК, нет необходимости получать согласие лица, его присутствие или выносить постановление и получать санкцию прокурора или его заместителя, однако для осмотра изъятой в том же порядке идентификационной карты такая необходимость предусмотрена ст. 204¹ УПК.

В-третьих, существующая редакция ст. 204¹ УПК предполагает согласие обладателя информации и его присутствие или вынесение постановления, санкционированного прокурором, даже в случае проведения осмотра компьютерной информации, содержащей сведения о частной жизни лица, размещенной в общем доступе в глобальной компьютерной сети Интернет, например, на страницах в социальных сетях. Хотя сам факт размещения информации в общем доступе является выражением согласия лица на то, что такая информация станет известна неопределенному кругу лиц, а также указывает на то, что данные сведения не скрываются от посторонних и не составляют тайну частной жизни.

В-четвертых, особенность компьютерной информации, как уже отмечалось выше, заключается в том, что она может быть воспринята человеком только с использованием программно-технических средств. Для того, чтобы узнать, содержится ли на носителе какая-либо компьютерная информация, необходима ли аутентификация пользователя для доступа к ней, содержит ли эта информация сведения о частной жизни лица, сведения, составляющие охраняемую законом тайну, или иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, необходимо использование программно-технических средств. Само подключение носителя компьютерной информации к программно-техническим средствам в рамках ведения уголовного процесса следует рассматривать как начало проведения осмотра. Осмотру в особом предусмотренном ч. 2 ст. 204¹ УПК порядке подлежит не вся компьютерная информация, а только указанная в данной норме. То есть при получении согласия, вынесении постановления на проведение осмотра компьютерной информации и обращении за санкцией к

прокурору или его заместителю без исследования фактического содержания компьютерной информации с использованием программно-технических средств следователь, орган дознания лишь не знают, а лишь могут предполагать, что подлежащая осмотру компьютерная информация может содержать сведения, предусмотренные ч. 2 ст. 204¹ УПК.

С учетом результатов проведенного исследования в целях устранения недостатков правового регулирования работы с компьютерной информацией, предметами и документами, предлагается изменить название ст. 204¹ УПК «Осмотр компьютерной информации» на «Осмотр предметов, документов, компьютерной информации» и изложить названную статью в следующей редакции:

1. Осмотр предметов, документов, компьютерной информации проводится на месте производства следственного действия.

2. Осмотр компьютерной информации, доступ к которой осуществляется посредством аутентификации пользователя, а также осмотр предметов, документов, компьютерной информации, которые содержат сведения о частной жизни лица, сведения, составляющие охраняемую законом тайну, или иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, проводится только с согласия обладателя информации и в его присутствии или по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя, если иное не предусмотрено частью 5 настоящей статьи. В случаях, не терпящих отлагательства, осмотр предметов, документов, компьютерной информации может быть проведен по постановлению следователя, органа дознания без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном осмотре.

3. В ходе осмотра предметов, документов, компьютерной информации следователем, органом дознания могут производиться действия, предусмотренные функционалом информационных систем, информационных ресурсов, а также использоваться научно-технические средства, оборудование, аппаратура, приборы, компьютерные программы.

4. В протоколе осмотра должны быть указаны использованные научно-технические средства, оборудование, аппаратура, приборы, компьютерные программы и описаны порядок осуществления доступа к компьютерной информации, произведенные в ходе осмотра действия и полученные результаты.

5. Осмотр предметов, документов, компьютерной информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, изъятых при производстве процессуальных действий, санкционированных прокурором, а также компьютерной информации, размещенной в общем доступе в глобальной компьютерной сети Интернет, проводится без санкции прокурора.

6. О проведении составляется протокол с соблюдением требований статей 193 и 194 настоящего Кодекса».

Список использованных источников

1 Андреева, Н. А. Правовая регламентация работы с электронными доказательствами в ходе досудебного уголовного производства / Н. А. Андреева // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 12-13 апреля 2018 г.) / Следственный комитет Республики Беларусь; редкол.: С. Я. Аземша [и др.]. – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. – С. 11–15.

2 Дудко И.Н. Копирование компьютерной информации / И. Н. Дудко // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию милиции Беларуси, Минск, 10 февр. 2017 г.: тез. докл. / Акад. МВД Респ. Беларусь; редкол.: А. В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 303–304.

3 Зазулин, А. И. Компьютерная информация в уголовном процессе: сущность и способы закрепления в качестве доказательства по уголовному делу / А. И. Зазулин // Бизнес в законе. – 2015. – № 6. – С. 130-133.

Михайловский Вадим Сергеевич

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ПРАВОВЫЕ АКТЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ СВЯЗИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ

Заведующий кафедрой государственного управления, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, кандидат политических наук,
доцент, mikhailouskiivs@bsu.by

Аннотация. Классифицируются источники административного и информационного права в сфере регулирования отношений в области связи и информатизации. Выделяются совместные нормативные правовые акты. Классифицируются правовые акты управления нормативного, правоприменительного и смешанного характера.

Ключевые слова: административное право; законодательство; информатизация; информационное право; связь.

В современных условиях цифровизации различных сфер общественной жизни наряду с продолжающимся процессом информатизации, развивающимся в обществе и государстве, в том числе посредством внедрения инновационных информационно-коммуникационных технологий в государственное управление, бизнес-процессы, образование и другие сферы, правовое регулирование в области связи и информатизации приобретает комплексный характер и, в том числе, затрагивает процесс цифровизации. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах

информатизации» (п. 8 приложения 1 к данному Указу) под цифровым развитием понимается внедрение информационных и других передовых технологий в управленческие и бизнес-процессы в целях их качественной трансформации во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. Как видим, цифровое развитие предполагает внедрение в обществе и государстве передовых ИТ, которое входит и в процесс информатизации, базирующийся на формировании и использовании информационных ресурсов посредством информационных систем, информационных технологий, комплексов программно-технических средств (согласно дефинициям «информатизация», «информационный ресурс», «информационная система», определенным в Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»).

Под влиянием взаимосвязи процессов цифровизации и информатизации государственное управление в соответствующих рассматриваемым процессам сферах общественных отношений закономерно характеризуется актуальностью. При этом в систему государственного управления в области информатизации и цифрового развития в Республике Беларусь включается также координация деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в целях создания условий для обеспечения информационных потребностей субъектов административного права в сфере связи, реализация государственной политики, организация и осуществление международного сотрудничества в этой же сфере. Данный факт обусловлен не только объективной взаимосвязью рассматриваемых сфер (связь, информатизация и цифровое развитие), но и основными функциями, задачами и полномочиями республиканского органа государственного управления, осуществляющего государственное регулирование и управление деятельностью в сферах информатизации, цифрового развития и связи, – Министерства связи и информатизации Республики Беларусь (в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации», Положением о Министерстве связи и информатизации Республики Беларусь, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 марта 2004 г. № 302).

В силу широкого охвата процессами информатизации, цифровизации и связью (в первую очередь – электросвязью) различных сторон общественных отношений государственное управление и регулирование рассматриваемых сфер осуществляется также Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь, Министерством информации Республики Беларусь и другими субъектами исполнительной ветви государственной власти. Исходя из компетенции Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства связи и информатизации, Министерства информации в сферах информатизации, цифрового развития и связи, проявляется тесная взаимосвязь административно- и информационно-правового регулирования общественных отношений в данных сферах. На

административно-правовое регулирование государственного управления в сфере связи, информатизации и цифровизации указывает соответствующая деятельность республиканских органов государственного управления. В свою очередь, информационно-правовое регулирование общественных отношений, связанных с управлением и деятельностью в области связи, информатизации и цифровизации, обусловлено основными объектами данных областей (информация, информационные технологии, телекоммуникации, электросвязь).

Белорусский ученый-юрист С. Г. Василевич, характеризуя электронное государственное управление, обращает внимание на «широкий круг законодательных актов, обеспечивающих внедрение в повседневную жизнь информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)» и выделяет среди таких актов Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации», Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», Закон Республики Беларусь от 5 мая 1999 г. № 250-З «О научно-технической информации» и др. [1, с. 42–43]. Данные теоретические положения указывают на взаимосвязь отношений в сфере информатизации и связи, входящих в предметы административно- и информационно-правового регулирования. Таким образом, нормативно-правовое регулирование отношений в сфере связи, информатизации и цифрового развития включает в себя как нормы административного права, так и информационного. Весьма сложно классифицировать источники права в рассматриваемых сферах исходя из специфики их предметов на информационно- и административно-правовые. Так, основные источники информационного права (к примеру, Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» и др.) охватывают в своем регулировании государственное управление информационных процессов.

Перечень административно-правового регулирования отношений в области связи, информатизации и цифрового развития может быть дополнен также следующими нормативными правовыми актами: Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет»; Указ Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь»; Указ Президента Республики Беларусь от 30 сентября 2010 г. № 515 «О некоторых мерах по развитию сети передачи данных в Республике Беларусь»; Закон Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-З «Об электросвязи»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 сентября 2021 г. № 548 «Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования»; Положение о порядке предварительной идентификации пользователей интернет-ресурса, сетевого издания,

утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 ноября 2018 г. № 850; Инструкция о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне, утвержденная приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 18 июня 2010 г. № 47 и др.

В системе источников административно-правового регулирования отношений в области связи, информатизации и цифрового развития встречаются и совместные нормативные правовые акты. Как отмечает профессор Г. А. Василевич, «системообразующую роль в организации нормотворческой деятельности органов исполнительной власти» выполняет Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» [2, с. 16]. В указанном Законе предусматривается определение понятия «совместный нормативный правовой акт» и определяются правила определения его юридической силы. Подчеркнем, что в области административно-правового регулирования отношений в сфере связи, информатизации и цифрового развития совместные нормативные правовые акты приняты органами государственного управления в данной сфере и тем самым выражают их нормотворческую функцию, а также подчеркивают сложность регулирования рассматриваемых сфер общественных отношений, пересечение компетенций органов государственного управления в данных сферах и предметов административно- и информационно-правового регулирования.

В качестве примера совместных нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере административно-правового регулирования можем привести: постановление Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства связи и информатизации Республики Беларусь и Министерства информации Республики Беларусь от 3 октября 2018 г. № 8/10/6 «Об утверждении Положения о порядке ограничения (возобновления) доступа к интернет-ресурсу, сетевому изданию». Данным положением устанавливается порядок ограничения (возобновления) доступа к интернет-ресурсу, сетевому изданию в случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь (в частности, ст. ст. 51¹ и 51² Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации»).

Совершенно естественно, что Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь как государственный орган системы обеспечения национальной безопасности, Министерство связи и информатизации, Министерство информации в рамках административно-правового регулирования отношений в области связи и информатизации руководствуются и принимают не только нормативные правовые акты, но и правовые акты управления. Среди таких актов могут быть приведены:

- постановление Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь и Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 10 февраля 2014 г. № 1 / 2 «Об утверждении перечня операторов электросвязи, имеющих право на пропуск межсетевого трафика»;

- приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 17 декабря 2010 г. № 92 «Об утверждении перечня уполномоченных поставщиков интернет-услуг». Согласно рассматриваемому приказу утвержден перечень поставщиков интернет-услуг, уполномоченных оказывать услуги хостинга официальных интернет-сайтов и электронной почты. К таким поставщикам относятся: РУП электросвязи «Белтелеком»; «Белорусские облачные технологии»; НЦЭУ; ООО «Надежные программы»; Государственное учреждение «Главное хозяйственное управление» Управления делами Президента Республики Беларусь.

Таким образом, сложность классификации источников административного и информационного права в сфере регулирования отношений в области связи, информатизации и цифровизации обусловлена пересечением предметов данных отраслей в указанных вопросах. В то же время в системе нормативно-правового обеспечения отношений в сфере связи, информатизации и цифрового развития могут быть выделены совместные нормативные правовые акты, что указывает на пересечение компетенций органов государственного управления в сфере связи, информатизации и цифровизации. Классификация правовых актов управления нормативного, правоприменительного и смешанного характера закономерно отражается и в рамках административно-правового регулирования отношений в области связи и информатизации.

Список использованных источников

1. Василевич, С.Г. Правовое обеспечение эффективного государственного управления / С.Г. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2015. – 226 с.
2. Василевич, Г.А. Правовые основы нормотворческой деятельности органов исполнительной власти / Г.А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2021 – 156 с.

Міхнавец Юлія Іванаўна

ЦЫФРАВІЗАЦЫЯ ЯК ФАКТАР ТРАНСФАРМАЦЫІ АСНОЎ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВЫ

Магістр юрыдычных навук, інспектар групы па працы з замежнымі грамадзянамі і асобамі без грамадзянства аддзялення па грамадзянстве міграцыі аддзела ўнутраных спраў Салігорскага райвыканкама, umihnovets@mail.ru

Анатацыя. Лічым, што інфармацыя, якая прадстаўлена ў гэтай навуковай артыкуле, будзе карысная самому шырокаму колу чытачоў, як якія цікавяцца тэматыкай цыфравізацыі канстытуцыйных асноў дзяржавы і права, так і спецыялістам, якія працуюць у дадзенай вобласці.

Ужо сёння можна з упэўненасцю казаць аб тым, што, «цыфравізацыі», уяўляе для Рэспублікі Беларусь вельмі важнае значэнне, так як закранае правы і асноўныя свабоды неабмежаванага кола асоб.

І такое становішча разгледанага пытання, характэрна не толькі для нашай краіны, але і для ўсіх без выключэння краін свету.

Ключавыя словы: асновы дзяржавы; канстытуцыйнае права; суд; цыфравізацыі; грамадскія адносіны.

У цяперашні час, усе без выключэння грамадскія і агульнадзяржаўныя адносіны пераходзяць у «лічбавы фармат» свайго частковага, альбо поўнага ажыццяўлення [1].

У сваю чаргу, цыфравізацыі, таксама не абыйшла бокам канстытуцыйныя асновы сучаснай беларускай дзяржавы.

Прыкладамі цыфравізацыі канстытуцыйных асноў сучаснай беларускай дзяржавы і права выступаюць наступныя з іх:

1) Магчымасць атрымання шырокага спектру паслуг, да ліку якіх адносяцца і канстытуцыйныя правы чалавека і грамадзяніна, якія можна атрымаць праз "шматфункцыянальны цэнтр" альбо праз разнастайныя прыкладанні і платформы, якія працуюць на аснове сеткі Інтэрнэт (атрыманне рознага роду даведак і выпісак, купля-продаж аб'екта нерухомасці, ажыццяўленне выплаты падаткаў і штрафаў);

Ужо сёння можна з упэўненасцю мы можам казаць пра тое, што «шматфункцыянальны цэнтр» уяўляе сабой досыць эфектыўны і інструмент у справе далейшага развіцця цыфравізацыі грамадскіх адносін, прычым як праз рознага роду інтэрнэт – платформы, так і пры яго фізічным наведванні грамадзянінам.

2) магчымасць звароту ў суды Рэспублікі Беларусь, шляхам накіравання адпаведных дакументаў праз афіцыйныя абароненыя інтэрнэт-сайты [2].

Ўвядзенне магчымасці падачы пазову праз афіцыйную інтэрнэт-старонку, уяўляе сабой вялікае практычнае значэнне, так як чалавеку няма неабходнасці ў рэальным наведванні судаў Беларусі.

3) магчымасць прыняцця ўдзелу ў "анлайн" пасяджэннях канстытуцыйнага і ўсіх іншых судаў нашай дзяржавы, праз спецыяльны інтэрнэт-партал;

Наяўнасць магчымасці ўдзелу ў пасяджэннях суда з дапамогай «анлайн» пасяджэнняў, уяўляе сабой вялікае значэнне, бо дазваляе кожнаму без выключэння грамадзяніну Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляць прысутнасць у Канстытуцыйным судзе, без неабходнасці фізічнай яўкі.

У безумоўным парадку ўсяго разгледанага пытання, прававы інструмент «анлайн» пасяджэнняў, у цяперашні час магчымы не ва ўсіх судах Рэспублікі Беларусь, у сілу прычын самага рознага характару і зместу.

У якасці асноўнай і галоўнай прычыны недастатковай развітасці дадзенага канстытуцыйна –прававога інстытута, выступае не ў поўнай меры

развітыя сеткі доступу ў Інтернет і котрыя тым не менш пастаянна мадэрнізуюцца і абнаўляюцца.

4) Магчымасць атрымання актуальнай інфармацыі аб характары руху заяўленага пазову ў Канстытуцыйным і ўсіх іншых судах Рэспублікі Беларусь.

Гэты канстытуцыйна-прававы інстытут ўяўляе сабой найбольш даступны і прапрацаваны механізм, бо дазваляе практычна кожнаму карыстальніку, ажыццяўляць атрыманне інфармацыі па тым ці іншым пазове, практычна з кожнага месца, дзе маецца доступ да сеткі Інтэрнэт.

На падставе ўсяго вышэйсказанага неабходна рэзюмаваць наступнае, тэматыка ў выглядзе – далейшай цыфравізацыі грамадскіх адносін, будзе і далей працягваць развівацца, так як гэтая тэндэнцыя характэрная не толькі для нашай дзяржавы, так і ўсіх іншых краін глабальнага свету, без выключэння.

Дадаткова да ўсяго вышэйсказанага можам адзначыць наступнае, цыфравізацыі грамадскіх адносін, акрамя несумнеўных станоўчых складнікаў для кожнага грамадзяніна Рэспублікі Беларусь, таксама нясе ў сабе значную эканомію дзяржаўных сродкаў на агульнае ўтрыманне ўсяго дзяржаўнага апарату.

Не з'яўляецца сакрэтам той факт, што пастаянна павялічваецца аб'ём падаюцца пазоваў у Канстытуцыйны суд і ўсе іншыя судовыя органы дзяржавы расце з кожным годам, што ў канчатковым рахунку, без ажыццяўлення цыфравізацыі дзейнасці ўсёй судовай сістэмы, можа прывесці да калапсу і істотнага зацягвання разгляду заяўленых пазоваў.

Як уяўляецца з фактычнага істоты разглядаванага пытання, у будучыні, фізічнае наведванне альбо прысутнасць у Канстытуцыйным Судзе Рэспублікі Беларусь, будзе ў прынцыпе не трэба ў сілу таго, што ўсе неабходныя маніпуляцыі з дакументамі, можна будзе зрабіць «не выходзячы з дому».

Такім чынам, ужо сёння можна з упэўненасцю казаць пра тое, што тэматыка цыфравізацыі грамадскіх адносін, носіць у дастатковай ступені высокі характар і змест, што ў поўнай меры адпавядае ўсёй рэальнай рэчаіснасці.

Тым не менш, гэтае пытанне неабходна і далей працягваць развіваць і ўдасканалваць, так як ён самым непасрэдным чынам закранае правы і асноўныя канстытуцыйныя свабоды, неабмежаванага кола асоб.

Такім чынам, лічым што цыфравізацыі грамадскіх адносін як фактар трансфармацыі канстытуцыйных асноў дзяржавы і права сучаснай Рэспублікі Беларусь, носіць вельмі важнае значэнне і змест, якое з кожным годам будзе толькі павялічвацца і пашырацца, паколькі ў поўнай меры адпавядае агульнасусветнай тэндэнцыі, а таксама ўплыў дасягненняў навукова-тэхнічнага прагрэсу на грамадскае развіццё аб'ектывуе неабходнасць апэратыўнай канстытуцыйна-прававой фармалізацыі прававога рэгулявання грамадскіх адносін, якія складваюцца ў эканамічнай і сацыяльнай сферах жыццядзейнасці чалавека, з мэтай захавання і рэальнага напаўнення гуманістычным зместам Палажэння аб вышэйшай каштоўнасці чалавечага жыцця.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кириченко Е. В. цифравізацыі ў канстытуцыйна-прававым вымярэнні / е. в. Кириченко-тэкст: электронны / – <https://cyberleninka.be/article/n/tsifrovizatsiya-v-konstitutsionno-pravovom-izmerenii/viewer> (дата звароту: 01. 08. 2022). - Рэжым доступу: навуковая электронная бібліятэка Киберленинка.

2. Аб інфармацыі, інфарматызацыі і абароне інфармацыі: Закон Рэспублікі Беларусь 10 лістапада 2008 г. № 455-З (Закон Рэспублікі Беларусь ад 24 мая 2021 г. № 111-З) // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455> – Нацыянальныя правыя інтэрнэт-партал Рэспублікі Беларусь.

3. Слівец С. М. навукова-тэхнічны прагрэс як фактар канстытуцыйна-прававой трансфармацыі грамадства / с. м. Слівец // Электронны рэсурс – Рэжым доступу: <http://www.sovrep.gov.by/ru/interview-ru/view/nauchno-texnicheskij-progress-kak-faktor-konstitutsionno-pravovoj-transformatsii-obschestva-282> Дата доступу: 01. 08. 2022.

Можжаева Людмила Евгеньевна

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
юридический факультет, УО «Гомельский государственный университет имени
Франциска Скорины», luda666@yandex.ru

Аннотацыя. В статье рассматривается понятие и значение цифровизации деятельности государственных органов. Анализируются факторы, оказывающие влияние на данный процесс в Республике Беларусь. Характеризуется история развития электронного правительства в Республике Беларусь и оценка степени готовности к электронному правительству. Раскрываются отдельные стороны оказания электронных услуг и административных процедур, функционирования интернет-сайтов государственных органов в Республике Беларусь.

Ключевые слова: государственный орган; индекс; Интернет; интернет-сайт; цифровизация; электронное правительство; электронная услуга.

В современном мире цифровизация деятельности государственных органов является приоритетным направлением политики многих государств. Среди положительных сторон данного процесса следует отметить содействие взаимодействию государства и общества, обеспечению открытости органов государственной власти, предоставление возможности общественного контроля за деятельностью государственных органов. Тем самым, процесс цифровизации деятельности государственных органов позволяет повысить доверие граждан к государственной власти.

На сегодняшний день термин «цифровизация» содержится в законодательстве Республики Беларусь, при этом отсутствует его легальное определение. Исходя из научного содержания данного понятия под цифровизацией деятельности государственных органов следует понимать

внедрение и использование государственными органами информационных технологий в процессе осуществления своей деятельности. Речь идет не просто об использовании государственным служащим компьютера для решения задач, традиционно выполняемых вручную или на аналоговых устройствах, а о возможности использования новейших технологий для лучшего и более быстрого выполнения задач и функций, что позволяет использовать технологии для деятельности, которая в прошлом была невозможна. Таким образом, цифровизация деятельности государственных органов – внедрение цифровых технологий хранения, обработки и передачи информации в деятельности государственных органов.

Чтобы успешно цифровизировать деятельность государственных органов необходимо, прежде всего, обеспечить доступ к информационным технологиям соответствующим субъектам (гражданам, организациям, органам государственной власти), а точнее к Интернету, который лежит в основе процесса цифровизации.

С 2015 по 2021 год в Республике Беларусь удельный вес населения в возрасте 6-72 лет, использующего сеть Интернет, в общей численности населения увеличился с 67,3 % до 86,9 % (рисунок 1).

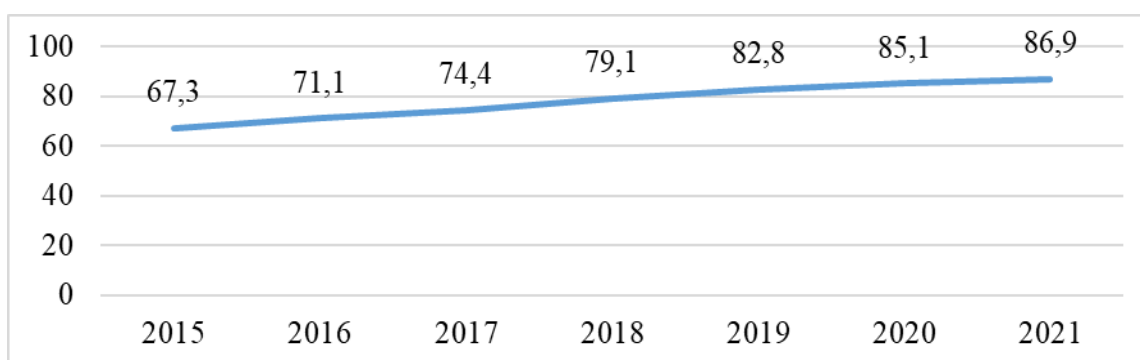

Рисунок 1 – Удельный вес населения в возрасте 6-72 лет, использующего сеть Интернет, в общей численности населения (в процентах) [1]

Удельный вес организаций, использовавших Интернет, в процентах к общему числу обследованных организаций, остается значительным и составил в 2020 году 98,7 % (рисунок 2).

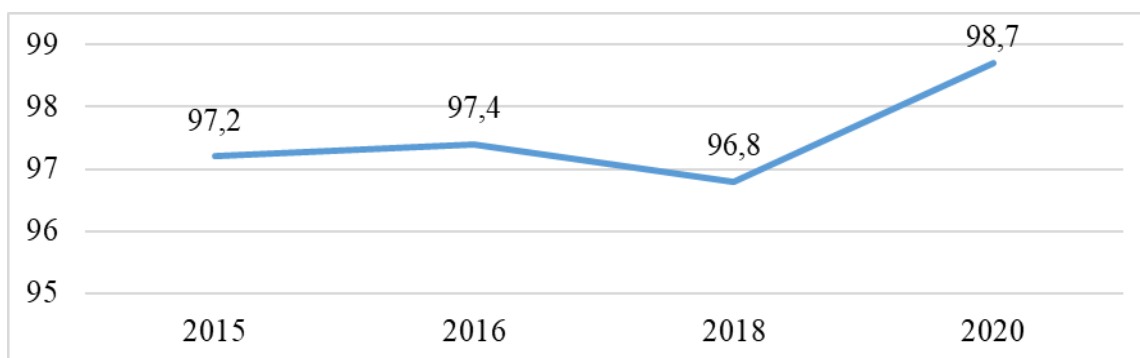

Рисунок 2 – Удельный вес организаций, использовавших Интернет (в процентах к общему числу обследованных организаций) [1]

Безусловно, важен не только анализ доступности информационно-коммуникационных технологий, но и целей их использования. Статистические материалы, находящиеся в открытом доступе, позволяют проанализировать информацию относительно целей использования сети Интернет пользователями. Так, организации взаимодействуют с государственными органами (организациями) по таким направлениям, как получение информации о деятельности государственных органов (организаций) (88,9 % в 2020 году), предоставление государственной статистической отчетности, налоговых (96 % в 2020 году), получение государственных услуг в электронном виде без необходимости использования бумажного документооборота при получении таких услуг деклараций, таможенных и других документов (77,5 % в 2020 году) [1].

Статистические данные относительно активности взаимодействия населения с органами государственного управления посредством сети Интернет свидетельствуют о более низком уровне такой активности. Так, удельный вес населения в возрасте 6–72 лет, использующего сеть Интернет для осуществления взаимодействия с органами государственного управления и государственными организациями, в процентах в общей численности населения в 2020 году составил 23,6 % (рисунок 3).

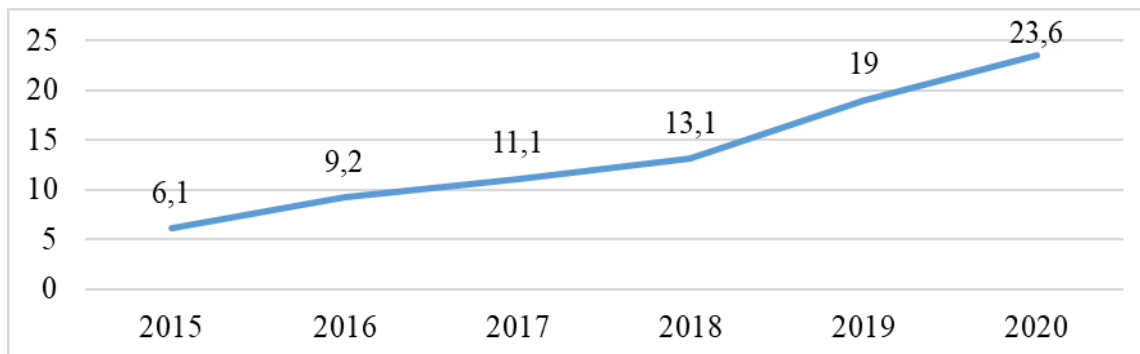

Рисунок 3 – Удельный вес населения в возрасте 6-72 лет, использующего сеть Интернет для осуществления взаимодействия с органами государственного управления и государственными организациями, в общей численности населения (в процентах) [2]

Такие результаты вызваны, прежде всего, установлением юридических обязанностей организаций по взаимодействию с государственными органами исключительно посредством сети Интернет (например, согласно п. 4 ст. 40 Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З коммерческие организации обязаны предоставлять налоговые декларации в виде электронного документа).

Вместе с тем, в целом прослеживается устойчивая положительная динамика использования организациями и населением информационно-коммуникационных технологий для взаимодействия с государственными органами.

Одним из приоритетных направлений цифровизации деятельности государственных органов в современном обществе является внедрение электронного правительства как эффективного способа взаимодействия, основанного на активном использовании информационно-коммуникационных технологий в целях повышения качества предоставления государственных услуг. Электронное правительство представляет из себя пакет технологий, благодаря которому граждане, организации, органы государственной власти и другие субъекты взаимодействуют между собой в цифровом виде.

К системному формированию электронного правительства на общегосударственном уровне в Беларуси приступили в 2003 году, когда была утверждена государственная программа информатизации «Электронная Беларусь». Фактической целью программы являлось формирование информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и компьютеризация государственных учреждений для развертывания на этой основе системы оказания справочных и регистрационных услуг населению с использованием электронных государственных информационных ресурсов и систем.

Более конкретно развитие структуры реализации электронного правительства было описано в 2011 году в «Национальной программе ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011-2015 годы».

В «Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 годы», одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол от 3 ноября 2015 г. № 26) одной из задач является вхождение в число первых 50 стран в индексе электронного участия ООН. При этом доля административных процедур и государственных услуг, оказываемых в электронном виде в 2022 году, должна составить не менее 75%.

Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66, в качестве приоритетного направления закрепила развитие инфраструктуры электронного правительства, в результате которого будет сформирована единая государственная модель данных, построенная по принципу интероперабельности (способность двух или более систем или компонентов к обмену информацией и к использованию информации, полученной в результате обмена) с однократным вводом данных на основе внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий.

Данной Государственной программой поставлена задача повысить эффективность реализации государственных функций посредством создания комплексной цифровой инфраструктуры для осуществления межведомственного информационного взаимодействия, формирования современной системы оказания государственных услуг на принципах

проактивности и мультиканальности их предоставления. Принцип проактивности в управленческой деятельности отражает самостоятельность и инициативность в принятии управленческих решений до получения соответствующих запросов от граждан и организаций, свидетельствует о намерении действовать «на опережение» для достижения позитивного результата или минимизации возможных негативных последствий.

С 2001 года ООН проводит исследования в области электронного правительства и оценивает его уровень в конкретных государствах посредством рейтинга EGDI (E-Government Development Index). Данный индекс рассчитывается исходя из трех показателей: доступность интернет-услуг, телекоммуникационная инфраструктура и человеческий капитал. Отмечается, что во всем мире наблюдается продолжительный рост участия в развитии электронного правительства, причем 65% государств-членов в настоящее время входят в группу с высоким или очень высоким уровнем EGDI. Республика Беларусь перешла из группы с высоким EGDI (2016) в группу с очень высоким EGDI в 2018 году. Согласно обзору ООН, по итогам 2020 года Республика Беларусь сохранила лидерство в регионе Восточной Европы по уровню развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и заняла 40-е место по индексу готовности к электронному правительству [3]. По итогам 2022 года Республика Беларусь по-прежнему входит в группу с очень высоким EGDI и занимает 58-е место в мире [4].

Базовым элементом электронного правительства в Республике Беларусь, предназначенным для интеграции всех государственных информационных ресурсов (систем), является Общегосударственная автоматизированная информационная система (ОАИС). ОАИС предназначена для оказания электронных услуг всем категориям потребителей. На сегодняшний день в Республике Беларусь действует новая версия «Единого портала электронных услуг», который на данный момент оказывает 177 видов электронных услуг и 68 административных процедур. На данном портале действует личный кабинет, при регистрации в котором предоставляется доступ к услугам. Авторизация в личном кабинете может осуществляться 4 способами:

- с помощью аккаунтов Google и Facebook;
- с помощью E-mail или номера телефона;
- с помощью ЭЦП РУП ГосСУОК;
- с помощью ID-карты.

Безусловно, перечни оказываемых электронных услуг и административных процедур будут и дальше расширяться с целью удовлетворения потребностей общества. Процесс перехода в Республике Беларусь к электронному правительству следует считать неизбежным, поскольку наблюдается постоянный рост объема предоставляемых электронных услуг. Согласно последним данным более 4,5 млн. электронных услуг оказывается ежемесячно [3]. Предполагаем, что после перехода на широкое использование ID-карт количество оказанных услуг значительно вырастет.

Важным направлением цифровизации является развитие механизма взаимодействия белорусских органов государственного управления между собой. В области межведомственного информационного взаимодействия сегодня в Республике Беларусь:

- создана единая технологическая инфраструктура электронного взаимодействия государственных органов и иных государственных организаций на базе межведомственных информационных систем, центров обработки данных и Единой республиканской сети передачи данных (ЕРСПД);
- заложены нормативно-правовые основы формирования и развития системы оказания электронных услуг органами государственной власти;
- обеспечены единые механизмы идентификации и аутентификации участников информационного взаимодействия при работе в государственных информационных системах, при получении электронных услуг;
- создан универсальный механизм выполнения административных процедур в электронном виде и оказания электронных услуг посредством Единого портала электронных услуг;
- строятся процессы трансграничного юридически значимого электронного взаимодействия.

Важным способом взаимодействия государственных органов и граждан в Республике Беларусь являются интернет-сайты государственных органов. Первоначально обязанность создавать интернет-сайты государственных органов и требования к таким сайтам были установлены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 февраля 2006 г. № 192. В настоящее время данные требования устанавливаются Указом Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» и постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 645 «О некоторых вопросах интернет-сайтов государственных органов и организаций».

Согласно пп.1.1 п.1 Указа Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 государственные органы обязаны размещать информацию о своей деятельности в глобальной компьютерной сети Интернет на собственных официальных сайтах либо на соответствующих страницах официальных сайтов вышестоящих государственных органов. Государственные органы должны обеспечивать создание, функционирование и систематическое обновление интернет-сайтов. Важным является гарантия свободного и бесплатного доступа к информации, размещенной на интернет-сайтах государственных органов.

Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 645 информация на интернет-сайтах государственных органов размещается с учетом следующих требований:

- актуальность, оперативность, достоверность и целостность;
- четкость структуризации, распределение данных по тематическим рубрикам (разделам, подразделам);

- многовариантность представления информации с использованием различных телекоммуникационных средств, технопрограммных решений и различного уровня доступа к ней;

- представление информации на русском и (или) белорусском языках, а при необходимости также на одном или нескольких иностранных языках с учетом особенностей;

- доступность для инвалидов по зрению в соответствии с требованиями, определенными в технических нормативных правовых актах.

Государственные органы должны регулярно обновлять (не реже одного раза в неделю) информацию на интернет-сайтах, а информацию о новостях – также датировать.

Требования к разработке, дизайну, регистрации и размещению интернет-сайтов государственных органов, а также требования по защите информации для центров обработки данных, осуществляющих услуги хостинга для интернет-сайтов государственных органов установлены государственным стандартом «Информационные технологии. Интернет-сайты государственных органов», утвержденным постановлением Госстандарта Республики Беларусь от 13 декабря 2018 года № 79.

Таким образом, цифровизация деятельности государственных органов имеет положительные стороны (эффективное и менее затратное администрирование, снижение количества бумажной волокиты и бюрократии и др.). Вместе с тем, данный процесс ведет и к изменению востребованности отдельных профессий в виду автоматизации процессов. Кроме того, для достижения желаемого результата необходимо уделять внимание обучению широких слоев населения цифровой грамотности, поскольку процентное соотношение интернет-пользователей различных возрастных групп при взаимодействии с органами государственного управления существенно отличается не в пользу категории пожилых лиц. Вместе в тем, в Республике Беларусь в целом прослеживается устойчивая положительная динамика использования организациями и населением информационно-коммуникационных технологий для взаимодействия с государственными органами. Это подтверждает необходимость ведения дальнейшей правовой и организационной работы по цифровизации деятельности государственных органов.

Список использованных источников

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2022 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 25.10.2022.

2. Информационное общество в Республике Беларусь : статистический сборник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/719/7199f71a6c5b80265d51141c9bbeaf39.pdf>. – Дата доступа: 29.08.2022.

3. Исследование ООН : электронное правительство 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020->

Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20-%20Russian.pdf. – Дата доступа: 14.09.2022.

4. United Nations E-Government Surveys 2022 : The Future of Digital Government [Electronic resource]. – Mode of access: <https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2022>. – Date of access: 31.10.2022.

Орловская Елена Ивановна

ЭТАПЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО СУДА ПРИСЯЖНЫХ

Доцент кафедры теории и истории права, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент,
mr.Rubis@gmail.com

Аннотация. В работе проводится исторический анализ этапов становления и развития суда присяжных в дореволюционной России, раскрыты его характерные черты. Суд позволил изменить представление граждан об общей системе работы правоохранительных органов. Он просуществовал более полувека до 1917 года, а в последующем был вновь востребован в современной правовой системе России.

Ключевые слова: суд присяжных, судебная система, судебный процесс, исторический анализ, этапы развития.

Важнейшим институтом, призванным обеспечивать, гарантировать и защищать права и свободы граждан, является государство. Конституцией Республики Беларусь предусмотрено обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь, что является высшей целью государства. Важнейшей частью этой системы является суд. Сегодня судебная система Республики Беларусь осваивает новые пути, направленные на общее повышение эффективности правосудия, поэтому целесообразным представляется рассмотрение проблем совершенствования судебной системы и обсуждение вопросов эффективности суда присяжных.

Поскольку Российская Федерация и Республика Беларусь являются Союзным государством, и у нас схожие правовые системы, общий историко-правовой опыт, то изучение опыта развития судебной системы России является важным и актуальным в современных условиях.

На протяжении своей истории российский суд присяжных не оставался статичным, а органично развивался в соответствии с изменениями, происходившими в государстве и обществе. С 1864 по 1917 гг. он прошел несколько качественно отличающихся друг от друга этапов развития. Критерием периодизации истории суда присяжных может служить законодательство о присяжных, поскольку оно показывает качественные

изменения в развитии этого института. Исходя из этого, можно выделить четыре этапа функционирования дореволюционного суда присяжных в России:

I этап: 20 ноября 1864 года – 9 мая 1878 года;

II этап: 9 мая 1878 года – 7 июля 1889 года;

III этап: 7 июля 1889 года – 4 марта 1917 года;

IV этап: 4 марта 1917 года – 22 ноября (5 декабря) 1917 года.

Первый этап длился с момента одобрения Александром II Судебных уставов 1864 г. до начала кризиса суда присяжных в России. Это период эволюционного развития института присяжных заседателей, он характеризуется тем, что Уставы 1864 г. действовали практически в своем первоначальном виде.

До 26 июля 1866 года (когда в Петербурге были рассмотрены первые дела с участием присяжных заседателей) суд присяжных в России фактически не действовал. До этого велась лишь подготовительная работа: подбирались и благоустраивались помещения для окружных судов, открывались окружные суды, создавались Временные комиссии, которые составляли и публиковали в «Губернских ведомостях» общие, очередные и запасные списки присяжных заседателей и т.п. 20 ноября 1864 г. Сенат утвердил «Основные положения преобразования судебной части России». Реформа позволила отделить судебную власть от административной, сделав независимым, открытым, устным и состязательным судопроизводство, введя, в том числе в уголовный процесс, адвоката, что также указывало на элементы состязательной системы, проявляющейся и в возможности участия в отправлении правосудия граждан любых сословий, хотя имелись определенные ограничения по цензу оседлости и финансовому положению.

Указанный правовой институт был позитивно принят обществом и властью, но к началу XX в. политические противоречия внутри страны привели к сокращению подсудности суда присяжных на 10-15%. Данные ограничения коснулись преступлений против государственной власти, так как считалось, что оправдательные вердикты выступают опасным прецедентом для устоев государственного строя. Однако, несмотря на сужение уровня подсудности, сама модель суда присяжных заседателей изменений не претерпела.

Законодательный механизм работы суда присяжных заседателей во многом основывался на английской модели с элементами континентальной системы права, но его организация не была должным образом отработана, поскольку это было связано с проблемами финансирования, не позволявшими должным образом оборудовать залы судебных заседаний, достойно оплачивать работу присяжных заседателей. Причем для отдельных социальных слоев населения участие присяжным заседателем в финансовом отношении было непосильной ношей, поскольку им приходилось из своих личных средств доплачивать за проезд, проживание и питание. Доходило до того, что крестьяне-присяжные не имели возможности содержать себя во

время вызова в суд и вынуждены были наниматься на мелкие работы или даже просить милостыню. Только лишь в 1913 г. Был издан Закон «О назначении присяжным заседателям от казны суточных и путевых денег», по которому каждый заседатель, проживающий вне места заседания суда, получал из казны суточные деньги в размере 50 копеек в мелких городах, 75 копеек – в средних и одного рубля – в крупных. Если присяжный заседатель проживал на расстоянии от города более 25 верст, то он получал по три копейки за каждую версту в оба конца пути. Закон вступил в силу 1 января 1914 г. Однако указанное законодательное новшество запоздало, поскольку существовать данной форме отправления правосудия оставалось недолго [1, с.36-37].

Несмотря на организационные трудности, правовые недоработки, к концу XX в. модель суда присяжных заседателей была окончательно сформирована и стала действовать не в 23 губерниях, как это было вначале его становления, а на территории всей страны. Присяжными заседателями в год рассматривалось до 20 тыс. дел.

Судебная практика выработала определенный перечень преступлений, которые чаще всего рассматривались судом присяжных заседателей. Это, как правило, были преступления против собственности частных лиц (70-80% от всех ему подсудных дел). При этом первое место занимали кражи (60%), разбой и грабежи (6-12%). На втором месте были преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц, на третьем – служебные преступления. Вторым блоком выступали преступления против порядка управления и общественного благоустройства, и благочиния, а также против имущества и доходов казны. Третий блок – уголовные дела о преступлениях против прав семейственных. Даже такое ограниченное число уголовных дел, рассматриваемых присяжными заседателями, вызывало критику у органов уголовного преследования по причине низкой репрессивности, колеблющейся на уровне 12-20%. Более половины подсудимых освобождались с «оставлением в подозрении», остальные – «за недостаточностью улик». Причиной этому явилось низкое качество и волокита в расследовании, формальность оценки судом виновности подсудимого [2].

Факт влияния качества расследования на решение присяжных заседателей подтвердился в проведенных в 1874 г. Министерством юстиции Российской империи исследованиях, в которых было установлено следующее:

1. 47,5% оправдательных вердиктов были вынесены по причине плохой работы предварительного следствия – суд не получил весомых улик;
2. 25% оправдательных вердиктов были вынесены ввиду незначительности причиненного вреда;
3. 15% были обусловлены индивидуальными характеристиками подсудимых (в большинстве своем это были дети, престарелые, слабоумные, инвалиды);

4. 11% случаев обусловлены мотивами совершения преступления;
5. 17% оправдательных вердиктов порождены непонятными причинами;
6. 8% явились результатом предвзятости присяжных заседателей в отношении некоторых групп преступлений [3, с. 58].

Основной причиной оправдательных приговоров явилось низкое качество предварительного расследования, поэтому суд присяжных заседателей стал своеобразным стимулом повышения эффективности работы судебных следователей.

Второй этап – период кризиса российского суда присяжных. Выделяют три группы причин кризиса: юридические, ментальные и политические. Важнейшие из них – юридические: несовершенство законодательства, мешавшее нормальному функционированию суда присяжных. Сюда можно отнести несоответствие материального и процессуального права (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Судебным уставам 1864 г.); неудачный состав Временных комиссий, составлявших списки присяжных (их члены совершенно не были заинтересованы в результатах своего труда и воспринимали свои обязанности как лишнюю обузу); наличие «служебного ценза» и неравномерность имущественного ценза, нечеткость некоторых формулировок закона и др.

Усложнилась и внутривластная жизнь страны. Непредсказуемость решений присяжных по делам, носящим политический оттенок, не отвечала стремлениям правительства обеспечить порядок в стране. Из ведения суда присяжных были изъяты такие преступления, как сопротивление властям, убийство и покушение на убийство должностных лиц и т.п.

Третий этап – эволюционное развитие российского суда присяжных, он длился с окончания кризиса 1878-1889 гг. до начала законодательной деятельности Временного правительства по реорганизации суда присяжных. В это время суд присяжных действовал по законам, установленным в предшествующий период.

Характеризуя третий этап истории российского суда присяжных, отметим важную особенность. Если в 60-80-е гг. XIX в. не было, пожалуй, ни одной газеты или журнала, где бы не обсуждались вопросы, связанные с этим правовым институтом, то в конце XIX-начале XX вв. центр тяжести обсуждения данной проблемы сместился почти исключительно на страницы периодических юридических изданий. Особенно угас интерес к суду присяжных со стороны неюридической интеллигенции, поскольку ее интересовали отнюдь не банальные уголовные дела, а так называемые громкие процессы, часто носившие политический оттенок. После изъятия такого рода дел из компетенции присяжных заседателей стал падать интерес этой части общества к уголовному судопроизводству. Что касается крестьянства, то после многовековой крепостной зависимости для него был важен непосредственно факт участия в уголовном судопроизводстве, а наибольшее значение имел разбор тех преступлений, с которыми крестьяне сталкивались в обычной жизни (кражи, грабежи, убийства и т.п.). Но эти

преступления как раз никто из компетенции присяжных заседателей не изымал [4, с. 26].

Первая мировая война не могла не отразиться на судебных системах воюющих стран. В России, как и в других государствах Европы, подсудность дел суду присяжных была в это время ограничена из-за создания различных чрезвычайных и военных судов, однако собственно законодательство о суде присяжных не менялось.

Четвертый этап – это период второго кризиса суда присяжных в России. Длился он с начала законодательной деятельности Временного правительства, касавшейся суда присяжных, до официального упразднения института присяжных Советской властью.

Было восстановлено право заседателей, отобранное во время кризиса 1878-1889 гг., участвовать не только в судопроизводстве окружных судов, но и судебных палат. В ведение присяжных заседателей были возвращены все категории дел, изъятые у них в период кризиса 1878-1889 гг.: против порядка управления, должностные преступления, против общественного благоустройства и благочиния и др. Более того, заседатели получили возможность разбирать государственные преступления, которые никогда в истории России не были им подсудны. Таким образом, компетенция суда присяжных в 1917 г. была наиболее широкой за все время существования суда. Независимо от того, какие категории дел рассматривались и где происходило это рассмотрение (в окружном суде, судебной палате или Сенате), процедуры призыва и избрания заседателей были едиными.

Особенностью этого этапа является его незавершенность – некоторые из законодательных мер правительства не были реализованы на практике, а последствия реализации других проявились не в полную силу по причинам как внутреннего, так и внешнего характера. После Октябрьской революции Декретом Совнаркома от 22 ноября 1917 г. «О суде» № 1 суд присяжных был упразднен. Краткий анализ становления и развития суда присяжных заседателей в дореволюционной России позволяет констатировать, что он не только играл важную роль в общественной и политической жизни государства, но и влиял на качество расследования и поддержания обвинения в суде.

Список использованных источников

1. Ильюхов, А. А. Суд присяжных в России: история его становления и развития / А. А. Ильюхов // История государства и права. – 2015. – № 23. – С. 34-41.
2. Ильюхов А.А. Становление и развитие суда присяжных в России [Электронный ресурс] /А.А. Ильюхов// Труды Академии управления МВД России. 2018. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-suda-prisyazhnyh-zasedateley-v-rossii>. – Дата доступа: 16.11.2022
3. Демичев, А. А. Российский суд присяжных: история и современность: учебное пособие / А. А. Демичев. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2000. – 104 с.
4. Пашин, С. А. Судебная реформа и суд присяжных / Пашин С.А. - М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 1995. - 76 с.

Пахоменко Алеся Игоревна

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Председатель Ассоциации защиты интересов организаторов азартных игр, соискатель кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, a.l.e.s.y.a@mail.ru

Аннотация. В статье на примере деятельности по организации и проведению азартных игр рассматривается, как современные цифровые технологии влияют на развитие правовой базы. Представлен краткий обзор ключевых изменений законодательства Республики Беларусь в сфере игорного бизнеса, которые были совершены под влиянием цифровизации. Выделены вопросы, которые должны законодательно решаться при легализации онлайн формата азартных игр. Актуальность темы определяется важностью и значимостью своевременной регламентации гражданско-правовых отношений, возникающих с использованием глобальной сети интернет. Обозначена необходимость устанавливать посредством правового регулирования единые правила осуществления видов деятельности, подвергающихся внедрению современных цифровых технологий, что способствует устойчивому развитию в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: азартные игры; виртуальное игорное заведение; онлайн игорный бизнес; онлайн-казино; правовое регулирование.

Стремительное внедрение цифровых технологий в различные области общественных отношений требует своевременного совершенствования законодательства, регулирующего соответствующие сферы деятельности, подверженные цифровизации, с целью создания правовой базы для их дальнейшего цивилизованного развития в новых условиях. Традиционные магазины стремительно заменяются онлайн-торговлей, широко распространяется онлайн-обучение, удаленный консалтинг и аутсорсинг стал привычным форматом правоотношений. Это наиболее яркие примеры трансформации привычной деятельности в виртуальный формат, которые отражают, как цифровые технологии изменяют повседневную жизнь, и как важно законодателю вовремя отреагировать на вызовы современности. В настоящее время в современном мире является реальностью даже онлайн оказание медицинских услуг – осуществление деятельности, от которой зависит жизнь и здоровье граждан, что говорит о том, что крайне важно не игнорировать вновь возникающий формат отношений, а обеспечить развитие

права с учетом внедрения цифровых технологий в ту или иную сферу с целью создания условий для защиты прав и законных интересов сторон, посредством утверждения основных правил осуществления безопасной деятельности.

Д. А. Пашенцев в статье «Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права», опубликованной в 2019 году также отмечает, что применение современных цифровых технологий, приводит к сильному изменению всей модели общественных отношений, порождая потребность в модернизации их правового регулирования [1, с. 8].

Недостаточная правовая регламентация отношений, возникающих под воздействием цифровизации, создает предпосылки для совершения правонарушений, незащищенности прав их участников и государственных интересов в целом.

В отношении отдельных видов хозяйственной деятельности, приобретающих виртуальный формат, отсутствие должной реакции законодателя на вызовы современных технологий может причинить и экономический ущерб государству. К таким видам деятельности можно отнести игровой бизнес.

Первые онлайн-казино относятся к 1994 году, когда компания Microgaming разработала первую платформу для сетевых азартных игр. В это же время государство Антигуа и Барбуда приняло «Закон о свободной торговле и обработке информации, в котором прописан механизм выдачи лицензий представителям игорного бизнеса. Этот законопроект способствовал развитию индустрии в интернете [2].

Территориальность интернета – вещь условная. Доступ игрока к интернет-казино легко осуществим из любой страны и казино может быть зарегистрировано в любой стране [3, с. 43].

В Республике Беларусь до 1 апреля 2019 года онлайн-казино были вне закона, однако отсутствие легализации вовсе не означало их недоступность. Виртуальные игорные заведения, зарегистрированные в юрисдикциях иных государств, находились в свободном доступе для пользователей на территории государства, при отсутствии налоговых поступлений в национальный бюджет от такого вида деятельности, что вызывало необходимость корректировки законодательной базы с целью вывода онлайн-казино в правовое поле и минимизации рисков развития проблем, связанных с бесконтрольным осуществлением данного вида деятельности.

Основа государственной политики в отношении регулирования игорного бизнеса с учетом влияния современных цифровых технологий заложена в 2011 г. Концепцией развития игорного бизнеса (далее – Концепция), разработанной в соответствии с поручениями Главы государства, и утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 января 2011 г. №31 «Об утверждении Концепции развития игорного бизнеса в Республике Беларусь», которая предусматривает совершенствование подходов при регулировании государством деятельности в сфере организации игорного

бизнеса с учетом использования передовых информационных технологий в данном сегменте рынка.

В Концепции подчеркивается, что передовые информационные технологии оказывают влияние на развитие игорного бизнеса посредством внедрения постоянно развивающихся электронных средств как в игровое оборудование, так и в организацию игрового процесса, что требует совершенствования государственного контроля в целях обеспечения достоверных данных о процессе осуществления азартных игр и отслеживания реальных доходов игорных заведений.

Среди задач развития Концепции отмечается обеспечение соответствия деятельности в сфере игорного бизнеса уровню мирового опыта, в том числе путем привлечения в Республику Беларусь иностранных инвестиций, направленных на цивилизованное развитие сферы игорного бизнеса с учетом передовых мировых технологий, и внедрение современных технологий как в игорный бизнес, так и в средства контроля за ним.

На заключительном этапе её реализации предусмотрено рассмотрение вопросов правового регулирования и внедрения новых технологий в сфере игорного бизнеса в части организации в режиме онлайн игр с использованием глобальной компьютерной сети интернет, преимуществом чего обозначено то, что в игру вовлекаются граждане других стран, в результате чего увеличивается емкость игорного рынка, и в страну привлекаются значительные валютные средства.

Легализации игорного бизнеса в Республике Беларусь в сети интернет предшествовало длительное обсуждение и проработка соответствующей нормативной правовой базы, после чего Президентом Республики Беларусь 7 августа 2018 г. издан Указ № 305 «О совершенствовании правового регулирования игорного бизнеса», направленный на регулирование порядка организации и (или) проведения онлайн азартных игр, в соответствии с которым с 01 апреля 2019 г. разрешается организация азартных игр с использованием глобальной сети интернет после включения организатором азартной игры в специальное разрешение (лицензию) на осуществление деятельности в сфере игорного бизнеса составляющей работы (услуги) «Содержание виртуального игорного заведения».

В соответствии с используемой терминологией, виртуальное игорное заведение представляет собой информационную систему, состоящую из сайта, позволяющего с использованием глобальной сети интернет организовать и проводить азартные игры, принимать участие в азартной игре, а также программных и технических средств, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, передачу, защиту информации, аудиовизуальных изображений и других результатов, производство вычислений, связанных с организацией и (или) проведением азартных игр с использованием сети Интернет [4].

Правая регламентация игорного бизнеса в глобальной сети интернет должна решать следующие вопросы:

1. Поступление налоговых платежей в бюджет государства;

2. Прозрачность денежных потоков;
3. Защита прав и законных интересов участников азартных игр в сети интернет, в том числе информационной безопасности;
4. Защита уязвимых категорий лиц;
5. Защита национального сегмента онлайн игорного бизнеса.

Обеспечение налоговых поступлений реализуется по факту предоставления субъектам хозяйствования права законно осуществлять данный вид деятельности с использованием глобальной сети интернет. Налоговая политика в отношении онлайн игорного бизнеса может быть разная, важно, что предоставление легального статуса создает основу для сбора налогов от данной сферы деятельности. Стоит отметить, что в Республике Беларусь для виртуальных игорных заведений создана весьма комфортная система налогообложения – 4% от разницы между принятыми ставками и возвращенными выигрышами (несыгравшими ставками).

На момент принятия решения о легализации онлайн игорного бизнеса в Республике Беларусь была создана специальная компьютерная кассовая система, обеспечивающая контроль за оборотами в сфере игорного бизнеса, которая начала функционировать с 1 декабря 2013 г. К данной системе подключены все игорные заведения, что делает весь оборот денежных средств сферы прозрачным и доступным заинтересованным уполномоченным государственным органам в режиме онлайн.

Законодательством установлено, что виртуальные игорные заведения также без подключения к данной специальной компьютерной кассовой системе функционировать на территории Республики Беларусь не могут.

Защита прав и законных интересов участников азартных игр реализуется посредством принятия правовых норм, регламентирующих порядок осуществления деятельности, которые устанавливают права участников азартных игр и обязанности организаторов азартных игр, и осуществления комплекса мер государственного регулирования и контроля.

Так, в легальном онлайн-казино защищается право участника игры на получение выигрыша – Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2005 г. №9 «О порядке осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь» установлен предельный срок для осуществления расчета с игроком – не позднее банковского дня, следующего за днём обращения за выплатой.

Кроме того, лицензионным требованием и условием для осуществления деятельности по содержанию виртуального игорного заведения является наличие у организатора азартных игр гарантийного депозита на специальном счете, который будет использоваться для обеспечения выплаты выигрышей и расчетов с бюджетом в случае его финансовой несостоятельности.

Важным в государственном регулировании является обеспечить честность проведения азартной игры, в том числе действительную случайность её исхода в играх, в которых результат должен определяться случайным

образом. Обеспечить добросовестную организацию онлайн игр также можно только посредством правовых норм.

В Республике Беларусь законодательно установлены требования к виртуальным игорным заведениям, и каждый субъект игорного бизнеса до получения лицензионного права начать функционировать в сети интернет в ходе проведения экспертизы виртуального игорного заведения подтверждает соответствие этим требованиям.

В частности, в течение всего срока службы платформа виртуального игорного заведения должна обеспечивать резервирование, позволяющее в случае сбоев, аварий, перегрузок, чрезвычайных ситуаций, ошибок, несанкционированного изменения произвести восстановление, записей азартных игр (за исключением букмекерской онлайн-игры и онлайн-игры тотализатора при условии, что результат события, на которое заключаются пари, зависит от частичного или полного совпадения прогноза с наступившими, документально подтвержденными фактами), что также гарантирует получение выигрышей участниками азартных игр, обеспечивая возможность доказать, что факт выигрыша имел место.

Подлежит подтверждению в ходе экспертизы до размещения каждой азартной игры в свободный доступ её соответствие требованиям к игровой программе, которая должна соответствовать функциям, предусмотренным в технической и (или) эксплуатационной документации, и исключать недекларируемые режимы работы, которые могут повлиять на результат игры либо изменить результаты проведенных игр, значение фактически заложенного среднего процента денежного выигрыша, настройки игровой программы.

Любая возможная комбинация игровых ситуаций игровой программы азартной игры, приводящая к выигрышному или проигрышному исходу игры, должна быть случайной, и не иметь возможности генерировать вторичный альтернативный вариант, влияющий на результат азартной игры после определения случайного исхода азартной игры игровая программа не должна, то есть, по сути, изменять победителя, для чего установлено законодательное требование к используемому в играх генератору случайных чисел, который должен генерировать равномерно распределенную, случайную и непредсказуемую последовательность, в которой все элементы являются в совокупности независимыми, одинаково распределенными и непредсказуемыми случайными величинами с равномерным законом распределения вероятностей.

Установлен минимальный порог среднего заложенного процента выигрыша, который должен составлять не менее 90%, и что также подлежит проверке в ходе испытаний.

Особое внимание законодатель уделяет обеспечению информационной безопасности при функционировании виртуальных игорных заведений. Работа виртуальных игорных заведений неминусом связана со сбором персональных данных, ввиду чего предусматривается обязательное создание системы защиты информации, которая подлежит аттестации.

Важным для любого государства является обеспечить защиту от негативного влияния азартных игр уязвимых категорий лиц, страдающих паталогическим влечением к азартным играм, их близких родственников и лиц, не достигших установленного возраста, с которого разрешается посещать игорные заведения (в Республике Беларусь – 21 год).

Наиболее распространенным решением этой задачи является механизм ограничения физических лиц от участия в азартных играх самостоятельно либо по заявлениям близких родственников.

С учетом важности вопроса о предотвращении формирования игровой зависимости, которая ставит игроков и их семьи в тяжелое материальное положение, Указом Президента Республики Беларусь от 24 сентября 2012 г. №416 «О внесении изменений и дополнений в указы Президента Республики Беларусь от 10 января 2005 г. №9 и от 19 ноября 2010 г. №599» введен механизм самоограничения физических лиц в посещении игорных заведений и участия в азартных играх [5].

Механизм ограничения на территории Республики Беларусь существует с 27 января 2013 г. – с указанной даты физическое лицо получило право самостоятельно ограничить себя в посещении игорных заведений, обратившись с письменным заявлением к любому организатору азартной игры, после чего всем организаторам азартных игр запрещается допускать его в игорные заведения и к участию в азартных играх, а с 28 августа 2017 г. Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2016 г. №319 «О внесении дополнений и изменений в указы Президента Республики Беларусь» предоставлено право близким родственникам инициировать ограничение игрока в посещении игорных заведений и участия в азартных играх, если вследствие участия в азартных играх он ставит себя и (или) свою семью в тяжелое материальное положение.

Однако, когда в сети интернет функционируют сайты, предоставляющие возможность бесконтрольно участвовать в азартных играх в формате онлайн и не подпадающие под национальную правовую регламентацию, механизм работает недостаточно эффективно, поскольку доступ в легальные традиционные заведения на территории Республики Беларусь у физического лица, имеющего ограничения, отсутствует, а в сети интернет аналогичные игры для него же в свободном доступе.

Данную проблему также помогает решать правовое регулирование игорного бизнеса в сети интернет. На виртуальные игорные заведения, зарегистрированные в Республике Беларусь, распространяется запрет на предоставление услуг лицам, не достигшим 21-го года, и имеющим соответствующие ограничения, который реализуется посредством идентификации каждого посетителя сайтов, предоставляющих возможность участия в азартных играх, посредством идентификации и аутентификации, которая может быть в том числе посредством использования процедуры web-ID.

При легализации онлайн игорного бизнеса установлен законодательный запрет к распространению с 1 апреля 2021 г. на территории Республики Беларусь информации, содержание которой направлено на организацию и (или) проведение азартных игр с использованием сети Интернет в нарушение требований законодательных актов, регулирующих деятельность в сфере игорного бизнеса, и ограничение доступа к сайтам, содержащим такую информацию. С указанной даты нелегальные игорные заведения в сети интернет подлежат блокировке, что существенно осложняет доступность азартных игр для лиц, которые должны быть ограждены от участия в азартных играх, и защищает национальный сегмент рынка, выполняющий установленные нормативные правила, от недобросовестной конкуренции.

Учитывая вышеизложенное, очевидно, что исключительно комплексный подход к разработке и дальнейшему развитию правовых норм позволяет обеспечивать минимизацию всесторонних рисков, которые связаны с онлайн форматом проведения азартных игр, и новыми вызовами, возникающими в процессе эволюции цифровых технологий.

Таким образом, на примере деятельности в сфере игорного бизнеса показано, что именно посредством правовой регламентации порядка работы в сети интернет обеспечивается всесторонняя защита прав участников отношений, возникающих в новом формате, интересов государства и общества в целом.

Приход информационных технологий в какую-либо сферу должен сопровождаться созданием новых правовых норм и совершенствованием существующих, определяющих порядок осуществления деятельности в изменяющихся условиях.

В 21 веке нецелесообразно и неэффективно противостоять внедрению цифровых технологий в какие-либо виды деятельности, необходимо устанавливая для них единые правила, минимизирующие возможные негативные последствия и способствующие устойчивому развитию в условиях цифровой трансформации.

Список использованных источников

1. Пашенцев, Д. А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права / Д. А. Пашенцев // Право и образование. – 2019. – № 7. – С. 79-82.
2. Интернет-казино [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет-казино>. – Дата доступа: 27.10.2022.
3. Серикова, Г. Н. Игорный бизнес в России: проблемы и перспективы / Г. Н. Серикова, А. Л. Сериков // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 322. – № 6. – С. 42-46.
4. Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nalog.gov.by/>. – Дата доступа: 27.10.2022.
5. Дедюля, О. И. Механизмы ограничения в посещении игорных заведений [Электронный ресурс] // ilex.by/ ООО «ЮрСпектр». – Дата доступа: 27.10.2022.

Перепелица Елена Васильевна
**ФАКТОРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ УМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО**

Старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения
правовой информатизации управления правовой информатизации
Национального центра правовой информации Республики Беларусь,
ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным,
культурным и информационным правам Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук,
доцент, perpelinka@gmail.com

Аннотация. Технологии, созданные на основе новейших научно-технических достижений, оказывают мощное влияние на право. Свои коррективы в правотворчество и правоприменение вносят базовые и инновационные информационно-коммуникационные технологии. Закономерным ответом на возмущающее воздействие цифровой среды является мобилизация современных законодательных систем на выработку новых нормотворческих решений. Однако такая стратегия не релевантна эпохе большой деревни. От права ожидается высокая степень адаптивной эффективности.

Ключевые слова: цифровизация; умные технологии; виртуальная реальность; семантические пределы права; правовое регулирование; искусственный интеллект.

Современный этап мирового экономического и социального развития характеризуется значительным влиянием на него цифровизации. Она обуславливается всем ходом научно-технического прогресса. Термин «цифровизация», вначале обозначавший ничто иное, как процесс перехода к цифровому бизнесу, все чаще используется применительно к различным отраслям публичного и частного права, видам профессиональной юридической деятельности, государственному управлению. Как тренд, приходящий вслед за механизацией, информатизацией и компьютеризацией, цифровизация базируется на принципиально новом – цифровом представлении контента. Информационные системы бросают вызов прежним средствам коммуникации и обуславливают глубокие перемены в привычном укладе жизни. Электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети «Интернет», становятся неотъемлемой частью повседневности.

Полная синхронность в развитии высокотехнологических средств и

умении осваивать их потенциальные возможности, как и предупреждать риски не наблюдается ни в одном IT-государстве. Национальное законодательство разных стран наполняется нормами, регулирующими общественные отношения информационного и цифрового типа. Вместе с тем, сегодня не столько право влияет на данные отношения, сколько последние трансформируют как таковое право. Наметилась повсеместная «тенденция ”опоздания“ закона для целей регулирования отношений с применением новых информационных технологий» [1, с. 142].

В настоящее время право испытывает мощное влияние не только со стороны средств телекоммуникации, информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и всех тех технологий, которые принято относить к классу базовых, но в значительной мере и со стороны инновационных информационно-коммуникационных технологий, включая большие данные, Интернет вещей, искусственный интеллект, комплексные киберфизические системы.

Способность ряда технологий действовать не просто согласно заданному человеком алгоритму, но вести себя активно, а порой и самостоятельно, воспроизводить когнитивные свойства личности, дает повод называть соответствующие технологии умными, интеллектуальными. Это, пожалуй, их основной идентифицирующий признак. Умные технологии находят применение там и тогда, где и когда существует потенциальная возможность улучшения качественных и количественных параметров деятельности человека [2]. Под их влиянием традиционные процессы и привычные правовые явления приобретают принципиально новые свойства и характеристики. Технологии такого класса позволяют создавать виртуальную и дополняющую реальность, управлять сложными системами. Они демонстрируют способность к самообучению и корректировке собственных ошибок [3, с. 29].

По оценкам экспертов, «к 2029 году электронный интеллект в тысячу раз превысит умственные способности человека» [4, с. 6]. Сфера применения сквозных цифровых технологий растет в ответ на профессиональный запрос со стороны представителей юридического сообщества.

Применение умных технологий в Республике Беларусь в полной мере соответствует приоритетам государственной политики и отражает национальные цели, закрепленные Стратегией развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 годы и Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года, Стратегией «Наука и технологии: 2018-2040». Использование высокотехнологичных инструментов коррелирует с задачами совместных программ Союзного государства в области цифровой трансформации.

В текущий момент к наиболее серьезным факторам реального и потенциального воздействия умных технологий на право следует отнести:

коррекцию традиционного субъектного состава правовых отношений, пределов действия, а также традиционных объектов правового регулирования;

расширение сферы действия права, которое начинает участвовать в регулировании отношений, складывающихся в виртуальной реальности и не являвшихся до этого объектом регламентации;

появление типологически новых общественных отношений, и вследствие этого увеличение разрыва между социальными потребностями в их адекватном правовом регулировании, с одной стороны, и реальными возможностями наличного законодательства, с другой;

оставление части общественных отношений за рамками правового регулирования;

перестройку традиционных иерархий между процессуальным и материальным правом, а также – публичным и частным правом, смешение и гибридизацию данных явлений;

возрастание роли и значимости информационного права как права нового поколения [5, с. 45];

развитие альтернативных праву регуляторов общественных отношений, складывающихся в виртуальной реальности и имеющих смешанную природу;

модернизацию устоявшейся системы источников права, которая предполагает взаимное согласование созданных государством регуляторов, возрастание роли диспозитивных норм и саморегулирования в виртуальной среде;

появление новых форм противоправного поведения и повышение уязвимости существующего правопорядка перед деконструктивным информационным воздействием.

Выскажем предположение о том, что развитие и активное внедрение умных технологий в перспективе способно стать серьезным фактором, определяющим динамику механизма правового регулирования в целом. Думается, что высокотехнологические инструменты такого класса трансформируют алгоритм выполнения функций и задач, стоящих перед государственными органами и организациями.

Масштабное переформатирование коммуникативных свойств права происходит уже сейчас. В контексте влияния высоких технологий многие классические юридические понятия, конструкции и модели оказываются как бы «ветхими» правовыми инструментами. Они далеко не всегда учитывают всю сложность и непредсказуемость виртуального пространства, и не всегда гарантируют эффективность механизмов правового обеспечения и защиты интересов субъектов информационного общества [6, с. 41].

Законодательные системы разных стран реагируют на цифровой вызов посредством увеличения масштабов нормативного массива. Исходя из сложившейся в отечественном праве парадигмы, законодательное бездействие увеличивает пространство правовой неопределенности. Это бесспорный факт с той важной оговоркой, что правовая определенность и неопределенность доцифрового и цифрового пространства – различаются. Установление необходимой степени регулирующего воздействия права в каждой конкретной

ситуации, не создающее при этом ненужных препятствий для технологического развития, оказывается весьма трудным предприятием.

В системе законодательства Республики Беларусь, как и в ряде соседних стран, среди норм, регулирующих новую сферу, больше распространены нормы ограничительные, предписывающие и запретительные [7, с. 8], меньше – регулятивные и охранительные. Но очевидно, что одного этого недостаточно. Для релевантного ответа на возмущающее воздействие со стороны технологий, включая интеллектуальные технологии, право должно искать новые точки опоры, приобретать свойства повышенной адаптационной эффективности. Это, в частности, касается развития новых форм нормативного правового акта, имеющих динамичное содержание, которые выступают более гибким регулятором общественных отношений, нежели классический нормативный правовой акт, и с меньшими издержками приспособляются к постоянно меняющимся условиям. Не исключено усложнение вариативности правопорядка как процесса, допускающего возможность самостоятельного установления некоторыми акторами своего правового статуса в отдельно взятых локациях общественных отношений.

Список использованных источников

1. Анненкова, И. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобалистики: право, медиа и национальная идентичность / И. В. Анненкова, М. В. Залоило // Журн. заруб. законодательства и сравнит. правоведения. – 2019. – № 3. – С. 140–155.
2. Hine, E. Artificial intelligence with American values and Chinese characteristics: a comparative analysis of American and Chinese governmental AI policies / E. Hine, L. Floridi [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4006332. – Дата доступа: 14.09.2022.
3. Талапина, Э. В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 25–39.
4. Головин, С. Н. Конституционная реальность «электронной демократии» в России / С. Н. Головин // Современ. право. – 2004. – № 3. – С. 5–11.
5. Умнова (Конюхова), И. А. Информационное право как отрасль права нового поколения: ответ на технократизацию / И. А. Умнова (Конюхова) // Государство и право в новой информационной реальности : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исслед. Отд. правоведения; Рос. ун-т правосудия. Каф. информационного права, информатики и математики ; отв. ред. Алферова Е. В., Лорцов Д. А. – М., 2018. – С. 38–52.
6. Кузнецов, П. У. Административная реформа в контексте формирования электронного правительства: терминологические проблемы / П. У. Кузнецов // Рос. юрид. журн. – 2012. – № 3. – С. 37–47.
7. Шаблинский, И. Г. О некоторых новых информационных технологиях в контексте защиты прав человека / И. Г. Шаблинский // Труды по интеллектуальной собственности. – 2021. – № 4. – С. 8–14.

Петрова Ольга Валентиновна

НОВЫЕ ФОРМЫ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО ИЛИ СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, machkova@bsu.by

Аннотация. В работе рассмотрены особенности нового порядка применения звуко- и видеозаписи при допросе, в том числе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Определяются преимущества составления протокола допроса с применением звуко- и видеозаписи, соотношение его содержания с данными на электронном носителе информации. Также обращается внимание на правила воспроизведения записи показаний в судебном заседании и соблюдения требований непосредственности судебного разбирательства.

Ключевые слова: допрос; звукозапись; видеозапись; уголовный процесс; показания несовершеннолетнего потерпевшего; показания несовершеннолетнего свидетеля.

Показания потерпевших и свидетелей являются одним из важнейших и в то же время традиционных источников доказательств в уголовном процессе. Их предметом являются любые обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, в том числе данные о личности подозреваемого, обвиняемого. Так, указанные лица дают показания о своих взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняемым и свидетелями. В соответствии с требованиями ст.93, 94 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. (далее – УПК) сведения могут быть сообщены как в устной, так и письменной форме на допросе в ходе предварительного расследования или судебного заседания, а также и производстве других следственных действий.

Особую задачу в доказывании по уголовным делам составляет собирание, проверка и оценка показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, особенно, малолетних. Закон не ограничивает возраст, с какого лицо может быть допрошено, а устанавливает оценочные критерии: возможность правильно воспринимать обстоятельства, подлежащие установлению по делу, запоминать и давать о них показания (воспроизводить в любой знаковой форме).

Таким образом, можно утверждать, что законодатель придерживается принципа доверия к показаниям лиц, не достигших возраста восемнадцати лет. Вместе с тем, следует принимать во внимание сложности в их получении и оценки, негативное влияние на психику ребенка опыта участия в производстве по уголовному делу. При этом, несмотря на указанные сложности, по некоторым категориям уголовных дел (половые преступления, насилие в семье

и т.п.) показания несовершеннолетнего могут иметь определяющее значение в доказывании. Следует отметить, что право давать показания для потерпевших также возможность отстаивать и защищать свои интересы, что важно с точки зрения реализации их процессуальных гарантий (п.2 ч.1 ст.50 УПК).

Центральным следственным действием в ходе, которого могут быть получены показания, является допрос. Следовательно, совершенствование способов фиксации хода и результатов его проведения должно как способствовать наилучшему закреплению информации для целей расследования и рассмотрения уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов личности, так и упрощать работу правоприменителя без нарушения уголовно-процессуальной формы.

Допрос – следственное действие, заключающееся в получении следователем или лицом, производящим дознание, показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля в устной или по желанию допрашиваемого также и в письменной форме, об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Ход и результаты допроса отражаются в протоколе, составляемом с соблюдением требований ст. 193, 194 УПК.

Существенные изменения в правовую регламентацию порядка фиксации хода и результатов допроса в УПК внес Закон Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности».

Прежде всего, такими изменениями предусмотрено составление протокола по правилам ч.5 ст.219 УПК, а электронный носитель информации, содержащий звуко- или видеозапись допроса, приобщается к уголовному делу и является неотъемлемой частью протокола (п.6 ч.5 ст.219 УПК).

При этом закреплено, что применение звуко- и видеозаписи обязательно в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, за исключением случаев, когда несовершеннолетние потерпевший или свидетель, их законные представители возражают против этого, случаев, не терпящих отлагательства, случаев отсутствия технической возможности применения звуко- и видеозаписи (ч.4 ст. 221 УПК).

Следует также позитивно оценить тот факт, что закон допускает, что по окончании допроса звуко- и видеозапись полностью воспроизводится допрашиваемому, только если он об этом ходатайствует (ч.4 ст.219 УПК). Это сокращает время, затраченное на допрос, исключает повторное психотравмирующее воздействие от просмотра записи. А в ситуации допроса малолетнего воспроизведение может быть не объективно выполнимым. Представляется, ходатайство о просмотре записи должно испрашиваться также у законного представителя.

Конечной целью нового порядка применения звуко- и видеозаписи является не только упрощение протоколирования хода и результатов допроса, но также более детальная фиксация, что позволяет наиболее точно отразить показания несовершеннолетнего. В случае видеозаписи можно получить не

только данные вербальной, но и невербальной коммуникации, которая при допросе малолетних потерпевших и свидетелей позволяет ребенку больше передать информации, легче отразить свое мнение и может иметь определяющее значение в оценке.

Однако остаётся неоднозначным вопрос, в каком объеме должны быть внесены показания в протокол, и каково его соотношение с записью на электронном носителе информации.

В протоколе допроса показания записываются от первого лица и по возможности дословно, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 219 УПК, в силу которой в протоколе допроса с применением звуко- и видеозаписи указываются показания от первого лица об имеющих значение для дела обстоятельствах со ссылкой на время записи.

Представляется, подлежат включению на бумажном носителе показания, имеющие значение: как обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст.89 УПК), так и иные сведения, с помощью которых могут быть установлены обстоятельства, входящие в предмет доказывания (доказательственные факты).

При этом представляется, что требования допрашиваемого потерпевшего и свидетеля, а также их законных представителей внести в протокол дополнения и уточнения подлежат обязательному исполнению. Факт ознакомления с показаниями и правильность их записи удостоверяются допрашиваемым своей подписью в конце протокола. Допрашиваемым подписывается также каждая страница протокола (ч.5-6 ст.218, ч.3 ст.221 УПК).

Представляется, что применение звуко- и видеозаписи при допросе с составлением протокола по правилам ч.5 ст.219 УПК объективно влечет ситуацию расхождений между записью показаний на бумажном носителе и электронном варианте. Представляется, что при применении звуко- и видеозаписи в любом случае подлежит воспроизведению такая запись. Невербальная коммуникация несовершеннолетнего может быть воспринята только путем ознакомления с видеозаписью.

Вместе с тем наилучшим решением при этом при допросе является применение новейших технологий преобразования устной речи на записи в текст. Это не только устраняет расхождения, но и позволяет создать удобный формат ознакомления с показаниями.

При понимании роли фиксации показаний, полученных в ходе допроса следует отметить, что ст.91 УПК не относит к источникам доказательств протоколы допроса и очной ставки.

В силу принципа непосредственности в судебном разбирательстве все доказательства, предъявленные сторонами обвинения и защиты, подлежат непосредственному исследованию. Суд должен заслушать показания потерпевшего и свидетелей (ч.1 ст.286 УПК). Свидетели и потерпевшие подлежат вызову в судебное заседание. Приговор может быть основан только на показаниях, полученных в ходе судебного разбирательства. Оглашение показаний возможно лишь в случаях, предусмотренных УПК.

В этой связи следует отметить, что в соответствии с ч. 2¹ ст. 221 УПК допрос несовершеннолетних потерпевшего или свидетеля, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по уголовным делам о преступлениях против личной свободы, чести и достоинства, жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы по возможности проводится в условиях дружественной детям комнаты для допроса.

Проведение допроса в дружественных ребенку комнатах является комплексной методикой [1]. Представляется, что допрос в таких условиях должен полностью соответствовать требованиям, предъявляемым к допросу, допрос с применением звуко- и видеозаписи и с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции).

В конечном итоге такая возможность нацелена на использование звуко- и видеозапись показаний несовершеннолетнего/ей в судебном заседании без его/ее вызова.

Так, закон допускает оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, данных при досудебном производстве, а также воспроизведение звукозаписи их показаний, видеозаписи или киносъемки допроса по усмотрению суда или по ходатайству сторон, когда потерпевший или свидетель не достигли четырнадцати лет и в материалах уголовного дела имеется звуко- и видеозапись их показаний (п. 2¹ ч.1 ст.333 УПК).

Несмотря на закрепленную в законе возможность оглашения записанных показаний несовершеннолетнего представляется недопустимым полностью исключать допрос несовершеннолетнего в судебном заседании. Непосредственный допрос дает возможность суду лично воспринять показания, задать вопросы несовершеннолетнему, в том числе стороной защиты, устранить все противоречия. Следовательно, в указанном порядке могут быть проверены доводы стороны защиты, что является обязательным для всестороннего, полного и объективного установления всех обстоятельств дела.

При этом для исключения негативного воздействия по ходатайству сторон или по инициативе суда допрос потерпевшего и свидетеля, не достигших восемнадцатилетнего возраста, может быть проведен в отсутствие обвиняемого, о чем суд выносит определение (постановление) (ч. 3 ст. 332 УПК). После возвращения обвиняемого в зал судебного заседания ему должны быть сообщены показания этих лиц и предоставлена возможность задавать им вопросы.

Вместе с тем рассматриваемые нововведения позволяют проводить допрос малолетнего потерпевшего или свидетеля по указанной категории дел только в исключительных случаях и воздержаться от его личного вызова, когда его показания не оспариваются сторонами и не вызывают сомнения у суда.

Одной из возможностей полного исключения допроса несовершеннолетних в судебном заседании может стать технология судебного депонирования доказательств [2].

Таким образом, следует позитивно оценивать законодательное развитие порядка фиксации хода и результатов допроса, особенности в отношении

несовершеннолетних. Представляется важным внедрять в дальнейшем и новые технологии при сохранении принципов уголовного процесса и соблюдения правил собирания, проверки и оценки доказательств.

Список использованных источников

1. Петрова, О. В. Дружественная детям комната для допроса как новелла уголовно-процессуального закона / О. В. Петрова //Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение: сб. науч. тр. Вып. 2 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2021. – 458 с. – С. 352- 359.
2. Гамбарян, А.С. Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе: монография / А.С. Гамбарян, С.А. Симонян; под. ред. С.С. Аветисяна. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 160 с.

Подупейко Александр Алексеевич

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

профессор кафедры конституционного и международного права, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент, podupeikoalex@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы конституционно-правового регулирования обеспечения конституционных прав и свобод личности в условиях цифровой трансформации. Особое внимание уделяется возникающим проблемам, связанным с обеспечением безопасности личности, общества и государства в цифровом пространстве, а также гарантированности прав и свобод человека со стороны государства.

Ключевые слова: цифровая трансформация; конституционные права и свободы; безопасность; информационная сфера; гарантированность.

Конституция – основа государственной и общественной жизни, она закрепляет и защищает интересы, права и свободы всех граждан, создает условия по исполнению ими возложенных обязанностей. Она также предусматривает ответственность государства, его органов и должностных лиц перед гражданами за надлежащее обеспечение конституционных прав и свобод.

Конституция Республики Беларусь в достаточной мере определяет отношения государства и личности в области прав и свобод, а также возможности по их гарантированности и защите. Так, ст. 2 Конституции закрепляет «Человек, его права и свободы и гарантии их реализации являются

высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности». Конституция Республики Беларусь одним из основных приоритетов государства определяет обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь (ст. 21). Нормы, направленные на защиту прав и свобод личности, содержатся в ряде других статей Конституции Республики Беларусь: «государство, все его органы и должностные лица, организации и граждане действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства» (ст. 7); «гражданину Республики Беларусь гарантируется защита и покровительство государства как на территории Беларуси, так и за ее пределами» (ст. 10); «государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности» (ст. 59) и др. Таким образом, в соответствии с Конституцией государство берет на себя обязанность по обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Государство является заинтересованной стороной в соблюдении конституционных прав и свобод граждан. Государство – именно тот институт, который создает условия для реализации прав и свобод, их полного и всестороннего обеспечения. Лишь при способности государства обеспечить права и свободы можно говорить об их реальной гарантированности. Такая способность может быть достигнута в том случае, если государство будет независимым, суверенным, обладающим верховенством и полнотой власти, самостоятельным в осуществлении внутренней и внешней политики, с высоким уровнем развития экономических и социальных отношений и др.

Значительное влияние на гарантированность и обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в современных условиях оказывает цифровая трансформация. Более того, развитие информационно-коммуникационных технологий требует дополнительной гарантированности и защиты прав человека и именно в виртуальной среде. Права человека в виртуальной среде отличаются от иных прав тем, что их осуществление происходит в информационной среде либо направлено на обеспечение доступа к ней.

Цифровая трансформация общественных отношений выражается в применении современных цифровых технологий в самых различных сферах деятельности человека. Современные цифровые технологии формируют новый способ производства, создают предпосылки для перехода к новой общественно-экономической формации, к цифровизации общественных отношений и самого права, регулирующего эти отношения. Цифровая трансформация становится фактором динамичного развития общества.

Цифровая трансформация оказывает самое непосредственное влияние на реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина, способствует появлению новых. Сеть сегодня является не только средством общения, но и превратилась в инструмент для заработка. Можно сказать,

формируется целая культура, которая находится сегодня в основном за пределами правового регулирования и вне зоны государственного влияния. Чтобы устранить этот пробел, необходима разработка и принятие соответствующего законодательства.

Цифровизация социальной жизни привела к появлению цифровых прав, то есть на доступ, использование и публикацию цифровых произведений, использование в этих целях электронных устройств, сети Интернет, право на информационную безопасность, право на доступ к компьютерам и коммуникационным сетям. Все шире учеными и специалистами используется термин «цифровые права».

Под цифровыми правами понимаются права человека на доступ, использование, создание и публикацию цифровой информации, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей.

Базовым правом считается право на доступ в Интернет. Наиболее полно его содержание и связанные с ним права раскрываются в Хартии прав человека и принципов для Интернета. Помимо указанного права, в него включены: право на недискриминацию в доступе к Интернету, право на свободу и безопасность в Интернете, право на развитие через Интернет, право на свободу выражения и свободу информации в Интернете, свободу собраний и объединений онлайн, право на конфиденциальность в Интернете, право на защиту цифровых данных, право на образование в Интернете, право на доступ к культурным ценностям и знаниям в Интернете, права детей в Интернете, права людей с ограниченными возможностями в Интернете, право на работу в Интернете, право на участие в общественных делах онлайн, защита прав потребителя в сети Интернет, право на медицинские и социальные услуги в Интернете, право на правовое и справедливое судебное разбирательство в отношении действий, связанных с Интернетом, право на соответствующий социальный и международный порядок для Интернета. Следует обратить внимание, что в большинстве своем содержанием перечисленных прав является реализация традиционных прав человека в Интернете. При этом национальное законодательное регулирование осуществляется не в полной мере или отсутствует.

Кодекс онлайн-прав ЕС – сборник основных прав в области электронных коммуникаций, электронной торговли и защиты прав потребителей в Интернете в рамках ЕС (2013 г.) предусматривает, что каждый человек в ЕС должен иметь возможность получить доступ к минимальному набору услуг электронной связи хорошего качества по доступной цене. Право доступа к Интернету должно быть обеспечено подключением к фиксированной сети связи общего пользования и должно поддерживать передачу голосовых сообщений, факсов и данных на скоростях, достаточных для обеспечения функционального доступа в Интернет и предоставления услуг голосовой телефонии.

Таким образом цифровая трансформация способствует появлению новых прав человека и гражданина как участника всемирного информационного цифрового пространства. Право на информационную безопасность, право на

создание и использование цифровых произведений или право на доступ к компьютерам и коммуникационным сетям стали уже традиционными.

Современные процессы цифровизации общественных отношений неизбежно затрагивают, а в отдельных случаях и напрямую воздействуют на объем и содержание конституционно-правового статуса личности. Новые аспекты в условиях процесса цифровизации общественных отношений приобретают основные права, гарантированные Конституцией Республики Беларусь: неприкосновенность и достоинство личности (ст. 25), право на личную жизнь (ст. 28), право на защиту от посягательств на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на честь и достоинство (ст. 28), право на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение (ст. 33), право на получение, хранение и распространение информации (ст. 34), право на обращения (ст. 40), свобода художественного, научного и технического творчества (ст.51) и др.

Цифровизация охватывает развитие информационно-коммуникационной среды, IT-инкубаторы, электронные государственные услуги, электронную коммерцию, цифровые библиотеки, кибербезопасность, электронную логистику, умные города и дома и многое другое. Повсеместное появление камер, развитие специального программного обеспечения, прежде всего в государственных структурах, а также создание различных баз данных о жизнедеятельности граждан (различные учеты в органах внутренних дел, налоговых органах, жилищно-коммунальном хозяйстве, сеть мобильных операторов и интернет-провайдеров, системы осуществления банковских транзакций, учеты в поликлинике...) позволяет контролировать информацию о личности. При этом личность спокойно существует во множестве этих электронных баз данных, не задумываясь о том, что практически утрачивает право на личную жизнь, право на безопасность. Более того, обыденным для личности стало размещение и передача различной информации о себе, семье, фотографий различного содержания...

Резкое возрастание количества электронных, информационных, коммуникационных систем, которые предоставляют различные возможности для вмешательства в личную жизнь человека, способствуют нарушению или ограничению его прав и свобод. Возрастает уязвимость личности от различного рода информационных посягательств, т.е. появляется реальная возможность стать жертвой киберпреступлений, терроризма, экстремизма и иных преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Распространяемая информация, может оказывать влияние и на сознание людей, что может негативно влиять на общественный порядок в целом и безопасность отдельных личностей.

Несмотря на то, что личность стремится максимально использовать возможности информационно-коммуникационных технологий, она одновременно заинтересована не только в свободе доступа к ним, но и в своей безопасности.

Независимо от объекта безопасность – это одна из основных обязанностей государства, государственных органов, должностных и иных лиц, которым доверено исполнение государственных функций, создать ситуацию спокойствия, отсутствия реальной опасности, политические, экономические, информационные и иные условия, обеспечивающие осознанное и мотивированное социальное поведение человека. Отступления от этой обязанности возможны только в случаях, установленных законом.

Право на безопасность является таким же основным правом человека, которое должно обеспечиваться государством. Государство при этом выступает в качестве системы, в рамках которой защита прав человека должна получать максимальный эффект.

В современных условиях, на наш взгляд, право на безопасность пронизывает практически все сферы жизнедеятельности личности и выступает в качестве необходимости. Именно поэтому назрела потребность в его должном правовом регулировании. Роль государства же в этом процессе возрастает и сводится к нахождению баланса между интересами личности и государства. Использование государством «высоких» информационных технологий позволяет ему контролировать личную жизнь человека, тем самым сокращать его личное пространство. В связи с этим возрастает роль законодателя, чтобы найти рациональную грань между предотвращением посягательств на безопасность людей и их имущество, т.е. гарантированностью конституционных прав и свобод, и интересами общества и государства.

Развитие информационно-коммуникационных технологий и повсеместное распространение интернета как средства общения граждан вызвало появление новых угроз безопасности. Государство в свою очередь обязано реагировать на такие проявления. Государство вынужденно реагирует на правонарушения в информационной сфере и, безусловно, ограничивает некоторые права и свободы. Полная свобода невозможна, и любая «охранительная» норма ограничивает права и свободы.

Могут ограничиваться следующие конституционные права и свободы: неприкосновенность частной жизни, тайна переписки, переговоров и сообщений, свобода мысли и слова, право на распространение информации в интернете, сохранность персональных данных, право на обучение информационным технологиям и их использование...

Органам государственной власти необходимо учитывать, что с помощью цифровых технологий распространяется информация дестабилизирующего характера, направленная на подрыв государственной идеологии и основ конституционного строя, информация деструктивного характера, которая направлена на манипулирование сознанием населения, борьбу за ресурсы, рынки, компрометацию власти.

По нашему мнению, назрела необходимость закрепления в Конституции Республики Беларусь норм, которые бы отражали отношение государства к развитию информационно-коммуникационных технологий, предусматривали бы использование достижений науки и современных технологий в развитии

общества и государства, содержали бы гарантии функционирования государства и обеспечения конституционных прав и свобод граждан Беларуси.

Все чаще возникает вопрос о поиске баланса между соблюдением прав и свобод человека и гражданина и обеспечением безопасности самой личности. При этом обеспечение безопасности государственных часто прикрывается необходимостью обеспечения безопасности личности и ее прав. В итоге государство ограничивает в первую очередь те права, которые оно пытается защитить.

Права человека и безопасность – равнозначные ценности.

Следует учитывать, что, например, одной из основ терроризма является унижение человеческого достоинства, создание условий неуверенности, паники и как результат отрицательной реакции на деятельность органов государственной власти. Важно, чтобы меры по обеспечению общественной безопасности воспринимались не как ограничения прав и свобод человека, а как позитивные действия государства по обеспечению общественной безопасности.

При этом, особо остро воспринимаются гражданами ограничения таких прав и свобод, как право на свободу передвижения, право на свободу и личную неприкосновенность, право собственности, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, право на неприкосновенность жилища и др.

В послании Конституционного суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания "О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году" Конституционный суд обращает внимание парламента на необходимость принятия законов, обеспечивающих информационный суверенитет Беларуси. Учитывая усиление роли информатизации и цифровизации на современном этапе, правовое регулирование общественных отношений в информационной сфере должно являться приоритетным. В этих целях необходимо принятие нормативных правовых актов, направленных на защиту персональных данных, обеспечение информационного суверенитета и кибербезопасности страны. Нет сомнений в том, что должен быть выработан понятийный аппарат, предусмотрены гарантии реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан в цифровом обществе, закреплены условия функционирования государства в условиях развития информационно-коммуникационных технологий и программного продукта.

Таким образом, в настоящее время к проблемным вопросам обеспечения конституционных прав, свобод и законных интересов личности можно и необходимо отнести:

- развитие и использование информационных технологий осуществляется значительно более быстрыми темпами, чем возможные механизмы контроля, защиты от киберпосягательств;
- доверчивость населения;
- "облачная" обработка данных;
- уязвимость персональной информации в социальных сетях;

- анонимность сети Интернет и уязвимость беспроводного доступа;
- быстрый анализ и сохранение, а также мгновенное уничтожение электронных данных;
- отсутствие границ у киберпреступности;
- необходимость совершенствования правового регулирования противодействия преступлениям в информационной сфере;
- недостаточный уровень профилактики преступлений в информационной сфере и др.

Следует отметить, что в Конституции Республики Беларусь только в ст. 28 закреплено положение, касающееся информационной сферы. «Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании». При этом, законодательство в этом направлении в Республике Беларусь развивалось и развивается достаточно интенсивно. Необходимо отметить, что некоторые конституционные нормы косвенно влияют на регулирование, в том числе и цифровых технологий в жизнедеятельности общества и государства.

В частности, уместно напомнить, что в Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права. А государство, все его органы и должностные лица должны действовать в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства (ст. 7). «Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства» (ст. 21). Более того, «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2 Конституции). На наш взгляд, это означает необходимость учета тенденций развития современных технологий и информационных систем в целях создания условий, при которых постоянно бы улучшались условия жизни людей. Именно с помощью информационно-коммуникационных технологий государство может значительно повысить уровень жизни своих граждан, оказание им административных услуг и процедур, в том числе и в правовой сфере.

Таким образом, по нашему мнению, цифровая трансформация должна иметь конституционно-правовую природу, так она сочетает в себе как частные, так и публичные интересы. Она должна подпадать под действие Конституции – Основного закона государства. По нашему мнению, в Конституции в большей мере должны найти отражение нормы, связанные с развитием информационной сферы, реализацией прав и свобод человека в условиях цифровизации и обеспечением необходимых гарантий безопасности.

Полещук Дмитрий Григорьевич

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

доцент кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, PalesDm@bsu.by

Аннотация. Процессы внедрения цифровых технологий постепенно охватывают все сферы жизни современного общества. При этом сбалансированному развитию информационных отношений в условиях цифровизации может способствовать эффективное правовое регулирование, учитывающее актуальные достижения в области науки и техники. В статье рассматриваются отдельные проблемные вопросы действующего законодательства об информации, информатизации и защите информации, исследуются частные направления и перспективы по его совершенствованию.

Ключевые слова: цифровизация; правовое регулирование; информационные отношения; законодательство; технологии; электронная услуга; «метавселенная»

Вопросам цифровизации в современном белорусском обществе уделяется повышенное внимание. Цифровые технологии пронизывают все направления человеческой деятельности, способствуют появлению цифровой экономики. Не в стороне находится и национальное правовое регулирование информационных отношений, учитывая происходящие в мире и государстве процессы. Следует отметить, что согласно гл. 7 Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021 – 2025 годы государством взят курс на внедрение информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий во все сферы жизнедеятельности, а цифровая трансформация экономики предполагает *организацию цифровой информационной среды* путем формирования нормативной правовой базы и внедрения действенных инструментов управления процессами цифровизации экономики [1].

В текущем году произошли исторические конституционные изменения (Решением республиканского референдума 27 февраля 2022 г. приняты изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь), затрагивающие в определенной степени и вопросы обращения информации, использования информационно-коммуникационных технологий (ч. 2 ст. 15, ст. 28, ст. 32-1, ст. 34, ч. 4 ст. 51 Конституции Республики Беларусь). За недавний период времени принят ряд новых значимых законодательных актов в отрасли законодательства об информации, информатизации и защите информации (далее – законодательство об информации), а именно: указы Президента Республики Беларусь от 18 сентября 2019 г. № 350 «Об особенностях использования национального сегмента сети Интернет», от 16 декабря 2019 г. № 460 «Об

общегосударственной автоматизированной информационной системе», от 28 октября 2021 г. № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных», от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» (далее – Указ № 136), от 31 мая 2022 г. № 188 «О расширении использования государственными организациями информационно-коммуникационных технологий» (далее – Указ №188), Закон от 7 мая 2021 г. № 99-3 «О защите персональных данных».

Вместе с тем, опираясь на обновленный и ранее действующий массив нормативных правовых актов, направленный на формирование информационного общества и сопровождение цифровизации, полагаем возможным выделить отдельные проблемные вопросы правового регулирования информационных отношений, требующие юридической оценки на перспективу.

Во-первых, это касается совершенствования терминологии законодательства об информации, обеспечения ее системного и однозначного употребления. Согласно абзацу шестому п. 1 ст. 28 Закона от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах» единство терминологии в законодательстве, единообразие и однозначность терминологии нормативного правового акта является основным требованием нормотворческой техники.

В то же время один из широко используемых правоприменителями терминов – «цифровизация» – достаточно неоднозначен и требует своего сопоставления со сходными понятиями. Так, он употребляется в ряде законодательных и подзаконных актах (Указ № 136, Указ от 25 июня 2021 г. № 240 «Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования» (далее – Указ № 240), постановление Правительства от 15 ноября 2021 г. № 646 «О снижении административной нагрузки и цифровизации административных процедур» и других) и в Законе от 11 ноября 2021 г. № 129-3 «О туризме» даже назван в числе целей государственного регулирования в сфере туризма (п. 2 ст. 7).

Однако легально рассматриваемый термин фактически не раскрывается, Закон от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» оперирует, скорее, более широким понятием «информатизация» (далее – Закон об информации), а п. 8 приложения 1 к Указу № 136 вводится в оборот новое определение «*цифровое развитие*» – внедрение информационных и других передовых технологий в управленческие и бизнес-процессы в целях их качественной трансформации во всех сферах жизнедеятельности государства и общества.

Кроме того, в абзаце шестом п. 1 Указа № 240 дефинируется принцип цифровизации административных процедур – максимальное использование информационных технологий в процессе осуществления административных процедур, в том числе путем их перевода в электронную форму.

В этой связи важно уяснить содержание исследуемого термина. В узком значении «цифровизация» непосредственно связана с использованием цифровых технологий и оцифрованной информации в результате ее оцифровки

(простого процесса перевода информации из аналогового формата в цифровой (двоичную систему исчисления) [2, с. 149]. В широком смысле, например, для сферы образовательной деятельности, «цифровизация» означает процесс перехода организации или целой экономической отрасли на новые модели бизнес-процессов, менеджмента и способов производства, основанные на информационных технологиях [3].

Другой пример – понятие «электронная услуга», под которой понимается: либо услуга оператора общегосударственной автоматизированной информационной системы (РУП «Национальный центр электронных услуг») по обеспечению доступа субъекта информационных отношений к информационному ресурсу (системе) посредством общегосударственной автоматизированной информационной системы в целях передачи, получения, обмена информацией в электронной форме, не являющаяся административной процедурой (п. 1 Положения о порядке получения уникального идентификатора, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 августа 2017 г. № 637);

либо услуга, предоставление которой осуществляется государственными организациями с применением информационно-коммуникационных технологий, не являющаяся административной процедурой, за исключением банковских, платежных и иных услуг, регулируемых Национальным банком (примечание к п. 1 Указа № 188).

Принимая во внимание использование данного термина в различных нормативных правовых актах, в том числе касательно закрепления полномочий (например, абзац пятнадцатый ст. 240 Закона от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь»), видимо требуется внесение определенности относительно его содержания.

Также представляется, что с учетом п. 2 ст. 733 Гражданского кодекса Республики Беларусь и в целях недопущения введения в заблуждение граждан относительно субъекта оказания таких услуг, вероятно, правильнее было бы употреблять иной термин: «государственная электронная услуга» или «электронная государственная услуга», уже встречавшийся в публикациях белорусских авторов [4].

В нормативных правовых актах нередко стал употребляться термин «информационно-коммуникационные технологии», притом что в базовом для регулирования информационных отношений Законе об информации раскрывается только понятие «информационная технология».

Во-вторых, имеются предпосылки для комплексного регулирования правового статуса новых субъектов информационных отношений, закрепления в законодательстве новых объектов, появившихся в информационной сфере.

Закон об информации предусматривает исчерпывающий перечень субъектов информационных отношений (ст. 5) и дефинирует их. Вместе с тем фактически в правовом поле находятся и другие участники информационных отношений. Так, п. 3 и 6 Указа Президента Республики Беларусь от 01.02.2010 № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента

сети Интернет» устанавливает обязанности поставщика интернет-услуг, под которым понимается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие интернет-услуги на территории Республики Беларусь (услуги по обеспечению доступа юридических лиц и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, к сети Интернет и (или) размещению в данной сети информации, ее передаче, хранению, модификации). При этом, как справедливо отмечает Н. А. Саванович, указанный термин является достаточно общим, охватывая на законодательном уровне и иных субъектов информационных отношений, имеющих отличия между собой, в частности интернет-провайдера (лица, предоставившего доступ к сети Интернет), и хостинг-провайдера (лица, обеспечивающего размещение и (или) хранение информации на интернет-сайте) [5].

В повседневную жизнь человека постепенно внедряются и новые объекты правоотношений, такие как искусственный интеллект и роботы, уже в некоторой степени используемые для реализации концепций «умный дом», «умный город» [6]. В мире также набирает популярность «*метавселенная*» (постоянно работающее виртуальное пространство, цифровой мир, в котором люди взаимодействуют с цифровыми объектами и между собой, основанные на технологиях как виртуальной (VR), так и дополненной (AR) реальности). По оценкам экспертов, «метавселенная» (metaverse) – это иммерсивный интернет, где у людей будут те же возможности, что и в реальном мире: свободное перемещение, владение и обмен товарами и активами [7]. Заметим, что регулирование отношений, складывающихся в рамках «метавселенных», по-видимому, способно оказать воздействие на развитие цифровой экономики, поскольку, например, цифровые пространственные модели, технологии дополненной реальности уже поименованы в качестве приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156.

На практике возникают вопросы и относительно правовой природы привычных для среднестатистического пользователя сети Интернет объектов – аккаунтов (учетных записей, персональных страниц пользователей на сайте) и возможностей их использования, в частности в рамках наследования [8].

В-третьих – это определение целесообразности правового регулирования использования отдельных информационных технологий, внедрение принципа «технологической нейтральности» законодательства об информации в целях предупреждения необоснованных ограничений для развития и практического внедрения передовых достижений в области науки и техники. Допустимый предел правового регулирования информационных отношений может выражаться в необходимости соблюдения субъектами уже установленных Законом об информации принципов защиты информации о частной жизни физического лица и персональных данных; обеспечения безопасности личности, общества и государства при пользовании информацией и применении информационных технологий (ст. 4). Тем не менее с учетом

активного появления в обществе технологий искусственного интеллекта и робототехники для решения самых различных задач, возникает вопрос ответственности не только за их безопасное применение, но и за разработку.

Принимая во внимание динамику процессов формирования информационного общества, очерченный круг проблемных вопросов регулирования информационных отношений не претендует на исключительность, однако, полагаем, имеет предпосылки для обсуждения потенциальными правоприменителями в целях снижения правовой неопределенности, построения сбалансированной нормативной правовой базы для развития цифровой экономики и создания безопасных условий функционирования информационной сферы.

Список использованных источников

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Кудрявцева, Т. Ю. Основные понятия цифровизации / Т. Ю. Кудрявцева, К. С. Кожина // Вестник Академии знаний. – 2021. – № 44 (3). – С. 149–151.
3. Образовательный стандарт переподготовки руководящих работников и специалистов по специальности 1-26 01 76 «Управление персоналом» [Электронный ресурс] : утв. постановлением Министерства образования Респ. Беларусь, 29 апр. 2021 г., № 80 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Парфенчик, А. А. Роль законодательства о доступности информации в предоставлении электронных государственных услуг / А. А. Парфенчик // Научно-практический журнал «Право.by». – 2020. – № 2. – С. 76–82.
5. Саванович, Н. А. Ответственность владельца интернет-ресурса за информацию, размещенную третьими лицами [Электронный ресурс]: [по состоянию на 08.10.2019 г.] / Н. А. Саванович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Описание платформы [Электронный ресурс] // Национальная SMART платформа. – Режим доступа: <https://smart.by/about/>. – Дата доступа: 20.10.2022.
7. Метавселенные (metaverses) [Электронный ресурс] // интернет-портал TAdviser. – Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_\(metaverses\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_(metaverses)). – Дата доступа: 20.10.2022.
8. Гринь, Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт / Е. С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 2. – С. 128–134.

Проневич Анна Андреевна

ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЦИИ

Преподаватель-стажёр кафедры международного права, юридический факультет, УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
annapronev@gmail.com

Аннотация. Явление цифровизации характеризуется широким внедрением современных цифровых технологий в различные сферы жизни личности, общества и государства, в том числе правовую сферу. Ключевым направлением применения информационно-коммуникационных технологий в сфере права является электронное опубликование законодательных актов. Основное назначение цифровизации – представление обществу возможности принимать участие в обсуждении актуальных вопросов правового русла.

Ключевые слова: Цифровизация; электронное опубликование; правовая информатизация; информационно-коммуникационные технологии; правовой форум Беларуси.

На современном этапе развития Республики Беларусь мы можем все чаще заметить переход общественных отношений к цифровому формату. Сегодня интернет – основной элемент распространения колоссального объема информации. Это связано с тем, что данная сеть представляет собой наиболее быстрый и выгодный источник распространения информации не только на локальном, но и на мировом уровне, что позволяет открыть новые горизонты развития личности и общества в целом [3, с.5]. Интернет представляет собой широкие возможности для бесконтрольного распространения любого рода информации. Так, развитие источников конституционного права в условиях цифровизации может реализовываться на уровне электронного официального опубликования нормативных актов, общественных обсуждений в сети Интернет актуальных правовых проблем и т.д. Необходимо подчеркнуть, что под цифровизацией подразумевается переход с аналоговой формы передачи информации на соответствующую цифровую форму. Иными словами, цифровизация представляет собой внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни личности, общества и государства. Что касается правовой стороны, то в современных условиях цифровизация затронула многие стороны в жизни общества, государства и достаточно глубоко проникла в область законодательства и широкого применения права на практике [4, с.5].

На данный момент совершенствование государственной системы правовой информации Республики Беларусь связано с приоритетным развитием государственных информационно-правовых ресурсов, основанных на использовании новейших информационных и телекоммуникационных

технологий и внедрении их в различные сферы жизнедеятельности общества [1, с.5]. Самыми важными информационными ресурсами в области права и правовой информатизации, обеспечивающими реализацию конституционного права граждан на получение актуальной, оперативной и своевременной официальной правовой информации являются Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь как система учета и регистрации правовых актов, действующих на территории Республики Беларусь, и их официальное опубликование на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь. В Национальном центре правовой информации Республики Беларусь на протяжении многих лет в рамках основного производственного процесса по подготовке текстов правовых актов к официальному опубликованию на портале и их размещению в эталонном банке данных и иных банках данных правовой информации, ведется планомерная работа по повышению качества распространяемой пользователям правовой информации как в печатной, так и в электронном формах.

Электронное опубликование законодательных актов означает, что любой пользователь в любом месте и в любое время может получить доступ к ним и ознакомиться с их содержанием. Вся информация, управляемая органами публичного управления, является общественной. Общественная информация определяется как любая информация, относящаяся к результату деятельности публичных органов независимо от формы или языка выражения [1, с.5].

Публикация актов в электронной форме призвана в первую очередь обеспечить быстрый и легкий доступ граждан к правовой информации. Важно подчеркнуть, что одним из первых законов, принятых Верховным Советом 12-го созыва (1990-1995 гг.), избранного в демократических условиях, был Закон Республики Беларусь от 3 июля 1990 года «О порядке опубликования и вступления в силу законов Белорусской ССР и других актов, принятых Верховным Советом и его органами». Согласно его ст. Законы и другие акты Верховного Совета нормативного характера вступают в силу на всей территории республики одновременно по истечении десяти дней после их официального опубликования. Верховный Совет вправе при принятии акта установить другой срок введения его в действие. В дальнейшем нормы, касающиеся обнародования актов законодательства, введения их в действие, совершенствовались, учитывали потребности времени, возможности нашего государства. В этой связи надо назвать Декрет Президента Республики Беларусь от 10 декабря 1998 г. № 22 «Об утверждении Положения об официальном опубликовании и вступлении в силу правовых актов Республики Беларусь», который обеспечил единство правового регулирования отношений в указанной области. Действующий в настоящее время Декрет Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь» воспринял все позитивное, что было сделано в предшествующий период и в целом создал условия для получения пользователями всеобъемлющей информации о принятых актах. В настоящее время база данных содержит около

130 тысяч актов законодательства. В соответствии со ст. 7 Конституции нормативные акты государственных органов публикуются или доводятся до всеобщего сведения иным предусмотренным законом способом. Согласно ст. 60 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах» датой официального опубликования нормативного правового акта, включаемого в Национальный реестр правовых актов, считается дата размещения его текста на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь. За время электронного официального опубликования технология подготовки правовых актов к официальному опубликованию неоднократно совершенствовалась. Так, например, Указом Президента Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. №243 «Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов» был определен порядок внедрения электронного документооборота в нормотворческий процесс на стадии принятия (издания) нормативного правового акта. Это позволило с 1 января 2016 г. отказаться от представления для регистрации в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь (далее - Национальный реестр) и последующего официального опубликования бумажных носителей технических нормативных правовых актов, правовых актов местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов базового территориального уровня и включать их исключительно в виде электронных документов или файлов с текстами этих актов, соответствующими текстам оригиналов на бумажных носителях, удостоверенных электронной цифровой подписью. С 1 января 2017 г. эта процедура распространена и на нормативные правовые акты Национального банка, Национальной академии наук Беларуси, министерств, иных республиканских органов государственного управления, областных, Минского городского Советов депутатов, облисполкомов, Минского горисполкома. Распространение механизма предоставления электронного документа или файла, удостоверенного электронной цифровой подписью, и в отношении остального массива законодательства (законы Республики Беларусь, правовые акты Главы государства и Правительства и др.) позволило бы повысить оперативность официального опубликования и, как следствие, вступления в силу указанных нормативных правовых актов.

Современная динамика развития общества диктует необходимость применения информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов государственной власти, что является одним из условий эффективного их функционирования. Так, развитие информационных технологий в органах государственной власти – это все, что относится к открытости информационного взаимодействия с гражданами. В Республике Беларусь институт общественного обсуждения является одной из форм участия граждан в нормотворческой деятельности, при котором население участвует в осуществлении народовластия путем активной деятельности, направленной на предложение изменений и дополнений нормативных правовых актов или высказывание своей позиции по важным вопросам государственной или

общественной жизни. В Республике Беларусь институт публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов получил закрепление в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах». Так, в статье 7 указанного закона предусмотрена детальная регламентация института публичного обсуждения, а именно: определен перечень нормативных правовых актов, которые подлежат обязательному публичному обсуждению, и не подлежащих обсуждению; установлен срок публичного обсуждения, который определяется организатором публичного обсуждения исходя из специфики регулируемых общественных отношений и должен составлять не менее 10 календарных дней; определен круг организаторов публичного обсуждения; указана информационная площадка публичных обсуждений (сайт «Правовой форум Беларуси») в глобальной компьютерной сети Интернет с отражением сведений на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и в средствах массовой информации и (или) на информационных ресурсах, размещенных в глобальной компьютерной сети Интернет, определенных организатором публичного обсуждения, а также на официальных сайтах государственных органов (организаций) в глобальной компьютерной сети Интернет.

В частности, Директивой № 4 предусматривается введение в практику работы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, облисполкомов и Минского горисполкома обязательное общественное обсуждение актов законодательства, которые могут оказать существенное влияние на условия осуществления предпринимательской деятельности. В последние годы общественные обсуждения приобрели актуальность и новые возможности благодаря использованию сети Интернет в качестве площадки для их проведения. Проекты нормативных правовых актов для общественного обсуждения могут размещаться не только на сайтах государственных органов (республиканских органов государственного управления), но и на сайте «Правовой форум Беларуси». Цель форума - предоставление посетителям интерактивной площадки для общения, обмена опытом и мнениями (в том числе с участием специалистов в области права) по вопросам, связанным с правом, правоприменительной практикой, разъяснением законодательства и т.д.

В частности, на общественное обсуждение был вынесен ряд проектов нормативных правовых актов: Национальный план действий по реализации Конвенции о правах инвалидов в Республике Беларусь, Национальная стратегия по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами в Республике Беларусь на период до 2035 года, проекты законов «О производстве и обращении органической продукции», «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» и др.

На сайте «Правовой форум Беларуси» с января по июль 2017 года для общественного обсуждения были размещены 16 проектов нормативных правовых актов, в том числе проекты указов Президента Республики Беларусь «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности» от , «О налоговом консультировании в Республике Беларусь», проект Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательства и исключении излишних требований, предъявляемых к бизнесу» и др. Следует отметить, что наибольшее количество предложений поступило от граждан в ходе развернувшейся общественной дискуссии по проекту Декрета Президента Республики Беларусь «О государственном регулировании оборота табачных изделий и электронных систем курения».

Современная жизнь – это мир информационного разнообразия: это жизнь среди высоких скоростей, информационных потоков, льющихся отовсюду, среди массивов «больших данных», которые накапливаются быстрее, чем их возможно обработать. На данный момент, общество уже невозможно представить без существующей сегодня скорости обмена информацией и без многообразия цифровых устройств, которые используются ежедневно. В связи с вышесказанным цифровизация позволяет обществу мобильно принимать участие в правовом регулировании отношений, обсуждении актуальных вопросов в правовом плане и др.

Список использованных источников

1. Актуальные вопросы развития правовой информатизации в условиях формирования информационного общества : под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. – 464 с.
2. Интерпретация конституционных прав под влиянием цифровизации // Чернецкая, Н. С. : сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 26 / сост. С. В. Анцух; под общ. ред. Е. А. Достанко. — Минск: Четыре четверти, 2021. — С. 204—205.
3. Информационные технологии как средство обеспечения конституционных прав и свобод граждан, надлежащего выполнения ими своих обязанностей в современных условиях : материалы круглого стола, Минск, 30 марта 2021 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; [под ред. А. В. Шавцовой]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 3 – 8.
4. Цифровизация права // Бородич, А. И., Государство и право в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 107-110.

Рыжий Александр Сергеевич

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ И НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

преподаватель кафедры политологии, Белорусский государственный университет, ryzhy@bsu.by

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам устойчивого развития городов и населенных пунктов. Раскрываются некоторые положения государственной политики Республики Беларусь по развитию территорий. Даются рекомендации по обеспечению открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов Республики Беларусь.

Ключевые слова: устойчивое развитие; государственная политика; город; населенный пункт; территория; процессы урбанизации.

Одной из целей в области устойчивого развития которую необходимо достичь к 2030 году является обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов [1].

Белорусский исследователь М. А. Фалалеева в работе «Новый город для нового климата» обращает внимание на взаимосвязь процессов урбанизации и изменения климата. Города потребляют 2/3 энергии и ответственны за 70 % выбросов парниковых газов. С учетом высокой концентрации населения, города сильнее всего подвержены последствиям изменения климата. 40 % населения живет в прибрежных зонах, которые уже сейчас страдают от повышения уровня Мирового океана [2, с.46], а сами города – «один из основных источников изменения климата» [2, с.11].

В общемировом масштабе очевидна тенденция увеличения численности городского населения. На начало XIX в. уровень урбанизации составлял 2%, к середине XX в. – 30%, а к 2050 г. согласно прогнозам экспертов ООН эта цифра вырастет до 68% [3, с.17]. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2021 г., численность городского населения в стране продолжает неуклонно расти, а процент сельского – уменьшаться [4, с.11]. Следует отметить, что в общеевропейском срезе – в Беларуси один из самых высоких процентов урбанизации – 78,6% [5]. Невооруженным глазом заметна возрастающая диспропорция столицы по отношению к общему населению Беларуси, а также областных городов как полюсов социально-экономического развития по отношению к остальным городам. По состоянию на 2022 г. 25% процентов белорусских граждан проживает в столице - четвертая часть. Таким образом, каждый пятый белорус живет в Минске [4]. В Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 28 января 2022 г.

Президент А.Г. Лукашенко акцентировал внимание: «Преодоление межрегиональных отличий останется приоритетом госполитики, а для этого нужно активнее создавать стимулы, чтобы люди стремились жить на всей территории, а не только в Минске» [6].

Развитие городов-спутников как план по прекращению экстенсивного роста Минска, ограничению численности его населения и территории пока не реализован в полной мере [7]. При сохранении существующей тенденции роста и концентрации населения в столице и областных городах согласно прогнозам, отраженным в Национальном докладе о развитии населенных пунктов Республики Беларусь к конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию, возможно нарастание явления «агломерационной тени» и снижение активности экономик средних и малых городов. В результате внутренняя миграция из села в город будет усиливать диспропорции в развитии между городскими и сельскими территориями [8].

В Беларуси сформировалась относительно равномерная сеть населенных пунктов. Среднее расстояние между городами составляет меньше 50 км, то есть в радиусе часовой транспортной доступности. Среднее расстояние между сельскими населенными пунктами составляет около 3 км, что также не создает коммуникационных трудностей. В среднем на каждую тысячу квадратных километров приходится одно городское поселение город или поселок городского типа и 115 сельских [9, с.35]. Однако в политико-административном отношении расположение городов и населенных пунктов имеет существенный недостаток. Это низкая доступность областных центров для окраин областей, которое иногда составляет свыше 200 километров по автомобильным дорогам, например, в случае с городами Житковичи, Браслав или Островец. Причиной этого является то, что четыре из шести областных центров располагаются не в географических центрах своих регионов, а на их окраинах. Как отметил научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований НЦЗПИ К.А. Сивец: «высокоразвитая транспортная инфраструктура Республики Беларусь позволяет констатировать общедоступность областных административных центров, но не равнодоступность, что препятствует взаимодействию органов управления и граждан, проживающих в отдаленных административно-территориальных единицах» [10].

На государственном уровне с целью преодоления межрегиональных отличий приняты ряд нормативно-правовых актов и концепций. Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 18 сентября 2019 г. № 627 определены задачи по обеспечению равномерного развития территорий, сокращению разрыва в уровне и качестве жизни населения в регионах за счет ускоренного социально-экономического развития административно-территориальных единиц с численностью населения 80 тыс. человек и более (города: Барановичи, Пинск, Новополоцк, Бобруйск, районы: Полоцкий, Мозырский, Лидский, Борисовский, Молодечненский и Солигорский).

Постановлением Совета министров Республики Беларусь от 9 октября 2019 г. № 689 был утвержден план развития отдельных регионов, отстающих по уровню социально-экономического развития. Отстающими признан 31 район Беларуси. Большинство районов, отнесенных к отстающим, специализируются на сельском хозяйстве и характеризуются отсутствием крупных производственных организаций. Одной из ключевых проблем, препятствующие эффективному использованию потенциала отстающих в развитии районов, является неразвитость сферы услуг, социальной инфраструктуры, что приводит к усилению дифференциации территорий по качеству жизни населения.

В соответствии с Проектом концепции государственной политики регионального развития Беларуси для развития прилегающих к столице территорий сформирован концепт промышленного пояса Минской области. В индустриальных центрах ускоренного социально-экономического развития с численностью населения 80 тыс. человек определены инвестиционные и промышленные площадки, в сельской местности - повышенные социальные стандарты комфортного проживания на селе, так называемые «деревни будущего» [11].

На наш взгляд, для обеспечения открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов в структуре административно-территориального устройства Республики Беларусь необходимо сбалансированное развитие регионов и населенных пунктов на основе сохранения и укрепления устойчивых систем расселения, а также совершенствование инфраструктуры малых городов, агрогородков и перспективных сельских населенных пунктов. Сложившаяся равномерная сеть населенных пунктов в Республике Беларусь при взвешенной региональной политике, является благоприятной основой развития экономических, трудовых, социальных, культурно-туристических связей, развития местных сообществ в целом.

Список использованных источников

1. Цели устойчивого развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sdgs.by/targets/> – Дата доступа: 28.11.2022.
2. Фалалеева. М. А. Новый город для нового климата / М. А. Фалалеева. – Минск: Дискурс, 2020. – 430 с.
3. Новая программа развития городов ООН (Хабитат III) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unhabitat.org/sites/default/files/2019/05/nua-russian.pdf> – Дата доступа: 12.09.2020.
4. Беларусь в цифрах. Статистический справочник 2021 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [редкол.: И.В. Медведева и др.]. – Минск: Белстат, 2021. – 71 с.
5. Урбанизация наступает на Европу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/urbanizatsiya_nastupaet_na_evropu/ – Дата доступа: 28.11.2022.
6. Послание Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 28 января 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P022p0001> – Дата доступа: 28.11.2022.

7. «Города-спутники никогда не станут местом, где хочется жить». Что не так с развитием Минской агломерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realt.by/news/article/26884/> – Дата доступа: 28.11.2022.

8. Национальный доклад о развитии населенных пунктов Республики Беларусь к конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://habitat3.org/wp-content/uploads/NationalReport_BelarusRepublic_Rus.pdf – Дата доступа: 28.11.2022.

9. Белковская, Н.Г. Влияние системы расселения населения на формирование территориальной структуры хозяйства Республики Беларусь / Н.Г. Белковская, Н.Л. Борисова, Н. В. Ястребова // Социально-экономическая география в XXI веке: новые реалии и практические возможности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 19–20 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Антипова (гл. ред.), А. П. Безрученко, А. В. Дыдышко. – Минск : БГУ, 2022. – С. 35-37.

10. Сивец, К.А. К вопросу о критериях административно-территориального устройства Республики Беларусь / Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений /ИЦЗПИ Республики Беларусь. – Минск : ИВЦ Минфина, Вып. 2. – 2020. – С.209-219.

11. «Деревни будущего» и экономические стимулы: в Беларуси разработали концепцию регионального развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/comments/view/derevni-buduschego-i-ekonomicheskie-stimuly-v-belarusi-razrabotali-kontseptsiju-regionalnogo-razvitija-8216/> – Дата доступа: 10.10.2020.

Середа Руслан Александрович

**ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ДОСТУП В ИНТЕРНЕТ:
КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ И ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ**

заместитель начальника кафедры, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент,
Sereda_R@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки и практика закрепления права на доступ в сеть Интернет как самостоятельного права человека. Анализируются международные стандарты регламентации данного права а также практика зарубежных стран по закреплению права на доступ в Интернет, а также пределы и условия персонифицированного ограничения данного права как санкции за совершение противоправных деяний.

Ключевые слова: права человека; доступ в Интернет; право на Интернет; ограничение прав человека.

По мере расширения сети Интернет и ее проникновения в различные сферы общественной жизни стали делаться шаги по оформлению доступа в Интернет в качестве самостоятельного права человека. Так, в 2011 году специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франк Ла Рю утверждал, что доступ

в Интернет является незаменимым средством для реализации естественных прав человека [2].

Следует отметить, что ряд зарубежных стран уже пошли по пути закрепления рассматриваемого права на уровне национального законодательства. Так в конституции Непала Интернет наряду с иными средствами массовой информации не может быть закрыт, изъят или лишен регистрации в связи с произведенными публикациями. Во Франции, Коста-Рике и Эстонии право на доступ в Интернет признается неотъемлемым правом человека.

В Республике Беларусь право на доступ в Интернет прямо не декларируется, а рассматривается в качестве формы реализации конституционного права на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации, а также свободы мнений, убеждений и их свободное выражение. Вместе с тем, целый ряд законодательных актов уже оперирует терминами «интернет-ресурсы», «интернет-услуги», «национальный сегмент сети Интернет», а также регулирует вопросы пользования соответствующими возможностями.

Однако если доступ в Интернет рассматривать как самостоятельное право, то необходимо нормативно закрепить гарантии от злоупотребления данным правом с точки зрения условий и пределов его ограничения в соответствии со ст.23 Конституции Республики Беларусь.

Существующие ограничения в сфере использования Интернет-ресурсов в Республике Беларусь связаны с лишением доступа к определенным информационным источникам недопустимого содержания. В частности, постановлением Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь и Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 19 февраля 2015 г. № 6/8 было утверждено Положение о порядке ограничения доступа к информационным ресурсам (их составным частям), размещенным в глобальной компьютерной сети Интернет. Объектом ограничительных мер данного акта являются сами информационные ресурсы, содержащие нежелательную информацию, доступ к которым может причинить ущерб охраняемым интересам. При этом остается открытым вопрос о возможности ограничения права отдельного человека на доступ в Интернет. Такое ограничение может выступать в качестве санкции за злоупотребление правом на пользование Интернетом, либо как мера по профилактике противоправного поведения.

На международном уровне регулирования данного вопроса пока нет единого мнения. Упомянутый выше докладчик ООН Франк Ла Рю считает, что отключение пользователей от интернета, независимо от аргументации, должно рассматриваться как непропорциональная мера и нарушение свободы выражения. В практике Европейского Суда по правам человека вопрос о доступе к интернету был впервые предметом изучения в 2012 году. В решении по делу «Йилдырым против Турции» ЕСПЧ отметил, что «право беспрепятственного доступа к Интернету следует также признать» [1].

С другой стороны, «Руководство по правам человека для Интернет-пользователей», принятое в рамках Совета Европы, закрепляет допустимость отключения от Интернета против воли лица в случаях, когда такое решение принято судом [3].

Зарубежная практика регламентации ограничения права на доступ в Интернет также ориентирована, в основном, на запрет посещения некоторых ресурсов нежелательного содержания. Также имели место попытки отключения от сети Интернет всего государства (Египет, Сирия, КНДР). Однако имели место и случаи, когда предметом ограничения выступает право на Интернет, как право отдельного лица, в случае совершения им определенных действий. Так суды Великобритании, при рассмотрении дел о сексуальных преступлениях в качестве дополнительных ограничений применяли к виновным запрет на использование Интернета для каких-либо целей, кроме поиска работы, учебы, работы, законного отдыха или покупки товаров или услуг; запрет иметь при себе компьютер или другую форму доступа в Интернет; запрет использовать какой-либо компьютер или другую форму доступа в Интернет, которые не имеют возможности сохранять и отображать историю такого использования [4].

Однако в 2011 году Апелляционный Суд Англии и Уэльса в одном из своих решений отметил, что полный запрет на использование компьютера или доступ в Интернет недопустим. Это несоразмерно, потому что ограничивает ответчика в использовании того, что в настоящее время является неотъемлемой частью повседневной жизни значительной части населения, а также требованием большой занятости [4].

Законодательство Республики Беларусь пока не содержит норм по запрету на доступ в сеть Интернет в качестве меры санкционного или профилактического характера. Близкую по смыслу норму можно увидеть в ст. 123-1 УПК Республики Беларусь, где в качестве меры пресечения предусмотрен запрет использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет. Однако, на наш взгляд, данная мера преследует иные цели – предотвращение совершения лицом действий, препятствующих производству по уголовному делу.

Полагаем, что в условиях тенденций по признанию права на доступ в Интернет в качестве самостоятельного права, вопрос о закреплении возможности его персонифицированного ограничения вполне оправдан. Когда виртуальное пространство становится средой противоправной деятельности, то профилактические меры должны быть направлены не только на саму среду (информационные ресурсы) но и на пользователей, злоупотребляющих правом нахождения в данной среде. Аналогичную по духу санкцию содержит ст. 6.11 КоАП Республики Беларусь, предусматривающая временный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений во время проведения спортивно-массового мероприятия для лиц, совершивших правонарушения, препятствующие нормальному проведению данного мероприятия.

Бесспорно, следует согласиться с тем, что лишение права на Интернет значительно повлияет на возможность комфортной реализации человеком

своих прав в сфере получения информации, трудовой деятельности, общения и поддержания социальных связей. Вместе с тем полагаем, что при наличии альтернативных традиционных способов реализации указанных прав (бумажные почтовые отправления, проводная телефонная связь, оплата услуг наличными деньгами и т.п.) ограничение доступа к сети Интернет не повлечет умаления иных фундаментальных прав, а лишь исключит одну из форм их реализации.

Кроме того, рассматриваемое ограничение в качестве санкции должно быть обусловлено совершением лицом соответствующих общественно-опасных действий, при которых доступ в Интернет выступает средством и способом достижения противоправных целей (хищения с использованием компьютерной техники, мошенничество, сексуальные преступления, распространение экстремистской информации, призывов к насильственным действиям и т.п.).

Таким образом, данная мера будет выступать как адекватный способ защиты интересов общества и государства и недопущения совершения указанных действий лицом в будущем. Можно провести аналогию с уже существующим уголовным наказанием, связанным с лишением права заниматься определенной деятельностью, которое направлено на достижение похожих целей.

Список использованных источников

1. Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции» (жалоба N 3111/10) [Электронный ресурс]: Постановление Европейского Суда по правам человека от 18.12.2012 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО "Консультант Плюс". - М., 2022.
2. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю, 16.11.2011 [Электронный ресурс] : Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/cgi-bin/tehis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=50f3db872>. – Дата доступа: 01.11.2022.
3. Руководство по правам человека для Интернет-пользователей: юридические инструменты [Электронный ресурс]: рекомендация CM/Res (2014)6 принята Комитетом министров 16.04.2014. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/guide-to-human-rights-for-internet-users-russian-/1680768065>. – Дата доступа: 01.11.2022.
4. Smith & Ors, R. v (Rev 1) [2011] EWCA Crim 1772 (19 July 2011) [Electronic resource]: British and Irish Legal Information Institute. – Mode of access: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2011/1772.html>. – Date of access: 01.11.2022.

Скляр Владимир Константинович

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО НАБЛЮДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ КАНАЛОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

адъюнкт ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь»

Аннотация: Наблюдение издавна используется как один из эмпирических методов познания окружающего мира. В качестве оперативно-розыскного мероприятия государство рассматривает его как один из источников информации, необходимой для обеспечения национальной безопасности. В условиях развития современных информационных технологий изучение результатов оперативно-розыскного наблюдения при пресечении каналов финансирования экстремистской деятельности представляется актуальным.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное мероприятие; оперативно-розыскное наблюдение

Внедрение цифровых технологий происходит быстрее, чем внедрение любых других инновационных разработок в истории человечества: всего за два десятилетия цифровыми технологиями удалось охватить около 50 процентов населения развивающихся стран и преобразовать с их помощью общества. Использование технологий, способствующих расширению коммуникационных возможностей и доступа к финансовым, коммерческим и государственным услугам, может привести к значительному снижению уровня неравенства населения.

Социальные сети связывают почти половину населения планеты. Они позволяют людям высказывать свое мнение и общаться друг с другом из любой географической точки в режиме реального времени. Вместе с тем они могут также укоренять предрассудки и сеять рознь, становясь платформой для проявления ненависти и распространения дезинформации или рупором для пропаганды [1].

Происходящие изменения геополитической обстановки вокруг Республики Беларусь за последнее десятилетие особенно ярко показывают роль социальных сетей в предпринимаемых попытках по дестабилизации обстановки в обществе, а также совершения отдельных действий, направленных на свержение действующего конституционного строя.

Так, в 2011 году распространение получила серия гражданских акций протеста «Революция через социальную сеть», вызванных якобы недовольством части населения действиями руководства страны, приведшими к финансовому кризису, девальвации белорусского рубля и резкому скачку цен. Формальными организаторами акций протеста выступали инициативные группы молодых людей через социальные сети ВКонтакте и Facebook. С целью принятия мер реагирования на проходившие массовые «молчаливые акции» Парламентом Республики Беларусь были приняты соответствующие изменения в Закон «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь».

Основная ставка политтехнологов, которые работали на формирование протестной активности в Беларуси в 2020 году, была сделана на Telegram-каналы и чаты. Фактически были использованы современные средства

массовой коммуникации, а именно — социальные сети, при этом организована попытка повторной реализации сценария 2011 года.

В результате проводимых органами правопорядка мероприятий, установлено, что представители различных зарубежных фондов активно используют социальные сети для сбора пожертвований на оплату штрафов лицам, задержанным за участие в несанкционированных массовых мероприятиях, оплату медицинской и психологической помощи, поддержку в переобучении.

Анализ имеющихся данных свидетельствует, что описанные выше механизмы финансирования целенаправленно использовались «донорами» в связи с трудностями их оперативного мониторинга их эффективного оперативного мониторинга и пресечения фискальными, правоохранными и иными контролирующими органами.

Дополнительным негативным аспектом являлось публичное освещение фактов оказания такой помощи и безнаказанности как плательщиков, так и получателей денег. В таких условиях применение административных мер (штрафов) к участникам деструктивных действий не имело должного профилактического эффекта, поскольку нивелировалось ожидаемой финансовой поддержкой и компенсацией понесенных расходов.

С целью оперативного реагирования на изменяющиеся условия осуществления финансирования деструктивной деятельности в 2021 году по инициативе правоохранных органов были внесены изменения в содержание ст. 361² «Финансирование экстремистской деятельности» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), которая в новой редакции стала предусматривать ответственность за финансирование экстремистской деятельности. В то время как ранее была предусмотрена ответственность только лишь за финансирование деятельности экстремистского формирования [2].

Таким образом, правоприменительная практика, а также легализованные материалы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) послужили основанием для установления ответственности финансирования деятельности экстремистской направленности.

Фактически в основную фазу противостояния протестной активности наиболее массовых Telegram-каналов и Internet-сообществ правоохранные органы столкнулись с отсутствием правовых оснований привлечения к ответственности лиц, осуществляющих финансирование подобной деятельности, поскольку соответствующие формирования официально на тот момент не были признаны экстремистскими, хотя по сути являлись таковыми.

Одновременно с этим, результаты ОРД позволили получить информацию об особенностях финансирования деятельности экстремистской направленности с использованием социальных сетей.

В частности, материалы процессингов совершаемых платежей, направляемых на финансирование конкретных получателей в лице экстремистских фондов и формирований, содержали в себе определенный

идентификатор, который позволил определить потенциальный круг лиц, действия которых содержали отдельные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 361² УК Республики Беларусь.

Последующее документирование противоправной деятельности указанных лиц может осуществляться как самостоятельно уполномоченными лицами правоохранительных органов, так и с привлечением иных источников.

Складывающаяся практика деятельности органов правопорядка свидетельствует, что осуществляемая ОРД в выявлении финансирования экстремистской деятельности с использованием социальных сетей позволяет получить сведения:

- о реквизитах банковской платежной карты, привязанной к персональному аккаунту;
- об используемом способе совершения платежа;
- о целях и деталях проводимого сбора, что фактически позволяет сделать вывод о полной осведомленности «донора» в совершении им финансирования противоправной деятельности, а также указывает на умышленный характер совершаемых действий;
- о состоянии совершенной платежной операций в рамках сбора пожертвований.

Одновременно с этим, получены сведения, которые являются подтверждением использования указанного механизма финансирования не только для осуществления экстремистской деятельности внутри страны, но также для финансирования участия лиц на территории иностранного государства в вооруженном формировании или вооруженном конфликте, военных действиях.

В настоящее время правоохранительными органами осуществляется формирование правоприменительной практики привлечения к ответственности лиц, осуществляющих финансирование экстремистской деятельности.

Следует отметить, что своевременное совершенствование уголовно-процессуального законодательства формирует условия для эффективного решения задач по снижению протестной активности, имеет профилактический эффект, а также несет в себе функции правового просвещения граждан в условиях широкого распространения информационных технологий.

Список использованных источников

1. Выступление Генерального секретаря ООН на 74-й Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций - <https://www.un.org/ru/un75/impact-digital-technologies>
2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 12.10.2022.

Соловьев Павел Витальевич

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

Старший преподаватель кафедры конституционного права и государственного управления юридического факультета Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой,
p.solovjov@psu.by

Аннотация. В статье рассмотрены возможные направления развития нормотворческого принципа научности в современных условиях цифровизации государства и права. Обосновано внедрение открытого электронного банка данных нормотворческих предложений учёных, краудсорсинговых технологий во взаимодействии научного сообщества и нормотворческих органов по вопросам подготовки и экспертной оценке нормативных правовых актов.

Ключевые слова: нормотворчество; нормотворческая деятельность; цифровизация нормотворчества; принципы нормотворчества; принцип научности.

Нормотворчество является интеллектуально ёмким видом юридической деятельности. Общественные отношения, которые требуют правовой регламентации, динамично изменяются и усложняются. Это требует максимального вовлечения научного сообщества в процессы по планированию, подготовке, проведению экспертиз нормативных правовых актов. В этой связи в систему основных принципов нормотворчества включается принцип научности, актуализируется вопрос о механизмах его реализации. Как представляется, ряд направлений воплощения данного принципа в нормотворческой практике следует развивать с учетом современных достижений в цифровизации права.

Нормотворческий принцип научности – это осуществление нормотворческой деятельности во взаимодействии с юридической и иными науками в целях принятия научно обоснованных нормотворческих решений, отражения в нормативных правовых актах современных достижений науки. Данный принцип является частью развивающейся в настоящее время концепции доказательной политики (англ. evidence-based policy) [1, с. 92], которая предполагает осуществление государственной политики (в т.ч. и нормотворческой деятельности) на основе результатов научных исследований, с использованием научно обоснованных фактов. В основе данной концепции лежит тезис о том, что такое осуществление государственной политики призвано повысить его качество и минимизировать негативные последствия субъективных, идеологически ангажированных и тому подобных решений. Это актуализирует необходимость правового и организационного обеспечения

механизмов реализации нормотворческого принципа научности, поскольку напрямую связано с обеспечением конституционного права граждан на хорошее управление (англ. right to good administration).

Помимо доктринального признания нормотворческий принцип научности имеет тенденцию к нормативному признанию в законодательстве о нормотворческой деятельности в странах-участниках СНГ. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» в ст.6 включает научность в перечень основных принципов нормотворческой деятельности и называет ряд направлений по реализации принципа научности: 1) вовлечение научного сообщества в нормотворческую деятельность и использование результатов научных исследований при разработке и экспертизе проектов нормативных правовых актов; 2) использование научно обоснованного планирования в нормотворческом процессе; 3) использование научно обоснованного прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов. Ряд других положений указанного Закона закрепляют нормы, также направленные на реализацию принципа научности в нормотворчестве: учёт результатов научных исследований при подготовке планов проектов нормативных правовых актов (ст. 38); учёт результатов научных исследований в области права при подготовке проектов нормативных правовых актов или их концепций (ст. 42, 43) и др.

С позиций цифровизации государства и права можно предложить ряд новых направлений реализации принципа научности в нормотворчестве.

1. Реализация принципа научности на стадии нормотворческой инициативы предполагает наличие и функционирование правовых механизмов, позволяющих научному сообществу направлять свои предложения в нормотворческие органы через субъектов нормотворческой инициативы или самим выступать субъектом нормотворческой инициативы.

Например, в Республике Беларусь данный механизм закреплён в ст.40 Закона «О нормативных правовых актах», которая допускает признание в качестве субъектов нормотворческой инициативы как различные научные организации, так и отдельных учёных. При этом, если данные лица не являются субъектами нормотворческой инициативы в некоторых видах нормотворческого процесса, то они имеют права вносить проекты нормативных правовых актов или мотивированные нормотворческие предложения через субъектов, которые таковыми являются. Данное правило применяется в законотворческом процессе.

В целях усиления взаимодействия научного сообщества с нормотворческими органами видится разумным создание открытого электронного банка данных нормотворческих предложений учёных. Открытый банк данных нормотворческих предложений учёных будет системно (например, по отраслям законодательства и (или) в привязке в конкретному нормативному правовому акту) аккумулировать в себе проекты нормативных правовых актов или мотивированные нормотворческие предложения, подготовленные учёными и направленные в нормотворческие органы для рассмотрения. Использования

данного банка данных нормотворческими органами при планировании нормотворческой деятельности, подготовке нормотворческих инициатив и при разработке проектов нормативных правовых актов будет способствовать реализации принципа научности и в конечном счёте должно повысить качество нормотворческой деятельности. В свою очередь открытость такого банка данных также окажет позитивное воздействие на развитие правовой науки в части разработки предложений по совершенствованию законодательства: предложения будут подвергаться научному обсуждению, будут проводиться дальнейшие научные изыскания. С позиций государственной поддержки науки банк данных нормотворческих предложений учёных может стать одним из инструментов более эффективного распределения грантов на выполнение исследований в области права.

2. В нормотворческой доктрине основной стадией, где происходит воплощение принципа научности в жизнь, считается подготовка проекта нормативного правового акта. Здесь реализация принципа научности может осуществляться через участие представителей научного сообщества в разработке проектов нормативных правовых актов (как в качестве членов рабочих групп, консультантов и т.д., так и в качестве самостоятельных авторов).

Как представляется, потенциал принципа научности может быть раскрыт через внедрение краудсорсинговых технологий. Краудсорсинг – это решение каких-либо задач силами заинтересованных лиц, деятельность которых координируется на базе информационных технологий, что позволяет осуществить сбор и анализ информации, обсудить и выработать решение широким кругом лиц с различными точками зрения, широтой планирования и креативностью. Краудсорсинг имеет множество граней – это и инструмент решения сложных проблем и задач; также новая форма организации труда или форма занятости; при этом инструмент генерации креатива, инноваций, поиска и сбора больших данных; главным образом, социальная технология гражданского участия и открытого правительства [2, с. 86]

Видится необходимым внедрения краудсорсинговых технологий во взаимодействие государства и научного сообщества в сфере нормотворческой деятельности. Необходимо реализовать новую систему взаимодействия субъектов нормотворчества, предусматривающую совместное осуществление нормотворческой деятельности (ученые и государственные органы), в том числе на стадиях нормотворческой инициативы, планирования и подготовки проекта. Это может быть специализированный портал обсуждения проектов, которые позволяют голосовать за или против проекта в целом, его отдельные статьи, размещать замечания по проекту, формулировать к проекту предложения, которые также могут быть оценены другими пользователями-учеными.

3. Реализация принципа научности может быть усовершенствована также путем усиления взаимосвязи с нормотворческим принципом гласности. Он предполагает информационную открытость нормотворческого процесса на всех

стадиях, и в современных условиях цифровизации государства и права информация должна предоставляться на условиях бесплатности, оперативности, удобства.

В этой связи можно предложить обеспечение доступности для общественности текстов предложений и замечаний, направленных представителями научного сообщества в процессе работы над проектом, экспертных заключений по проекту, прогнозов предполагаемых последствий принятия нормативного правового акта и т.п. Такая информация могла бы представлять собой самостоятельный общедоступный электронный банк данных, взаимосвязанный с государственной системой правовой информации.

Тут следует обратить внимание, что при таком подходе будет формироваться структурированное экспертное обсуждение, которое навсегда возможно достичь при широком общественном обсуждении. Например, ряд специалистов «негативно оценивают практику размещения проектов нормативных правовых актов на интернет-сайтах для последующего комментирования со стороны любого желающего, потому как высказываемые мнения редко являются экспертными и полезными, а поддержка такого сайта и анализ получаемой информации ведут к необходимости нести значительные расходы ... пользу могла бы принести более структурированная дискуссия» [3, с.189].

В свою очередь, ИКТ-обеспечение научного общения по проблемам нормотворчества будет способствовать проведению дальнейших научных исследований по совершенствованию законодательства, а также должно оказать позитивное воздействие на формирование правоприменительной практики, которая проектировалась в процессе создания нормативного правового акта.

Главным образом, реализация принципа научности во взаимосвязи с принципом гласности будет способствовать воплощению в жизнь принципа ответственности субъектов нормотворческой деятельности. Открытость сведений о научных организациях (учёных), принимавших участие в разработке и экспертной оценке проекта, доступность текстов проектов и замечаний, предложенных учёными в процессе разработки нормативного правового акта, будут выступать одним из механизмов, обеспечивающих реализацию принципа ответственности субъектов нормотворческой деятельности, поскольку работа учёных будет подвергнута общественной оценке. Такая система дополнительно стимулирует представителей научного сообщества, включённых в нормотворческий процесс, выполнять свои обязательства надлежащим образом. В этой связи актуализируется вопрос о развитии конституционно-правовой ответственности в сфере нормотворчества.

В заключении отметим, что с конституционно-правовых позиций реализация принципа научности в нормотворчестве – это один из ресурсов, обеспечивающих устойчивое конституционно-правовое развитие государства. Нормотворческая деятельность без опережающего научного обеспечения продуцирует дефектные нормативно-правовые решения, что в конечном счёте оказывает негативное воздействие на конституционный правопорядок, на

реализацию конституционных прав и свобод граждан и личности, прав и законных интересов организаций, на порядок функционирования государственной власти и т.п. В этой связи должны использоваться все имеющиеся достижения цифровизации государства и права.

Список использованных источников

1. Шахрай, И. С. Филиппенко Е. П. Формы участия учёных в нормотворческой деятельности: проблемы правового закрепления и перспективы развития // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. В 2 т. Т. 2 / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-ут экономики НАН Беларуси; ред. кол.: В.И. Бельский [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2019. – С. 92–97.

2. Сафиуллин М. Р., Бурганов Р. Т., Бурганова А. Р. Краудсорсинг как новый драйвер цифровой экономики и инструмент гармонизации интересов участников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2022. – № 1. – С. 85–112.

3. Парфенчик, А. А. Правовое регулирование предоставления государственных услуг в условиях цифровизации : [монография] / А. А. Парфенчик ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск : Колорград, 2022. – 219 с.

Сухопаров Виктор Павлович

ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСАХ

Преподаватель кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, магистр юридических наук,
viktar19sv@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к правовому регулированию свободного использования произведений в Республике Беларусь и зарубежных странах в контексте актуальности пересмотра законодательно предусмотренных случаев ограничения исключительных прав на интернет-ресурсах. В результате автором выявляются критерии допустимого свободного использования произведений, которые могут быть учтены при совершенствовании законодательства Республики Беларусь об авторском праве и смежных правах в условиях цифровизации.

Ключевые слова: свободное использование произведений; сеть Интернет; интернет-ресурсы; защита авторских прав; принцип добросовестности; интернет-пользователи.

С развитием глобальной компьютерной сети Интернет и формирующихся в ней общественных отношений институт свободного использования произведений и иных объектов, охраняемых правом интеллектуальной собственности, приобрел особую актуальность. Это связано с тем, что интернет-пространство предоставляет широкий спектр возможностей для использования объектов интеллектуальной собственности, однако контроль за

законностью такого использования усложняется в силу глобальности компьютерной сети Интернет и чрезмерно большого числа составляющих ее интернет-ресурсов.

Как отмечает С. С. Лосев, «активное развитие глобальной компьютерной сети Интернет наряду с цифровизацией обеспечили серьезный вызов институту авторского права и смежных прав» [1, с. 218]. Проблема влияния информационно-коммуникационных технологий на указанный правовой институт, по мнению С. С. Лосева, влечет за собой необходимость «адаптации» содержания исключительного права к условиям использования произведений в цифровой среде, а также необходимость «пересмотра» установленных законодательством случаев ограничения исключительного права «в целях достижения справедливого баланса интересов правообладателей и общества» [1, с. 218–219]. Взаимосвязь развития глобальной компьютерной сети с обеспечением осуществления информационных прав, свобод и обязанностей граждан и необходимостью совершенствования системы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности подчеркивает также Е. Дементьева: сеть Интернет выполняет ведущую роль в предоставлении гражданам доступа к информации, однако вместе с этим обостряется вопрос обеспечения защиты интеллектуальных прав в связи с повышенными рисками угроз их нарушения в глобальной информационно-коммуникационной среде [2].

Актуализируемая проблематика имеет комплексный характер для ее анализа и разрешения, поскольку, с одной стороны, соответствующие правоотношения регламентируются нормами права интеллектуальной собственности, с другой – касаются информационной сферы использования и правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, с третьей – затрагивают интересы общества и индивидов в информационной сфере, правовые основы чему заложены в Основном Законе. Так, Конституция Республики Беларусь гарантирует гражданам право на получение, хранение и распространение информации, предусматривает, что ограничение пользования информацией допустимо в целях защиты чести, достоинства, частной и семейной жизни граждан, а также полного осуществления ими своих прав (ст. 34 Конституции), гарантирует каждому право на участие в культурной жизни, обеспечение общедоступности ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах, обеспечение развития сети культурно-просветительных учреждений, охрану интеллектуальной собственности в соответствии с законом (ст. 51 Конституции), а также предусматривает иные фундаментальные основы развития информационной сферы, учитывающие сбалансированность интересов личности, общества и государства.

В Республике Беларусь правовое регулирование свободного использования произведений на интернет-ресурсах предусмотрено в ст. 33 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах», регулирующей свободное использование произведений

в средствах массовой информации. Из сферы действия Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. 2) общественные отношения, связанные с охраной информации, являющейся объектом интеллектуальной собственности, исключены. Вопросы свободного использования произведений на интернет-ресурсах не затрагивает и Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации», регламентируя в ст. 41 лишь использование авторских произведений и писем с разрешения правообладателя.

На наш взгляд, с учетом популярности современных интернет-ресурсов приобретает актуальность разработка специальной правовой регламентации свободного использования произведений в сети Интернет. В отличие от иных сфер свободного использования произведений, в том числе сферы СМИ, интернет-ресурсы в наибольшей степени сочетают в себе информационные, культурные, развлекательные и коммерческие цели.

Весьма уместен учет американского опыта *fair use*, поскольку именно компания Google LLC является владельцем известнейшего видеохостинга YouTube и в своей политике основывается на защите авторских и смежных прав. В то же время в YouTube-справке указывается, что вопросы свободного использования произведений «по-разному регулируются в различных странах» и для соблюдения национального законодательства требуется учитывать национальное правовое регулирование использования произведений иных правообладателей. В целом стандарты политики YouTube в части охраны авторских прав преимущественно основываются на критериях the Copyright Act (section 107), т. е. Закона США об авторском праве, и судебных прецедентах [3].

Berkman Center for Internet & Society, анализируя одно из легальных правил оценки *fair use* американскими судами (цель и характер использования произведения иного правообладателя) подчеркивает, что подход судов к оценке коммерческих целей при *fair use* как недобросовестных изменился. Ведь многие из возможных добросовестных случаев *fair use* осуществляются с целью извлечения прибыли. На сегодняшний день американские суды по-прежнему подвергают пристальному анализу извлечение прибыли в рамках *fair use* при рассмотрении споров по охране авторского права, однако коммерческие цели не являются оправданным пунктом для принятия отрицательного решения в отношении лица, использовавшего произведение иного правообладателя. Важность имеет учет «степени» преобразования оригинального произведения при его заимствовании [4].

Российский ученый Р. А. Будник предлагает иной подход к рассмотрению случаев свободного использования произведений в Интернете. Подход ученого заключается в том, чтобы легализовать свободное использование произведений в Интернете с выплатой вознаграждения правообладателю. При указанном условии Р. А. Будник допускает: «1) свободное воспроизведение, распространение, публичный показ, публичное исполнение и доведение до всеобщего сведения в сети “Интернет” зарегистрированного по установленной форме произведения; 2) создание производного на основе зарегистрированного

произведения, если производное произведение также зарегистрировано для свободного использования» [5, с. 34].

Если соотнести изложенные подходы с положениями международных документов по охране интеллектуальной собственности, то выявляется следующая международно-правовая особенность рассматриваемого регулирования. Так, ст. 9 (2) Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (Парижский акт от 24 июля 1971 г., измененный 2 октября 1979 г.) предусматривает, что законодательством стран может разрешаться воспроизведение произведений в определенных особых случаях при условии, что такое воспроизведение не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора. Статья 13 Соглашения об аспектах интеллектуальной собственности, связанных с торговлей (TRIPS 1994 г. с изменениями на 6 декабря 2005 г.), указывает, что ограничения или изъятия в отношении исключительных прав сводятся до некоторых исключительных случаев, которые не вступают в противоречие с обычным использованием произведения и необоснованно не ущемляют законные интересы правообладателя. Исходя из доктринальной трактовки «обычного использования произведения» как извлечения правообладателем экономической выгоды из реализации своего права, чему не должно препятствовать использование соответствующего произведения другими лицами [6, с. 284–288; 7, с. 271], выявляется подход, согласно которому получение дохода при использовании произведения иного правообладателя не подпадает под особые случаи ограничения исключительного права. Данный вывод обусловлен достаточно общим характером изложенных международно-правовых положений.

Таким образом, сущность рассмотренных подходов к свободному использованию произведений на интернет-ресурсах может быть сформулирована следующим образом:

- допустимость коммерческих целей при свободном использовании в особых случаях, когда в рамках такого свободного использования преследуются и другие цели (информационные, образовательные и др.), произведение отличается преобразовательным характером в сравнении с заимствуемым, соблюдаются иные критерии *fair use* (характер заимствуемого произведения; объем заимствования в соотношении с оригиналом; влияние заимствования на рынок реализации произведения правообладателем [3]);

- допустимость свободного использования произведений в Интернете при условии выплаты вознаграждения правообладателю;

- допустимость свободного использования произведений в Интернете в особых случаях, исключающих ущемление законных интересов правообладателя (что, как и во втором из перечисленных подходов, предполагает обязательство по выплате правообладателю вознаграждения в каждом случае использования произведения, имеющего *inter alia* коммерческую цель).

Поскольку для Республики Беларусь характерно предоставление перечня случаев (а не критериев оценки) свободного использования, то применение американского подхода к использованию произведений на интернет-ресурсах по законодательству Республики Беларусь весьма затруднительно. Хотя данный подход обоснован практикой многих пользователей YouTube и тем самым учитывает законные интересы правообладателей. В наибольшей мере белорусскому законодательству об авторском праве и смежных правах соответствует выдвинутый Р. А. Будником подход по платному использованию произведений в Интернете. К тому же последнему аналогична ст. 41 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», посвященная платному, но свободному использованию фонограммы.

В то же время при таком подходе к использованию произведений на интернет-ресурсах могут возникнуть трудности при обращении интернет-пользователя в организации по коллективному управлению авторскими и смежными правами. Ведь YouTube – глобальная интернет-платформа и внимание интернет-пользователей привлекает широкий спектр зарубежных произведений (от репортажей СМИ до кинофильмов). При этом зачастую интернет-пользователями используются лишь незначительные фрагменты авторских произведений в отличие от радиостанций или телеканалов, что, как минимум, требует весьма льготных тарифов по вознаграждению правообладателей.

Таким образом, требуется пересмотр случаев свободного использования произведений, предусмотренных Законом Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», применительно к интернет-ресурсам с учетом следующих условий добросовестности интернет-пользователей:

- 1) произведение существенным образом отличается от заимствуемого оригинала;
- 2) заимствуемые фрагменты используемых произведений по своему объему незначительны;
- 3) извлечение прибыли является сопутствующим иным целям (а не прямой целью) заимствования произведения.

Список использованных источников

1. Лосев, С.С. Влияние цифровизации на развитие института авторского права и смежных прав / С.С. Лосев // Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации : коллектив. моногр. / Ю.А. Амельчя [и др.] ; под ред. О.А. Бакинской. – Минск, 2021. – гл. 7 разд. II. – С. 177–221.
2. Дементьева, Е. Расширение сферы свободного использования произведений в информационно-телекоммуникационных сетях [Электронный ресурс] / Е. Дементьева // ИС «Авторское право и смежные права». 2016. № 1. КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
3. Fair use on YouTube [Electronic resource] // YouTube Help. – Mode of access : <https://support.google.com/youtube/answer/9783148?hl=en>. – Date of access : 05.11.2022.

4. Fair Use [Electronic resource] // Digital Media Law Project. Project hosted by Berkman Center for Internet & Society. – Mode of access: <http://www.dmlp.org/legal-guide/fair-use>. – Date of access: 05.11.2022.

5. Будник, Р.А. Цивилистическая концепция инклюзивного механизма гражданско-правового регулирования авторских отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Р.А. Будник ; Рос. гос. акад. интеллект. собственности. – М., 2017. – 54 с.

6. Ficsor, M. The Law of Copyright and the Internet: the 1996 WIPO Treaties, their Interpretation and Implementation / M. Ficsor. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 848 p.

7. Новоселова, Л.А. Свободное использование произведений и объектов смежных прав / Л.А. Новоселова, Е.А. Павлова // Право интеллектуальной собственности : учебник / Е.С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – М, 2017. – Гл. 9. – С. 269–313.

Шавцова Алла Васильевна

АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

доцент кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, varfolaalla@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается состояние системы высшего образования в условиях цифровизации в контексте реализации четвертой цели ЦУР. Проводится исследование соотношения государственного финансирования в рамках бюджета и кредиторской задолженности высших учреждений образования, анализируются основные статистические данные по различным показателям, в том числе проводится сравнительно-правовой анализ с другими странами, динамика внедрения IT-технологий в систему высшего образования и основные проблемы.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, высшее образование, информационные технологии образования, информационные ресурсы, цифровизация, информатизация образования, информационная грамотность студентов

В рамках проведенных исследований в контексте выполнения 4-ой ЦУР основной акцент был сделан на анализ состояния системы высшего образования в Республике Беларусь с позиций внедрения цифровых технологий.

В рамках данной цели перед государством поставлена задача 4.3 - к 2030 году обеспечить для всех женщин и мужчин равный доступ к недорогому и качественному профессионально-техническому и высшему образованию, в том числе университетскому образованию, при этом основными показателями должны быть:

- 4.3.1 Уровень участия взрослых и молодежи в формальных и неформальных видах обучения и профессиональной подготовки в последние 12 месяцев в разбивке по полу

- 4.4.1 Доля молодых и взрослых людей, обладающих навыками в области информационно-коммуникационных технологий, в разбивке по видам навыков (процент).

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, опубликованным в рамках проекта «Поддержка функционирования архитектуры управления процессом достижения Целей устойчивого развития Республики Беларусь», национальным исполнительным агентством которого является Министерство иностранных дел Республики Беларусь при координации Национального координатора по достижению Целей устойчивого развития, доля молодежи и взрослых (15-72 лет), обладающих базовыми навыками в области информационно-коммуникационных технологий (в процентах) : 41,2 в 2018 г., 45,4 в 2019, то есть уровень возрос на +4,2 п.п. Разбежка в рассматриваемой возрастной категории включает как среднее и среднее специальное образование, так и высшее. В этой связи данная статистика не позволяет точно определить долю людей с высшим образованием, обладающих навыками в области информационно-коммуникационных технологий, но свидетельствует об общей тенденции повышения уровня грамотности в сфере IT – технологий.

Информационные технологии образования (ИТО) - приложения информационных технологий для создания новых возможностей передачи знаний (деятельности педагога), восприятия знаний (деятельности обучаемого), и всестороннего развития личности обучаемого в ходе учебно-воспитательного процесса. В рамках реализации 4-ой Цели плана устойчивого развития в республике проводятся широкомасштабные мероприятия, охватывающие все стороны образовательного процесса.

Современный период развития общества характеризуется влиянием на него информационных и компьютерных технологий, которые проникают во все сферы человеческой деятельности, обеспечивают распространение информационных потоков в обществе, образуя глобальное информационное пространство. Неотъемлемой и важной частью этих процессов является информатизация образования. В настоящее время в Республике Беларусь идет становление новой системы образования, ориентированного на вхождение в мировое информационнообразовательное пространство [1, 2]. Этот процесс сопровождается существенными изменениями в педагогической теории и практике учебно-воспитательного процесса, связанными с внесением корректив в содержание технологий обучения, которые должны быть адекватны современным техническим возможностям и способствовать гармоничному вхождению учащегося в информационное общество. Компьютерные технологии призваны стать не дополнительным звеном в обучении, а неотъемлемой частью целостного образовательного процесса, значительно повышающей его эффективность.

По данным Белстата, на 1 августа 2022 г. в стране действовало 144 723 юридических лица, из которых 9050 (6,3%) на ту же дату относились к сфере образования (все виды УО). По сравнению с 1 августа прошлого года количество юрлиц по виду экономической деятельности «образование» уменьшилось на 0,7%. При этом в целом по экономике число организаций за тот же период выросло на 1,4%. Вместе с тем число высших учебных заведений остается стабильным. На начало 2021/2022 учебного года число учреждений высшего образования – 50 (243,0 тыс. студентов и 12,3 тыс. магистрантов) [3]. Это свидетельствует об устойчивости в целом высшей системы образования, ее положительных качественных характеристиках, потенциале и высоком уровне потребностей как у населения, так и у государственных и иных институтах, выступающих в роли работодателей.

Однако, несмотря на ряд показателей положительной динамики в сфере образования в целом, в системе высшего образования следует обратить внимание на некоторые проблемы. Ряд из них непосредственно связан с анализируемой темой - обеспечением высшего образования в условиях цифровизации.

Согласно данным Министерства финансов Бюджет Республики Беларусь для граждан на 2022 год составил 30, 67 млрд.руб., в том числе на:

образование – 4,8 (на финансирование отрасли «Образование» предусмотрено 1 462,7 млн. рублей.),

здравоохранение – 6,1

социальная политика – 7,5

национальная оборона – 5,9

судебная власть, правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности – 10,2

общегосударственную деятельность – 50,6

...и др., что ниже, чем на остальные сферы [4]

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Беларусь	5,0	5,0	4,8	4,8	4,9	4,8	4,9	4,8	4,7

Сравнительный анализ государственных расходов на образование по годам в период с 2012 по 2020 свидетельствует о их снижении [4].

Данный показатель влияет на два важных производных фактора: 1) уровень образования, в том числе на являющийся в настоящее время в приоритете – владение информационными технологиями как обучающихся, так и преподавателей, а также в последующем – 2) на профессиональный уровень квалификации работников, что, безусловно, скажется на общем состоянии экономики и других важных сферах жизнедеятельности государства и общества.

Проведенный страновой сравнительно-правовой анализ государственных расходов на образование (в процентах к ВВП) показал, что по странам СНГ, как и по странам Евросоюза Республика Беларусь занимает среднее положение (4,7), находясь по данным Статкомитета СНГ между Казахстаном (4,5) и Таджикистаном (5,4), а также по Базе данных ЮНЕСКО между Чехией (4,6), Францией (5,1) и Нидерландами (5,1). В то же время, следует обратить внимание на то, что такие развитые государства как Япония (3,1), Россия (4,0), Германия (4,2) занимают существенно ниже позицию в таблице, а Австрия (4,8) фактически равна Беларуси по данному показателю, что свидетельствует о проводимой ими государственной политике в области образования. На наиболее высоких позициях находятся в странах СНГ - Молдова (6,1) и в странах Евросоюза – Швеция (6,9) [5]. Однако это не является основанием признать уровень информационной грамотности и образования в области IT - технологий в некоторых странах более низким, а в других - более высоким. Анализ государственных расходов на образование (в процентах к ВВП) по странам должен быть сопоставим также с образованности населения, а в рамках конкретной страны – с расходами на иные сферы.

Так, модернизация учебно-образовательной среды учреждений высшего образования и их оснащение современным оборудованием, совершенствование процессов и технологий обучения и преподавания, формирование системы обеспечения качества высшего образования (за счет займа Международного банка реконструкции и развития, привлеченного для реализации проекта «Модернизация Высшего образования Республики Беларусь») составила 19,3 млн. рублей.

На финансирование научной, научно-технической, и инновационной деятельности предусмотрено 428,5 млн. рублей, в том числе: на развитие материально-технической базы государственных научных организаций 19,3 млн. рублей, на финансирование прикладных исследований и разработок 122,1 млн. рублей. Прикладные исследования и разработки будут выполняться по целому ряду приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности, в том числе - цифровые информационно-коммуникационные и междисциплинарные технологии, основанные на них производства и др. При этом, научно-техническая и инновационная деятельность в этом перечне стоит на первом месте, что свидетельствует о ее важности и первостепенном значении в проводимой государственной политике.

Дополнительным источником финансирования научной, научно-технической и инновационной деятельности в 2022 году станут средства республиканского централизованного инновационного фонда, расходы которого планируются в объеме 174,4 млн. рублей [4].

В 2022 г. в Беларуси снижается объем платных образовательных услуг в реальном выражении. Однако рентабельность образовательного бизнеса в Республике Беларусь остается более высокой, чем в среднем по экономике. Средний уровень рентабельности в образовании отличается по месяцам. В январе рентабельность продаж по отрасли составила 21,2%, в феврале – 17,4%,

в марте – 11,3%, в апреле – 19,0%, в мае – 19,9%, в июне – 5,7%. По итогам 6 месяцев около 28,3% отчитавшихся организаций образования были нерентабельны, что составляет почти 1/3 УО, а 17,4% показали рентабельность в пределах 0–5%. Средние доли таких категорий компаний по экономике составили 21,5% и 30,8% соответственно [4].

На 1 июля 2022 г. учитываемые в текущем порядке организации в сфере образования располагали краткосрочными активами на 71,3 млн. руб., а также имели собственные оборотные средства на 38,4 млн. руб. На эту же отчетную дату 17,4% отчитавшихся организаций отрасли не имели собственных оборотных средств, а 6,5% отчитавшихся имели обеспеченность собственными оборотными средствами ниже норматива (средние показатели по экономике – 24,2% и 9,4%). [4]

Следует отметить сравнительно высокий общий уровень задолженности учреждений образования в сфере образования, что, безусловно, серьезно влияет на вопросы оснащенности их техническими средствами обеспечения и возможность внедрения IT-технологий в учебный процесс. Так, суммарная задолженность организаций образования на 1 июля 2022 г. составила 23,2 млн. руб. По сравнению с 1 января размер задолженности в номинале упал на 38,3%, а к 1 июля 2021 г. объем задолженности вырос на 23,4%. Просроченная часть суммарной задолженности в отрасли достигла 1,2 млн. руб. (падение на 21,2% к 1 января и рост на 75,7% к 1 июля 2021 г.). Удельный вес просроченных обязательств на эту дату составил 5,1% при 6,4% в среднем по экономике. Кредиторская задолженность на 1 июля 2022 г. образовала цифру 21,2 млн. руб. (–41,0% к 1 января и +25,3% к 1 июля 2021 г.). Просроченная кредиторская задолженность на отчетную дату достигла 1,0 млн. руб. (–23,1% к 1 января и +93,3% к 1 июля 2021 г.). Удельный вес просроченных обязательств составил 4,9% при 12,8% по экономике [4].

Практически вся кредиторская задолженность отрасли сформирована расчетами внутри Беларуси. Внутренняя кредиторская задолженность на 1 июля 2022 г. составила 20,9 млн. руб. (–41,1% к 1 января и +25,0% к 1 июля 2021 г.). Просроченная внутренняя кредиторская задолженность на отчетную дату достигла 1,0 млн. руб. (–23,8% к 1 января и +96,2% к 1 июля 2021 г.). Удельный вес просроченных внутренних обязательств составил 4,9% при 12,7% по экономике. Задолженность по кредитам и займам на 1 июля 2022 г. составила 2,0 млн. руб. (+17,9% к 1 января и +5,8% к 1 июля 2021 г.). Просроченная задолженность по кредитам и займам на отчетную дату достигла 0,1 млн. руб. (–0,8% к 1 января и не изменилась к 1 июля 2021 г.). Удельный вес просроченных обязательств составил 6,3% против 2,1% по экономике [4].

Проведенный на основе данных Министерства финансов и Статкомитета анализ, прежде всего, финансовой составляющей (модернизация учебно-образовательной среды учреждений высшего образования и их оснащение современным оборудованием, финансирование научной, научно-технической и инновационной деятельности, краткосрочные активы, собственные оборотные средства, общий уровень задолженности, кредиторская задолженность и др.) в

рамках рассматриваемой темы, даже с учетом последствий финансово-экономического кризиса последних лет, позволяет сделать вывод о стабилизации и укрепления финансового положения высших и иных учреждений образования в Республике Беларусь, повышении рейтинга белорусской национальной системы образования среди стран СНГ и Европейского Союза, о целесообразности более активного внедрения информационных ресурсов и технологий в практику обеспечения учебного процесса.

В современных государствах *обеспеченность ВУЗов информационными ресурсами и технологиями - информационная грамотность студентов высших учебных заведений – квалификация работника/специалиста – уровень развития экономики* образуют замкнутый цикл. Будущее состояние не только национальной экономики и финансовой сферы Беларуси, но и геополитическое положение во многом сегодня зависят от активного внедрения современных информационных ресурсов и технических средств в учебный процесс высших учреждений образования.

Информационные технологии могут решить проблемы обучения профессиональному общению и интенсифицировать учебный процесс за счет повышения темпа, индивидуализации обучения, моделирования ситуаций, увеличения активного времени каждого обучающегося и усиления наглядности благодаря преимуществам информационных технологий, которые заключаются: «в организации познавательной деятельности путем моделирования; имитации типичных ситуаций профессионального общения с помощью средств мультимедиа; применении полученных знаний в новых ситуациях; эффективной тренировке усваиваемых умений и навыков; автоматизированном контроле результатов обучения; способности осуществления обратной связи; развитии творческого мышления; возможности объединения в учебных программах визуальной и звуковой форм» [6, с.10].

По мнению большинства специалистов, педагогов, особого внимания заслуживает описание уникальных возможностей информационных технологий, реализация которых создает «предпосылки для небывалой в истории педагогики интенсификации образовательного процесса, а также создания методик, ориентированных на развитие личности обучаемого. Перечислим эти возможности: незамедлительная обратная связь между пользователем и информационными технологиями; компьютерная визуализация учебной информации об объектах или закономерностях процессов, явлений, как реально протекающих, так и «виртуальных»; архивное хранение достаточно больших объемов информации с возможностью ее передачи, а также легкого доступа и обращения пользователя к центральному банку данных; автоматизация процессов вычислительной информационно-поисковой деятельности, а также обработки результатов учебного эксперимента с возможностью многократного повторения фрагмента или самого эксперимента; автоматизация процессов информационно-методического

обеспечения, организационного управления учебной деятельностью и контроля за результатами усвоения» [6, с.10-11].

Состояние образовательной системы в ВУЗах на современном этапе в целом использует эти возможности. Однако весьма важно отметить, что интенсификация образовательного процесса, прежде всего, обусловлена и зависит от создания методик обучения, основанных на информационных технологиях.

В настоящее время современные методики обучения, основанные на информационных технологиях отличаются большим многообразием. Их использование допускает возможность учета специфики учебных предметов, индивидуальных способностей обучаемых, материальных ресурсов ВУЗа, возможностей современных компьютерных технологий. Современные ИТ могут быть представлены в виде: виртуальных лабораторий, лабораторных практикумов; компьютерных тренажеров; тестирующих и контролирующих программ; игровых обучающих программ; программно-методических комплексов; электронных учебников, текстовый, графический и мультимедийный материал которых снабжен системой гиперссылок; предметно-ориентированных сред (микромиров, имитационно-моделирующих программ); наборов мультимедийных ресурсов; справочников и энциклопедий; информационно-поисковых систем, учебных баз данных; интеллектуальных обучающих систем. С появлением компьютерных сетей и других, аналогичных им средств информационные технологии образования приобрели новое качество, связанное в первую очередь с возможностью оперативно получать информацию из любой точки земного шара. Через глобальную компьютерную сеть Интернет возможен мгновенный доступ к мировым информационным ресурсам (электронным библиотекам, базам данных, хранилищам файлов). В самом популярном ресурсе Интернет – всемирной паутине WWW опубликовано порядка двух миллиардов мультимедийных документов.

По мнению специалистов управления в сфере образования и самих педагогов, для реализации современных информационных технологий требуется: «создать технологические условия, аппаратные и программные средства, телекоммуникационные системы, обеспечивающие нормальное функционирование сферы образования; обеспечить индустриально-технологическую базу для производства в рамках международного разделения труда в национальных конкурентоспособных информационных технологиях и ресурсах; обеспечить первоочередное развитие опережающего производства информации и знаний; подготовить квалифицированные кадры; реализовать комплексное внедрение информационных технологий в сферу производства, управления, образования, науки, культуры, транспорта, энергетики и др.» [6, с.14].

Согласно обзору развития ИТ технологий в высшем образовании, проведенным общественной организацией Educause [7], представляющей интересы 1800 университетов, колледжей и других высших учебных заведений, можно выделить следующие ключевые моменты стратегического значения, на

которые обращают больше всего внимания при использовании информационных технологий: дистанционное образование; сетевые технологии; управление безопасностью; повсеместное использование компьютеров/универсальный доступ; стратегии преподавания и обучения; подготовка персонала для ИТ и управление человеческими ресурсами; стратегии финансирования ИТ; онлайн-услуги для студентов; расширенные способы связи; административные системы. Решение этих задач имеет первоочередное значение, и позволит оптимизировать процесс перехода ВУЗа к включению ИТ в свои процессы.

В целом многие аналитики выделяют следующие основные направления, в рамках которых применение ИТ-технологий в высшем образовании играет центральную роль.

1. Использование ИТ – технологий в главной сфере образования – учебном процессе. В рамках ее ключевыми проблемами являются обеспечение сетевого неограниченного доступа к учебным материалам, электронное копирование и рассылка документов, доступ к базам данных, электронные публикации, цифровые библиотеки, распространение информации на CD-ROM, интерактивное взаимодействие через скоростные локальные сети, передача голосовой и визуальной информации и многие другие.

Компьютерные технологии предоставляют следующие возможности для образовательного процесса: «рационально организовывать познавательную деятельность в образовательном процессе; вовлечь в процесс активного обучения категории обучающихся, которые отличаются способностями и стилем обучения; сделать образовательный процесс более эффективным, вовлекая все виды чувственного восприятия обучающихся; обретения и закрепления профессиональных навыков; повысить уровень самообразования, мотивации учебной деятельности; обеспечить обучающегося большим количеством знаний; развить интеллектуальные, творческие способности; работать с различными источниками информации; реализовать мировые тенденции в образовании; получить доступ в единое мировое информационное пространство. Благодаря использованию компьютерных технологий совершенствуются методы и технологии формирования содержания образования. Современные методы организации учебного материала повышают эффективность его использования, а внедрение компьютерных технологий дает возможность выбора оптимального набора технологий для организации образовательного процесса, повышается оперативность и адекватность механизмов управления системой образования» [6, с.43].

Компьютерные технологии обучения – это процессы сбора, переработки, хранения и передачи информации обучаемому посредством компьютера. К настоящему времени наибольшее распространение получили такие технологические направления, в которых компьютер является: – «средством для предоставления учебного материала учащимся с целью передачи знаний; – средством информационной поддержки учебных процессов как дополнительный источник информации; – средством для определения уровня

знаний и контроля за усвоением учебного материала; – универсальным тренажером для приобретения навыков практического применения знаний; – средством для проведения учебных экспериментов и деловых игр по предмету изучения; – одним из важнейших элементов в будущей профессиональной деятельности обучаемого». [6, с.136] На современном этапе во многих профессиональных учебных заведениях разрабатываются и используются как отдельные программные продукты учебного назначения, так и автоматизированные системы по различным учебным дисциплинам. Автоматизированная обучающая система включает в себя комплекс учебно-методических материалов (демонстрационных, теоретических, практических, контролирующих), компьютерные программы, которые управляют процессом обучения.

2. Проведение научных исследований с максимальным использованием на всех стадиях IT-технологий. В настоящее время современные информационные ресурсы преимущественно используются в прикладных областях, естественных научных исследованиях. В гуманитарной сфере используется лишь небольшое количество технологических решений: коммуникация с коллегами и исследователями как внутри страны, так и за ее пределами (электронная почта, интернет-конференции, форумы), свободный доступ к научной информации и ее обработка, которые тем не менее позволяют значительно повысить уровень исследовательской работы в университете. Распространение коммуникационных технологий ведет к тому, что сегодня вполне реально существование научных сообществ, включающих ученых из многих стран, объединенные усилия которых позволят достигнуть качественно новый, более высокий результат в проводимых исследованиях.

3. Совершенствование административного процесса в области образования с использованием IT-технологий. В этом направлении уже много достигнуто, например, компьютеризация процесса поступления (обработка анкет абитуриентов, онлайн-регистрация и др.), обеспечение оперативного обмена информацией между административными работниками. Однако это одна из тех областей, которая эта область находится пока еще на стадии развития.

4. Развитие электронной коммерции. К этому направлению можно отнести электронную оплату за обучение, рекламу и продажу осуществляемых ВУЗами услуг через Интернет и реализация электронной и печатной научной и учебной литературы, и др.

Однако для инновационных процессов существуют реальные барьеры. В. И. Андреев выделяет следующие из них: «консерватизм определенной части педагогов (особенно опасен консерватизм администрации образовательных учреждений и органов образования); слепое следование традиции по типу: «У нас и так все хорошо»; отсутствие необходимых педагогических кадров и финансовых средств для поддержания и стимулирования педагогических инноваций, особенно для педагогов–экспериментаторов; неблагоприятные социально-психологические условия конкретного образовательного

учреждения и др.» [8] Кроме того, несмотря на очевидную необходимость в инновациях все же внедрять их следует с осторожностью. В противном случае неосторожная инновационная деятельность может привести к кризису образовательной системы. «Информатизация образования – обязательное условие успешного внедрения новых образовательных стандартов, возможность для саморазвития ученика. Такие технологии помогают преодолевать географические, общественные, политические барьеры» [6, с.145].

Таким образом, образовательная среда вуза должна базироваться на научно обоснованном использовании ИТ, быть открытой, обеспечивать эффективное управление знаниями, поддерживать новые образовательные стратегии и коммуникативные форматы создания и оперирования знаниями, использовать новый образовательный активный, интерактивный, а не пассивный контент. Это потребует реинжиниринга всей образовательной среды учебного заведения, а также профессионального роста преподавателей и внедрения новых управленческих решений. В современной образовательной сфере общие задачи информационного обеспечения учебного процесса на базе виртуальной образовательной среды вуза на сегодняшний день определяются в соответствии с требованиями теории и методики информатизации образования, концепцией открытого образования, а также интеграции белорусских образовательных учреждений в мировую систему образования.

Список использованных источников

1. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. // Концепция информатизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 года / Режим доступа: <http://yandex.by/clck/jsredir?from=yandex.by%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&ext=1365> - Дата доступа: 01.10.2022.
2. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016 – 2022 годы // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiyainformatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody>. - Дата доступа: 01.10.2022.
3. Глазами статистики / Белорусская экономическая газета / Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/belorusское-obrazovanie-v-tsifrakh> - Дата доступа: 31.10.2022.
4. Бюджет Республики Беларусь для граждан на 2022 год / Режим доступа: minfin.gov.by/upload/bp/budjet/budjet2022.pdf - Дата доступа: 31.10.2022.
5. БЕЛАРУСЬ И СТРАНЫ МИРА. 1.1. Государственные расходы на образование (в процентах к ВВП) // Режим доступа: <https://edu.gov.by/statistics/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202021-2022.pdf> - Дата доступа: 31.10.2022.
6. Э.М. Кравченя. Информационные и компьютерные технологии в образовании (электронное учебно-методическое пособие) // https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/33389/Informacionnye_i_kompyuternye_tekhnologii_v_obrazovanii.pdf?sequence=7

7. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aleksandr.kz/resursyi/educause-neobyichnoemyishlenie-dlya-obshhego-blaga.html#.WJg9jtKLTIU/> Дата доступа: 01.09.2022.

8. Мицкевич, А. А. История происхождения и становления понятия «технологий обучения» в отечественной и зарубежной педагогике. / А. А. Мицкевич, Н. Е. Глинская – М.: Гуманитарные научные исследования. – 2011. – №5. – С. 29-34.

Шафалович Анна Анатольевна
ЭЛЕКТРОННОЕ УПРАВЛЕНИЯ КАК НОВЫЙ ТИП
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

доцент кафедры теории и истории права, УО «Белорусский государственный
экономический университет», кандидат юридических наук, доцент,
shafalovichy@gmail.com

Аннотация. Выявленные характеристики электронного государственного управления позволяют оценить его как качественно новый тип — электронное управление. Его особенностями, в корне отличающимися от «традиционных» государств, являются постоянная модернизация и инноватика, усиление элементов самоуправления, децентрализации, изменения структурных элементов властеотношений. Основным концептуальным отличием электронного управления от государственного управления в традиционном контрольном государстве выступает изменение соотношения управления и самоуправления, централизации и децентрализации в сторону упрочения последних.

Ключевые слова: электронное государство; электронное управление; государственное управление; принципы электронного управления; эффективность государственного управления.

По мере развития электронного государства, в связи с переходом от информатизации к цифровизации, все ярче проявляются черты нового типа государственного управления, принципиально отличающегося по некоторым позициям в сравнении с «традиционным» типом государственного управления, свойственным типу государства, именуемого контрольным государством. В данной статье предлагаем проследить такие особенности.

Процесс информатизации и автоматизации государственного сектора сам по себе не решает задач трансформации сущности государственного управления, поскольку был ориентирован на поддержку новыми ИКТ прежней системы управления и способен лишь, говоря словами П.В. Григорьева [1, с. 4], «лишь придавать... видимость «осовременивания», на деле автоматизируя ненужные процедуры, имитируя взаимодействие власти и общества. Как отмечает Е.Ю. Киреев, «полный потенциал электронного управления будет

задействован, только если ИКТ будут вводиться параллельно с изменением в структуре, процессах и методах организации работы государственных органов» [2, с. 29–32].

Первым заметным отличием электронного управления, как нового типа государственного управления, является его результативность, проявляющаяся через повышение объемов и качества работы за счет сокращения времени исполнения поручений, запросов, решений, ответов на обращения граждан и на пересылку корреспонденции между ведомствами. Полнота и достоверность информации, необходимой для процессов государственного управления, возрастают.

Введение автоматизированных информационно-аналитических систем, алгоритмизация и автоматизация процессов государственного управления сократят возможности для произвола со стороны государственных служащих. Следовательно, вторым принципиальным отличием электронного управления, вытекающим из принципов прозрачности информации и принимаемых решений в электронном государстве, назовем естественное снижение коррупции и, говоря словами Ю. А. Амельчени [3], «кардинальная дебюрократизация».

Третьей особенностью электронного управления, как нового типа государственного управления, считаем видоизменение характера властеотношений. Если в контрольном государстве граждане чаще всего выступают в качестве объекта власти, то в развитом электронном государстве физические и юридические лица превращаются вначале в пассивного потребителя государственных информационных услуг, а далее становятся активными субъектами государственного управления и правового регулирования и самыми серьезными контролерами и судьями эффективности деятельности государства и любого его служащего в отдельности. Раньше гражданин «привык перекладывать ответственность на государство (и оно его к этому тоже приучило в свое время). В новом государстве гражданин должен взять ответственность на себя в максимальном объеме.

Принципиальное изменение государственного управления эпохи цифровизации состоит в «демократизме в управлении», «преобразование системы взглядов на роль и значение общественных институтов и передачи им властных полномочий для решения локальных задач, а также права принимать участие в выработке государственных решений» [4, с. 15]. Однако электронное управление не подразумевает фактическое состояние, когда «все управляют всеми». В последнем случае сфера управления приобретает анархические тенденции ввиду нивелирования основополагающих принципов профессионализма и компетентности публичной власти.

Электронное управление является демократическим децентрализованным управлением, одним из элементов которого является переход к частно-государственному партнерству, которое способно реализовать идею «государства для народа». Хотя в электронном государстве изменяется соотношение управления и самоуправления, централизации и децентрализации

в сторону заметного укрепления последних, но основным действующим субъектом государственного управления предполагаются государственные структуры. Внедрение электронного государства не означает искусственный интеллект или гражданское участие заменят государственных служащих. Речь идет о новой форме децентрализованного государственного управления, где ресурс гражданского общества может быть весьма полезен при поиске решения и может оказывать влияние на принятие этого решения, но принимают его государственные служащие. При электронном государстве характер управления обществом останется государственным, властным.

Электронное управление осуществляется по принципу «*primus inter pares*» (первый среди равных). Речь идет только о расширении интерактивного компетентного участия граждан в решении вопросов государственного или местного значения. Нельзя допускать возможности «информационных спекуляций» и в этой связи принятие некомпетентных, неэффективных, хотя, возможно, и одобряемых большинством решений. И в этой связи нужно искать здравый компромисс между обеспечением легитимности и эффективности принимаемых решений. Таким образом, имея в виду, что в процессе электронного управления потенциально может участвовать большая часть населения государственно организованного общества, можно наблюдать различное сочетание моделей субординации, координации и реординации в рамках различных проектов электронной демократии.

Четвертой особенностью электронного управления, как нового типа государственного управления, считаем видоизменение характера ответственности государственных служащих. Постепенная реализация принципа открытости трансформирует государственное управление из закрытой, инертной и жестко структурированной системы принятия решений в открытую гибкую, динамичную систему, готовую к системной работе над ошибками, а потому лучше адаптированную к вызовам современности. Это способствует большей ответственности государственных органов и их должностных лиц перед народом. В конечном итоге общественный контроль за деятельностью государственных структур в эпоху электронного государства повышает доверие к государственной власти со стороны подвластных и легитимирует ее и сокращает удаленность граждан от государственной власти.

Наблюдаются подвижки также в объекте властеотношений: по мере развития электронное государство отказывается от фактической монополии во многих «исконных» сферах прямого государственного влияния. В отличие от традиционного контрольного государства «новое государство не берется решить все существующие проблемы мира. Поэтому такие проблемы, как семья, медицина, религия, экология, и большинство других выпадают из сферы нашего внимания полностью или частично.

Электронное государство, как подтип инновационного государства, реализует принципиально новые функции, например, стратегически инновационную функцию. В отличие от традиционного государства, которое было хранителем старых традиционных (бюрократических) практик, старых

институтов государства, развитое электронное государство и его госаппарат, наоборот, настолько заинтересованы постоянной модернизацией и с ускорением, что сами возглавляют этот процесс.

Изменения в осуществляемых функциях сопряжено с изменением методической, процессуальной и институциональной сторон государственного управления. По мнению профессора Л.В. Голоскокова [5, с. 41–49], оно «не будет иметь некоторых обременительных институтов обычного государства: армии, полиции, таможни и множества других институтов и органов, присущих почти любому государству». Согласно Л.В. Голоскокову, структура нового государства будет в большей степени подобна сети и в меньшей степени обычному государству: иерархическая вертикаль управления, методы его строительства будут сетевыми, поскольку значительное преобладание вертикали власти снижает возможности развития государства.

В силу вышеуказанных обстоятельства некоторые исследователи, например, Е.Г. Иншакова, говорят о структурно-функциональном реформировании системы государственного управления [3, с. 15], мы же полагаем, что речь идет не о реформировании как резком, искусственно привнесённом повороте или сломе традиционной административной практики, а, скорее, о постепенном и естественном переходе к новому типу управления в государственно организованном обществе — электронному управлению.

Таким образом, электронное управление может рассматриваться как система принципиально нового взаимодействия между обществом и государством, имея в виду постепенное изменение моделей децентрализованного демократического управления, динамическую смену методов, объекта и субъекта управления в электронной среде.

Основным концептуальным отличием электронного управления от государственного управления в традиционном контрольном государстве выступает изменение соотношения управления и самоуправления, централизации и децентрализации в сторону упрочения последних.

Список использованных источников

1. Григорьев П.В. «Электронное правительство» в политико-административном управлении современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2009. 25 с.

2. Киреев, Е. Ю. Цифровая демократия: міфы і реальность /Е.Ю. Киреев // Конституц. и муницип. право. –2019. – № 7. – С.29 –32.

3. Амелъчя, Ю. А. На пути к электронному государству (электронному правительству) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 30.11.2011 г.] / Ю. А. Амелъчя // ЭТАЛОН. Правоприменительная практика / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Иншакова, Е. Г. Электронное правительство в публичном управлении / Е. Г. Иншакова. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – С. 15.

5. Голоскоков, Л.В. Доктрина виртуального сетевого инновационного государства / Л.В. Голоскоков // Новая правовая мысль. – 2014. – № 1. – С. 41–49.

Антоненко Святослав Борисович
**ВИДЫ СУВЕРЕНИТЕТА И ФОРМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В
РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Аспирант кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Белорусский государственный университет

antonenko.svyatoslav@bk.ru

Аннотация. В статье проводится анализ понятия суверенитет. Даны определения таким видам суверенитета как правовой, политический и культурный. На примерах из политической и правовой жизни нашей страны показаны формы реализации этих видов суверенитета в государственной и общественной жизни Республики Беларусь.

Ключевые слова: суверенитет; государство; право; развитие; независимость; Беларусь.

Впервые понятие «суверенитет» ввел в оборот Ж. Боден в XVI веке. Сам мыслитель суверенитет определял, как абсолютную и вечную власть государства, стоящую над всеми гражданами и не имеющую над собой ничего высшего, даже закона. Таким образом, по мнению Бодена, государство должно быть суверенным, т.е. верховным и неограниченным [9, с. 25].

С того времени концепция суверенитета прошла серьезные изменения. Впервые практическое применение понятие суверенитета было отражено в принципах Вестфальской системы международных отношений, сложившейся после Тридцатилетней войны в 1648 году. Основой нового мироустройства стали приоритет национальных интересов, государственный суверенитет и право требования невмешательства во внутренние дела государства. [11, с. 97-98].

Последующая трансформация идеи государственного суверенитета произошла уже в начале XIX века, после Наполеоновских войн и создания Венской системы международных отношений, в которой кроме государства-нации, стали появляться коалиции государств. Таким образом начался процесс ограничения суверенитета отдельных государств в пользу интересов союзов и коалиций.

Неразрешимые противоречия XX века привели к мировым войнам, после окончания которых были созданы сначала Версальско-Вашингтонская система, затем – Потсдамско-Ялтинская система.

Кроме того, в XX веке были созданы такие наднациональные образования как НАТО, ОВД, ЕС, ООН, СНГ, МВФ, ВТО и др. Все это привело к утрате

части суверенитета государств-участников данных образований в той или иной области. Ускорение процессов «урезания» государственного суверенитета стало особенно остро проявляться после начала глобализации. Характерно, что глобализация приводит к сокращению прав государств и все больше прав «передает» в руки надгосударственных образований. Логическим итогом глобализации и всеобщей интеграции может стать полная утрата реальной суверенности государств при сохранении ее внешних атрибутов [2, с.26].

На сегодняшний день существует значительное количество определений суверенитета. Так, в Российском энциклопедическом словаре суверенитет понимается, как независимость государства во внешних делах и верховенство государственной власти во внутренних делах. [10, с. 583]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что суверенитет может быть:

- внутренним – он направлен на поддержание существующего конституционного устройства, верховенства права и правопорядка;
- внешним – направлен на сохранение государством своих позиций на международной арене, проведения самостоятельной международной политики и участия государства в тех международных организациях, которые отвечают интересам данного государства.

Республика Беларусь - член международного сообщества, одна из стран-основательниц ООН, участница 60 международных организациях. В семи из них Беларусь имеет статус наблюдателя, в остальных — постоянного члена. Всего в перечне находятся четыре интеграционных объединения на постсоветском пространстве (СНГ, Союзное государство, ЕАЭС и ОДКБ), 27 других международных организаций, 14 специализированных учреждений ООН, четыре организации из группы Всемирного банка и 11 региональных организаций. Это подтверждает, что наша страна обладает внешним суверенитетом [3].

Также в стране действует Конституция, осуществляются выборы, существует система государственных органов, осуществляется защита прав граждан. Таким образом, можно говорить о том, что Беларусь обладает внутренним суверенитетом.

Для более глубокого понимания сущности понятия суверенитет можно также выделить такие его виды, как политический, правовой и культурный суверенитет.

Политический суверенитет. Под политическим суверенитетом следует понимать способность государства проводить независимую внутреннюю политику, контролировать собственную территорию. Стоит отметить, что на постсоветском пространстве только Республика Беларусь (за исключением Прибалтийских государств, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана) со времени провозглашения независимости в 1991 году не имела территориальных конфликтов.

В период с 1991 по 2022 года на постсоветском пространстве произошли конфликты в Молдове, России, Армении, Азербайджане, Таджикистане, Киргизии, Грузии, Украине. Можно сказать, что по состоянию на сегодняшний

день Армения, Азербайджан, Молдова, Украина, Грузия, Таджикистан, Киргизия не обладают полным политическим суверенитетом, так как не контролируют полностью территорию, на которую претендуют [1, с. 135].

И если вопросы о государственной границе и сепаратизме перед Беларусью не стоят, то вопрос суверенитета и участия в наднациональных образованиях остается открытым.

Беларусь состоит в таких наднациональных образованиях как СНГ, Союзное государство, ЕАЭС и ОДКБ. Можно констатировать, что все эти наднациональные образования основаны на принципах равенства, добровольности, уважения государственного суверенитета, обеспечения взаимовыгодного сотрудничества и принципе разрешения всех разногласий мирным путем [4,5,6,7,12]. Естественно, что участие в наднациональных образованиях подразумевает под собой передачу части суверенитета данному образованию.

В то же время следует отметить, что ни одна страна в современном мире не обладает всей полнотой суверенитета. На наш взгляд, любое государство, которое вступает в наднациональное образование должно точно осознавать, какую «долю» суверенитета придется передать интеграционной структуре. Границей, которую не должно переступать государство, должны быть интересы государства и если они будут ущемлены после вступления в наднациональное образование, то такой союз невыгоден государству и может привести к потере суверенитета. Таким образом необходим максимально глубокий анализ условий, на которых государство вступает в то или иное образование, дабы не ослабить политический суверенитет и не перестать существовать как субъект международного права.

Правовой суверенитет. Под правовым суверенитетом стоит понимать верховенство норм национального права внутри государства, их издание, изменение и прекращение в установленном законом порядке. В Беларуси действует собственная Конституция, которая определяет основные направления развития права. Сегодня независимая правовая система, определяет векторы развития нашей страны.

Так было не всегда, в 20-е годы XX века на территории БССР действовали нормативно-правовые акты РСФСР, а в последующее время все нормативные правовые акты БССР соответствовали союзному законодательству. Ситуация изменилась в 1990 г., когда была принята Декларация о государственном суверенитете БССР, в ст.7 которой говорилось, что на территории БССР устанавливается верховенство Конституции БССР и законов БССР [8].

Сегодня можно констатировать, что Беларусь обладает правовым суверенитетом: в стране функционирует Конституция, действует достаточно массивный объем нормативных правовых актов, которые отвечают динамично меняющимся общественным отношениям.

Культурный суверенитет. Культурный суверенитет предполагает право на защиту своей национальной культуры, традиций и истории от внешнего

влияния. Преамбула к Конституции Беларуси гласит, что «Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси) ... основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение, сохранение национальной самобытности и суверенитета, опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, культурные и духовные традиции...» [7, с. 1]. Именно в этих словах раскрывается наиболее полное понятие культурного суверенитета. Культура, традиции и история являются идентифицирующим признаком, который позволяет гражданину четко определить свое место в обществе.

Стоит отметить, что идеология становится частью культуры, как например это было в СССР или в Китайской Народной Республике сегодня. В ст. 4 Конституции Беларуси говорится, что демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства. Однако дальнейшего раскрытия понятия «идеология белорусского государства» не осуществляется [7, с. 3]. На наш взгляд, идеология белорусского государства прописана в статье 1 Конституции нашей страны: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство» [7, с.1]. Именно эти универсальные принципы, заложенные в Конституции Беларуси, должны быть реализованы в качестве идеологии белорусской государственности, которые бы обеспечили культурный суверенитет.

Таким образом можно сделать вывод, что разделения такого понятия как суверенитет исключительно на внутренний и внешний недостаточно, ввиду многогранности данного термина. Для более глубокого понимания можно ввести такие понятия как политический, культурный и правовой суверенитет. Анализ текущей правовой и политической ситуации в Республике Беларусь позволяет констатировать, что в нашей стране созданы и функционируют государственные органы, которые обеспечивают независимость и суверенитет нашей страны во всех смыслах этого слова. Защита суверенитета становится приоритетной задачей будущего, ввиду возрастающего количества угроз национальным интересам.

Список использованных источников

1. Аверьянова, Г.Н. Конфликты на постсоветском пространстве: динамика и особенности / Г.Н. Аверьянова, Г.А. Хайруллина, С.О. Рамазанов // Вестник СамГУ. – 2012. – №1. – С. 131-137
2. Антанович Н.А. Государственный суверенитет в условиях глобализации. / С.Б. Антоненко, Н.А. Антанович //Философия и ценности современной культуры : материалы XIV Республиканского междисциплинарного научно-теоретического семинара студентов, аспирантов и молодых ученых «Инновационные стратегии в современной социальной философии», [А. И. Зеленков ред. и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 23-27.
3. Беларусь и международные организации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization>. – Дата доступа: 28.10.2022.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [заключено в г. Астана, 29.05.2014 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Договор о коллективной безопасности [Электронный ресурс] : [заключено в г. Ташкенте 15.05. 1992 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс] : [заключено в г. Москва, 08.12.1999 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022г.– Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
8. О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики: [Электронный ресурс] Декларация Верх. Сов. от 27 июля. 1990 г. № 193-ХП – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь// ЭТАЛОН.Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
9. Полуда, О.Н. Теоретические основы концепции государственного суверенитета Ж. Бодена / О.Н. Полуда // Вестн. Саратов. гос. акад., Теор. и истор. Гос-ва и права. – 2017. – №2. – С. 22-27
10. Прохоров, А. М. Большой энциклопедический словарь / А. М. Прохоров. – Москва: Норинт, 2001. – 1456 с.
11. Саямов, Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня / Ю.Н. Саямов // Век глобализации. – 2018. – №3. – С. 95-105
12. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : [заключено в г. Минск, 08.12.1991 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Бань Анастасия Александровна
АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ОХРАНЫ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Магистрант 1 курса, юридический факультет, Белорусский государственный университет, law.ban@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрен сравнительный анализ установления новелл Основного Закона Республики Беларусь в части выявления изменений конституционных прав и обязанностей в области окружающей среды, компонентного состава природной среды. Отмечено исключение нейтрального статуса государства с одновременным развитием атомной энергетики в мирных целях. Определен приоритет экономного отношения к природопользованию. Результаты исследования позволят зафиксировать тенденцию реализации внесенных изменений в Конституцию Беларуси.

Ключевые слова: конституция; безъядерная зона; нейтральное государство; благоприятная окружающая среда; атомная энергия; природные ресурсы.

В современных государствах основным юридическим актом, который вносит порядок в систему правового регулирования является Конституция [1, с. 1].

Конституция Республики Беларусь, являясь паспортом государства, и подвергшаяся модернизации современным реалиям белорусского общества, привнесла новые аспекты в ее содержании [2].

Часть первая ст. 18 Конституции устанавливает принципы внешней политики Беларуси и исходит из равенства государства, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права.

Принцип неприменения силы или угрозы силой ранее раскрывался в части второй ст. 18 Конституции, где провозглашалось, что Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной, а государство – нейтральным.

Борьба с ядерным оружием регулируется фундаментальным международным соглашением – Договором о нераспространении ядерного оружия, подписанным 1 июля 1986 г. Указанный Договор о нераспространении ядерного оружия не запрещал ядерное оружие в тех странах, которые имели его на момент подписания: США, СССР, Великобритания, Франция и Китай. Поэтому сущность Договора сводилась к запрету другим государствам создавать ядерное оружие, а ядерным государствам – передавать технологии и материалы, которые могут быть использованы для создания такого оружия.

В целях достижения безъядерного статуса Беларусь в 1996 г. вывела со своей территории ядерное оружие, находившееся там со времени существования СССР [3].

Рассматриваемая часть ст. 18 Конституции по Решению республиканского референдума от 4 марта 2022 г. исключена в Основном Законе Республики Беларусь.

В обновленной Конституции говорится, что Республика Беларусь исключает военную агрессию со своей территории в отношении других государств.

Часть первая и часть вторая ст. 46 Конституции Беларуси не претерпела изменений, которая устанавливает право каждого на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права. Государство осуществляет контроль за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды.

Право на благоприятную окружающую среду относится к третьему поколению прав человека после личных, политических прав (первое поколение), а также экономических, социальных и культурных прав (второе поколение) [4, с. 124].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» охрана окружающей среды является неотъемлемым условием обеспечения экологической безопасности, устойчивого экономического и социального развития общества.

Статья 1 указанного Закона дает легальное определение термина окружающая среда – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов и охраны окружающей среды (природоохранной деятельности) – деятельность государственных органов, общественных объединений, иных юридических лиц и граждан, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение загрязнения, деградации, повреждения, истощения, разрушения, уничтожения и иного вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и ликвидацию ее последствий.

Компоненты природной среды – земля (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, растительный и животный мир, а также озоновый слой и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле.

Такие компоненты как недра, воды и леса составляют исключительную собственность государства (ст. 13 Конституции).

Содержание рассматриваемого права включает возможность субъекта (человека) требовать от государства обеспечения благоприятной окружающей среды.

Благоприятной признается окружающая среда, которая не вредит здоровью человека и является чистой, создает условия для благосостояния членов общества, то есть имеет экономическую ценность и способна удовлетворять эстетические потребности [5, с. 40].

Обеспечение права граждан на благоприятную окружающую среду в порядке ст. 13 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» обеспечивается планированием и нормированием качества окружающей среды, мерами по предотвращению вредного воздействия на окружающую среду и ее оздоровлению, предупреждению и ликвидации последствий аварий, катастроф и стихийных бедствий; возмещением в установленном порядке вреда, причиненного жизни, здоровью, имуществу граждан в результате вредного воздействия на окружающую среду; предоставлением полной, достоверной и своевременной экологической информации в порядке, установленном Законом и иными актами законодательства, в том числе международными договорами Республики Беларусь; обжалованием решений и действий (бездействия) государственных органов, организаций и должностных лиц; судебной защитой, самозащитой и получением квалифицированной юридической помощи; деятельностью общественных объединений; контролем в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов.

Рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов – пользование природными ресурсами таким образом и такими темпами, которые не приводят в долгосрочной перспективе к их истощению и тем самым

позволяют сохранить их способность удовлетворять экономические, эстетические и иные потребности нынешнего и будущих поколений.

Государственный контроль за рациональным использованием природных ресурсов осуществляют органы как общей (местные исполнительные и распорядительные органы, местные Советы депутатов), так и специальной компетенции (Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и его территориальные органы, Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь и ее территориальные органы).

Радиационная безопасность как составная часть окружающей среды устанавливает состояние защищенности населения, персонала и окружающей среды от вредного воздействия ионизирующего излучения (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июня 2019 г. № 198-З «О радиационной безопасности»).

В связи с чем, ст. 46 Основного Закона дополнили частью третьей, устанавливающей, что Республика Беларусь развивает атомную энергетику в мирных целях, обеспечивает безопасность при производстве и использовании атомной энергии.

В порядке реализации данной нормы Конституции принят Закон Республики Беларусь от 10 октября 2022 г. № 208-З «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии», который вступает в силу 14 октября 2023 г., с одновременным признанием, утратившим силу Закона Республики Беларусь от 30 июля 2008 г. № 426-З «Об использовании атомной энергии».

В свое время он выступил в качестве законодательной основы для реализации масштабного проекта Беларуси – строительства первой Белорусской атомной электростанции. С вводом в эксплуатацию первого энергоблока БелАЭС Беларусь официально стала страной, эксплуатирующей атомную станцию. Но время не стоит на месте, в области атомной энергетики совершенствуется научная мысль, появляются новые технологические и организационные подходы, наращиваются темпы и плотность международного сотрудничества. Эти и другие факторы в совокупности привели к тому, что пришла пора разработать и принять новый закон.

Новый нормативный правовой акт принят в целях укрепления и поддержания должного уровня ядерной и радиационной безопасности при использовании атомной энергии.

В частности, новым Законом комплексно урегулированы общественные отношения в области обеспечения безопасности при использовании атомной энергии на всех этапах жизненного цикла объектов использования атомной энергии, разграничена и усилена ответственность уполномоченных республиканских органов государственного управления, вовлеченных в процесс принятия решений по управлению и регулированию безопасности при использовании атомной энергии, закреплены положения об оценке

безопасности, лицензировании деятельности в области использования атомной энергии.

Документом закреплены принципы регулирования безопасности при использовании атомной энергии. К ним, в том числе, отнесены приоритет обеспечения ядерной и радиационной безопасности и защиты жизни и здоровья населения и окружающей среды перед иными аспектами деятельности в области использования атомной энергии, в том числе экономическими; предоставление полной, достоверной и своевременной информации, связанной с регулированием безопасности при использовании атомной энергии, если эта информация не относится к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено; развитие атомной энергетики в мирных целях, в том числе запрет на производство ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств; участие юридических и физлиц в общественных слушаниях на стадии принятия решений по регулированию деятельности в области обеспечения безопасности при использовании атомной энергии; защита жизни и здоровья населения и окружающей среды от негативного воздействия радиоактивных отходов в настоящее время и в будущем, не возложение чрезмерного бремени на будущие поколения.

Анализируемым правовым актом предусмотрена корректировка Законов Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и от 18 июня 2019 г. № 198-З «О радиационной безопасности».

Кроме того, в целях гармонизации с современными международными нормами в законе заложены положения, регламентирующие ответственность лицензиата (эксплуатирующей организации) за обеспечение безопасности при использовании атомной энергии.

Для принятия обоснованных решений по вопросам обеспечения ядерной и радиационной безопасности предусматривается формирование системы научно-технической поддержки регулирующей деятельности в данной области. В нее входят определяемые правительством организации научно-технической поддержки, Национальная комиссия при Совете Министров Республики Беларусь, эксперты.

Небольшую правку претерпела ст. 55 Конституции, где отмечается, что не только охрана природной среды, но и бережное отношение к природным ресурсам является долгом каждого.

То есть акцент смещается в плоскость рационального и экономного использования природных ресурсов нашей страны в целях сохранения настоящего и будущего потенциала сырьевой базы Беларуси.

Охрана природной среды и бережное отношение к природным ресурсам является обязанностью как человека вне зависимости от наличия у него гражданства Беларуси, индивидуального предпринимателя, юридического лица, так и государства в целом.

Содержание данной обязанности отличается в зависимости от субъектного состава. Государство должно принимать разнообразные

управленческие, экономические, правовые контрольно-надзорные меры по охране окружающей среды со стороны третьих лиц (граждан, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц). Индивидуальная обязанность охраны компонентов природной среды и рационального природопользования связывается с поведением самого субъекта – личности и представлено в виде, как действия, так и бездействия.

Нарушение конституционной нормы (обязанности) по охране окружающей среды может влечь как гражданскую ответственность (возмещение вреда, причиненного окружающей среде), административную ответственность (глава 16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях), так и уголовную ответственность (глава 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь. Научно-практический комментарий / Г. А. Василевич – Минск: Право и экономика, 2000. – 454 с.
2. Столичное телевидение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ctv.by/vot-opa-eshchyu-tyorlaya-pryamikom-iz-doma-pechati-kak-vyglyadyat-pervye-ekzemplary-obnovlyonnoy?page=21>. – Дата доступа: 08.11.2022.
3. Научно-практический комментарий к Конституции Республики Беларусь (Г. А. Василевич) (по состоянию на 05.01.2006) // ИПС ilex [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Права человека : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; научн. ред.: С. А. Балашенко, Е. А. Дейкало. – Минск : Юнипак, 2015. – 200 с.
5. Бринчук, М. М. Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория экологического права / М. М. Бринчук // Проблемы создания и деятельности Союзного государства: правовые аспекты: сб. науч. ст. / Постоянный Комитет Союзного гос.; редкол.: М. В. Мясникович [и др.]. – Минск: Белорус. наука, 2007. – С. 297.

Беляков Олег Викторович

КОМПЕТЕНЦИИ ЦИФРОВОГО ТРАНСФОРМАТОРА: ОПРЕДЕЛИТЬ, ЧТОБЫ СООТВЕТСТВОВАТЬ

Магистрант кафедры международного права, юридический факультет,
Международный университет «МИТСО»,
gbov2000@gmail.com

Аннотация. Статьей акцентировано внимание на необходимость системного подхода в приобретении компетенций в области цифровой трансформации специалистами различных сфер жизнедеятельности. Непринятие соответствующих шагов по внедрению таких компетенций может повлиять на экономическое развитие. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости использования лучших зарубежных практик в области цифровой трансформации и приобретения компетенций различными специалистами, в том числе принятие ряда мер правового, технического и организационного характера.

Ключевые слова: информатизация; образование; специалист; компетенции; цифровые технологии; законодательство.

Принимая во внимание постоянное отдаление технологического фронта и вызванные в связи с этим глобальные экономические и социальные изменения, требующие переосмысления подходов к организации команд цифровой трансформации в государственных органах и организациях нашей страны, главой 7 «Цифровая трансформация» Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021 – 2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июля 2021 г. № 292, предусмотрено, что в 2025 году доля специалистов, ответственных за вопросы информатизации в государственных органах и организациях, прошедших обучение в сфере цифрового развития, составит не менее 40 процентов.

Вместе с тем на сегодняшний день отсутствуют не только формализованные требования к опыту, образованию и компетенциям лиц, ответственных за осуществление указанной деятельности, но и четкие требования к наличию в государственных органах и организациях специалистов указанного профиля в целом и осуществлению данной деятельности исключительно такими лицами.

В свою очередь, например, пунктом 9 Положения о технической и криптографической защите информации, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2013 г. № 196, прямо предусмотрено, что работы по технической и криптографической защите информации в организации (государственном органе и иной организации) проводятся подразделением защиты информации или иным подразделением (должностным лицом), ответственным за обеспечение защиты информации. Работники такого подразделения (должностное лицо) должны иметь высшее образование в области защиты информации или высшее или профессионально-техническое образование и пройти переподготовку или повышение квалификации по вопросам технической и криптографической защиты информации в порядке, установленном законодательством.

Принимая во внимание, что ключевым условием развития интеллектуального потенциала цифровой трансформации выступает подготовка лиц, уполномоченных принимать решения, в соответствии с абзацем вторым части первой пункта 9 Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» (далее – Указ № 136) руководителям государственных органов и иных государственных организаций, подчиненных (подотчетных) Президенту Республики Беларусь и Администрации Президента Республики Беларусь, Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры, Аппарата Совета Министров Республики Беларусь, республиканских органов государственного управления, подчиненных Правительству Республики Беларусь, облисполкомов (Минского горисполкома) поручено в двухмесячный

срок (с даты вступления в силу основных положений Указа № 136) определить лиц, ответственных за вопросы цифрового развития, занимающих должности не ниже заместителя руководителя.

Анализ положений перечисленных выше нормативных правовых актов позволяет констатировать отсутствие единства терминологии и, следовательно, возможное наличие проблем в уяснении того, являются ли лица, ответственные за вопросы цифрового развития, занимающие должности не ниже заместителя руководителя, специалистами, ответственными за вопросы информатизации и т.д.

К слову, о проблеме отсутствия единства терминологии еще 14 октября 2019 г., на совещании по отдельным вопросам развития страны в цифровой сфере, высказывался Глава государства [1], в связи с чем эта тема заслуживает отдельного и более тщательного исследования.

Дополнительно стоит обратить внимание на отсутствие поручений по организации непрерывного обучения таких лиц. Вместе с тем использование устаревших знаний чревато получением нежелательных результатов.

Важно учитывать, что знания в цифровой сфере устаревают крайне стремительно. Так, программные продукты крупнейших компаний претерпевают значительные изменения в среднем каждые два-четыре года, что требует регулярного отслеживания обновлений программ и отдельных модулей. Технические изменения происходят еще быстрее. Разумеется, основы создания архитектуры информационных систем меняются гораздо медленнее и эти знания устаревают не так быстро, но для эффективной работы по данному направлению в любом случае требуется регулярное обновление имеющихся знаний [2].

Кроме того, законодательно (или иным формализованным образом) не определено содержание обязанностей лиц, ответственных за вопросы информатизации или цифрового развития, что также может привести к нежелательным результатам, учитывая опять же проблемы с единством терминологии.

Стоит упомянуть, что заместители руководителей, ответственные за цифровую трансформацию, появились у наших коллег по Союзному государству в начале 2020 г. (еще ранее, в июле 2018 г., в ключевых министерствах были введены должности заместителей министра по цифровому развитию) во исполнение пункта 1 поручения Председателя Правительства Российской Федерации от 1 февраля 2020 г. № ММ-10П-502. В соответствии с названным поручением министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации разработаны требования к кандидатам на должность заместителя руководителя федерального органа исполнительной власти, ответственного за цифровую трансформацию, и методические рекомендации по проведению тестирования их управленческих навыков.

Согласно указанным требованиям руководитель цифровой трансформации выступает ключевым лидером цифровой трансформации, драйвером изменений, проводником политики цифровизации.

К задачам и функциям такого руководителя отнесено:

формирование идеологии, разработка и актуализация стратегии цифровой трансформации и цифрового развития в федеральном органе исполнительной власти;

управление портфелем проектов и программ цифровой трансформации в федеральном органе исполнительной власти;

выстраивание межведомственного, кросс-функционального взаимодействия, а также с внешними участниками по вопросам цифровой трансформации;

формирование и развитие команд цифровой трансформации.

В рамках отбора руководителя, ответственного за цифровую трансформацию, предлагается учитывать как профессиональные, так и личностные компетенции (клиентоцентричность, коммуникативность, эмоциональный интеллект, нацеленность на результат, креативность, критичность).

При этом стоит отметить, что требования к предъявляемому уровню проявления компетенций руководителя цифровой трансформации смещены в сторону личностных компетенций, что, как видится, обусловлено возможностью приобретения профессиональных компетенций в более сжатые сроки.

К профессиональным компетенциям отнесены знания в сферах:

цифрового развития (стратегия, цифровая экономика, цифровое государственное управление, цифровая зрелость);

организационной культуры (организационная культура, организационные изменения, кадровая экосистема);

инструментов управления (процессный подход, продуктовый подход, проектный подход);

данных (принятие решений, основанных на данных; жизненный цикл данных);

цифровых технологий (архитектура, сквозные технологии, управление ИТ-системами, информационная и кибербезопасность);

ИТ-инфраструктуры (технические знания и документация, технологические стеки, инфраструктурные технологии, системы хранения данных).

В заключение следует констатировать, что наличие такого подхода обеспечивает не только четкое видение государством роли данного лица в системе того или иного государственного органа или организации, а также ожидаемый от него набор компетенций, но и облегчает процедуры анализа и оценки проведенной таким лицом работы.

В этой связи уместным представляется уже сейчас, в силу основных положений Указа № 136, начать работы по адаптации имеющегося опыта Российской Федерации, а также иных лучших международных практик для четкого определения задач, стоящих перед лицами, ответственными за вопросы

информатизации и цифрового развития, в целях повышения эффективности организуемой и осуществляемой ими деятельности.

Список использованных источников

1. Доклад об отдельных вопросах развития страны в цифровой сфере [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/soveschanie-po-razvitiyu-tsifrovoj-sfery-22208#block-after-media-scroll>. – Дата доступа: 20.05.2022.

2. Лепехин, А. Н. О практике повышения квалификации в сфере информационной безопасности / А. Н. Лепехин, И. В. Мячин // Комплексная защита информации: материалы XXVI науч.-практ. конф., г. Минск, 25 – 27 мая 2021 г. – Минск: Издатель Владимир Сивчиков, 2021. – С. 165 – 168.

Видибор Артем Владимирович

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, СОДЕРЖАЩИХСЯ В УСТАВЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Магистрант кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Белорусский государственный университет,

1111pv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности основных принципов международного права содержащихся в Уставе ООН с учетом требований современных мировых стандартов. Данные принципы являются основой международного права, поскольку они представляют собой базис правопорядка и опоры мироустройства. Автор приходит к выводу о том, что для поддержания баланса международной политики и сотрудничества необходимо придерживаться, как уже существующих принципов международного права, содержащихся в уставе ООН, так и продвигаться в сторону реформирования международного права.

Ключевые слова: принципы международного права; Устав ООН; документ; СНГ; государство.

Особенностью современного международного права является наличие в нем системы основных принципов, обладающих высшей политической, нравственной и юридической силой. Принципы международного права – это основополагающие нормы права, находящиеся в международных договорах, уставах международных организаций, решениях международных судов и международных обычаях, в отношении которых присутствуют доказательства наличия всеобщей практики и обязательности их применения международным сообществом.

Данные принципы существовали не всегда, это продукт длительного исторического развития. Они являются одной из важнейших общечеловеческих ценностей, без которой невозможно функционирование межгосударственной системы взаимоотношений. История принципов международного права всегда

была тесно связана с историей общества и составляя ее органическую часть. Принципы международного права носят универсальный характер и являются критериями законности всех остальных международных норм. Они представляют собой основополагающие общепризнанные нормы, обладающие высшей юридической силой. Все остальные международно-правовые нормы и международно-значимые действия субъектов должны соответствовать положениям основных принципов. Все принципы международного права имеют первостепенную важность и должны неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других. Тем не менее, современная практика международных отношений заставляет задуматься над эффективностью и применимостью принципов международного права в новых, изменившихся и весьма динамично развивающихся условиях современного мира. Актуальной проблемой международных отношений является проблема соотношения основных принципов международного права с современными принципами международного права и практикой реальных международных отношений. На основании этого возникает потребность в формировании «новых основных принципов», а также реформировании существующих в соответствии с современными мировыми стандартами. Для разрешения данного противоречия необходимо рассмотреть, что из себя представляют основные принципы международного права и в чем заключаются принципы международного права, основанные на современной практике реальных международных отношений. Поскольку основные принципы международного права представляют собой международно-правовые нормы, они существуют в форме определенных источников международного права. Первоначально эти принципы выступали в форме международно-правовых обычаев, однако с принятием Устава ООН основные принципы приобретают договорно-правовую форму. В современном международном праве используется концепция основных принципов международного права, которая основывается на Уставе ООН, являющимся общепризнанным и важнейшим актом, регулирующим взаимоотношения между субъектами международного права [1, с. 298].

В ст. 1 и ст. 2 Устава ООН закрепляются следующие основные принципы международного права: равноправие и самоопределение народов; суверенное равенство государств; добросовестное выполнение государствами обязательств, принятых ими в соответствии с Уставом ООН; разрешение международных споров мирными средствами; неприменение силы или угрозы силой; сотрудничество государств друг с другом в соответствии с Уставом ООН; невмешательство во внутренние дела государства [2]. Общеизвестно, что принципы Устава ООН имеют общеобязательный характер, и государства не вправе изменять или отменять их индивидуально, либо по соглашению. Характеристика основных принципов современного международного права содержится в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН от 24

октября 1970 г. и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. [3, с. 27].

Вышеупомянутые принципы непосредственно взаимосвязаны друг с другом, любой из них дополняет последующие принципы и вытекает из них, таким образом подчеркивается их значимость и важность в рамках международного сотрудничества государств вне зависимости от различий политического, экономического и социального строя. Рассмотрим подробнее основные принципы международного права имеющие свое отражение в Уставе ООН.

1. Принцип равноправия и самоопределения народов означает свободный выбор политического статуса и реализации своего экономического, социального и культурного развития. Так же к данному принципу относятся образование независимого и суверенного государства, беспрепятственное соединение с независимым государством, установление любого другого политического статуса, свободно выбранного народом [4].

2. Принцип суверенного равенства государств делает все государства в международных отношениях юридически равными, наделяет правами полного суверенитета и налагает обязанность уважать правосубъектность других государств. [5, с. 171].

3. Принцип добросовестного выполнения обязательств, принятых государствами в соответствии с Уставом, означает приобретение законных оснований требовать от других участников международного общения исполнения обязательств, связанных с пользованием определенными правами. Суть принципа заключается в неприемлемости произвольного одностороннего отказа государств от своих международных обязательств и наступления ответственности в случае их невыполнения [4].

4. Принцип мирного разрешения международных споров означает для государств обязанность разрешать свои международные споры с другими государствами таким образом, чтобы не ставить под угрозу международный мир, безопасность и справедливость. Международное право предоставляет государствам широкий перечень средств для разрешения споров мирным путем [6].

5. Принцип неприменения силы или угрозы силой означает обязанность государств воздерживаться от применения силы или ее угрозы против территориальной неприкосновенности и политической независимости других государств. Территория государства не может стать объектом приобретения другим государством вследствие применения силы или ее угрозы, а в случае такого приобретения, оно не будет являться законным [4].

6. Принцип сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН означает обязанность международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера, а также поддержание международного мира и безопасности [2].

7. Принцип невмешательства во внутренние дела государства означает обладание каждого государства правом самостоятельно определять свою политическую, экономическую, социальную и культурную систему без какого-либо вмешательства со стороны других государств [4].

Исходя из общего анализа принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН, можно сделать вывод, что принципы являются неотъемлемой частью современного международного права и выступают в качестве одного из основных регуляторов межгосударственных отношений, что способствует осуществлению государствами своих прав и исполнению юридических обязанностей. Однако сегодня международные отношения бросают такие вызовы, ответы на которые приходится искать за пределами семи основных принципов международного права, содержащихся в Уставе ООН. И одним из ответов на современные вызовы служат трактовки принципов международного права, которые даются резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН. Так, кроме перечисленных в Уставе ООН, получили закрепление еще три новых принципа: территориальная целостность государств; нерушимость государственных границ; уважение прав человека и его основных свобод.

Так же стоит отметить, что определенный вклад в развитие устоявшихся принципов международного права вносит Устав Содружества Независимых Государств, подписанный 22 января 1993 г. в городе Минске [7]. К числу принципов, закрепленных в универсальных актах, добавлены: объединение усилий и оказание поддержки друг другу в целях создания мирных условий жизни народов государств-членов СНГ; обеспечение их политического, экономического и социального прогресса; духовное единение народов, которое основано на уважении их самобытности; тесное сотрудничество в сохранении культурных ценностей и культурного обмена.

Таким образом, резюмируя все вышеприведенные принципы, можем сказать, что данный перечень не является раз и навсегда определенным и неизменным. Возрастание роли международно-правового регулирования, появление глобальных проблем неизбежно ведут к увеличению их числа. В этой связи необходимо обратить внимание на процесс формирования ряда новых основных принципов международного права, а также реформирования старых общепринятых принципов путем их трактовки, тем самым отвести заслуженную роль принципам международного права в регулировании современных международных отношений.

Список использованных источников

1. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.
2. Устав ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text/>. – Дата доступа: 31.10.2022.
3. Барышев, В. А. Международное публичное право (общая часть): курс лекций / В. А. Барышев; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова", Каф. истории и теории права. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – 106 с.

4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml. – Дата доступа: 31.10.2022.

5. Бровка, Ю. П. Международное публичное право. Общая часть: учеб.пособие / Ю. П. Бровка [и др.]; под ред. Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова, Л. В. Павловой. - Минск, 2010. – 496 с.

6. Заключительный акт Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1901862>. – Дата доступа: 31.10.2022.

7. Устав Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/180>. – Дата доступа: 31.10.2022.

Гриневиц Валерия Сергеевна
**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ТОЛКОВАНИЕ:
СОДЕРЖАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Аспирант кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, v.grinevich@psu.by

Аннотация. Рассматриваются подходы к определению понятия «толкование права», его содержание и значение; актуальные вопросы конституционно- правового толкования в Республике Беларусь. Анализируются изменения Конституции Республики Беларусь принятые на республиканском референдуме в 2022г., касающиеся полномочий Конституционного Суда. Делается вывод о необходимости дальнейшей правовой регламентации механизма толкования Основного Закона.

Ключевые слова: толкование права; конституционно-правовое толкование, Конституционный Суд.

Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства, такое положение закреплено в статье 2 Конституции Республики Беларусь. Обязанность государства создавать условия для осуществления прав и свобод граждан, принимать меры для создания внутреннего и международного порядка. Государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности (ст. 59 Конституции). В целях качественного соблюдения государством своей обязанности возникает необходимость недопущения различного подхода к применению нормативных актов гражданами, должностными лицами, государственными органами. Так, для единообразного применения норм и необходимо их толкование.

Определение понятию «толкование права» дано многими учеными.

А.С. Пиголкин толкование правовых норм определяет как деятельность органов государства, должностных лиц, общественных организаций, отдельных граждан, направленную на установление содержания норм права, раскрытие выраженной в них воли социальных сил, стоящих у власти [1, с. 280]. С.А. Алексеев отмечает, что потребность в толковании обусловлена тем, что перед применением любой правовой нормы ее суть должны быть уяснена правоприменителем, а впоследствии разъяснена для других субъектов [3, с. 290].

Белорусские исследователи А.Ф. Вишневецкий, Н.А. Горбаток и В.А. Кучинский под толкованием права понимают деятельность государственных органов, негосударственных организаций, отдельных лиц по уяснению и разъяснению смысла правовых норм, вложенного в них законодателем, действительного содержания находящихся в них правовых положений (предписаний, определений) в целях их правильной реализации [2, с. 423].

В теории права используется следующее определение: толкование права – это уяснение и разъяснение подлинного содержания нормы права, подлежащей применению в данных конкретных условиях ее действия [4, с. 133]. Таким образом, выделяется два основных аспекта толкования: уяснение и разъяснение. Уяснение представляет собой познавательную деятельность, в ходе которой происходит выявление, осмысление содержания толкуемой нормы. Разъяснение предполагает внешнее публичное выражение содержания нормы для дальнейшего её корректного и единообразного использования другими субъектами.

Деятельность по толкованию – интерпретация, то есть установлению содержания правового акта с целью его применения в конкретной ситуации. Интерпретацию стоит рассматривать в качестве синонима толкования [5, с. 32].

Легальное определение толкование закреплено в ст.70 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». В соответствии с которой, в случае обнаружения неясностей и различий в содержании нормативного правового акта, а также противоречий в практике его применения нормотворческий орган (должностное лицо), принявший (издавший) этот акт, или, если иное не предусмотрено Конституцией Республики Беларусь, уполномоченный им орган осуществляет официальное толкование этих норм путем принятия (издания) соответствующего нормативного правового акта. В данной норме речь идет об официальном толковании, оно даётся уполномоченными на то государственными органами и является обязательным для исполнения. Также различают неофициальное толкование, которое не имеет юридической силы и представляет собой, например, позиции ученых, содержащиеся в правовой доктрине.

Конституция - Основной закон Республики Беларусь, представляет собой фундаментальный, системообразующий источник права. Одним из важнейших качеств современной демократической конституции, является непосредственное действие конституционных норм, их верховенство по отношению ко всем иным актам законодательства. Конституционные

принципы составляют основу всей национальной правовой системы и изначально рассчитаны на продолжительный период их использования. Тем временем для современного общества характерно непрерывное развитие, возникновение новых общественных отношений, их динамичность, постоянные изменения в экономической, политической системах государства. В этом отношении право в целом более устойчиво, а Конституция, в частности, представляет собой стабильный нормативный правовой акт, который на протяжении долгого периода не нуждается в изменении и дополнении своих положений. Соответственно одной из причин возникновения необходимости толкования конституционных положений можно назвать потребность в разъяснении и правильном применении уже существующих норм со сложившейся практикой применения к обновленным или вновь возникшим общественным отношениям.

Б.С. Эбзеев основной причиной необходимости толкования конституционных положений определяет то, что основной источник конституционного права – Конституция – недостаточно конкретен и содержит широкие конституционные положения [6, с. 489]. Конституционные нормы часто носят абстрактный характер, что вызывает затруднения при уяснении их смысла и применения в конкретных ситуациях.

По мнению Т. Я. Хабриевой, толкование Конституции необходимо и в силу того, что порядок внесения в нее изменений и дополнений является весьма жестким [7, с. 214–234]. Эта одна из составляющих особого механизма защиты Конституции, что еще раз подтверждает её значимость.

Одним из основных вопросов толкования является вопрос о субъектах этой деятельности. Ранее уже были названы такие виды толкования как официальное и неофициальное: одним из критериев этой классификации как раз и является субъектный состав толкования. Для нас интерес представляют вопросы, связанные с официальным толкованием Конституции и субъектами, обладающими этим правом.

Следует отметить, что официальное толкование разделяется на нормативное и казуальное. Нормативное толкование применяется с целью устранения ошибок в понимании сущности акта, оно носит общий характер и является обязательным для применения к тем общественным отношениям, которых оно касается. Казуальное толкование это не прямое разъяснение нормы, в отличие от нормативного оно осуществляется при применении нормы, в ходе разрешения конкретного дела, по средствам решения суда.

До республиканского референдума 2022 и принятия новой редакции Основного закона, субъектами толкования Конституции в Беларуси являлись Национальное собрание Республики Беларусь – высший представительный и законодательный орган власти и Конституционный Суд.

Конституционный Суд Республики Беларусь – государственный орган, осуществляющий контроль за конституционностью нормативных актов в государстве, такое положение закрепляла Конституция Республики Беларусь в редакции от 12.10.2021г.. Среди полномочий Конституционного Суда,

закрепленных в Основном Законе, как и в Законе Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» отсутствовало право на толкование Конституции. Однако, в силу своей основной функции по контролю за конституционностью нормативных правовых актов, в ходе рассмотрения соответствующих дел Конституционным Судом осуществлялось казуальное толкование Основного Закона.

Национальное Собрание Республики Беларусь ранее выступало субъектом аутентичного толкования: в соответствии с п. 1 ст. 97 Конституции Палата представителей по предложению Президента Республики Беларусь либо по инициативе не менее 150 тысяч граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом, рассматривала проекты законов о внесении изменений и (или) дополнений в Конституцию Республики Беларусь, о толковании Конституции Республики Беларусь. Затем принятый проект одобрялся либо отклонялся Советом Республики (п.1 ст.98). Стоит отметить, что практика аутентичного толкования Конституции в Республики Беларусь не сложилась.

Многие авторы на протяжении долгого времени в своих трудах отмечали необходимость прямого закрепления права Конституционного Суда на толкование Основного Закона: Г. А. Василевич [8, с. 26], А.Н. Пугачев [9, с. 155], О. Н. Шупицкая [10, с. 20].

Одним из итогов, проведенного в 2022 году республиканского референдума стало значительное изменение полномочий Конституционного Суда. Так ч. 1 ст. 116-1 закрепляет право Конституционного Суда по предложениям Президента, Президиума Всебелорусского народного собрания, Палаты представителей, Совета Республики, Верховного Суда, Совета Министров давать заключения о толковании Конституции.

Подобная практика уже сложилась в Российской Федерации, где толкование Основного Закона является исключительным правом Конституционного Суда, такое толкование является официальным и обязательным для всех.

В соответствии с новой редакцией Конституции Конституционный Суд является единственным органом наделенным правом толковать Конституцию, соответствующие полномочия Парламента упразднены. Изменилась формулировка статьи 116 Конституционный Суд осуществляет контроль за конституционностью нормативных правовых актов в государстве посредством конституционного судопроизводства в целях защиты конституционного строя Республики Беларусь, гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства Конституции и ее прямого действия на территории Республики Беларусь. То есть принятие акта официального толкования Конституции также будет осуществляться по средствам конституционного судопроизводства – специальной установленной законодательством процедуры.

Новой регламентации требует весь механизм и порядок толкования Основного Закона. Ранее существовавшие нормы также не в полной мере раскрывали ряд вопросов касающихся объема толкования, способов, которые

могут использоваться при толковании Конституции. В теории права выделяют различные способы толкования: грамматический, филологический, исторический, логический. По объему толкование подразделяется на буквальное, расширительное и ограничительное. Урегулирование этих вопросов актуально для определения цели толкования и его последствий.

Д. А. Гаврилова на примере практики конституционно-правового толкования в Российской Федерации с правовыми последствиями связывает различный характер итогов толкования. Так, толкование может быть правотворческим, когда его результатом является вывод о признании акта или нормы неконституционными или не соответствующими Конституции, что рождает новую нормы. В случае же признания соответствующим Конституции акта, договора либо отдельных их положений данное толкование может выполнять двойственные функции: правоприменительную, то есть ориентировать, подтверждать правильность сложившейся практики их понимания и применения, либо правотворческую, то есть констатировать отсутствие противоречия Конституции, но одновременно обязывать законодателя устранить имеющийся пробел в правовом регулировании [11, с. 35]. Однако, стоит отметить, что вне зависимости от характера толкования, в Российской Федерации толкование Конституционного Суда имеет нормативный характер и является общеобязательным.

Таким образом, толкование права представляет собой деятельность по уяснению и разъяснению содержания правовых положений, конституционно-правовое толкование – положений Основного Закона. Целью толкования Конституции является устранение неопределенности в понимании её содержания, единообразия правоприменения, а также своевременная актуализация в связи со значительно более стабильным положением её норм по отношению к динамично развивающимся общественным отношениям.

Порядок толкования Конституции в Республике Беларусь изменился совсем недавно. Норма статьи 116-1 требует дальнейшего своего развития в Законе «О конституционном судопроизводстве» и других законодательных актах. Качество осуществления Конституционным Судом Республики Беларусь предоставленных ему полномочий во многом зависит от полноты правовой регламентации его деятельности нормами как материального, так и процессуального права.

Список использованных источников

1. Пиголкин, А.С. Теория государства и права : Учебник / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, А.Х.Саидов. – М. : Юрайт – Издат, 2005. - С. 481.
2. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учебник для студ. вузов по юрид. спец. / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; [под общ. ред. В. А. Кучинского]. - Минск : Интегралполиграф, 2009. - 550 с.
3. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. литература, 1981–1982. – Том II. – 1982. – 360 с
4. Лагун Д.А. Общая теория права: курс лекций. – Минск: БГУ, 2010. – 184 с.

5. Шилина, Е. М. Толкование права как особый вид юридической деятельности / Е. М. Шилина // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. - 2007. - № 1 (13). - С. 32 - 36.
6. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 776 с..
7. Хабриева, Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика / Т. Я. Хабриева. – М. : Юристъ, 1998. – 244 с.
8. Василевич Г.А. Развитие конституционного правосудия как отражение процесса становления правовой государственности / Г.А.Василевич // Конституция – Основной Закон белорусского государства и общества (к 20-летию принятия): материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11-12 марта 2014 г. – Минск, 2014. - С. 20 – 26.
9. Пугачев, А.Н. Судебный конституционный контроль и толкование Основного Закона / А.Н Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. - 2005. - № 8. – С. 152-156.
10. Шупицкая, О. Н. Толкование Конституции: понятие, порядок, проблемы / О. Н. Шупицкая // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2017. – Т. 7. – № 4. – С. 15-24.
11. Гаврилов, Д.А. Конституционно-правовое толкование: понятие и содержание/ Д.А. Гаврилов. // Вестник Волгоградского университета. Серия 5.Юриспруденция. – 2011. – Т. 15. – № 2. – С. 35-41.

Гусак Светлана Дмитриевна

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Магистрант кафедры конституционного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, научный сотрудник Национального
центра правовой информации Республики Беларусь, svetl2001ss@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается электронное правительство и его развитие в Республике Беларусь. Особое внимание в работе уделено основным этапам развития электронного правительства на общегосударственном уровне. Также статья посвящена анализу областей межведомственного информационного взаимодействия на современном этапе. В заключении определены базовые элементы электронного правительства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: электронное правительство, Республика Беларусь, ОАЦ, информационно-коммуникационные технологии.

Электронное управление является одним из основных инструментов развития информационного общества, внедрение которого способствует созданию условий для открытого публичного управления. Открытость, прозрачность и честность публичного администрирования является залогом формирования правовой и демократической страны, построенной на европейских ценностях. Необходимость введения в действие электронного правительства обусловлена не только развитием информационно-

коммуникационных технологий, но и попыткой государства быть ближе к гражданам.

Электронное правительство – это новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов [1, с. 14].

Началом формирования электронного правительства в Беларуси на общегосударственном уровне следует считать 2003 г., когда постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2002 № 1819 была утверждена Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003-2005гг. и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь». Целью программы являлось формирование информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и компьютеризация государственных учреждений для развертывания на этой основе системы оказания справочных и регистрационных услуг населению с использованием электронных государственных информационных ресурсов и систем. Далее были утверждены мероприятия по развитию электронного правительства в Национальной программе ускоренного развития услуг в сфере ИКТ на 2011-2015 годы утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2011г. №384. Принятые в последние годы государственные стратегии и программы в сфере развития электронного правительства предусматривают ряд серьезных мер по углублению электронного взаимодействия граждан и государственных органов. В Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 годы утвержденной на заседании Президиума Совета Министров от 03 ноября 2015 г. № 26, одной из задач документа является вхождение в число первых 50 стран в индексе электронного участия ООН. При этом доля административных процедур и государственных услуг, оказываемых в электронном виде в 2022 году, должна составить не менее 75%.

Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. №66, предусмотрено развитие технологий электронного правительства, в частности модернизация цифровых сервисов и создание новых будет строиться на принципах их проактивности и комплексности предоставления.

В Республике Беларусь создана и постоянно совершенствуется нормативная правовая база, регламентирующая электронное управление, включающая в себя законы, указы Президента, постановления Совета Министров Республики Беларусь, постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра (ОАЦ) при Президенте Республики Беларусь и Министерства связи и информатизации Республики Беларусь.

В целом Республика Беларусь относится к группе стран, непосредственно следующих за лидерами, имеющих большой потенциал и демонстрирующих динамику развития информационно-коммуникационных технологий.

Организация Объединенных Наций раз в 2 года проводит глобальное исследование в области электронного правительства. В рейтинге стран мира по уровню развития электронного правительства (The United Nations: E-Government Development Index 2022) Республика Беларусь занимает 58 место. Данная позиция уступает показателем, например, 2020 года: в тот год уровень развития белорусского электронного правительства позволил Беларуси войти в число 40 стран с индексом готовности к электронному правительству, разместившись на 38 месте (в 2012 году – 61 место, 2014 – 55, 2016 – 49, 2018 – 38) [2].

Для сохранения и дальнейшего укрепления своих позиций Республике Беларусь необходимо активно развивать государственное управление с учетом национальных интересов и мирового опыта. Процесс требует комплексного подхода, направленного на совершенствование государственных онлайн-услуг, развитие и использование прорывных технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, создание персонализированных услуг, обеспечение кибербезопасности, на формирование цифровых навыков и разработку эффективных стимулирующих инструментов для госслужащих, а также на управление данными.

В рамках единого организационного и информационно-коммуникационного пространства создана и развивается система предоставления государственных электронных услуг гражданам и бизнесу. Кроме того, созданная инфраструктура электронного правительства позволяет расширять границы электронного взаимодействия за пределы Республики Беларусь.

Так, в области межведомственного информационного взаимодействия сегодня в Республике Беларусь:

- создана единая технологическая инфраструктура электронного взаимодействия государственных органов и иных государственных организаций на базе межведомственных информационных систем, центров обработки данных и Единой республиканской сети передачи данных;
- заложены нормативно-правовые основы формирования и развития системы оказания электронных услуг органами государственной власти;
- обеспечены единые механизмы идентификации и аутентификации участников информационного взаимодействия при работе в государственных информационных системах, при получении электронных услуг;
- создан универсальный механизм выполнения административных процедур в электронном виде и оказания электронных услуг посредством Единого портала электронных услуг;
- строятся процессы трансграничного юридически значимого электронного взаимодействия [2].

На данном этапе развития республики по вопросам государственного управления требуется разработка новых информационных технологий государственного управления, которые должны обеспечить комплексную оценку возникающих проблемных ситуаций; выявление всех ресурсных возможностей развития государства и общества в целом; выявление приоритетов в развитии; непрерывный поиск организационных структур и механизмов государственного управления.

Базовым элементом электронного правительства в Беларуси является общегосударственная автоматизированная информационная система. В настоящее время в ОАИС доступны 95 видов электронных услуг, обеспечена интеграция с 21 государственными информационными ресурсами и системами, владельцами которых являются 13 государственных органов и организаций. Создан и функционирует Единый портал электронных услуг [2].

Создание электронного правительства – сложный и многогранный процесс. В Республике Беларусь очень многое сделано с точки зрения развития инфраструктуры, в стране высокий индекс человеческого капитала. Это значит, что люди готовы к восприятию новых идей и к реальному взаимодействию с данным проектом, потому что электронное правительство, созданное ради “галочки”, никакого эффекта не дает. Кроме того, в республике достаточно продвинутая IT-индустрия. Следует отметить, что локомотивом прогресса в сфере информатизации и информационно-коммуникационных технологий сегодня стал ОАЦ. Очень важная роль в этом процессе отведена недавно созданному при ОАЦ Национальному центру электронных услуг. В Республике Беларусь будут достигнуты новые в развитии электронного правительства.

Список использованных источников

1. Сидорова, А. А. Электронное правительство: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А. А. Сидорова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 166 с.
2. Электронное правительство [Электронный ресурс] // Республиканское унитарное предприятие «Национальный центр электронных услуг». – Режим доступа: <https://nces.by/e-government/>. – Дата доступа: 05.11.2022.

Игнатенко Андрей Сергеевич

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Соискатель ученой степени кандидата юридических наук Белорусского государственного университета, начальник юридической службы воинской части, andrey.sergeevich.ignatenko@gmail.com

Аннотация. В статье подлежат освещению вопросы, касающиеся цифрового развития института защиты Республики Беларусь в рамках общественных отношений по исполнению гражданами конституционной обязанности защиты государства, а также правовое

обеспечение цифрового развития на примере воинской службы. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности правового обеспечения цифрового развития института защиты Республики Беларусь с возможностью совершенствования правовой основы. Автор в научной статье ставит своими целями проанализировать теоретико-правовые подходы к формированию понятия «цифровизация», разграничить и соотнести понятия: «информатизация» и «цифровизация», выделить категории правовых актов, регламентирующие цифровое развитие общественных отношений в сфере исполнения гражданами конституционной обязанности по защите Республики Беларусь, дать определение понятиям: «цифровизация», «цифровизация защиты государства».

Ключевые слова: правовое обеспечение защиты государства; конституционная обязанность защиты государства; правовое обеспечение цифрового развития.

Изменение законодательства в области защиты Республики Беларусь характеризуется цифровым развитием общества, приводит к принятию множества отличающихся по своей правовой природе и юридической силе правовых актов, устанавливающих права, обязанности и ответственность военнослужащего, как основного субъекта общественных отношений по защите государства.

В правовых актах различной юридической силы зачастую употребляются такие правовые словосочетания, как: «цифровая экономика», «цифровое развитие», и т. п., не наделяя их конкретным содержанием. Отметим, что государственные органы и организации, средства массовой информации, применяют эти понятия как в научно–популярном значении, так и в общественно-политическом.

Несмотря на широкое употребление терминов, их определения в правовых актах, непосредственно принятых для регулирования общественных отношений в сфере цифрового развития, не нашли своего закрепления. В настоящий момент единственный акт законодательства, который на сегодня содержит определение понятиям: «цифровизация», «цифровое развитие», является СТБ 2583–2020 «Цифровая трансформация. Термины и определения», введенный в действие с 1 марта 2021 г. постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 8 декабря 2020 г. № 95.

В сфере исполнения гражданами конституционной обязанности по защите Республики Беларусь путем непосредственного прохождения воинской службы в рядах Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях, цифровое развитие данной сферы зачастую характеризуется принятием запретительных правовых механизмов, что в свою очередь является временным решением.

На наш взгляд, устоявшегося и всецело сформированного определения понятия «цифровизация», как и правового разграничения с понятием «информатизация», в национальном законодательстве Республики Беларусь в области защиты государства, так и в иных не наблюдается.

Как верно отмечает профессор Г.А. Василевич, век информационных технологий принципиально меняет содержание многих ранее устоявшихся отношений. Революционное воздействие информационно-коммуникационных

технологий (ИКТ) касается государственных структур и институтов гражданского общества, экономической и социальной сфер, науки и образования, культуры и образа жизни людей. Движение по пути развития информационного общества сегодня стало вектором современной жизни [1, с. 32].

Доктор юридических наук Э.В. Талапина констатирует, что «даже классическая теория права находится под «угрозой» от воздействия новых технологий, и в особенности Интернета. Если даже в самом общем приближении понимать под правом совокупность норм, регулирующих отношения, складывающиеся между субъектами по поводу определенного объекта, то становится понятно, что в цифровую эпоху буквально каждый компонент данного определения нуждается в уточнении» [2, с. 6].

Проблематикой цифровизации государства на этапе становления национальной правовой системы в теоретическом направлении занимается белорусский правовед Т.З. Шалаева. Так, автор указывает, что важнейшим источником правового регулирования цифровизации экономики Республики Беларусь являются, прежде всего, акты программно-установочного (политико-программного) характера, к которым относятся, в том числе, Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, на основе которой принята Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 [3, с. 121]. В своей научной работе автор исследует теоретико-правовые и методологические подходы к определению экономической безопасности государства при цифровой трансформации национальной экономики, что на наш взгляд, является достаточно востребованным и актуальным, и позволяет в определенной степени использовать теоретико-правовые и методологические наработки автора и в случае цифровизации общественных отношений, порождённых национальными интересами в области защиты государства.

Как отмечает в своей работе российский автор В.А. Плотникова, ключевое отличие «цифровизации» и «информатизации», лежит в технологической плоскости. Информатизации – более широкая, по сравнению с цифровизацией, категория. Она охватывает информационные процессы различных типов, а не только те, которые касаются дискретной, оцифрованной информации. Таким образом, цифровизация – это частное проявление более широкого явления информатизации общества, которое развивается со второй половины XX века и получило довольно глубокую теоретическую и концептуальную проработку в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. В этой связи, все закономерности, принципы, методы и иной инструментарий анализа и управления процессами информатизации в полной мере, по нашему мнению, применимы и к цифровизации. В свою очередь, автор в научном исследовании определяет, что цифровизация – это процесс внедрения цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации данных в различные сферы человеческой деятельности. Помимо

этого, по мнению автора, цифровизация – это современный этап развития информатизации, отличающийся преобладающим использованием цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации информации, что обусловлено появлением и распространением новых технических средств и программных решений [4, с. 17].

Теоретик права С.С. Хомякова определяет цифровизацию как процесс, направленный на изменение процессов, в ходе которого происходит активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека (такие, как социальная, экономическая, медицинская и так далее), который меняет подход к использованию, хранению и передаче информации [5, с. 514].

Нельзя не отметить, что наиболее важными и значимыми актами правового регулирования информационных отношений в области защиты Республики Беларусь следует признать: Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. №455–З «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. №99-З «О защите персональных данных», Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113–З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», Закон Республики Беларусь от 5 мая 1999 г. «О научно-технической информации», Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. №8 «О развитии цифровой экономики», Указ Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. №515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь», Указ Президента Республики Беларусь от 2 декабря 2013 г. №531 «О некоторых вопросах информатизации», Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. №66, Положение из постановления Совета Министров Республики Беларусь от 20 июля 2010 г. № 1086 «О порядке удостоверения формы внешнего представления электронного документа на бумажном носителе», Положение из постановления Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 1077/8 «О порядке функционирования Государственной системы управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи Республики Беларусь», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. №644 «О некоторых вопросах совершенствования использования национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет» и др.

Исходя из анализа принятых в Республике Беларусь нормативных правовых актов в сфере информатизации, прослеживается основополагающая и устоявшаяся иерархическая структура актов, включающая в себя регламентацию по следующим направлениям: основополагающие аспекты информатизации; организация управления информатизацией; информационная инфраструктура; информационные ресурсы и системы.

Законодательство Республики Беларусь в сфере информатизации достаточно ёмко определяет термин «информатизация» как организационный, социально-экономический и научно-технический процесс, обеспечивающий

условия для формирования и использования информационных ресурсов и реализации информационных отношений. В то же время, информационные технологии есть совокупность процессов, методов осуществления поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также пользования информацией и защиты информации.

Данные понятия определяются через процесс или совокупность процессов. Иными словами, это определенная деятельность государственных органов и организаций, бизнеса и граждан, как сторон информационных отношений, направленная на внедрение современных цифровых технологий по переходу от аналоговых форм поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации к более эффективным цифровым способам в различных сферах жизни общества.

Существует точка зрения, сводящая «цифровизацию» к процессу сбора, обработки, хранения, передачи информации между субъектами информационных отношений посредством глобальной компьютерной сети интернет и локальных сетей с использованием современных автоматизированных информационных систем. По нашему мнению, данный подход несколько упрощает понимание глубоких трансформационных изменений практически всех сфер человеческой деятельности, а значит, и не позволяет более полно и всесторонне урегулировать нормами права данный комплекс отношений, связанных с цифровизацией.

Вместе с тем, отдельные зарубежные и отечественные авторы соотносят понятия «информатизация» и «цифровизация» как общее и частное, с чем трудно не согласиться. Данные понятия, по нашему мнению, отличаются по вектору модернизации общественных отношений. Если при информатизации главным для государства является внедрение информационно-коммуникационных технологий в приоритетных целях повышения благосостояния общества и его защиты от внешних и внутренних угроз, то при цифровизации изменяется сам способ информатизации. Ежедневно появляются новейшие цифровые инструменты на поле информатизации, а именно, неаналоговые технологии цифровой трансформации: интернет вещей (Internet of Things, IoT), дополненная реальность (Augmented Reality, AR), виртуальная реальность (Virtual Reality, VR), машинное обучение (Machine Learning, ML) и искусственный интеллект (Artificial intelligence, AI), робототехника, 3D-печать и др.

Употребляя цифровизацию как современное условие, непосредственно влияющее и находящееся в прямой взаимосвязи с так называемой гибридной войной, необходимо определить, что данный процесс с точки зрения доктрины теории права выступает двояко. Так, цифровизация, при наличии в государстве действенного правового механизма регулирования, может выступать как инструмент, упрощающий деятельность субъектов определенных общественных отношений. С другой стороны, при рассмотрении данного

процесса сквозь призму военной и информационной угрозы, последняя выступает в качестве риска для государства.

Один из примеров цифровизации в сфере защиты государства представлен в Российской Федерации. Так, принятые нормативные и локальные правовые акты, предоставили возможность гражданам Российской Федерации, обладающим статусом военнослужащего и лицам, приравненным к ним, использовать государственный информационный ресурс Министерства обороны Российской Федерации, на котором размещены такие сервисы как: «Личный кабинет гражданина», «Личный кабинет военнослужащего», «Персональная электронная карта военнослужащего», «Личный кабинет в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» и др.

Наряду с Российской Федерацией в Республике Беларусь одним из примеров цифрового развития в сфере защиты государства явилось издание и принятие целого массива локальных правовых актов, устанавливающих права и обязанности граждан, непосредственно исполняющих конституционную обязанность по защите Республики Беларусь. К таким актам относятся: Политика Министерства обороны в отношении обработки персональных данных, связанных с персонально-качественным воинским учетом, Политика Министерства обороны в отношении обработки персональных данных, связанных с ведением кадровой работы в Вооруженных Силах, Политика Министерства обороны в отношении обработки персональных данных, связанных с обеспечением пропускного режима, Политика Министерства обороны в сфере оплаты труда военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил, социального обеспечения военнослужащих и членов их семей, обязательного государственного страхования лиц, имеющих статус военнослужащих в отношении обработки персональных данных.

Неоспорим тот факт, что принятые в Российской Федерации и Республике Беларусь нормативные и локальные правовые акты наделяют граждан цифровым статусом военнослужащего. У данной категории граждан по отношению к государству, наряду с обязанностями, ответственностью и гарантиями, возникают цифровые права в области защиты своего государства.

На наш взгляд, приоритетным видится необходимость постоянной разработки актуальных теоретических подходов к формированию современного правового обеспечения цифрового развития в области защиты государства с одновременной выработкой правовых механизмов противодействия негативным последствиям цифровизации в указанной области.

Отметим, что синергия цифровых технологий, возможность совокупного применения технологий цифровизации позволит трансформировать любой объект общественных отношений, значительно изменить их содержание, да и статус самих участников этих отношений. Не обходит стороной и цифровое развитие общественных отношений, возникающих в Республике Беларусь по его защите.

По нашему убеждению, общественные отношения по защите государства стоят на рубеже колоссальной цифровой трансформации, что потребует современного правового регулирования. И задуматься об этом необходимо уже сегодня и направить научные правовые исследования на разработку доктринальных подходов к правовому обеспечению цифрового развития института защиты Республики Беларусь как вооруженным, так и невооруженным способами.

Следует признать, что «информатизация» и «цифровизация» как правовые понятия соотносятся как общее и частное. Иными словами, информатизация как всеобъемлющий процесс включает в себя цифровизацию. Основой к разграничению понятий необходимо принимать техническую составляющую (технология), которая непосредственно взаимодействует с информацией.

Масштабная цифровизация защиты государства, с одной стороны будет наделять военнослужащих дополнительными «цифровыми правами и обязанностями», определять новый «цифровой статус военнослужащего», оптимизировать взаимодействие и слаживание подразделений Вооруженных сил, других войск и воинских формирований, существенно дополнять технологиями цифровой трансформации непосредственную функциональность и эффективность военных мероприятий, а с другой стороны может создать реальную угрозу для безопасного прохождения воинской службы, защищенности государства и общества во всех сферах и, возможно, придаст излишнюю транспарентность и определенную уязвимость несения воинской службы.

Цифровизация защиты государства в Республике Беларусь есть поэтапный и планомерный процесс информатизации повседневной деятельности Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований через внедрение новейших цифровых технологий в воинскую службу и систему ее управления.

Представляется архиактуальным и первоочередным в рамках развития Союзного государства провести гармонизацию основных подходов к правовому обеспечению защиты Беларуси и России с возможностью последующей унификации соответствующих принципов и норм в сфере реализации стратегических приоритетов безопасности Союзного государства в условиях цифровой трансформации.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности / Г. А. Василевич // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 32. – EDN ODBYDI.
2. . Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–7; Морхат П. М. Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект. М.: Юнити-Дана, 2018; Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта: гражданско-правовое исследование. М.: Юнити-Дана, 2018.

3. Шалаева, Т.З. Теоретико-правовые подходы к обеспечению экономической безопасности Беларуси в условиях цифровой трансформации экономики / Т.З. Шалаева // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2021. – Т. 66, № 3. – С. <https://doi.org>

4. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике / В.А. Плотников [Электронный ресурс]: научная электронная библиотека «Киберленинка». – Минск, 2022. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-proizvodstvateoreticheskaya-suschnost-i-perspektivy-razvitiya-v-rossiyskoyekonomike>. – Дата доступа: 19.09.2022.

5. Хомякова С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне / С.С. Хомякова // Актуальные вопросы экономики и социологии: сборник статей по материалам XV Осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке / под ред. О. В. Тарасовой, Н. О. Фурсенко – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019. – 610 с.

Кандыбо Ольга Михайловна

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

научный сотрудник, отдел научно-методического обеспечения правовой информатизации, управление правовой информатизации, Национальный центр правовой информации Республики Беларусь

kandybo@ncpi.gov.by

Аннотация. В настоящей статье анализируется понятие и сущность электронной демократии, рассматривается ее структура. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что электронная демократия является формой классической демократии, которая посредством использования информационно-коммуникационных технологий способствует совершенствованию методов и способов осуществления народовластия.

Ключевые слова: демократия; непосредственная демократия; представительная демократия; электронная демократия; информационно-коммуникационные технологии, управление делами государства.

Информационные технологии динамично интегрируются в нашу жизнь, создавая новые возможности для реализации гражданских прав и осуществления обязанностей, самореализации личности, получения знаний о гражданских делах и общественных практиках, а также позволяют эффективно взаимодействовать с институтами публичной власти, руководствуясь не только своими потребностями, но и общественными интересами. Указанный процесс влечет за собой серьезную трансформацию при реализации конституционного принципа народовластия как основы системы государственного управления Республики Беларусь. Процесс использования современного технологического инструментария в процессе осуществления народовластия можно уместить в актуальном сегодня термине «электронная демократия».

Первоначально для анализа понятия «электронная демократия» необходимо рассмотреть сущность самой «демократии».

Как известно, в переводе с древнегреческого «демократия» – это «власть народа» (demos – народ и kratos – власть). Разрешение наиболее важных вопросов общественной жизни гражданами может осуществляться как непосредственно (например, посредством выборов и референдумов), а также путем делегирования таких полномочий институтам, которые от имени народа осуществляют текущее управление в государстве. В этой связи выделяется два вида демократии – непосредственная и представительная. Первичной с точки зрения значимости принятого решения его приоритета является непосредственная демократия [1, с.11]

В правовой науке при рассмотрении вопроса, что такое «демократия», авторы в своем большинстве исходят из традиционного понимания демократии как о народовластии. Например, А.А. Кененов подчеркивал, что «государственное управление может успешно осуществляться тогда, когда прочна связь государственного аппарата с массами, когда эта связь расширяется и углубляется» [2, с. 187]. А.А. Шафалович указывает, что «демократия – это политический режим, в основе которого лежит метод коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса или на его существенные стадии» [3, с. 169].

О.Е. Кутафин в понятие демократии особо подчеркивает, что «граждане принимают активное участие в политической жизни общества и решении наиболее важных вопросов государственного значения». Только такое государство может обеспечить своим гражданам «возможность принимать решения по вопросам, касающимся их будущего и будущего всего государства» [4, с. 87].

Таким образом, полагаем, что понятие демократии ложится в одну простую формулу – участие граждан в процессе управления, поскольку подчиненность этого процесса от общества и определяет уровень демократичности институтов государственной власти.

В настоящее время, когда большими темпами происходит развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), современные ученые стали в своих трудах уделять пристальное внимание понятию «электронная демократия». Семантически данный термин несет в себе две смысловые нагрузки: «демократия» и «электронные способы ее реализации», что делает понятие «электронная демократия» сложным и многоаспектным.

Как правило, большинство авторов под электронной демократии понимают демократическую форму устройства, в которой активно используются ИКТ с целью реализации гражданских прав и свобод [5, с. 57; 6, с. 79; 7, с.213].

В. И. Руденко рассматривает электронную демократию как «правление самоуполномоченных граждан», подчеркивая, что ИКТ служат для расширения возможностей любого гражданина в сфере управления [8, с. 57].

А. А. Шафалович характеризует электронную демократию с различных позиций, например, называя ее формой государственного управления, присущей электронному государству. Но самое главное она рассматривает

данное понятие с позиции правового явления, подчеркивая, что она представляет собой в первую очередь «систему конституционно-правовых отношений, складывающихся в сфере реализации институтов непосредственной демократии с использованием ИКТ и сетей» [3, с.171].

Действительно, электронную демократию можно рассматривать во многих аспектах, но при этом главенствующим является юридический, поскольку ее начала исходят из конституционных норм; процесс ее осуществления основывается на установленных государством нормативных положений; также как и классическая демократия, задачей электронной является выражение власти народа, но только с использованием цифрового инструментария.

Главная цель электронной демократии состоит в усовершенствовании управленческого процесса с помощью электронных технологий, а не в обязанности заставить каждого гражданина применять цифровой инструментарий. Первичным элементом электронной демократии являются не технологии, а непосредственно требования демократии, так как сами ИКТ, даже самые продвинутые и современные, не могут указанный процесс самостоятельно осуществлять.

Данное основополагающее начало электронной демократии исходит из рекомендацией Парламентской ассамблеи Совета Европы от 30 января 2009 г. № 1653 (2009), согласно которой «ИКТ обладают значительным потенциалом совершенствования демократической практики и участия, транспарентности, подотчетности и чуткости демократических институтов, равно как предоставления гражданам все более широких возможностей, а также обеспечения доступности и всеохватывающего характера демократического процесса» [9].

Дискуссионным в литературе является вопрос об элементах электронной демократии. Так, многие европейские исследователи утверждают, что электронная демократия состоит из двух частей: подготовка к принятию решения и принятие решений, говоря иначе организация и осуществление электронного голосования.

Ю.В. Карпанова чуть расширяет представленную структуру электронной демократии за счет включения в нее деятельности по осуществлению общественного контроля, но при этом оставляет данный перечень открытым, тем самым подчеркивая рассматриваемое понятие может включать в себя и более количество элементов [10, с. 47].

По мнению В.В. Пылина элементами механизма электронной демократии являются следующие инструменты:

электронное голосование;

коллективное обсуждение проблем и вопросов социально-политического содержания в режиме онлайн, инструменты интернет-коммуникации граждан;

разработка и реализация гражданских инициатив и проектов, а также развитие интернет-сообществ;

интернет-коммуникация граждан с представителями органов власти, в том числе использование инструментов воздействия на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти;

онлайн механизмы общественного управления на муниципальном уровне [11, с. 128].

Полагаем, что указанная структура электронной демократии охватывает все способы осуществления гражданами права на управление делами государства, предусмотренные ст. 37 Конституции Республики Беларусь [12]. Но при этом это не означает, что по мере технологического развития количество таких инструментов непременно может возрасти, учитывая, что это не противоречит и самой приведенной конституционной норме.

Таким образом, полагаем, что электронная демократия представляет собой более совершенную модель, чем ее традиционная форма. Новые цифровые технологии позволяют, не обращая внимание на временные или территориальные ограничения, осуществлять любому гражданину свое конституционное право на управление делами государства.

Исходя из вышеизложенного, можем утверждать, что электронная демократия является разновидностью демократии, осуществляемой посредством применения ИКТ. Главной ее целью является формирование и укрепление демократических институтов, что способствует участию еще большего количества граждан в управлении делами государства на всех его уровнях посредством использования высоких технологий.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Правовая политика современного государства в области совершенствования непосредственной и представительной демократии как важнейшего фактора устойчивого развития / Г. А. Василевич // *Право.by*. – 2021. – № 4(72). – С. 11–16.
2. Теория государства и права / А. И. Денисов [и др.] ; под ред. А. И. Денисова. – М. : Юрид. лит., 1980. – 432 с.
3. Шафалович, А. А. Правовое обеспечение развития электронного государства / А. А. Шафалович. – Минск : Амалфея, 2021. – 207 с.
4. Кутафин, О. Е. Российский конституционализм / О. Е. Кутафин. – М. : Норма, 2008. – 544 с.
5. Абламейко, М. С. Электронное правительство как основа построения электронной демократии: правовые основы / М.С. Абламейко, Лю Игун, С.Ю. Артемьев // *Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 25 / БГУ ; редкол.: В.Н. Бибило, Г.А. Шумак*. – Минск, 2014. – С. 54–68.
6. Широков, И. С. Информационная безопасность в рамках электронной демократии / И. С. Широков // *Вестник Забайкальского государственного университета*. – 2021. – № 27 (10). – С. 78–84.
7. Мухамеджонов, О. Формирование основ электронной демократии в Узбекистане: подходы к эффективному взаимодействию государства и гражданина / О. Мухамеджонов // *Общество и инновации*. – 2020. – № 1 (2). – С. 209–224.
8. Руденко, В. И. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты / В. И. Руденко. – Екатеринбург : УрО РАН, 2003. – 476 с.
9. Электронная демократия [Электронный ресурс] : резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы, 30 января 2009 г., № 1653 (2009) // *Официальный сайт Совета Европы*. – Режим доступа:

https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2009%5D/%5Ban2009%5D/Res1653_rus.asp#P4_75. – Дата доступа: 01.11.2022.

10. Капанова, Ю. В. Развитие общественного контроля на выборах как одного из элементов электронной демократии / Ю. В. Капанова // Юрист-Правоведъ. – 2016. – № 4 (77). – С. 46-52.

11. Пылин, В. В. Вопросы современной электронной демократии и электронного информационного общества: достоинства, проблемы и перспективы / В. В. Пылин // Управленческое консультирование. – 2016. – № 9 (93). – С. 127-134.

12. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февр. 2022 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Кришталь Дмитрий Сергеевич

ПОНЯТИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аспирант кафедры хозяйственного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет, dmitrybnh@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается такой институт как энергетическая безопасность. Автор полагает, что он является неотъемлемым составляющим достижения целей устойчивого развития Республики Беларусь, а в условиях существующих мировых энергетических кризисов, предстоящего энергетического перехода, вопрос об обеспечении энергетической безопасности приобретает еще большую актуальность. Выдвигается тезис о том, что обеспечение энергетической безопасности регламентируется пруденциальным правом (право национальной экономической безопасности). Одновременно энергетическая безопасность является ключевой категорией энергетического права, поскольку ее правовое обеспечение свидетельствует о соблюдении основных принципов энергетического права. Предлагается комплексное определение энергетической безопасности, выделяются ее основные угрозы. Поднимается вопрос о том, что в настоящее время сформировались предпосылки к созданию комплексного документа, регулирующего деятельности топливно-энергетического комплекса Республики Беларусь, который в том числе будет призван заложить основы обеспечения энергетической безопасности Республики Беларусь.

Ключевые слова: энергетическая безопасность; энергетическое право; топливно-энергетический комплекс; топливно-энергетические ресурсы, энергетический переход.

Термин «безопасность» интуитивно понятен каждому человеку и не требует сложных объяснений. С.И. Ожегов определяет его как состояние, при котором не угрожает опасность, защиту от опасности; в свою очередь опасность – возможность, угроза чего-нибудь очень плохого, какого-нибудь несчастья [1]. Затрагивая данную категорию, в большей степени представляется безопасность личности – защита от угрозы нападения, стихийного бедствия и т.п. Однако это понятие, которое охватывает различные сферы жизнедеятельности: экономическая, военная, информационная и другие.

В контексте функционирования государства чаще всего употребляется термин национальной безопасности. В Конституция Республики Беларусь 1994 г. слово «безопасность» упоминается одиннадцать раз (за исключением Совета Безопасности Республики Беларусь), пять из которых касается национальной безопасности, что безусловно указывает на высокую степень значимости данного вопроса.

Детальное внимание рассматриваемому институту законодатель уделил в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. (далее – Концепция), в которой дано ее определение: «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз». В Концепции рассматриваются различные разновидности национальной безопасности, в числе которых называется энергетическая безопасность, которая определена как составная часть национальной экономической безопасности, которую, в свою очередь, трактуют как состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз.

Обеспечение населения топливно-энергетическими ресурсами (далее – ТЭР) является одной из главнейших проблем, решение которой определяет устойчивое развитие страны. Обеспечение энергетической безопасности является одним из основополагающих условий обеспечения соблюдения минимальных стандартов экономической, социальной и экологической безопасности, определяющих качество жизни населения.

Проблемы энергетической безопасности формируются задолго до того, как энергия либо ТЭР произведены и не перестают быть актуальными после того, как они доставлены до потребителя. Общественные отношения, непосредственно касающиеся энергетической безопасности, возникают при формировании стратегии функционирования и развития топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) страны и ее экономики в целом, еще до того, как будут произведены объекты гражданских прав, преобразующиеся в дальнейшем в энергию как нестандартный объект гражданских и политических прав.

Для корректного понимания термина «энергетическая безопасность» следует понимать, что такое энергия и почему она приобрела такую значимость в современном мире. Это одно из базовых понятие естественных наук, неразрывно связанное с мерой движения различных частиц и объектов. Вместе с тем энергия, в указанном контексте, не может выступать объектом отношений, урегулированных нормами права. В законодательстве и международных договорах Республики Беларусь определяется правовой режим отдельных видов энергии: атомная энергия; энергия, производимая из возобновляемых источников энергии; активная электрическая энергия и др. Полагаем, что энергия это нестандартный по своей природе объект гражданских прав.

Энергия выступает в качестве института, предопределяющего природу предмета энергетического права как отрасли права, поскольку выступают в качестве объекта энергетических и пруденциальных правоотношений. Специфика энергетических ресурсов состоит в том, что они являются материальным благом, способным к использованию в рамках хозяйственной или иной деятельности [2, с. 30].

Мировая общественность начала уделять внимание проблеме энергетической безопасности в начале XX в., что было вызвано возникновением глобальных энергетических кризисов. В ответ на которые в 1973–1974 гг. было создано Международное энергетическое агентство – первая международная организация, задачей которой стало обеспечение энергетической безопасности целой группы стран, тогда же и появилась концепция «энергетической безопасности» [3, с. 63].

Мировой энергетический совет определяет энергетическую безопасность как уверенность в том, что энергия будет иметься в распоряжении в том количестве и того качества, которые требуются при данных экономических условиях. В зарубежных источниках под энергетической безопасностью в большей степени понимают «безопасность предложения» – создание гарантированных внутренних и внешних источников энергии в целях преодоления внешней энергетической зависимости [4, с. 200].

В ст. 10 Концепции отражены основные национальные интересы в экономической сфере, в ней закреплены положения, касающиеся энергетической безопасности: «обеспечение недискриминационного доступа на мировые рынки товаров и услуг, сырьевых и энергетических ресурсов; достижение уровня энергетической безопасности, достаточного для нейтрализации внешней зависимости от поступления энергоносителей». Само понятие энергетической безопасности белорусский законодатель раскрывает в Концепции энергетической безопасности Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1084 от 23 декабря 2015 г., определяя ее как состояние защищенности граждан, общества, государства, экономики от угроз дефицита в обеспечении их потребностей в энергии экономически доступными энергетическими ресурсами приемлемого качества, от угроз нарушения бесперебойности энергоснабжения; а состояние защищенности – состояние, соответствующее в нормальных условиях обеспечению в полном объеме обоснованных потребностей (спроса) в энергии, в экстремальных условиях – гарантированному обеспечению минимально необходимого объема таких потребностей.

Хотелось бы отметить, что профессор В.С. Каменков анализируя правовую основу энергетической безопасности в Республике Беларусь приходит к выводу, что правовое регулирование данной сферы общественных отношений является несистемным и не содержит комплексного подхода к определению методологии правового воздействия. Кроме того, белорусский правовед отмечает недостаточное количество системных научных публикаций

и комплексных исследований по теме энергетической безопасности с критическими оценками и творческими предложениями [5].

В Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации понятие энергетической безопасности формулируется как состояние защищенности экономики и населения страны от угроз ее национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств страны.

Концептуально белорусское и российское определение энергетической безопасности не отличаются, однако, в силу того что Российская Федерация является крупнейшим производителем и экспортером энергоресурсов, в условиях профицита энергетического баланса российский законодатель поднимает вопрос выполнения экспортных контрактов и международных обязательств страны наравне с обеспечением потребностей внутреннего рынка.

Отдельные авторы исследовавшие вопросы энергетической безопасности отмечали, что энергетическая безопасность для стран-экспортеров и стран-импортеров понимается по-разному.

Так, страны-потребители (импортеры) при формировании национальных энергетических стратегий базируются на следующих составляющих: дефицит внутренних сырьевых ресурсов, значительная или растущая зависимость от импорта; диверсификация поставщиков, маршрутов поставок и энергоносителей; развитие национальной и региональной энергетической инфраструктуры; активная политика энергосбережения, повышение энергоэффективности; экология [6, с. 57].

Для стран-экспортеров выделяют следующие черты, которые оказывают влияние на формирование энергетической стратегии: национальная экономика в значительной степени зависит от валютных поступлений в бюджет, полученных за счет экспорта энергоресурсов; экспорт энергоресурсов используется как инструмент внешней политики; страны-экспортеры стремятся получить доступ на новые рынки сбыта и расширить свое присутствие на традиционных рынках; приобретение энергетических активов в странах-импортерах; необходимость обеспечения надежности поставок энергоносителей – сотрудничество со странами транзитерами и др. [6, с. 57]

Таким образом можно сделать вывод о том, что энергетическая безопасность состоит из двух элементов:

безопасность функционирования товарных рынков энергоносителей и энергии, являющаяся комплексным правовым институтом, сочетающем в себе элементы международного публичного, хозяйственного, экологического, административного и антимонопольного права;

безопасность резервов государства (топливных и энергетических), выступающая в качестве элемента фискального регулирования (поскольку определяет правовой режим собственности государства фискального регулирования).

Приведенные аргументы позволяют нам в том числе констатировать наличие у энергетической безопасности признаков правового института, составляющего предмет пруденциального права (права национальной экономической безопасности) [7].

В результате проведенного исследования нами выделены отдельные вызовы и угрозы энергетической безопасности, которые свидетельствуют требуют совершенствования правового регулирования данной сферы.

Так, проводимые интеграционные процессы и создание общего рынка энергоресурсов в рамках ЕАЭС и Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации, помимо положительных моментов, несет ряд новых вызовов и угроз энергетической безопасности для участников международных организаций региональной интеграции [8, с. 139]:

- различия в энергетических стратегиях стран-импортеров и экспортеров, которые являются субъектами наднациональных интеграционных объединений, могут привести к возникновению конфликтов интересов между их участниками, в случае наличия правовой неопределенности в вопросе регулирования данной группы общественных отношений;

- создание одинаковых условий хозяйствования в рамках межгосударственных объединений создает предпосылки для передела сфер влияния между крупнейшими игроками на региональных рынках, в том числе и в сфере ТЭК.

Указанные обстоятельства указывают на необходимость их учета при составлении международно-правовых договоров и актов, регламентирующих взаимодействие в энергетической сфере стран-участниц наднациональных интеграционных объединений. Как справедливо отмечает белорусский ученый Н.Л. Бондаренко, формирование общего экономического пространства и налаживание хозяйственных связей станет возможным только при условии формирования единого правового пространства и унификации законодательства [9, с. 6].

Возможно более значимым вызовом является изменение мировых энергетических трендов, что способно негативно сказаться на действующей системе ТЭК и соответственно энергетической безопасности страны в случае несвоевременного реагирования на них. Так, в настоящее время в мировой повестке все более активно обсуждается т.н. энергетический переход.

По мнению многих международных организаций, энергетический переход – это не просто переход от одних источников энергии к другим, но еще и масштабная перестройка энергосистем. Она включает в себя несколько элементов: энергоэффективность, декарбонизацию, децентрализацию, цифровизацию.

Ожидаемый и осуществляемый энергетический переход имеет своими целями:

- решение климатической проблемы через отказ от ископаемого топлива (угля, нефти, природного газа, горючих сланцев и т.п.) и их замену возобновляемыми источниками энергии;

сохранение баланса «энергетического треугольника», обеспечивающего безопасность и доступ, экологическую устойчивость, экономическое развитие и рост [10].

В настоящее время сложно сказать, как скоро будут реализованы данные изменения и насколько достигнутые результаты будут соответствовать заявленным целям. Однако, с высокой долей вероятности, они коренным образом изменят существующую картину мира.

Примечательно, что отдельные положения, соответствующие концепции нового энергетического перехода, нашли свое отражение и в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г., утвержденной на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь 4 февраля 2020 г. Так, в документе отмечается: «устойчивое развитие энергетики предусматривается на основе повышения эффективности использования ТЭР и расширения использования низко- и неуглеродных источников энергии. При этом акцент будет сделан на развитии «умной» сетевой инфраструктуры, включающей автоматизацию систем управления тепловыми, электрическими и газовыми сетями, расширении использования местных видов топлива, в том числе возобновляемых источников энергии».

Таким образом, подводя итог проведенному научному исследованию, можно сделать вывод о том, что энергетическая безопасность является комплексным правовым институтом, сочетающим в себе элементы международного публичного, хозяйственного, экологического, административного, антимонопольного и пруденциального права (права национальной экономической безопасности). Сама энергетическая безопасность состоит из двух элементов:

безопасность функционирования товарных рынков энергоносителей и энергии;

безопасность резервов государства (топливных и энергетических), выступающая в качестве элемента фискального регулирования.

В качестве понятия энергетической безопасности, отражающем основные его сущностные характеристики и соответствующего страновым особенностям Республики Беларусь, предлагаем использовать – состояние защищенности населения и экономики страны от существующих угроз национальной безопасности в топливно-энергетической сфере, при котором обеспечиваются их потребности в энергии и экономически доступных топливно-энергетических ресурсах приемлемого качества, а также функционирование эффективной системы государственного регулирования, позволяющей своевременно выявлять и реагировать на возможные вызовы и угрозы энергетической безопасности.

Результаты данного научного исследования свидетельствуют о необходимости объединения усилий белорусских экспертов ТЭК, профильных государственных органов и организаций, направленных на выработку опережающей стратегии обеспечения устойчивого развития и функционирования ТЭК, а также – совершенствования правового

регулирования топливно-энергетической сферы с учетом современных тенденций. Для чего – рассмотреть целесообразность систематизации законодательства, регламентирующего функционирование ТЭК, в том числе: отношения между поставщиками и потребителями ТЭР; устанавливающего требования к качеству ТЭР, их цене; требования к энергоэффективности и энергосбережению; правовые режимы энергетических систем; устанавливающего полномочия государственных органов и закрепляющего разграничение их полномочий; регламентирующего правовое положение компаний, работающих в сфере ТЭК; закрепляющего порядок осуществления инвестиций (в т.ч. стимулирующий инвестиционную активность в инновационных сферах ТЭК в рамках энергетического перехода); предусматривающего порядок защиты участников общественных отношений, складывающихся по поводу добычи, производства, поставки, транспортировки, хранения и использования ТЭР и др. разумным видится рассмотреть вопрос о создании Энергетического кодекса Республики Беларусь, в котором будут заложены основы обеспечения энергетической безопасности Республики Беларусь, а также вопросы частного-правового и публичного правового взаимодействия в сфере ТЭК (в т.ч. в контексте международных организаций региональной интеграции, в которых участвует Республика Беларусь).

Список использованных источников

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=1346> – дата доступа 31.10.2022.
2. Городов, О.А. К понятию энергетического права // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2010. – № 1. – С. 26 – 38.
3. Хлопов, Н.Г. Международная энергетическая безопасность: проблемы и угрозы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2014. – С. 62 – 73.
4. Шестопапов, П.В. Энергетическая безопасность: определение понятия и сущность // Журнал Проблемы экономики и юридической практики. – 2012. – № 5. – С. 200 – 201.
5. Каменков, В.С. Профессионалы об актуальном: Правовое регулирование, судебная практика и научные исследования о проблемах энергетической безопасности в Республике Беларусь (2020) [Электронный ресурс]. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – дата доступа 31.10.2022.
6. Полаева, Г.Б., Ямбарышева, А.А., Михайлова, А.Д. Вопросы обеспечения энергетической безопасности государств // Журнал Инновации и инвестиции. – 2016. – № 9. – С. 55 – 59.
7. Бондаренко, Н. Л. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и как элемент механизма пруденциального регулирования / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская // Российский правовой журнал. – 2021. – № 2(7) – С. 60-77.
8. Обеспечение энергетической безопасности Республики Беларусь в условиях формирования общего рынка энергоресурсов международных организаций региональной интеграции // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 21 окт. 2021 г. В 2 ч. Ч. 1 / Белорус. гос. ун-т ; ред кол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021 – с. 136-142.

9. Бондаренко, Н.Л. Правовые проблемы интеграции России и Беларуси // Торговля в экономической системе: теория и практика: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 мая 2002 г. / Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: Н.Е. Заяц (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2002.– С. 5–6.

10. Каменков, В.С. Правовое регулирование будущего энергоперехода [Электронный ресурс]. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – дата доступа 31.10.2022.

Литвинчук Диана Юрьевна

ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КАК СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОД

Аспирант 3 года обучения, кафедра конституционного права, юридический факультет, Белорусский государственный университет,
litvinchuk.diana27@gmail.com

Аннотация. В статье приводятся примеры применяемых правовых стимулов и правовых ограничений как способов воздействия на административные правонарушения в сфере охраны и использования вод. Рассматривается эффективность таких методов. Предлагаются пути совершенствования правовых стимулов и правовых ограничений по отношению к административной деликтности в сфере охраны и использования вод.

Ключевые слова: правовые стимулы; правовые ограничения; административные правонарушения; административные экологические правонарушения; административные правонарушения в сфере охраны и использования вод.

Как правило, правовое регулирование общественных отношений осуществляется благодаря двум юридическим средствам: правовым стимулам и правовым ограничениям. Административная деликтность при этом не является исключением, на сокращение ее уровня направлены данные правовые средства. Особый интерес представляет анализ способов воздействия на административные экологические правонарушения, в том числе правонарушения в сфере охраны и использования вод, поскольку такие правонарушения причиняют вред государству, обществу, индивиду; являются угрозой экологической безопасности, а количество таких противоправных деяний не сокращается. Все это свидетельствует о необходимости учета особенностей таких правонарушений при применении юридических средств воздействия с целью их предупреждения, в том числе, путем раскрытия потенциала стимулирующих способов воздействия.

Основоположник теории правовых стимулов и ограничений профессор А.В. Малько указывает, что «в информационно-психологическом плане правовыми средствами выступают не сами нормы права, договоры или

правоприменительные акты, а те конкретные меры информационно-психологического воздействия, которые в них содержатся (субъективные права и обязанности, льготы и приостановления, поощрения и наказания и т.п.)» [1]. Также признается, что реальное воздействие на поведение человека оказывают влияние именно стимулы и ограничения.

Отличия между данными правовыми средствами состоит в том, что правовые стимулы побуждают лиц к правомерному поведению через выгодные для них средства, а правовые ограничения призваны сдерживать лиц от противоправного поведения.

В отношении правовых ограничений можно отметить, что это наиболее распространенный способ воздействия на административную деликтность в целом. Так, ограничение фактически проявляется в том, что в кодексе об административных правонарушениях закрепляются составы противоправных деяний – административные правонарушения, за их совершение устанавливаются соответствующие меры административной ответственности.

Предложения по совершенствованию правовых ограничений в форме административной ответственности за совершение административных правонарушений в юридической литературе, как правило, касаются совершенствования системы административных взысканий.

Это предполагает:

- усиление мер административной ответственности, в том числе, путем увеличения размера штрафных санкций.

Стоит отметить, что размеры штрафов за административные правонарушения в сфере охраны и использования вод в Республике Беларусь составляют меньшую сумму по сравнению с рядом зарубежных государств.

При этом в юридической литературе высказывается мнение против ужесточения мер административной ответственности. Так, например, в ряде исследований подчеркивается, что «усиление кары не повышает эффективности наказания» [2, с. 15]. Следовательно, если законодатель установит более жесткие виды взысканий, сама по себе эта мера не будет способствовать предупреждению правонарушений, так как такие меры могут не применяться. По нашему мнению, меры административной ответственности стоит ужесточать после реализации концепции по стимулированию правомерной деятельности субъектов;

- включение в систему административных взысканий в сфере охраны и использования вод новых видов административных взысканий.

В отношении экологических административных правонарушений видится целесообразным включение таких видов взысканий, как административное приостановление деятельности и общественные работы.

При этом с целью совершенствования института административной ответственности за административные экологические правонарушения, по нашему мнению, важно признать необходимость реализации принципа неотвратимости такой ответственности. Данный принцип, как предполагается, по причине введения профилактических мер воздействия, отдельно не

закрепляется в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 года № 91-3 с изм. и доп. от 4 января 2022 года (далее – КоАП). Вместе с тем, полагаем, что в отношении экологических правонарушений не следует применять более льготные условия по освобождению лиц, совершивших такие правонарушения. Так, примечание к главе 16 КоАП фактически содержит положение об «автоматическом» освобождении от административной ответственности лиц при соблюдении ряда условий вне зависимости от категории правонарушения. Стоит также учитывать комплексность окружающей среды, которая подразумевает, что нанесение вреда одному компоненту окружающей среды будет оказывать влияние на состояние окружающей среды в целом. Однако, норма, установленная в примечании к главе 16 КоАП, позволяет освобождать от административной ответственности лиц, которые в течение года совершили экологические правонарушения, но квалифицированные по другим статьям. По нашему мнению, такой подход недопустим в отношении экологических правонарушений с учетом степени их общественной опасности. При этом возмещение вреда, причиненного окружающей среде, как одно из условий для освобождения лица от административной ответственности, по нашему мнению, не должно иметь столь важное значение, поскольку фактически речь идет о замене административной ответственности гражданско-правовой.

В свою очередь, правовые стимулы в сфере охраны окружающей среды направлены на то, чтобы сделать соблюдение природоохранного законодательства выгодным для потенциального субъекта правонарушения – для юридических и физических лиц. Среди таких стимулов могут быть выделены меры материального (экономического), так и морального стимулирования.

Среди материальных (экономических) методов стимулирования правомерной деятельности в сфере охраны окружающей среды можно отметить такие, как льготное кредитование, субсидии, снижение размера налога или вовсе его отмена, премирование. При этом в некоторых государствах предусмотрена частичная компенсация государством стоимости соответствующих передовых установок [3, с. 32].

Большое значение материальные способы поддержки играют для субъектов хозяйствования. Вместе с тем, возникают два основных вопроса:

1. Для чего применять более затратные меры по стимулированию правомерной деятельности, если имеется механизм по привлечению лиц к административной и другим видам ответственности за несоблюдение природоохранного законодательства?

2. Какие субъекты должны вкладывать ресурсы, направленные на стимулирование такой деятельности?

В первую очередь, не всегда у субъектов хозяйствования имеется реальная возможность по соблюдению природоохранного законодательства, такой же подход (стимулирующий) позволяет добиться большего в деле сохранения окружающей среды.

Во-вторых, полагаем, что государство должно являться основным субъектом стимулирования такой деятельности, поскольку государство является ответственным за реализацию права каждого на благоприятную окружающую среду, обеспечение национальной безопасности и отдельного ее вида – экологической. Именно поэтому государство должно стимулировать владельцев промышленных предприятий на внедрение инновационных технологий и развитие экологически безопасных производств. При этом полагаем необходимым привлечение не только бюджетных, но и иных ресурсов (средств), например, со стороны организаций, в том числе банковских. Такие организации могли бы оказать соответствующую экономическую поддержку в деле сохранения окружающей среды.

Среди моральных методов выделяются объявление благодарностей, освещение правомерной деятельности в СМИ. Такие меры также имеют важное значение, а их применение окажет, по нашему мнению, позитивное влияние на профилактику правонарушений, состояние экологической культуры.

Таким образом, правовые стимулы и правовые ограничения, являясь юридическими способами воздействия на административные правонарушения в сфере охраны и использования вод, имеют свои отличительные особенности. Правовые стимулы призваны сделать выгодным для юридических и физических соблюдение природоохранного законодательства путем применения различных материальных (льготное кредитование, снижение налоговой ставки, субсидии, денежные премии и т.п.) и моральных методов стимулирования (объявление благодарностей, размещение информации о правомерной деятельности в СМИ). Полагаем, что без закрепления соответствующих правовых стимулов и без принятия конкретных мер по их реализации невозможна эффективная деятельность по предупреждению административных экологических правонарушений.

При этом наиболее классическим способом воздействия на административные правонарушения с целью их предупреждения является применение правовых ограничений. Само по себе установление в КоАП составов административных правонарушений в сфере охраны и использования вод и санкций за их совершение уже является правовым ограничением. Для эффективной реализации такого способа воздействия на административные правонарушения в сфере охраны и использования вод, как правовые ограничения, следует усилить меры административной ответственности, пересмотреть систему административных взысканий и включить в нее новые виды административных взысканий, а также признать необходимость реализации принципа неотвратимости административной ответственности за экологические правонарушения, принять конкретные меры по реализации вышеуказанных положений.

Правовые стимулы и правовые ограничения связаны между собой, и, по нашему мнению, с целью эффективной профилактики правонарушений в сфере охраны и использования вод следует на первом этапе обеспечить внедрение и реализацию правовых стимулов, на втором – повысить эффективность

института административной ответственности в сфере охраны и использования вод.

Список использованных источников:

1. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник [Электронный ресурс] / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 2004. – Режим доступа: https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/TGP_Matuzov_Malko.pdf. – Дата доступа: 10.11.2022.
2. Гальперин, И. М. Наказание: социальные функции, практика применения / И. М. Гальперин. – М. : Юрид. лит., 1983. – 208 с.
3. Амирджаниян, А. А. Ответственность за преступления в сфере экологии по законодательству зарубежных стран / Анаит Аршалуйсовна Амирджаниян // Экологическое право : федеральный журнал : научно-практическое и информационное издание. – 2020. – № 5. – С. 30–32.

Олесько Сергей Сергеевич

ПРИНЦИП УМАЛЧИВАНИЯ В ПРАВЕ ИЛИ ПРОБЕЛ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аспирант 3 года обучения кафедры конституционного права,
юридический факультет, Белорусский государственный университет;
помощник прокурора, прокуратура Россонского района Витебской области,
daruta05@live.com

Аннотация. Поднимается проблемный вопрос, обусловленный наличием пробела в механизме защиты конституционных ценностей. Рассматривается ситуация, связанная с избеганием государством юридической ответственности за неправомерное по его вине ущемление конституционных ценностей. Для обозначения данного феномена предлагается введение новой категории «принцип умалчивания в праве». На конкретном примере доказывается существование указанного феномена. Предлагается решение сложившейся проблемы.

Ключевые слова: конституционные ценности; механизм защиты конституционных ценностей; принцип умалчивания в праве.

Как система правовых норм право остаётся мёртвым до тех пор, пока для его реализации не сконструирован слаженный эффективный механизм, в котором каждый отдельный элемент выполняет определённую, заданную ему, функцию в целях достижения общего ожидаемого результата. В таком смысле правовые (юридические) институты выступают в роли шестерёнок, приводящих весь механизм в действие, а поэтому от их функционирования прямо пропорционально зависит то, будет ли достигнута поставленная цель. Легализованные на уровне конституции, ценности запускают этот механизм в действие, определяя режим его работы, ведь для их защиты этот механизм и существует.

Правовой доктриной выработано множество определений категории «механизм», и мы не станем на них останавливаться ввиду того, что выше обозначили его видение с нашей точки зрения. Однако учёными-юристами упускается из виду один по-настоящему важный вопрос о том, *что же всё-таки является мерилom реального функционирования такого механизма*. И для того, чтобы проиллюстрировать всю значимость поднятого вопроса, в следующем тезисе скажем об одной казалась бы очевидной истине: **«право просто не имело бы никакого смысла, если бы отсутствовал механизм защиты ценностей, которые оно охраняет»**. По этой причине правовые нормы, практика применения которых на протяжении длительного времени их действия так и не сформировалась, (нормы, обладающие номинальным характером) именуют мёртвыми. Как ничто иное, данная реплика приводит нас к логическому умозаключению о серьёзности вышеуказанного вопроса.

Практика показывает, что, как правило, пробелы в механизме защиты конституционных ценностей вызваны не объективными, а субъективными причинами (некачественное изучение социальных и иных детерминантов правообразования, правовая неопределённость, отсутствие единого подхода к интерпретации правоположений и мн.др.). Соответственно, они связаны с человеческим фактором, а поэтому могут быть устранены.

Однако нас интересует несколько иная ситуация, в частности когда механизм защиты не реализуется вовсе или реализуется не в полном объёме по иной причине – связанной с отсутствием должной реакции государства на ущемление конституционных ценностей. Речь, по сути, идёт о занятии государством в лице его уполномоченных органов и лиц позиции избегания юридической ответственности за допущенные им неправомерные стеснения реализации таких высших конституционных ценностей как права и свободы личности или, иначе говоря, феномене **«принцип умалчивания в праве»**.

Рассмотрим названный феномен на конкретном примере. Одним из средств «принудительной профилактики правонарушений», применяемых в Республике Беларусь, является направление граждан в лечебно-трудовой профилакторий с обязательным привлечением к труду. Ввиду применения к данным лицам правоограничительных мер, реализация их прав и свобод, в первую очередь права на труд, являющихся высшими конституционными ценностями, существенным образом стесняется. Поэтому применение таких мер должно являться конституционным.

Здесь же обозначим свою позицию относительно конституционности Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» в части обязательного привлечения граждан к труду. Это положение противоречило ч. 4 ст. 41 Конституции Республики Беларусь (до внесения в неё корректив на республиканском референдуме 27 февраля 2022 года) о том, что принудительный труд запрещается, кроме как по приговору суда. Видится, что указание конкретного судебного правоприменительного акта говорило о повышенной значимости и охране права на труд. Однако о

привлечении граждан к принудительному труду суды выносили решение. Поэтому решения, вынесенные вопреки конституционному запрету, следует признать неконституционными.

В настоящее время ч. 4 ст. 41 Основного Закона Беларуси содержит запрет на принудительный труд, но есть исключение – на основании любого судебного постановления. Тем самым решён вопрос о неконституционности выносимых судами решений. И изменение названного положения указывает на то, что государство фактически признало это. Тем не менее, для граждан, в отношении которых вынесены такие решения, юридических последствий это не повлекло, в т.ч. потому, что по настоящее время при решении вопроса о сроке направления в ЛТП судами учитываются неконституционные факты предыдущего направления.

Примечательно и парадоксально интересно, что законоположения об обязательном привлечении граждан, направляемых в лечебно-трудовой профилакторий, к труду не признаны Конституционным Судом Республики Беларусь неконституционными. Тем самым государством занята позиция умалчивания, что не соответствует целям и сущности механизма защиты. Очевидно, что речь о признании государством собственной ошибки, и это может повлечь для него различные негативные последствия, в т.ч. в виде предъявления многочисленных исков о возмещении вреда, причинённого нарушением конституционных прав и свобод граждан.

Несмотря на это, в целях надлежащего функционирования механизма защиты, в первоочередном порядке решительные меры должен принимать именно орган конституционного правосудия путём признания положений нормативных правовых актов, включая ранее действовавших, на основании которых ущемлены конституционные ценности, неконституционными. Тем самым будет скоординирована правозащитная деятельность иных структур. Ведь не вызывает сомнения, что в утилитарном смысле мерилom реального функционирования механизма защиты конституционных ценностей будет являться исчерпывающее применение государством мер, направленных на заглаживание последствий от неконституционного стеснения реализации конституционных ценностей.

Петрова Людмила Ивановна

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В
РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Магистрантка 1 курса юридического факультета Белорусского
государственного университета

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос внедрения электронного здравоохранения в Республике Беларусь как один из основных векторов реализации

социальных гарантий на доступную медицинскую помощь и лечение. Автором проводится анализ законодательства, связанного с развитием информационно-коммуникационных технологий в области здравоохранения.

Ключевые слова: здоровье населения; электронное здравоохранение; телемедицина; eHealth; информационно-коммуникационные технологии.

Здоровье человека и его жизнь всегда являлись и будут являться одними из самых важных ценностей для каждого из нас. Право на охрану здоровья и на медицинскую помощь занимает особое место в системе конституционных прав и свобод личности, реализация которого направлена на обеспечение достойной жизни каждого члена общества. Коренным условием успешной реализации стратегии социально-экономического развития страны выступает совершенствование системы здравоохранения, что требует пристального внимания государства к разработке механизмов реализации конституционных гарантий в отношении охраны здоровья граждан и создания надежной системы защиты их прав.

Электронное здравоохранение является глобальным мировым явлением, позволяющим вывести оказание медицинской помощи на качественно новый уровень.

Впервые производные «электронного здравоохранения» такие как «телемедицинская система» и «телемедицинский центр» были введены в обиход научными исследователями, одним из которых являлся профессор Кеннет Тимоти Берд (1971 год), который осуществил два научных проекта по созданию «телемедицинской сети». Им были проведены научные исследования, результатом которых стало обоснование концепции «телемедицины» как дистанционного оказания медицинской помощи с применением технологий электросвязи, научный термин «телемедицина» был принят профессиональным сообществом [1].

Наряду с «электронным здравоохранением» в настоящее время мы можем слышать такие понятия как «телемедицина», «теледиагностика», «электронная медицина», «информационно-коммуникационные технологии в медицине». Непосредственно понятие «электронное здравоохранение» впервые вошло в употребление в 1999 году, которое имело чисто практическое значение для обозначения комплекса организационных и технических средств для улучшения качества медицины.

В мае 2005 года на Пятьдесят восьмой сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения была принята резолюция WHA58.28 по электронному здравоохранению (eHealth), которая признала, что электронное здравоохранение является экономически эффективной и надежной формой использования информационно-коммуникационных технологий в интересах здравоохранения и связанных с ним областей, включая службы медико-санитарной помощи, медицинский надзор, медицинскую литературу, медицинское образование, знания и научные исследования в области здравоохранения [2].

Со времени принятия резолюции информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) заняли одно из ведущих мест в обеспечении безопасности здоровья граждан, оказании медицинских услуг и преобразовании систем здравоохранения во всем мире, а также для более эффективного использования ресурсов, в первую очередь, финансовых [3].

В Республике Беларусь реализуется проект по созданию национальной системы электронного здравоохранения, которая становится объективной реальностью, обеспечивает полноту и достоверность медицинской информации, существенно улучшает качество оказания медицинской помощи.

Его реализация позволяет пациентам использовать: онлайн-доступ к информации здравоохранения, в том числе с помощью мобильных устройств, дистанционное лечение, электронные рецепты, запись к врачу через сеть Интернет, усиление и реформирование национальных систем информации здравоохранения [4].

В настоящее время развитие электронного здравоохранения является одним из приоритетных векторов государственной политики Республики Беларусь. За 2018-2021 годы в стране приняты ряд важных документов, определяющих основные направления ИКТ в сфере здравоохранения. Приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 20 марта 2018 г. № 244 «Об утверждении концепции развития электронного здравоохранения Республики Беларусь» была утверждена Концепция развития электронного здравоохранения Республики Беларусь на период до 2022 года.

Ее целью является содействие совершенствованию качества медицинской помощи посредством прямого обмена информацией между всеми уровнями оказания медицинской помощи и внедрения системы информационной поддержки для принятия клинических решений (ч. 3 Концепции развития электронного здравоохранения до 2022 года).

Для реализации основных направлений Концепции развития электронного здравоохранения Республики Беларусь на период до 2022 года необходима была корректировка законодательства, т.к. электронное здравоохранение затрагивает широкий круг новых общественных отношений. С этой целью в Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении», в 2020 г. были внесены изменения по вопросам электронного здравоохранения, которые вступили в силу 23.07.2021 года. Данные изменения расширяют и улучшают права пациентов:

1. В статью 1 внесены новые понятийные термины, такие как «качество медицинской помощи», «медицинский документ», «электронный медицинский документ», «электронная медицинская карта пациента» [5].

2. Статья 8 дополнена полномочиями Совета Министров и Министерства здравоохранения в порядке разработки, формирования, ведения и эксплуатации информационных систем.

3. Закон дополнен главой 7 «Информационное обеспечение в области здравоохранения», которая будет регулировать вопросы информационного обеспечения в области здравоохранения.

4. Появляется централизованная информационная система здравоохранения, в которой будет храниться и обрабатываться медицинская информация (ст. 37-6), но одновременно в статье 41 закреплено право пациента на отказ от внесения информации, составляющей врачебную тайну, в централизованную информационную систему.

Так же для успешной реализации Концепции постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 мая 2021 г. № 267 утверждено «Положение о порядке функционирования и использования централизованной информационной системы здравоохранения» (далее – ЦИСЗ).

Основными задачами функционирования ЦИСЗ является развитие электронного здравоохранения, сбор, накопление, хранение информации о состоянии здоровья пациентов, защита информации, содержащейся в ЦИСЗ, создание единого электронного архива медицинской информации о пациентах на основе электронной медицинской карты пациента, обеспечение функционирования системы поддержки принятия клинических решений, обеспечение межведомственного информационного взаимодействия в порядке и на условиях, определенных законодательством, предоставление доступа гражданам к услугам в области здравоохранения с использованием личного электронного кабинета пациента [6].

Следует отметить, что не смотря на хорошие темпы развития в Республике Беларусь электронного здравоохранения, существуют вопросы, которые требуют более детального подхода:

1. Равномерное территориальное развитие информатизации здравоохранения республики с целью предоставления равной доступности медицинского обслуживания сельского и городского населения;

2. Взаимодействие и укрепление сотрудничества в области информационно-коммуникационных технологий между государственным и частным медицинскими секторами.

В стране проделана глобальная работа по выполнению государственных гарантий по улучшению качества и доступности медицинской помощи и лечения независимо от места проживания и социального статуса. Применение новых информационных технологий в медицине имеет не только огромное социально-экономическое значение, но и выводит отрасль здравоохранения на новый уровень.

На наш взгляд, практика применения в Республике Беларусь электронных технологий в здравоохранении с каждым годом доказывает свою высокую эффективность. Достигнув поставленной цели, мы сможем поднять на новую ступень оказание медицинской помощи между организациями здравоохранения всех уровней, повысить оперативность принятия решений по диагностике и лечению пациентов, а значит повысить качество реализации права на медицинскую помощь.

Список использованных источников

1. Владимирский А.В. История научного обоснования концепции «телемедицины»: вклад исследовательской группы профессора К.Т.Берда//История и современное мировоззрение. 2002. Т.4. №2. С.95-103. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-2-95-103.
2. Пятьдесят восьмая сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения: резолюции и решения: приложение: Всемирная организация здравоохранения, WHA58/2005/REC/1/Женева, 16-25 мая 2005 г. С. 119-121.
3. Концепция развития электронного здравоохранения Республики Беларусь на период до 2022 года: Приказ Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 20.03.2018г., № 244// Режим доступа: <https://belcmt.by/ru/sanitation>. – Дата доступа: 03.10.2022.
4. Особенности и достижения национальной системы здравоохранения, [Электронный ресурс] –Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/social/healthcare/nacionalnaya-sistema><https://president.gov.by/ru/belarus/social/healthcare/nacionalnaya-sistema>. – Дата доступа: 03.10.2022.
5. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 дек. 2020 г., № 94-3// Право.by. Национальный правовой портал Республики Беларусь. – Минск, 2022.
6. О порядке функционирования и использования централизованной информационной системы здравоохранения: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 мая 2021 г., № 267// Право.by. Национальный правовой портал Республики Беларусь. – Минск, 2022.

Ребицкая Екатерина Витальевна

**ВМЕШАТЕЛЬСТВО ТНК В ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ
ГОСУДАРСТВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Аспирант 2 года обучения кафедры государственного управления,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,

rebitskayaev@yandex.by

Аннотация. В современном мире информационная сфера приобретает ключевое значение в развитии любого государства. Вместе с тем трансформация социума в информационное общество порождает новые угрозы не только со стороны государств, но и юридических лиц, и напрямую затрагивает вопросы защиты информационного суверенитета государств. В статье аргументируется потенциальная угроза ТНК в отношении государственного информационного суверенитета и предлагается способ по предупреждению данной угрозы на международном уровне.

Ключевые слова: информационный суверенитет; информационная безопасность; ТНК; международная безопасность; кибербезопасность.

Динамичное развитие средств коммуникации, совершенствование технологий информационного воздействия в рамках интернет-платформ, контролируемых ТНК, поставили в повестку дня многих государств настоятельную потребность защиты информационного суверенитета. Актуальность темы исследования вызвана значительным усилением роли ТНК

на международной арене в области формирования глобального информационного пространства.

Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы, рассматривающие вопросы функционирования ТНК и их воздействие на ход и характер построения информационного общества (П.А. Цыганков, И.Я. Киселева, М.М. Лебедев, Л.А. Лунц, Р. Кеохейа, Б. Коэн, Ф. Миллард), а также научные труды, посвященные проблематике защиты информационного суверенитета (И. С.Ашманов, М.С.Азаров, М. М. Кучерявый, Н.О.Мороз, Ю.А. Караулова).

Цель работы – определить способы обеспечения защиты государственного информационного суверенитета от вмешательств со стороны ТНК.

Содержание понятия «суверенитет» было впервые сформулировано в решении Постоянной палаты третейского суда по делу об острове Пальмас. Так, Постоянная палата третейского суда указала, что «суверенитет в отношениях между государствами означает независимость. Независимость в отношении части земного шара представляет собой право осуществлять там, исключая любое другое государство, функции государства [1, с.838].

Взаимосвязь между понятиями «суверенитет» и «внутренние дела» была разъяснена Международным Судом ООН в решении по делу о военных и полувоенных действиях в Никарагуа и против нее (Никарагуа против США). В частности, Международный Суд ООН указал, что «данный принцип запрещает всем государствам или группам государств прямо или косвенно вмешиваться во внутренние или внешние дела других государств. Соответственно, запрещенное вмешательство должно иметь отношение к вопросам, в которых каждому государству разрешено свободно принимать решения на основании принципа государственного суверенитета. Один из них – это выбор политической, экономической, социальной и культурной системы, а также формулирование внешней политики» [2, с.14]. Такая позиция была также поддержана в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г., где закреплено, что «каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету».

Повсеместная цифровизация общества привела к размыванию категории «государственный суверенитет», расширяя границы ее классического понимания. Так появился новый вид суверенитета – информационный суверенитет. Один из ключевых российских разработчиков концепции информационного суверенитета И. С. Ашманов рассматривал его, в первую очередь, как возможность обеспечить уверенную работу всех государственных структур в условиях искусственно создаваемой информационной турбулентности. Ученый и практик М. М. Кучерявый уточняет и детализирует это определение: «Информационный суверенитет – это верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации

информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве» [3, с.12]. Аналогичную точку зрения высказывает китайский ученый профессор Пекинского университета Вэньсян Гонг. Он подчеркивает, что внутренний информационный суверенитет подразумевает верховную власть государства при принятии решений и поддержании информационного порядка в стране [4, с.129].

На международной арене вопросы информационного суверенитета регулируются нормами мягкого права (Конвенцией об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) 2011 года; Таллиннским руководством 2.0), а также нормами международной морали. Наиболее значимыми источниками норм международной морали в части определения правил ответственного поведения государств в киберпространстве являются отчеты Группы правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций. Вместе с тем на международном уровне отсутствует единый нормативный акт, регламентирующие вопросы обеспечения защиты государствами своего информационного суверенитета, что вынуждает государства совершать попытки урегулирования данной проблемы в рамках национальных законодательств.

Определение информационного суверенитета присутствует в нормативных документах и Республики Беларусь, и в ряде стран ближнего и дальнего зарубежья. В соответствии с п.8 Главы 3 Постановления Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» информационный суверенитет Республики Беларусь представляет собой неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность.

Необходимо отметить, что белорусский термин «информационный суверенитет» в меньшей степени направлен на определение границ суверенной власти Республики Беларусь в киберпространстве. В первую очередь, термин сформулирован в русле традиционного понимания суверенитета в международном праве [5, с.201].

В Законе Украины «О национальной программе информатизации» информационный суверенитет государства определяется как «способность государства контролировать и регулировать потоки информации из-за пределов государства в целях соблюдения законов Украины, прав и свобод граждан, гарантирования национальной безопасности государства».

Любопытной является китайская практика обеспечения защиты информационного суверенитета. Еще с 2003 года в КНР была создана система фильтрации и блокировки доступа китайским гражданам к информационным ресурсам и контенту, запрещенным правительством страны – система «Золотой

щит», более известная в западных СМИ как «Великий китайский файервол» (The Great Firewall of China). С 2010 года в государстве активно развивается так называемая концепция «интернет суверенитета», которая нашла отражение в «белой книге» под названием «Интернет в Китае». Данная концепция неоднократно подвергалась критике со стороны американских и европейских политиков и журналистов. Джеймс Ареди на страницах журнала «The Wall Street Journal» отмечал, что «председатель КНР Си Цзиньпин с помощью консерваторов в правительстве, учёных, военных и использования высоких технологий стремится к тому, чтобы оказывать влияние на весь цифровой мир Китая, от полупроводников до социальных медиа». А редакция газеты «The Washington Post» опубликовал статью «Страшный урок Китая для мира: Цензура интернета работает», в которой осуждала политику китайского правительства, как нарушающую права человека [6, с.78]. На наш взгляд, данный подход действительно довольно радикален, однако его введение нельзя назвать бесосновательным.

В настоящее время цифровые ТНК-монополисты (такие как Google, Meta, Microsoft) полностью контролируют не только глобальное интернет-пространство, создавая информационное поле, но и могут осуществлять контроль за локальными точками доступа, внедрив свои операционные системы в ПК практически любого человека. Последние несколько десятилетий на микропроцессорном рынке господствуют две американские компании: Intel и AMD. Подавляющее большинство серверных и настольных компьютеров основано именно на их процессорах. Данное обстоятельство не только ставит другие страны в зависимость от продукции американских корпораций, но и в перспективе может стать средством вмешательства в информационный суверенитет государств. Ещё в 2005 году Научный совет министерства обороны США опубликовал отчёт, в котором была отмечена опасность производства процессоров за пределами США. В документе подчёркивалось, что существует возможность намеренного изменения процессора в ходе проектирования или производства, что может поставить под угрозу национальную безопасность. Данная угроза некоторое время считалась гипотетической, но в 2013 г. её реальность, опытным путем доказали: Георг Беккер, Франческо Регаццони, Кристоф Паар и Уэйн Берлесон. Эта интернациональная команда учёных, возглавляемая профессором из университета штата Массачусетс Г. Беккером, смогла создать две версии «трояна аппаратного уровня» [6, с.84]. Следовательно, внедренный в процессор «троянский конь» или «аппаратная закладка» могут оставаться незамеченными, угрожая не только государственному информационному суверенитету, но и национальной безопасности страны в целом.

Кроме того, практика последних лет подтверждает, что акты по тайному сбору информации в киберпространстве, которые совершаются либо при непосредственном участии ТНК, либо с использованием ТНК как инструмента преступления, становятся не исключением, а нормой на международной арене. В подтверждение этого можно привести историю с китайской шпионской

киберсетью GhostNet, в результате деятельности которой были взломаны не менее 1295 информационных систем в 103 государствах мира. В частности, 30 % таких информационных систем находились в правительственных структурах различных государств: по 11 – в Министерстве иностранных дел Бутана и в посольстве Мальты в Бельгии и семь – в посольстве Индии в США. Были взломаны также восемь информационных систем в офисе крупнейшего оператора связи Венесуэлы; три – в офисах Азиатского банка развития и более 150 компьютеров – в штаб-квартирах торговых союзов Вьетнама и Тайваня. По одной взломанной информационной системе было обнаружено в посольствах Португалии, Румынии, Кипра, Индии, Таиланда, Германии, расположенных в разных странах мира, и в штабе Верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Также десятки информационных систем были взломаны в организациях, борющихся за независимость Тибета, в том числе в штаб-квартирах различных протибетских организаций в Нью-Йорке, Лондоне, Брюсселе и Женеве [7, с.73]. Подобные нарушения совершаются и в отношении отдельных физических лиц. Например, в начале октября 2022 года некоммерческая система здравоохранения США Advocate Aurora Health уведомила более 3 млн. своих пациентов о нарушении их конфиденциальности из-за использования Meta* Pixel. Ранее медицинские компании США уведомляли своих пациентов о том, что сайты больниц, использующие Pixel, непреднамеренно передавали данные пациентов Facebook. Собранные данные включали: диагнозы пациентов; медицинские назначения; имена поставщиков; контактные данные пациентов; IP-адреса; информацию о приемах пациентов врачами [8]. Ранее кампания Meta неоднократно была уличена в незаконном сборе конфиденциальной информации, в особенности пользователей Facebook.

Из вышеотмеченного становится очевидным то, что ТНК могут вмешиваться в информационный суверенитет государств (как непосредственно, так и опосредовано), затрагивая следующие его аспекты: идеологический и технический. Идеологический аспект подразумевает проведение государством собственной политики по наполнению и развитию информационного пространства, повышению уровня массовой культуры, контролем за системой пропаганды, а также усовершенствованного законодательства в области информации и информатизации. К техническому аспекту относятся: наличие национального программного обеспечения, электронной платежной системы, собственные социальные сети и т.п.

Следует отметить, что неурегулированный правовой статус ТНК на международной арене не позволяет рассматривать их в качестве субъекта преступлений и привлекать к международно-правовой ответственности. Привлечение же к ответственности в рамках национальных законодательств усложняется трансграничным статусом компаний и отсутствием в большинстве стран уголовной ответственности для юридических лиц.

Таким образом, в настоящее время деятельность ТНК может выступать средством вмешательства в информационный суверенитет государств путем

формирования информационной повестки в глобальном информационном пространстве, сборе данных пользователей интернет-площадок, кибершпионаже и т.д. Отсюда возникает острая необходимость выявления способов регулирования деятельности ТНК в области обеспечения защиты информационного суверенитета государств на международном уровне. Решение данной проблемы возможно путем внесения в Таллинское руководство 2.0 нормы, акцентирующей внимание на потенциальной угрозе государственному информационному суверенитету со стороны ТНК, а также разработки международного договора по вопросам защиты информационного суверенитета государств.

Список использованных источников

1. Island of Palmas case (Netherlands, USA) // Reports of international arbitral awards, 4 April 1928. – Vol. II. – P. 829-871 (P. 838)
2. Military and Paramilitary Activities in und against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986, p. 14, para 205.
3. Кучерявый М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира / М.М.Кучерявый // Управленческое консультирование. – 2014. – № 9 (69). – С. 8-15.
4. Gong Wenxiang. Information Sovereignty Reviewed // Peking University. Intercultural Communication Studies. 2005. Vol. XIV. Issue 1. P. 119–135.
5. Мороз, Н.О. Информационный суверенитет как основа обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь / Мороз Н.О. // Конституционное право как фактор динамичного развития белорусского государства: история и современность : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 15 окт. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Василевич (гл. ред.), А. В. Шавцова; В. Е. Петухова. – Минск : БГУ, 2021. – С.199-203.
6. Бухарин, В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности / В.В.Бухарин // Вестник МГИМО. – 2016. – № 6(51) – С.76-91.
7. Гаркуша-Божко, С.Ю. Проблема кибершпионажа в международном гуманитарном праве / С.Ю. Гаркуша-Божко // Московский журнал международного права. – 2021. – №1. – С.70-80.
8. Securitylab.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.securitylab.ru/blog/personal/Business_without_danger/29565.php. – Дата доступа: 25.10.2022.

Рожок Елена Петровна

ЗАЩИТА СЕМЬИ И ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТРУКТУРЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Соискатель кафедры политологии юридического факультета, Белорусский государственный университет, г.Минск, Беларусь,
alena razhok@bsu.by

Аннотация. В статье отражены основные принципы государственной семейной политики Республики Беларуси, анализируются направления государственной политики, приоритеты и индикаторы устойчивого развития. Отражены важнейшие задачи семейной

политики, главными задачами которой являются престиж и авторитет семьи, пропаганда многодетной семьи.

Ключевые слова: семейная политика, принципы государственной семейной политики, семейные ценности, семья.

Среди провозглашенных ООН целей устойчивого развития под номером три зафиксировано «обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте». Указанная цель тесно связана с сохранением здоровья, защитой материнства и детства, а также семьи и традиционных семейных ценностей и имеет высокую значимость для Республики Беларусь. Изменения и дополнения, внесенные в Основной Закон об этом свидетельствуют: статья 32 закрепила определение брака как союза женщины и мужчины, гарантирует защиту государства по отношению к семье, материнству и детству. Охрана материнства и детства в Беларуси является важнейшим направлением государственной социальной политики.

Как подчеркнул Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в докладе на шестом Всебелорусском народном собрании, «семейная политика, десятилетия ее развития позволили сформировать мощный комплекс мер поддержки семей с детьми. Системой пособий охвачен каждый четвертый ребенок в нашей стране». В результате за две пятилетки почти удвоилось количество многодетных семей [1].

Основы семейной политики на законодательном уровне закреплены в Конституции Республики Беларусь, в Законе Республики Беларусь «О семье и браке» в редакции от 19 мая 2022 г. № 171-3, в Указе Президента Республики Беларусь от 21.01.1998 № 46 (в редакции от 28 декабря 2007 г. № 676) «Об утверждении основных направлений государственной семейной политики». Указ фиксирует следующие основные принципы государственной семейной политики: непреходящая ценность семьи для жизни и развития человека, понимание важности семьи в воспитании и социализации поколений, передаче культурных и нравственных ценностей, традиций нации, достижении общественной стабильности и прогресса, учета коренных интересов семьи и принятия мер по их социальной поддержке. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. фиксирует стратегические приоритеты и индикаторы устойчивого развития, среди которых: «качественное воспроизводство человеческого потенциала и эффективное его использование. Основными составляющими качественного воспроизводства человеческого потенциала выступают генофонд нации, интеллект и культурное развитие, уровень здоровья и трудовой активности, получение достойной оплаты труда»

Семья первичная ячейка общества, жить семьей, традиция, естественно вырастающая из биосоциальной природы человека, которую на самом деле невозможно отменить, но которую в то же время следует разумно культивировать. Семейные традиции включают в себя культурное наследие, обычаи, порядки, которые хранятся в течение длительного времени и

передаются от поколения в поколение. Основой семейных ценностей является забота о ближнем, верность, любовь, уважение и правильное, единое понимание семьи и роли ее в жизни человека. Семья, как основа общества, возможна при общем взаимодействии мужа, жены, детей, старшего поколения [2, с.209]. В свою очередь, система семейных ценностей определяет создание значимых проектов, служащих формированию общества.

Важнейшей частью семейной политики в нашей стране является формирование престижа и авторитета семьи и пропаганда многодетной семьи. С 1996 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь 14 октября отмечается День Матери. Обращаясь к белорусскому народу, Президент А. Г. Лукашенко подчеркнул, что «День матери – это не только дань глубокого уважения и любви тем, кто подарил жизнь. Это признание на государственном уровне важнейшей роли женщины в развитии общества, подтверждение того, что семья и материнство являются приоритетами социальной политики страны» [1].

Президент Республики Беларусь выступил с инициативой об учреждении Дня отца, который был установлен для празднования 21 октября [1]. Таким образом, заложена традиция с 14 по 21 октября проводить родительскую неделю.

Однако, в реализации семейной политики есть сложности. В последние годы в стране складывается ситуация депопуляции населения. Семейная политика, направленная на поддержку брака и семьи, является главным условием перехода от депопуляции к естественному приросту населения. Семейная политика государства призвана решать вопросы создания благоприятной среды для жизнедеятельности семей, а также вопросы финансового стимулирования деторождения. Основные проблемы, связанные с реализацией семейной политики, включают: вопросы рождаемости, охраны материнства и детства; материальные проблемы: пособия по уходу за ребенком, возможности строительства жилья, семейный капитал. Поддержка многодетных семей проходит своего рода «красной нитью» в реализации государственной политики по поддержке семьи.

Белорусский социолог Н. А. Сосновская выделили составляющие семейной политики: «финансовое стимулирование деторождения, дружественное родителям законодательство, которое включает отпуска по уходу за ребенком, гибкий рабочий график, а также развитие сервисов, предоставляющих услуги по уходу и воспитанию детей [3, с.260]. Однако применение финансовых рычагов, как единого средства укрепления семьи, недостаточный инструмент в вопросе укрепления семьи и семейных ценностей. Ценность семьи должна прививаться с самых юных лет, т.е. должна быть органичной для человека.

К сожалению, широкая материальная и социальная поддержка роста рождаемости пока эту проблему решить в полном объеме не смогла.

По данным переписи населения в 2019 г. в Беларуси насчитывалось 4 319,7 тыс. частных домохозяйств, к которым относятся как группы лиц,

совместно проживающих и ведущих общее хозяйство, так и одинокие люди. Общее число домохозяйств увеличивается, но число семей сокращается. За межпереписной период (2009–2019) число семей уменьшилось, так же сократилось число семей с несовершеннолетними детьми. Растет число семей с одним родителем. [4, с.60].

В результате изменений снизился и средний размер семьи, который по данным переписи 2019 года составил 2,9 человека (3,0 человека в 2009-м). В предыдущих переписях наблюдалась дифференциация по среднему размеру семьи по типу поселения: в сельской местности значение было чуть выше за счет пожилых родителей, дети которых уехали в города. По данным за 2019 г., такая дифференциация сохранилась только в отношении среднего размера домохозяйств. [4, с.61].

В рамках государственной поддержки многодетных семей предусмотрены социальные льготы: обеспечение жильем, льготное кредитование.

Таким образом, проводимая белорусским государством семейная политика, направленная на поддержку семьи, сохранение семейных ценностей, защиту материнства и детства, поддержку связи между поколениями, в нашем обществе, востребована различными социальными слоями и служит устойчивому развитию Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Лукашенко, А.Г. Послание Президента белорус. народу и Нац. собр., 28 янв. 2022 г. / А.Г. Лукашенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/> .- Дата доступа: 22.11.2022.)
2. Киселева Л.Г., Васильева С.Н., Михайлова И.В., Песьякова Н.В., Тишкова Ю.С. Семейные традиции в современном обществе // МНИЖ. 2022. №4-3 (118). 209-212.
3. Сосновская, Н.А. Семейная политика Республики Беларусь: социологический анализ оценки эффективности / Н.А Сосновская // Социологический альманах. – 2016 . – С. 256-263.
4. Боброва Анастасия, Живица Алексей. Семейная политика в Беларуси – приоритет социальной и демографической политики // Белорусская думка. 2021. № 7. С.58-65.
5. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Минск: Национальный центр правовой информации. Республики. Беларусь, 2022. - 45с.
6. Об утверждении основных направлений государственной семейной политики. Указ Президента Республики Беларусь от 21.01.1998 № 46 (в редакции от 28 декабря 2007 г. № 676) – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс].– Режим доступа: <https://pravo.by> - Дата доступа: 22.11.2022.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ.....	3
Авдеев В. А., Авдеева О. А. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ	3
Бекета В. М. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	7
Василевич Г. А. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	14
Вегера И. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	20
Дашкевіч А. Л. АСОБНЫЯ АСПЕКТЫ РЭАЛІЗАЦЫІ НАВЭЛАЎ КАНАСТЫТУЦЫІ І РАЗВІЦЦЁ КАНАЦЭПЦЫІ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ БЯСПЕКІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ.....	26
Демичев Д. М. ВСЕБЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ	31
Крылатова И. Ю. РОЛЬ ИНСТИТУТА ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	38
Ладутько В. К. К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЛИКТНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	42
Лосев В. В. НЕЗАКОННЫЕ СБЫТ И ПРИОБРЕТЕНИЕ БАЗ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАНЫХ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПРЕДПРИЯТИЙ	49
Минько Н. С. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПОНИМАНИЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (СТРОИТЕЛЬСТВА) БЕЛАРУСИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ	55
Станкевич О. Г. О ПРИНЦИПЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	63
Скобелев В. П. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НА ГРАЖДАНСКОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.....	68
Телятицкая Т. В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИНХРОНИЗАЦИИ «ЦИФРОВОГО» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ ЕАЭС	74
Толочко О. Н. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ	79

Чешко В. Ю. ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	85
Шаршун В. А. ЦИФРОВОЙ НОРМОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ЭЛЕМЕНТ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА.....	92
Шахновская И. В. ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	98
Шупицкая О. Н. НОВЕЛЛЫ БЕЛОРУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ.....	104
СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОВЕЛЛ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»	107
Василевич С. Г. О НАПРАВЛЕНИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРИЗЫВЕ НА ВОИНСКУЮ СЛУЖБУ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	107
Кондратович Н. М. КОНСТИТУЦИОННЫЕ НОВЕЛЛЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН).....	113
Масловская Т. С. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	118
Сазон К. Д. О ПРОЕКТЕ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О ВСЕБЕЛОРУССКОМ НАРОДНОМ СОБРАНИИ».....	124
Сенькова Т. В. ТРЕБОВАНИЕ ДОПУСТИМОСТИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ.....	129
Синицына А. М. ПРАВО НА ДОСТУП К КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВОСУДИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	133
Скороход И. Г. ОБ ОБЯЗАННОСТИ КАЖДОГО ПРОЯВЛЯТЬ СОЦИАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	138
Щербик Д. В. ГАРАНТ КОНСТИТУЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ	144
СЕКЦИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА, ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА»	149
Мороз О. В. ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ КРУГА ОБЪЕКТОВ ПРАВОВЫХ ФОРМ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	149

Руденя Ю. Е. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ СУММ НАЛОГОВ	154
Самарин В. И. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ	159
Селезнев Ю. В. ПРАВО, ГОСУДАРСТВО, СУВЕРЕНИТЕТ: «ЛИНЕЙКИ ДЕРИВАТИВНОСТИ»	164
Шингель Н. А. ВЕДЕНИЕ РЫБОЛОВНОГО ХОЗЯЙСТВА: МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	171
СЕКЦИЯ «ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ПРАВА»	175
Антанович Н. А. СОХРАНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ ГОСУДАРСТВ И НАРОДОВ В СТРУКТУРЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	175
Бондаренко Н. Л., Гладкая Е. Н., Конаневич Ю. Г. ФИСКАЛИСТИКА КАК ОТРАСЛЬ ПРАВОВОЙ НАУКИ, ОСНОВАННАЯ НА ПРИНЦИПЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ	180
Голубева Л. Л. ПЫТАННІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА Ў ТВОРАХ БЕЛАРУСКІХ МЫСЛІЦЕЛЯЎ XVI – XVII СТСТ.	186
Гурина М. В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА: ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОГО ПУТИ	192
Дронь М. И. ИНФОРМАЦИОННО-ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИУМА.....	196
Каменков В. С. ПРАВО О ЦИФРОВИЗАЦИИ И МЕДИАЦИИ ПРИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ БАНКРОТСТВА	201
Караваева Е. М. К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	208
Киселёва Т. М. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОЖИДАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ	211
Колоша К. Н. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	215

Костян И. И. О ПОНИМАНИИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	220
Краснобаева Л. А. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ	227
Куневич Г. Г. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ ДЛЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ	232
Куницкая О. М., Чэ Сюаньчао ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И КНР	239
Кухаренко В. А. ПЕРЕХОД ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБСУЖДЕНИЙ В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРНОЙ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ И СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ИКТ ДЛЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОГО ДОСТИЖЕНИЯ ЦУР	243
Лескина Э. И. BIG DATA В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	249
Луговский С. Г. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	253
Мамекін М. С. ФАРМІРАВАННЕ ПАРТЫЙНАЙ СІСТЭМЫ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ ЯК ФАКТАР ДЯСЯГНЕННЯ МЭТАЎ УСТОЙЛІВАГА РАЗВІЦЦА	259
Мамитова Н. В. ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА	264
Маркевич Д. С. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВООБРАЗУЮЩИХ ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	269
Масюк М. И. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПРЕДМЕТОВ, ДОКУМЕНТОВ.....	275
Михайловский В. С. НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ПРАВОВЫЕ АКТЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ СВЯЗИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ	280
Міхнавец Ю. І. ЦЫФРАВІЗАЦЫЯ ЯК ФАКТАР ТРАНСФАРМАЦЫІ АСНОЎ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВЫ.....	284
Можаева Л. Е. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ..	287

Орловская Е. И. ЭТАПЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО СУДА ПРИСЯЖНЫХ	294
Пахоменко А. И. НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	299
Перепелица Е. В. ФАКТОРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ УМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО	306
Петрова О. В. НОВЫЕ ФОРМЫ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО ИЛИ СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	310
Подупейко А. А. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	314
Полещук Д. Г. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	321
Проневич А. А. ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	326
Рыжий А. С. ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ И НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	331
Середа Р. А. ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ДОСТУП В ИНТЕРНЕТ: КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ И ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ	334
Скляр В. К. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО НАБЛЮДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ КАНАЛОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	337
Соловьев П. В. НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА.....	341
Сухопаров В. П. ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСАХ.....	345
Шавцова А. В. АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	350
Шафалович А. А. ЭЛЕКТРОННОЕ УПРАВЛЕНИЯ КАК НОВЫЙ ТИП ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	360
КРУГЛЫЙ СТОЛ С УЧАСТИЕМ МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ.....	364

Антоненко С. Б. ВИДЫ СУВЕРЕНИТЕТА И ФОРМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	364
Бань А. А. АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.....	368
Беляков О. В. КОМПЕТЕНЦИИ ЦИФРОВОГО ТРАНСФОРМАТОРА: ОПРЕДЕЛИТЬ, ЧТОБЫ СООТВЕТСТВОВАТЬ	373
Видибор А. В. ОСОБЕННОСТИ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, СОДЕРЖАЩИХСЯ В УСТАВЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ.....	377
Гриневич В. С. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ТОЛКОВАНИЕ: СОДЕРЖАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	381
Гусак С. Д. КОНСТРАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	384
Игнатенко А. С. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	389
Кандыбо О. М. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ.....	394
Кришталь Д. С. ПОНЯТИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	396
Литвинчук Д. Ю. ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КАК СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОД	407
Олесько С. С. ПРИНЦИП УМАЛЧИВАНИЯ В ПРАВЕ ИЛИ ПРОБЕЛ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ	411
Петрова Л. И. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.....	413
Ребицкая Е. В. ВМЕШАТЕЛЬСТВО ТНК В ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	417
Рожок Е. П. ЗАЩИТА СЕМЬИ И ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТРУКТУРЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	422